ДЖЕЙМС КУК
ПУТЕШЕСТВИЕ К ЮЖНОМУ ПОЛЮСУ И ВОКРУГ СВЕТА

ДЖЕМС КУК, ЕГО ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ И МНИМЫЕ ОТКРЫТИЯ

Имя известного английского мореплавателя Джемса Кука тесно связано с открытиями в Тихом океане. Английские правящие круги, заинтересованные в приобретении новых колоний, и особенно потомки австралийских и новозеландских колонистов, создавших британские тихоокеанские доминионы — Австралийский Союз и Новую Зеландию — сделали из Д. Кука национального героя. Австралийцев и новозеландцев учат в школах, что Джемс Кук открывает первые страницы их истории; до Кука была якобы только «предистория» — случайные плавания голландских купцов к австралийским берегам в первой половине XVII века, случайное открытие голландцем Тасманом Новой Зеландии (в 1642 г.), которую он ошибочно принял за северную часть неведомого антарктического континента — Terra Australia Incognita. Англосаксонские авторы обычно преуменьшают или совсем игнорируют роль мореплавателей других наций в тихоокеанских открытиях до Кука; и не только в южной, но и в северной части Тихого океана, куда англичане до того времени не проникали, и где сам Кук совершил, как это будет показано ниже, не столько действительные, сколько мнимые или, в лучшем случае, только так называемые «вторичные» открытия. Действуют здесь различные причины: с одной стороны — высокомерное националистическое, великодержавное презрение ко всему неанглийскому, а с другой — нередко и соображения чисто «коммерческого» порядка: не может рассчитывать на рекламу, а следовательно и на широкое распространение своей книги автор, уклоняющийся от стандартного преувеличения роли Кука в истории тихоокеанских открытий. Даже пытающийся претендовать на объективность профессор Оксфордского университета Дж. Бейкер в своей [4] книге «История географических открытий и исследований» (1937 г.) делит главу, названную им «Terra

Australis и Тихий океан» (1600—1800 гг.): на две части: 1. «Предшественники Джемса Кука» и 2. «Эпоха Кука».

Заслуги Д. Кука, конечно, велики, но его неожиданные успехи, а еще более легенды, сложившиеся вокруг них, затмили в глазах буржуазных ученых достижения всех других тихоокеанских исследователей, кроме Магеллана. Гибель Кука на Гавайских островах дала повод окружить его имя ореолом мученичества. Д. Куку приписываются такие открытия, каких он не совершал, такие цели — научные и гуманные, — которые перед ним не стояли, да и не могли стоять. Теперь уже нужны некоторые усилия, чтобы восстановить историческую истину.

Поэтому необходимо в первую очередь установить, какие части Тихого океана до Кука посещались европейцами и нанесены были на карты. Только так можно отделить его действительные, первые открытия от вторичных и мнимых, которые он сам приписывал себе — по незнанию или по секретным инструкциям английского Адмиралтейства — или позднее ему приписывали английские и другие западноевропейские и американские авторы — по невежеству или из ложного патриотизма.

Для наглядности все предшествующие тихоокеанские открытия, сделанные европейцами, начиная с XVI века, т.е. с эпохи великих географических открытий, излагаются ниже не в исторической последовательности, а в географическом порядке, в виде ответов на следующие вопросы:

1) Доказано ли было до Кука и представителями какого народа наличие единого мирового океана?

2) Доказано ли было до Кука, что этот единый мировой океан покрывает большую часть поверхности земли?

3) Открыты ли были до Кука и представителями какого народа все проливы, соединяющие Тихий океан с Северным Ледовитым, Индийским и Атлантическим океаном?

4) Какие участки материковых берегов Тихого океана были известны европейцам до Кука, и представителями какого народа они открыты?

5) Какие тихоокеанские окраинные моря и окаймляющие их острова были уже открыты и посещались европейцами до Кука? **[5]**

6) Какие океанские группы и важнейшие отдельные острова были открыты европейцами до Кука?

1. Ответить на первый вопрос теперь может любой школьник. Наличие единого мирового океана убедительно доказано еще в первой четверти XVI века первой кругосветной испанской экспедицией под командой португальца Магеллана (1519—1522 гг.).

2. Кругосветная экспедиция Магеллана не доказала еще, что мировой океан занимает большую часть поверхности Земли. Огромные пространства суши могли быть в тех частях океана, которые находились к югу от пути Магеллана: Огненная Земля, Новая Гвинея, Австралия, Новые Гебриды, Новая Зеландия по мере их открытия в XVI и XVII веках рассматривались как части гигантской антарктической суши. Но за 150 лет до Кука испанец Осес в 1526 г. лично убедился, что к югу от Огненной Земли находится широкое водное пространство. Испанские (перуанские) экспедиции второй половины XVI века (Менданья, Кирос) отодвинули возможные границы Южного материка в восточной и центральной полосе Тихого океана за тропик Козерога.

Португалец на испанской службе Торрес в 1606 г. доказал, что ни Новые Гебриды, ни Новая Гвинея не являются частью Южного материка. Наконец, голландец Тасман доказал своим плаванием в 1642 г., что и Австралия не является частью Южного материка, и отодвинул возможные границы этого материка в Индийском океане и в западной полосе Тихого океана еще дальше к югу, примерно за 44-ю параллель (почти до 44° ю.ш. доходит открытая им Вандименова Земля, названная позднее Тасманией). Правда, Тасман принял открытую им далее, южнее 34° Землю (Генеральных) Штатов,

т.е. Новую Зеландию за выступ южного материка. Но и в этом случае предполагаемая на юге суша не могла быть так велика, чтобы вместе со всеми другими, уже известными материками и островами занимать большую половину поверхности Земли.

Возможность существования обширной тропической или субтропической суши в центральной части Тихого океана была опровергнута многочисленными испанскими экспедициями. Во второй половине XVI века, после завоевания Филиппин, плавания от берегов Испанской Америки к тропическим островам Юго-восточной Азии, **[6]** превратились в регулярные рейсы. Учитывая направление ветров и морских течений, испанские суда к Филиппинам обычно плавали в тропической полосе, а обратный путь совершали в умеренной зоне северного полушария, поднимаясь за тридцатую и даже за тридцать пятую параллель (известно, например, плавание в 1584 г. испанца Галл, достигшего 37 1/2° с.ш. на пути от Восточной Азии к берегам Мексики).

Но еще в первой четверти XVIII века многие европейские моряки и ученые предполагали существование большой суши в Тихом океане севернее 40-й параллели, к востоку или северо-востоку от японского острова «Иесо» (Хоккайдо). Это предположение опровергла вторая Камчатская русская экспедиция: Шпенберг в 1739 г., Беринг и Чириков в 1741 г. свободно пересекли морские пространства, где по картам того времени полагалось быть обширной суше («земля Гамы»).

Таким образом, за много лет до Кука португальцы и испанцы, голландцы и русские доказали своими плаваниями, что мировой океан занимает большую часть поверхности Земли. Новый, неизвестный еще материк, если он существовал, можно было найти, кроме «выступа» Земли Штатов, открытой Тасманом, только в умеренно-холодной и холодной зоне южного полушария.

3. Все проливы и проходы, связывающие части мирового океана, были известны до Кука, кроме второстепенного пролива между австралийским материком и Тасманией, но и этот пролив был открыт не Куком.

Северный (Берингов) пролив, связывающий Тихий океан с Ледовитым океаном и отделяющий северо-восточный выступ Азии от северо-западного выступа Америки был пройден в 1648 г. с севера на юг русским казаком Дежневым. В 1728 г. этот пролив был пройден с юга на север русской экспедицией Беринга—Чирикова во время первой Камчатской экспедиции. Беринг же открыл остров Лаврентия у южного входа в пролив и один из островов Диомида, расположенных в центре пролива. В 1732 г. оба берега пролива были нанесены на карту Федоровым и Гвоздевым, и тогда же были открыты все острова Диомида. В 1758 г. известный историк Сибири — Миллер опубликовал в Петербурге на русском и немецком языках сочинение о плавании Дежнева, а на французском языке — карту, на которую нанесены были открытия Федорова и Гвоздева. [7]

Таким образом, британское Адмиралтейство, очень ревниво следившее за иностранными экспедициями и открытиями, не могло не знать о том, что именно русские открыли Берингов пролив. И, несомненно, Адмиралтейство информировало об этом Кука, если не перед первыми двумя, то по крайней мере перед третьей его экспедицией, целью которой было открытие у берегов Америки северного прохода из Тихого океана в Атлантический.

Западные проливы, связывающие Тихий океан с Индийским океаном в тропической зоне, все были открыты до Кука. Пролив между полуостровом Малаккой и Суматрой, хорошо известный уже средневековым европейцам по «Книге Марко Поло», был нанесен португальцами на карты в начале XVI века. Португальцы же в XVI и голландцы в XVII веках открыли и нанесли на хорошо известные во время Кука карты все без исключения проливы между Малайскими островами, ведущие из Тихого в Индийский океан.

Испанская экспедиция Торреса в 1606 г. прошла проливом (впоследствии названным его именем) между Новой Гвинеей и северным выступом Австралии. Донесения Торреса и другие документы этой экспедиции, находившиеся в архиве Манилы, столицы Филиппин, попали во время Семилетней войны (в 1762 г.) в руки англичан и были доставлены в Лондон, в

Адмиралтейство. Обработкой их занялся Дальримпль, который закончил ее в 1767 г. Правда, он опубликовал свои выводы только в 1769 г., примерно через год после того, как Кук отправился в первое свое плавание на корабле «Индевор». Но нет сомнения что Адмиралтейство снабдило Кука необходимыми картами и справками о Торресовом проливе. Сам Кук во введении к настоящей книге сообщает, что Торрес был, по-видимому, первым, прошедшим между Новой Голландией и Новой Гвинеей. Оговорка «по-видимому» относится не к факту плавания Торреса через пролив, а к тому, был ли он первым, прошедшим через пролив. Кук допускал, что и до Торреса это могли сделать другие (португальские, испанские, голландские моряки).

Наконец, широкий проход в тропической зоне между островом Тимор и северо-западной Австралией (так называемое Тиморское или Арафурское море) стал известен **[8]** европейцам и наносился на карты не позднее 40-х годов XVII века, в результате нескольких голландских экспедиций (в частности, он показан на известной карте Тасмана); но сохранились и более старые карты (начиная с 1530 г., — по-видимому, португальского происхождения), на которые этот проход нанесен, правда, очень схематично, возможно, как отражение рассказов о «Большой Яве» или гипотезы о Южном материке.

Широкое водное пространство к югу от Вандименовой Земли, связывающее Индийский океан с юго-западной частью Тихого океана, открыто голландцем Тасманом в 1642 г. Но и Тасман и Кук считали «Вандименову Землю» частью Новой Голландии. Пролив между Австралией и Тасманией открыт лишь в конце XVIII века (1798 г.) англичанами Флиндерс и Басс и назван в честь последнего — Бассовым проливом.

На крайнем юго-востоке Тихого океана только шесть лет отделяют открытие испанской экспедицией Магелланова пролива от открытия испанцем Осес (участником экспедиции Лоайсы) широкого водного пространства к югу от Огненной Земли (1526 г.) Но прошло еще 90 лет, пока голландская экспедиция Лемэра и Скоутена обогнула южную оконечность Америки, мыс Горн и на практике доказала, что этот путь из

Атлантического океана в Тихий короче и удобнее Магелланова пролива.

Таким образом, ни один пролив, соединяющий океаны, не был открыт Куком, и все они, кроме Бассова пролива, были известны до него.

4. Все тихоокеанское побережье Южной Америки — от Огненной Земли до Панамского перешейка, а также часть побережья Северной Америки — от Панамского перешейка до 39° с.ш. (по другим сведениям, несколько дальше, до мыса Мендосино у 40 1/2° с.ш.) — были открыты и нанесены на карты различными испанскими экспедициями в первой половине XVI века, в течение 30 лет.

Начало этим открытиям положил в 1513 году Бальбоа: он первый пересек со стороны Атлантического океана Панамский перешеек и открыл к югу от него обширный Панамский залив, в котором правильно угадал часть Великого Южного моря (Тихого океана). Тихоокеанские берега Центральной и Южной Америки открыты были конкистадорами (завоевателями) с 1522 по 1540 год. Завершен был этот период открытий в 1543 г, **[9]** экспедицией Кабрильо-Феррело, двигавшейся в северо-западном направлении от мексиканских берегов и достигшей, как выше указано, по крайней мере 39° с.ш. Во всяком случае, если не тогда, то в конце XVI века другая испанская экспедиция — Серменьо, 1595 г. — достигла мыса Мендосино, у 40 1/2° с.ш.

До великих русских открытий первой половины XVIII века картографы либо совсем не наносили на карты северо-западный берег Америки (к северу от мыса Мендосино), либо придавали ему совершенно фантастические очертания.

В частности, в XVII веке многие верили, что между 47° и 49° с.ш. существует пролив, которым якобы прошел из Тихого в Атлантический океан в 1592 г. грек на испанской службе Хуан де Фука. В XVIII веке в существовании такого пролива на этих широтах сомневались — оно противоречило тем географическим сведениям, которые тогда уже были собраны французскими путешественниками о Великих озерах, бассейне

Миссисипи и Скалистых горах. Но еще верили в существование к северу от Калифорнии огромного морского залива Тихого океана — «Западного моря», которое глубоко вдается в Северо-Американский материк.

Цепь французских фортов в Южной Канаде называлась «Оборонительной линией Западного моря». Это «Западное море» было показано на одной из карт, которые французский географ-академик Бюаш приложил к своей докладной записке, представленной 9 августа 1752 г. Парижской Академии наук и изданной в следующем году под заглавием: «О новых открытиях на Севере Великого моря, обычно называемого Южным морем».

Схематически очертания «Западного моря» показаны в известной книге географа Супана «Территориальное развитие европейских колоний», стр. 124 (там же данные об «Оборонительной линии Западного моря»). Академик Берг в своей книге «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» (издание 1946 г.) дает фотокопию с другой карты, составленной Делилем также в 1752 г., где нанесены точные очертания «Западного моря», открытого и пройденного Хуан де Фука в 1592 г., — с большим островом, ограждающим его от открытого океана, и с несколькими меньшими островами, разбросанными на нем. Два узких пролива, из которых северный назван проливом **[10]** Хуан де Фука, связывают это фантастическое море с океаном (Вера в существование на сороковых широтах пролива, связывающего два океана, окончательно была подорвана только экспедицией Ванкувера (1792—1794 гг.). Но на картах до сих пор удержалось название Хуан де Фука за южным проливом, отделяющим большой остров Ванкувер от материка.).

В 1741 г. вторая русская экспедиция Беринга—Чирикова открыла океаническое северо-западное побережье Америки, начиная от 55° с.ш. и далее на северо-запад и запад со многими прилегающими островами, южное побережье длинного и узкого полуострова Аляски, Алеутские и Командорские острова. О великих русских открытиях очень скоро стало известно за

границей и во всяком случае не позднее, чем через несколько лет.

Как указывает академик Л. Берг, первые отчеты о русских плаваниях появились за границей в 1747 г. в Копенгагене и в 1752 г. — в Париже, в брошюре Ж. Делилея, брата одного из второстепенных участников экспедиции. Он так неверно изложил ход и результаты экспедиции, что в следующем 1753 г. Российская Академия выступила с анонимным опровержением (написано Миллером, напечатано в Берлине), где приведены первые правильные данные о результатах путешествий Беринга и Чирикова. Картографические данные плаваний Беринга и Чирикова к берегам Америки использованы впервые, насколько известно, в книге французского академика Бюаша, о которой мы говорили выше. Издана она была в Париже в 1753 г., но первые картографические материалы Бюаш представил Академии при докладной записке на три года раньше — 8 апреля 1750 года («Карта новых открытий на севере Южного моря как к востоку от Сибири и Камчатки, так и к Западу от Новой Франции» (т.е. Канады) (Другая карта, которую Бюаш представил Академии 9 августа 1752 г., называется: «Карта новых открытий между восточной частью Азии и западной частью Америки с изображением Большой земли, ставшей известной русским в 1741 г.». См. Берг «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», стр. 350—354.).

Таким образом в Западной Европе, а следовательно, и в Англии, задолго до экспедиций Кука хорошо знали об открытой русскими океанической береговой полосе Америки — от 55° с.ш. до западной оконечности полуострова Аляски. За годы, протекшие от экспедиции **[11]** Беринга до появления Кука в северной части Тихого океана, русские ознакомились также с американскими — юго-восточным и восточным — берегами Берингова моря; но об этом англичане могли узнать только на месте. Об участке тихоокеанского берега Северной Америки между 41 1/2° и 55° с.ш. у европейцев были тогда самые фантастические представления.

Западное, азиатское побережье Тихого океана было во второй половине XVIII века уже хорошо известно европейцам.

Западное побережье Берингова моря так же, как и берега Охотского моря, были открыты и обследованы русскими еще в XVII веке, начиная с 1639 г., когда Иван Москвитин, насколько нам известно, впервые достиг Охотского моря, и кончая экспедициями Атласова, открывшего и завоевавшего Камчатку. Материковые берега Японского моря были известны по расспросным сведениям, собранным европейскими путешественниками и миссионерами от китайцев. У берегов Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей европейские суда различных наций плавали, начиная с XVI века, после того как португальцы впервые появились в Китае. Но австралийское побережье Тихого океана совершенно еще не было известно европейцам. Знали только его северную точку (теперешний мыс Йорк), которую видел в 1606 г. Торрес и мнимую южную точку — берег «Вандименовой Земли», открытой Тасманом.

5. Все тихоокеанские окраинные моря и обширные заливы Тихого океана были открыты и пересекались европейцами задолго до «эпохи Кука». Не составляет исключения и так называемое Коралловое море к юго-востоку от Новой Гвинеи, несмотря на то, что восточное побережье Австралии совершенно не было известно. В самом деле центральная часть Кораллового моря в начале XVII века (1606 г.) была пересечена в широтном направлении Торресом, двигавшимся от Новых Гебрид к южным берегам Новой Гвинеи (прежние две испанские экспедиции Менданьи и Кироса, по-видимому, только коснулись этого моря в районе Соломоновых островов).

Почти за сто лет до плавания Торреса, в 1511 г. португальцы через Малаккский пролив вторглись в Южно-Китайское море и достигли Молукк. На путях к этим «островам пряностей» они уже в течение нескольких следующих лет обыскали все полузамкнутые водные **[12]** бассейны («моря») между островами Индонезии, кроме, быть может, Арафурского моря, расположенного между Новой Гвинеей и Австралией. Но и это, самое восточное из «австралоазиатских» морей во всяком случае было дважды пересечено в 1605—1606 гг. (голландец Янзон и Торрес). В 1515 г. португальцы впервые пересекли Южно-Китайское море в северном направлении и достигли Южного Китая. Затем, двигаясь в том же направлении, они

пересекли и Восточно-Китайское море и в сороковых годах XVI века достигли Японских островов. Торгуя с различными японскими феодальными князьями, они плавали и в Японском море. Плавали туда и испанцы, достигшие Филиппин в 1521 г. и обосновавшиеся там во второй половине XVI века (после завоевательной экспедиции Легаши).

В Охотском море русские начали плавать в разных направлениях почти немедленно после того, как Москвитин достиг этого моря (1639 г.). Не позднее 1645 г. русские (экспедиция Пояркова) со стороны устья Амура в северном направлении пересекли Охотское море. В XVII же веке были открыты Курильские острова — на юге голландцем де Фрис, на севере — русскими (экспедиция завоевателя Камчатки Атласова). Наконец, Берингово море было пересечено, с севера на юг (Дежневым) в 1648 г., с юга на север в 1728 г. (Берингом). Русские или обрусевшие луораветланы (чукчи), умевшие составлять карты, пересекали Берингово море в широтном направлении и собрали ценные сведения об американской «Большой Земле» не позднее шестидесятых годов XVII века (анадырский казак Дауркин (в 1763—1765 гг.).

У тихоокеанских берегов Южной Америки нет ни морей, ни даже значительных заливов, кроме залива Гуаякиль у 3° ю.ш. Это доказано экспедициями, организованными испанскими конкистадорами в 1522—1540 гг. Чилийские острова и многочисленные разветвленное бухты и проливы между этими островами начали исследоваться испанцами несколько позднее, с 1557 года.

У берегов Центральной Америки испанцы открыли Панамский залив, как выше указывалось, в 1513 г.; у берегов Северной Мексики экспедиция, организованная Кортесом, открыла в 1539 г. «Багряное море» (Калифорнийский залив).

Далее к северу, за 50-й параллелью русская экспедиция Беринга—Чирикова в 1741 г, первая посетила и **[13]** нанесла на карты последний значительный залив, широко открытый в сторону океана — Аляскинский залив и важнейшие острова в его восточной и западной частях. Насколько внимательно

следило британское Адмиралтейство за новыми открытиями русских в северной части Тихого океана (так же, как за открытиями французов в южной части) видно из следующего факта: сам Кук в дневнике своего третьего (последнего) путешествия рассказывает, что у него на руках была карта «Мистера Стелина» (Якова Стелина), приложенная к брошюре «Об открытом в 1765, 66, 67 гг. северном островном море между Камчаткой и Северной Америкой», изданной в Штутгарте на немецком языке в 1774 году.

6. Остается только ответить на последний вопрос: какие океанические группы или важнейшие отдельные острова были открыты европейцами до Кука. Относительно Новой Зеландии уже достаточно говорилось выше; вывод такой: Тасман только положил начало ее открытию. Но севернее ее, в так называемой тропической Океании до Кука были открыты различными испанскими экспедициями, голландскими и некоторыми английскими мореплавателями полностью или частично почти все значительные группы островов и важные (по размерам или географическому положению) отдельные острова, за исключением Новой Каледонии.

Кук сам указывает (в своем введении к этой книге, в краткой исторической справке) на множество тихоокеанских островов, открытых до него в Океании. Но его перечень неполон, кроме того, он часто называет небольшие острова, а не архипелаги, в которые они входят; сообщает координаты островов так, как их вычисляли мореплаватели, открывшие их. Для лучшей ориентации рассмотрим все прежние открытия, как это делалось и выше, не в историческом, а в географическом порядке, по секторам.

Тропическая Океания экватором и 180-м меридианом обычно делится на четыре сектора:

1) северо-западный (азиатский) — Микронезия;

2) юго-западный (австралийский) — Меланезия;

3) юго-восточный (южно-американский) — Южная Полинезия;

4) северо-восточный (северо-американский) — Северная Полинезия. **[14]**

Микронезия — область Малых островов — в основном стала известна испанцам в 20-х годах XVI века. Меридиональная цепь Марианских островов открыта была Магелланом, давшим им название Ладронес («Воровские»); во время Кука острова эти были хорошо изучены, так как они были важным этапом на пути от Филиппин к Мексике. Широтная цепь Каролинских островов, длиной около 3 1/2 тысяч км., была исследована гораздо слабее; начало ее открытию положил Сааведра (1528—1529 гг.), посланный Кортесом из Мексики к Молуккам. На этом пути Сааведра коснулся также, — но только коснулся — двойной дуги Маршальских островов. Вторично этот последний архипелаг посетила испанская экспедиция Менданьи на обратном пути в Америку в 1568 г. Позднее посещали его и другие мореплаватели (в том числе Уоллис). Кук не бывал в Микронезии.

Меланезия — область Черных островов, названная так по цвету кожи ее жителей, более темных, чем жители остальных областей Океании. Начало открытиям в Меланезии положил Менданья, высадившийся в 1568 г. к востоку от Новой Гвинеи на одном из больших островов, позднее названных Соломоновыми (Позднейшие мореплаватели различных наций напрасно в течение двухсот лет пытались разыскать Соломоновы острова. Удалось их снова открыть англичанину Картерет и французу Бугенвиль только в 1767—1768 гг.). Следующие испанские экспедиции Менданьи, Кироса и Торреса открыли (из значительных архипелагов) только «Землю Духа Святого» (Новые Гебриды). Острова Фиджи (у 180°) и Новую Ирландию первым видел голландец Тасман в 1642 г., но последний остров он принял за часть Новой Гвинеи. Заслуга подлинного открытия Новой Ирландии и Новой Британии (т.е. островов, позднее названных именем Бисмарка) принадлежит англичанину, известному пирату Дампьеру (1699 г.). Таким образом к XVIII веку были известны все значительные острова, окаймляющие на севере и востоке Коралловое море, кроме Новой Каледонии, открытой Куком во время его второго путешествия.

Южная Полинезия — область Многих островов — действительно состоит из бесчисленного множества небольших, по преимуществу коралловых, островов, разбросанных в тропической полосе южного полушария на огромном протяжении, от 180° до 130° зап. долготы. Далее **[15]** к востоку, до берегов Южной Америки, есть только один значительный архипелаг — Галапагос (близ экватора у 90° з.д., более чем в 1 000 км от материка); он был открыт испанцами во 2-й четверти XVI века.

Отдельные острова архипелагов Южной Полинезии, а иногда и целые группы их открыты были до Кука; но точное местоположение открытых островов до изобретения хронометра невозможно было установить: широта определялась приблизительно, долгота — с ошибками иногда на несколько, а иногда и на десяток и более градусов (особенно в XVI веке). Один и тот же остров мог «открываться» несколько раз, а различные острова приниматься за один и тот же остров. Особенно это относится к атоллам, часто похожим друг на друга, которых в Полинезии (как и в других частях тропической Океании) много тысяч.

Открытиям в Южной Полинезии положил начало Магеллан, встретивший на своем пути от пролива до «Воровских» островов один остров, входящий, как теперь полагают, в архипелаг Туамоту (Паумоту, или Низменные острова). Позднее этот архипелаг посещался рядом других мореплавателей различных наций. К северу от Туамоту расположены Маркизские острова, открытые Менданьей и Киросом в 1595 г. Далее к западу находятся острова Общества; на одном из них побывал Кирос, на других голландец Роггевен; но вряд ли это был остров Таити; открыл последний англичанин Уоллис в 1767 г. Еще далее к западу были открыты Тасманом в 1643 г. острова Тонга (Дружбы), а острова Самоа (Мореплавателей) — Роггевеном в 1722 г., если не их видела ранее голландская экспедиция Лемэра и Скоутена.

Северная Полинезия. Наконец, в северо-восточном секторе Океании, в так называемой Северной Полинезии есть только одна большая группа островов — Гавайский архипелаг.

Доказано, что испанцы посещали его до Кука, и сам Кук нашел там следы их пребывания. В конце XIX века возник между историками географических открытий спор. Интересно, что спор шел не о том, посещались ли Гавайи испанцами до Кука (в этом никто не сомневался), а лишь о том, знал ли Кук об этих посещениях и имел ли он при себе во время третьего своего плавания, когда он впервые высадился на острове архипелага, какие-либо испанские документы и карты. Защитники испанского приоритета указывали на то, что **[16]** известный английский кругосветный путешественник и пират, лорд Ансон в 1742 г. захватил важные морские карты и документы на испанском корабле («Святейшая Троица»), шедшем из Мексики на Филиппины; карты и документы были переданы Адмиралтейству и затем попали к Куку.

Защитники Кука утверждали, что только скрытный и нечестный человек мог делать вид, что открыл острова, о существовании которых он знал ранее, а Кук был человек безусловно честный и характер имел открытый.

Вопрос этот остается невыясненным до настоящего времени. Нужно отметить, что 2 февраля 1778 г., готовясь отплыть на север от Гаванских островов, Кук заносит в свой дневник следующие строки: «Как счастлив был бы лорд Ансон и скольких бедствий мог избежать, если бы он знал, что на полпути между Америкой и Тинианом (один из Марианских островов) есть группа островов, где можно обеспечить себя всем необходимым». Позднее, в официальном донесении, посланном Куком 20 октября 1778 г. в Адмиралтейство через русского (Измайлова), с которым он встретился на острове Уналашка, он пишет:

«Я покинул острова Общества 9 декабря, отправился на север и на 22° северной широты и 200° восточной долготы (т.е. 160° западной долготы) наткнулся (fell in with) на группу островов, населенных тем же народом, что Отаити и изобилующих свиньями и плодами».

Как видно, и запись в дневнике, и донесение сформулированы очень осторожно и не помогают разрешить спорный вопрос.

Таким образом, к тому времени, когда Кук начал свое первое путешествие, Тихий океан и все его окраинные моря и большие заливы были пересечены в различных направлениях, очертания его берегов были в общем определены (за исключением австралийского и сравнительно небольшого участка североамериканского берега), важнейшие архипелаги, за малыми исключениями, уже были известны. Но Новая Голландия и Океания (кроме Марианских островов) не принадлежали еще ни одной европейской державе. Англия, только что победившая своего опаснейшего соперника, Францию, на Атлантическом и Индийском океанах, не хотела, чтобы французы взяли реванш на Тихом океане. Но после Семилетней войны между Францией и Англией был заключен мир. Нельзя было посылать в Тихий океан военную **[17]** экспедицию, и лорды Адмиралтейства решили послать туда скромную научную экспедицию, но поставить во главе ее неизвестного, но опытного военного моряка, дав ему дополнительные инструкции, ничего общего не имеющие с наукой. Их выбор пал на немолодого лейтенанта Джемса Кука.

* * *

Джемс Кук родился 27 октября 1728 года в деревушке Мартон, в районе Кливленда (Северный Йоркшир). Отец его был батраком; из очень бедной семьи вышла и мать Джемса. Он был девятым ребенком в семье. Когда Джемсу исполнилось два года, отец перешел на работу к богатому помещику, усадьба которого находилась близ поселка Грейт-Эйтон, за 8 км от Мартона; семилетним мальчиком Джемс начал работать на этого же помещика. Только тринадцати лет Джемс Кук стал посещать сельскую школу, и ознакомился с начатками арифметики и счетоводства.

Семнадцати лет Джемс поступил учеником — на четыре года — к бакалейно-галантерейному торговцу, жившему в большом рыбачьем приморском поселке Стэйтс, в 15 км от йоркширского порта Уитби. Вероятно, лишь здесь Кук впервые увидел открытое море, хоть родился и жил в 10—15 км от него. Во всяком случае многие его биографы утверждают, что море в Уитби произвело на Кука неизгладимое впечатление, и именно

тогда батрак, ставший торговым учеником, почувствовал свое истинное призвание. Когда Кук был уже знаменитостью, его бывший хозяин рассказывал, что великий мореплаватель даже в юности обнаруживал «зрелость суждений и тонкий расчет». Но, по-видимому, Куку очень тяжело жилось в учениках у торговца: через полтора года (т.е. за два с половиной года до окончания срока «обучения») он поссорился с хозяином, ушел в Уитби и записался там учеником на парусный корабль «Свободная любовь», перевозивший каменный уголь из Ньюкасла (Северо-восточная Англия) в Лондон. В июле 1746 г. начался морской стаж Кука.

Верно ли, что 18-летний Кук перешел от прилавка к матросской жизни из-за того, что, впервые увидев море, почувствовал свое настоящее призвание? На это нет никаких прямых указаний. Скорее нужно предположить, что он **[18]** нигде не мог найти работы на суше после ссоры и разрыва с хозяином и потому поступил на судно, на работу, которая в условиях того времени была настоящей каторгой, но по крайней мере кормила.

По контракту срок морского ученичества Кука должен был продолжаться три года. Через два года хозяева перевели его на большее судно «Три брата», также предназначенное для перевозки угля. Судно оказалось прекрасной конструкции, и с этого времени молодой Кук стал высоко ценить специальные качества «угольщиков». И позднее, проверив эти качества во время первого кругосветного путешествия, Кук считал, что «угольщики» пригодны для дальних многолетних плаваний в неизведанных водах у берегов незнакомых стран и островов больше других судов (см. «Общее введение», стр. 44).

На «Трех братьях» Кук совершил два рейса из Ньюкасла в Лондон с грузом угля; затем на этом судне перевозились войска из Голландии в Ирландию и оттуда в Ливерпуль (Западная Англия) и различные грузы из Англии в Норвегию.

Отслужив три года учеником и получив хорошие рекомендации, Кук следующие два года плавал матросом на судне другого судовладельца в порты Балтийского моря, в частности, в Петербург. В 1752 г. его прежний хозяин

предложил ему место помощника капитана на корабле «Дружба», и он плавал на этом корабле до 1755 г.

В начале Семилетней войны Кук со своим кораблем находился в Лондонском порту, а не в дальнем плавании. По закону он и его экипаж должны были быть мобилизованы. По его собственному признанию, он сначала хотел было уклониться от мобилизации, но затем после зрелого размышления записался добровольцем в английский военный флот. По его выражению, у него появилось «желание испытать свое счастье на этом пути». Его зачислили на шестидесятипушечный корабль «Орел», капитаном которого был Хью Пеллизер. Последний обратил внимание на добровольца, оказавшегося опытным моряком.

Через три года, в 1759 г., при содействии Пеллизера, Кук получил первый офицерский чин и был назначен на корабль «Меркурий», отправлявшийся в Канаду, которая принадлежала тогда французам, для военных действий на реке Святого Лаврентия. Там Кук успешно выполнил ответственное задание: работая только в ночное **[19]** время, чтобы не попасть под огонь французских батарей, он произвел промеры фарватера реки от Квебека до устья и составил точную карту, причем подвергался серьезной опасности быть убитым или попасть в плен к индейцам — союзникам французов.

В сентябре 1759 г. Кук был назначен штурманом на корабль «Нортемберленд». Военные действия в Канаде закончились победой англичан; «Нортемберленд» без дела стоял всю зиму 1759/60 г. в порту Галифакс (на южном берегу полуострова Новая Шотландия). В первый раз в его жизни Кук, которому тогда было больше 30 лет, имел досуг и воспользовался им, чтобы подучиться. Он занялся элементарной геометрией и астрономией. Руководства были скверные; руководителей у Кука не было; и все же он осилил оба предмета. Кук даже удивлял своими познаниями других морских офицеров, обучавшихся в специальных школах; впрочем, сам он был о себе более скромного мнения. Несомненно, объем его знаний был невелик, но то, что он знал, он знал очень твердо. Как видно из дневников и других личных записей Кука, ум у него

был холодный, логический и пытливый, наблюдательность огромная, рассуждения стройные. Из множества явлений, которые ему приходилось наблюдать, он умел отсеять случайное и второстепенное, отбирал только факты существенные, сопоставлял и противопоставлял их и приходил к выводам, которые в большинстве случаев делают честь его проницательности. В сентябре 1762 г. Кук принимал участие в военных действиях против небольших французских сил, находившихся не Ньюфаундленде. После того, как англичане снова заняли Ньюфаундленд, часть английского флота, в том числе и судно, на котором служил Кук, была сосредоточена у юго-восточного берега острова, в бухте Пласентия. Ее предполагали превратить в военно-морскую базу, и Кук получил новое задание — произвести подробную опись бухты и топографическую съемку ее берегов.

Это задание было настолько успешно выполнено, что на способного офицера обратил внимание вновь назначенный губернатор Ньюфаундленда — капитан (впоследствии адмирал) Грейвс. По его поручению Кук обследовал условия навигации между островом Ньюфаундленд и соседним полуостровом Лабрадор.

В конце 1762 г. лейтенант Кук получил отпуск на **[20]** родину. Там он женился на очень молодой девушке (Некоторые английские биографы, стремящиеся превратить жизнеописание Кука в «житие», утверждают, что он был крестным отцом своей невесты, и еще при крещении заявил, что навсегда свяжет свою жизнь с ее жизнью, и что это де свидетельствует о необычайном постоянстве Кука.) и немедленно вернулся на Ньюфаундленд для исполнения своих служебных обязанностей. Когда закончилась Семилетняя война, Кук несколько месяцев занят был описью берегов и съемкой островков Сен-Пьер и Микелон (у южного берега Ньюфаундленда), которые по Парижскому миру 1763 г. были оставлены Франции; затем он на короткое время вернулся в Англию.

В начале 1764 г. Кук получил должность старшего гидрографа Ньюфаундленда и Лабрадора, под начальством своего

прежнего командира Хью Пеллизера, который был назначен губернатором Ньюфаундленда. Кук продолжал съемку берегов Ньюфаундленда, начатую им во время Семилетней войны, исследовал также внутренние области острова и там открыл и нанес на точные карты несколько значительных озер. Кук работал на Ньюфаундленде до 1767 г., но с перерывом: в 1765 г. он был командирован в Британскую Вест-Индию, на Ямайку, а оттуда — на работу по составлению лоции Гондурасского залива у берегов Центральной Америки. Дневник лейтенанта Кука и его отчет об этой работе был издан в 1769 г. под заглавием «Заметки о пути от реки Белиз, в Гондурасском заливе, до Мериды, столицы провинции Юкатан, в Испанской Западной Индии». Это была первая печатная работа Кука, вышедшая отдельным изданием (До этого была напечатана, насколько известно, только одна его короткая заметка в 7-м томе лондонских «Философских трудов» под заглавием: «Наблюдение над затмением солнца на острове Ньюфаундленд, 5 августа 1766 г. с указанием вычисленной при этом долготы места наблюдения». Затмение солнца Кук наблюдал на одном из островков у юго-западной оконечности Ньюфаундленда (мыс Рэй), на широте 47°36'. Очевидно, талантливый самоучка стал к этому времени серьезным астрономом-практиком).

В 1768 г. британское Адмиралтейство приступило к организации тихоокеанской экспедиции в южное полушарие. Поводом для этой экспедиции был доклад Королевского Ученого общества о пользе наблюдения за прохождением планеты Венеры через солнечный диск, 3-го июня 1769 г. Во введении к описанию своего второго кругосветного путешествия Кук указывает, что сначала **[21]** предполагалось производить наблюдения на одном из островов Маркизских или Дружбы (Тонга), но во время подготовки к экспедиции вернулся из своего кругосветного путешествия капитан Уоллис, открывший несколько островов в «Южном море», в том числе Таити. И этот последний остров инициаторы экспедиции выбрали для астрономических наблюдений «благодаря представляемым им удобствам и еще потому, что его положение было точно известно и считалось чрезвычайно подходящим для этой цели».

Что астрономические наблюдения были только поводом для экспедиции, видно из спора из-за кандидатуры начальника экспедиции между Королевским Обществом и британским Адмиралтейством. Ученое Общество предложило поставить во главе экспедиции Дальримпля, считавшегося крупнейшим английским специалистом по географии «Южных морей». Но у Общества не было своих средств, а Адмиралтейство, которое ассигновало нужные средства, вовсе не собиралось ограничить задачи экспедиции астрономическими наблюдениями.

После Семилетней войны Англия господствовала на атлантических путях и заняла прочные позиции на Индийском океане. Но Франция не считала еще себя окончательно побежденной на море. Оставался еще Тихий океан, в южной части которого предполагался обширный материк, Terra Australis, частью которого, после путешествия Тасмана, считалась «Земля Штатов» (Новая Зеландия). Лорды Адмиралтейства были встревожены неожиданной активностью, которую французы обнаружили на Фолклендских островах, расположенных в южной Атлантике на путях через Магелланов пролив или мимо мыса Горн из Атлантического в Тихий океан. Они знали, что в 1767 г. француз Бугенвиль был отправлен с большим экипажем своим правительством в Тихий океан. Снова начали проявлять активность на Тихом океане и испанцы — союзники французов во время Семилетней войны, владевшие тогда в восточной части Тихого океана всеми странами Южной и Центральной Америки, от Огненной земли до полуострова Калифорнии включительно, а в западной части Тихого океана — островами Филиппинскими и Марианскими.

В первую очередь британское Адмиралтейство стремилось воспрепятствовать захвату новых земель другими **[22]** морскими державами, и создать на тихоокеанских путях английские опорные пункты и базы с тем, чтобы затем установить британский контроль над Тихим океаном. Несомненно, известную роль играли и надежды на открытие населенного Южного материка или других больших обитаемых земель в умеренной или даже тропической зоне Тихого океана. Вряд ли тогда рассчитывали, что новооткрытые земли могут быть значительными рынками сбыта для английской

промышленной продукции; но там надеялись найти золото или некоторые виды сырья и продуктов для сбыта в самой Англии или в странах, которые Англию снабжали «колониальными товарами». А английские работорговцы, сильно влиявшие тогда на политику кабинета министров короля Георга III, пытавшегося самодержавно править Англией, несомненно, рассчитывали на открытие таких «диких» территорий, где они могли бы беспрепятственно и по дешевой цене, или совсем бесплатно, добывать партии рабов.

Для Адмиралтейства было совершенно очевидно, что начальником экспедиции, посланной для открытия новых земель в Южной Океании, и для завладения этими землями, должен был быть не кабинетный ученый, вроде Дальримпля, а опытный военный моряк. Речь шла сначала о разведке, для которой достаточно было послать только один небольшой корабль. Поэтому, когда Пеллизер и другие влиятельные люди, хорошо знавшие Кука, предложили его кандидатуру, она была принята.

Останавливало только «низкое» происхождение Кука: сын батрака, простой матрос, выслужившийся к сорока годам до чина лейтенанта, должен был командовать офицерами — «джентльменами». Но победили практические соображения. Кук не ставил Адмиралтейству никаких условий. Он обладал всеми качествами, необходимыми для такой экспедиции: плавал в холодных, умеренных и тропических водах, плавал у берегов исследованных и малоисследованных земель, был не только морским офицером, но и гидрографом, топографом и даже астрономом-практиком. И он сверх того без всяких возражений согласился отправиться в такое далекое и опасное плавание на обыкновенном небольшом грузовом судне, которое сами господа из Адмиралтейства вряд ли тогда считали вполне подходящим для этой цели. Впрочем Кук, как он впоследствии указывал, считал **[23]** небольшой «угольщик» наиболее подходящим судном для многолетнего плавания в неизвестных водах и у неизвестных берегов. В превосходных качествах «угольщиков» определенной конструкции он, как выше указывалось, убедился еще тогда, когда плавал на судне «Три брата». Позднейшая многолетняя служба на специальных

военных кораблях и знакомство с большими торговыми судами, плававшими в Вест-Индию и Ост-Индию, убедили его, что они менее пригодны для открытий, чем хороший «угольщик». Он сам выбрал на Темзе барк (парусное трехмачтовое судно) — «Индевор» («Попытка»), 370 тонн.

Правда, Кук во введении к этой книге называет астрономические наблюдения на Таити основной задачей своей первой экспедиции. Но ясно, что он говорит это, следуя инструкции, как дисциплинированный военный моряк. Сам же Кук указывает дальше, что ему было приказано: «по окончании астрономических наблюдений приступить к осуществлению плана открытий в Южном Тихом океане, идя на юг до 40° ю.ш., затем если я не найду никакого материка, идти на запад между 40° и 35° ю.ш., пока не дойду до Новой Зеландии, которую мне было приказано исследовать; отсюда я должен был вернуться в Англию по тому пути, который я найду удобным».

Что научная цель была только ширмой для экспедиции, преследующей чисто политические цели, не отрицают и современные английские историки географических открытий. Так, упомянутый выше Бейкер в главе «Terra Australis и Тихий океан» своей книги «История географических открытий и исследований» в разделе, названном «Эпоха Кука», прямо говорит:

«Наблюдение за прохождением Венеры через диск солнца было мнимой главной целью путешествия..., только предлогом для путешествия, реальной целью которого было открытие Южного материка *и присоединение новых земель к Британской Империи*. Кук был снабжен полезной для этого дела информацией. Он получил копию французской книги де-Бросс «История плаваний к южным землям», которая содержала некоторые интересные наблюдения над Южным материком и *решительную аргументацию в пользу французской активности в той стране*» (Речь идет о материке Австралии. Цитирую по английскому изданию 1931 г. Курсив мой. — *И.М.*). **[24]**

Экипаж «Индевор» состоял из 84 человек. Помощниками Кука были лейтенанты Хикс, умерший в конце мая 1771 г., за полтора месяца до возвращения на родину, и Гор (последний участвовал и в третьем путешествии Кука); штурманом — Молинэ, умерший в апреле 1771 г.; умерших сменили Клерк и Пиккерсгил, сопровождавшие Кука и во время второго путешествия. Сверх того, в экспедиции участвовали:

Чарльз Грин, коадъютор (помощник) королевского астронома; на него официально было возложено поручение наблюдать за прохождением Венеры через диск солнца на Таити; умер в конце 1770 г.

Бэнкс, молодой, очень богатый человек (впоследствии председатель Королевского общества), путешествовавший за свой счет с целой свитой, состоявшей из его личного секретаря, двух рисовальщиков и четырех слуг; натуралист, доктор Соландер, швед, ученик знаменитого Линнея, служивший во время организации экспедиции в Британском музее в качестве библиотекаря одного из отделов. (Адмиралтейство не отпустило на его содержание средств, и, по некоторым источникам, платил ему тот же Бэнкс.)

«Индевор» был снабжен продовольствием на полтора года и вооружен 22 пушками.

30 июля 1768 г. Кук на корабле «Индевор» вышел из устья Темзы и в январе 1769 г., обогнув мыс Горн, вступил в Тихий океан, о котором он знал раньше только по литературным источникам и по тем картам и документам (частью засекреченным), какими его снабдило британское Адмиралтейство.

* * *

Путь Кука к берегам Южной Америки шел через Мадейру, Канарские острова (мимо Тенерифа) и острова Зеленого мыса (Бона-Виста). 25 октября 1768 г. он в первый раз в своей жизни пересек экватор и 13 ноября прибыл в Рио-де-Жанейро. 8 декабря он отплыл к югу.

Тогда еще верили в существование у 47-й параллели таинственной земли Пепис, якобы открытой англичанами в 1684 г. 4 января 1769 г. Куку показалось, что он нашел эту землю, но приблизившись, он обнаружил, что это только густой туман, поднимающийся над водой. **[25]**

И действительно, странно было бы найти неизвестную землю против берегов Патагонии, где столько раз проходили корабли на пути из Атлантического в Тихий океан.

14 января, т.е. в середине лета южного полушария, у юго-восточной оконечности Огненной Земли Кук, застигнутый сильной бурей, укрылся в небольшой гавани. Там он и члены его экспедиции высаживались на берег, где впервые встретились с огнеземельцами. С этого момента дневники, как самого Кука, так и его ученых спутников начинают заполняться записями о внешнем виде, поведении и образе жизни островитян, почти или совершенно незатронутых европейской культурой. Такие записи делались позднее на всех тихоокеанских землях, посещенных Куком и его спутниками во время этой и двух последующих экспедиций, и представляют огромный и очень ценный материал для историков первобытной культуры так же, как и для историков капитализма.

Представители возникающего промышленного капитализма в Англии (в это время уже началась промышленная революция) во время этих экспедиций многократно сталкивались — то в дружественной, то в нейтральной, то во враждебной обстановке — с различными племенами, стоящими на гораздо более низких, «предисторических» ступенях культуры, — от средней ступени дикости (по классификации Моргана—Энгельса) до средней ступени варварства включительно. Кук и его спутники превратились в настоящих этнографов: они собирали материалы о культуре отсталых племен и народностей, непосредственно наблюдая первобытные общества в их среде, еще незатронутой цивилизацией. При этом они не только ограничивались записями, но делали зарисовки и собирали вещевой материал — орудия и оружие, одежду и обувь,

домашнюю утварь, украшения, музыкальные инструменты, предметы религиозного культа и т.д.

Конечно, за редкими исключениями, моряки собирали предметы материальной и духовной культуры вовсе не с научной целью, а главным образом из корыстных соображений. Сам Кук неоднократно отмечал, с какой поразительной жадностью «джентльмены» (т.е. офицеры) и матросы производили меновую торговлю с островитянами, получая в обмен за гвоздь, железный крючок, тряпку, кусок битого стекла и т.п. различные «экзотические» предметы, которые они рассчитывали сбыть **[26]** по высокой цене английским коллекционерам или выгодно обменять на другом острове.

Но Кук и его спутники были людьми своего века. Они не могли понимать ни тех общественно-экономических формаций, которые им приходилось наблюдать в тихоокеанских странах, ни тех систем родства и форм семьи, которые там действительно существовали. Факты, сообщаемые ими, имеют большое значение для науки; но нельзя забывать, что эти факты собирались и, следовательно, отбирались людьми, зараженными научными и социальными предрассудками капиталистического общества второй половины XVIII века. Они часто обращали особое внимание на маловажные детали и пропускали незамеченными факты, характеризующие общественный уклад форму семьи, систему родства островитян. Поэтому Кук, как человек очень умный, наблюдательный и несомненно более свободный от религиозного ханжества, но и менее ученый, чем известнейшие из его спутников (Банке — во время первой, отец и сын Форстеры — во время второй экспедиции), имел перед ними большое преимущество: в одинаковых условиях он лучше видел и меньше искажал факты в угоду буржуазных просветительных теорий XVIII века. Меньше коснулся его, конечно, и модный тогда сентиментализм с его слащавой идеализацией естественной жизни на лоне «Натуры». Даже реакционные немецкие буржуазные ученые конца XIX века, очень, вообще, гордившиеся немцами-Форстерами, признавали, что «записки Кука по простоте изложения и непосредственности наблюдений, обличающим настоящего естествоиспытателя,

заслуживают предпочтения перед несколько напыщенными и потому внушающими меньше доверия изображениями Георга Форстера» (Из речи Мейера «Памяти Кука», напечатанной в Берлине в 1882 г в серии популярных научных статей под редакцией Вирхова.). Однако, несмотря на все эти недостатки, записи Форстера ценны для географов и историков потому, что в некоторых отношениях они весьма существенно дополняют дневники Кука. Форстеры были чужеземцами в Англии и не склонны были заботиться о сохранении чести и престижа британского имени.

Кук очень сдержан в тех случаях, когда описывает поведение своих спутников на тихоокеанских [27] островах. Георг Форстер гораздо откровеннее, и под его пером поступки «джентльменов» (офицеров) и матросов приобретают совершенно иное освещение. Британские моряки выступают как рыцари наживы, насильники и убийцы.

В комментариях к настоящей книге приведены выдержки из дневника Г. Форстера — «Путешествие вокруг света», изданного в 1777 г. в Лондоне, в которых правильнее излагаются некоторые события и приводятся этнографические заметки, дополняющие записи Кука.

20 января, когда буря утихла, Кук вышел из своей гавани-убежища, обогнул мыс Горн и вступил в Тихий океан, стараясь держаться возможно дальше от суши, так как путь к югу от Огненной Земли считался тогда хоть более коротким, но и более опасным, чем к северу, через извилистый Магелланов пролив. Не сделав никаких открытий в юго-восточной части Тихого океана (только 4—5 апреля «Индевор» проходил мимо двух низменных коралловых островков из группы Паумоту), 13 апреля бросили якорь в «Королевской гавани» у берега Таити.

3 июня 1769 г. при исключительной благоприятной погоде Грин произвел астрономические наблюдения над всеми фазами прохождения Венеры через диск солнца. 26 июня—1 июля Кук вместе с Бэнксом на шлюпке обогнул весь остров Таити. После этого он стал готовиться к отплытию и покинул остров Таити 13 июля, взяв с собой смышленого таитянина Тупию, который сам

пожелал последовать за ним вместе со своим слугой, 12-летним мальчиком.

Этот Тупия оказал во время плавания бесценные услуги экспедиции как переводчик и часто как посредник между англичанами и жителями других островов Южных морей. По его указаниям Кук открыл 15—25-го июля к северо-западу от Таити, между 16°—17° ю.ш., четыре небольших острова: Хуахине, Райатеа (Ульетеа у Кука), Тахаа и Борабора (Болабола). Он назвал эту группу островами (Королевского) Общества и объявил их английским владением. Позднее в этот архипелаг, вместе с так называемыми Подветренными островами, стали включать и Таити и расположенные несколько южнее его Наветренные и ряд других островов; некоторые из них раньше, несомненно, посещались испанскими мореплавателями (в XVI—XVII вв.). **[28]**

От Бараборы, пользуясь указаниями того же Тупии, Кук повернул на юг и 13 августа за 23° ю.ш. открыл небольшой остров Руруту (Охитероа), крупнейший из группы Тубуаи (иначе — Южные острова).

Согласно инструкции, данной Куку Адмиралтейством, он должен был искать предполагаемый Южный материк к югу от Таити, между 35 и 40-й параллелями, где, насколько было известно Адмиралтейству, европейцы еще не плавали, а если не найдет там материка, повернуть в этих широтах на запад и двигаться в этом направлении, «пока не натолкнется на восточную окраину страны, открытой Тасманом и теперь называемой Новой Зеландией». Затем он должен был «тщательно установить широту и долготу этой страны и детально обследовать возможно большую часть ее берегов».

7 октября с «Индевор» (у 39 1/2° ю.ш. и 177° в.д.) заметили какую-то землю и на следующий день бросили якорь в небольшой бухте. Кук, конечно, не мог тогда знать, что это был восточный берег Новой Зеландии, не посещавшийся ранее ни одним европейским судном (Тасман плавал вдоль западного берега Земли Штатов, принятой им за «Южный материк»).

Земля эта оказалась обитаемой воинственными людьми (маори), говорившими на языке, сродном с таитянским, так что Тупия мог с ними объясняться.

Во время первой высадки на берег матросы, охранявшие шлюпку, стреляли в туземцев, якобы напавших на них, и убили одного человека. Позднее Куку удалось установить сносные отношения с местными жителями, которые доставляли ему свежую провизию и не препятствовали высадкам на берег для снабжения водой и дровами.

Кук обследовал соседние берега, убедился, что перед ним, во всяком случае «Большая земля» (остров или часть Южного материка) и 17 октября двинулся сначала к северо-востоку, а затем, за полуостровом Терамако (у 39-й параллели) — в северном направлении. Следуя за изгибами береговой линии, он достиг 29 октября у 37°40' ю.ш. мыса, за которым берег круто поворачивал на запад. Это была восточная оконечность открытой им земли и Кук назвал ее Ист-Кейп (Восточный мыс, у 178°40' в.д.).

В западном направлении Кук шел до 176° в.д., где берег, возле которого была разбросана цепь небольших островов, круто повернул на север, а затем на **[29]** северо-запад. У 37° ю.ш. Кук высадил на берег астронома Грина для наблюдения за планетой Меркурий (бухта и островки близ нее названы именем этой планеты).

Во время астрономических наблюдений офицер охраны, увидев на молодом островитянине кусок ткани, очень ценившейся у таитян, предложил юноше мену, а когда тот отказался, выстрелом из мушкета убил его наповал. Офицер-убийца не понес никакого наказания. Напротив, из записи в дневнике Кука видно, что он считал виновным островитянина за то, что тот отказался от мены. Правда, он не одобрял убийства, но по чисто утилитарным соображениям: он считал, что наказание «немного слишком сурово... за такую пустячную вину» и не хотел вызывать озлобления островитян, с которыми, как он предполагал, ему еще не раз придется иметь дело. 15 ноября

1769 г. Кук торжественно объявил о присоединении страны на берегу бухты Меркурия к британским владениям.

18 ноября еще дальше к северо-западу Кук открыл обширный залив Хаураки, глубоко на юге врезывавшийся в сушу, на севере огражденный от открытого океана «Барьерными островами» Малым и Большим Барьером (Отеа).

10 декабря за 35° ю.ш. горная страна сменилась бесплодной низменностью, и вдоль этой низменной полосы Кук шел до 16 декабря, когда обнаружил (у 34°20' ю.ш. и 173° в.д.) северную оконечность открытой им земли — Норт-Кейп. Но тождество этой земли с Землей Штатов (Новой Зеландией) Тасмана Кук установил только 24 декабря, после того, как нашел несколько западнее мыс Марии Ван-Димен, а к северу от него — острова Трех Волхвов, о которых было известно по описаниям Тасмана.

Следуя за поворотами берега, Кук двинулся в юго-восточном, а затем в юго-западном направлении. 9 января 1770 г. в разгаре лета южного полушария за 39-й параллелью увидели высокую гору с вершиной, покрытой снегом (Эгмонт 2 520 м над уровнем моря). Обогнув полуостров, на котором возвышалась гора Эгмонт, Кук вошел, как ему сначала показалось, в широкий залив; но при обследовании этого залива обнаружилось, что он на юге соединен узким проливом с открытым океаном. Кук вышел этим (Куковым) проливом к южной оконечности Северного острова Новой Зеландии. Он достиг его 8 февраля и назвал мысом Пеллизер, в честь своего покровителя. **[30]**

За этим мысом берег круто поворачивал к северо-востоку, к местности, уже исследованной Куком.

Таким образом, северная часть Земли Штатов (Новой Зеландии) Тасмана оказалась не выступом Южного материка, а большим островом (площадь его — около 115 тысяч кв. км, несколько больше Ньюфаундленда, хорошо известного Куку). Кук обошел северный остров по направлению против движения часовой стрелки. Но земля к югу от этого острова могла быть частью Южного материка.

Кук двинулся к юго-западу вдоль восточного берега мнимого материка. Но и этот участок суши оказался большим островом (площадь его свыше 150 тысяч кв. км, следовательно, гораздо больше, чем Северного острова). Двигаясь по направлению часовой стрелки, Кук закончил обход Южного острова Новой Зеландии 27 марта. Но при этом он не заметил, на крайнем юге, пролива, отделяют его Новую Зеландию от острова Стюарт (площадью свыше 1,7 тысяч кв. км), пересекаемого 47-й параллелью, и не совсем точно определил координаты двойного острова: 166°—179° в.д. и 34°—48° ю.ш. Но ошибка эта сравнительно незначительна. Главнейшим достижением было то, что Кук «закрыл» последний неизвестный материк, который еще надеялись найти в умеренной зоне Южного полушария и открыл огромный двойной остров — Новую Зеландию, — антипод Британских островов, мало уступающий им по своей суммарной площади. При этом Кук описал на «Индевор» огромную восьмерку длиной свыше 4 тыс. км.

31 марта 1770 г. «Индевор» двинулся от берегов Новой Зеландии на запад, к Вандименовой Земле, открытой Тасманом. 19 апреля увидели землю у 38° ю.ш. (Тасман коснулся Вандименовой Земли южнее, у 43° с.ш.). Страна казалась низменной и плоской и покрыта была лесом. Нашли удобную гавань (Рэмхед) и бросили там якорь. Первых людей в этом районе встретили только 27-го. Они были гораздо темнее и стояли на гораздо более низком уровне культуры, чем жители островов Общества и Новой Зеландии, ходили совершенно голыми и с полным равнодушием отнеслись к чужеземцам. Кук, справедливо предполагая, что коснулся восточного берега Новой Голландии, но не будучи еще в этом твердо уверен, повернул на север и пошел вдоль берега. **[31]**

6 мая 1770 г. перед англичанами открылась у 34° ю.ш. великолепная бухта, названная Куком Ботанической (Ботани-бэй). 13 мая у 31° ю.ш. увидели на берегу дым от многих костров и назвали мыс в этом районе Смоуки (Дымный). 15-го достигли крайнего восточного пункта новой земли, которому дали имя английского кругосветного мореплавателя лорда Байрона (мыс Байрон, у 153° в.д.).

23 мая открыли у 25° ю.ш. длинный Большой Песчаный остров (Грейт-Сэнди), за которым нашли сравнительно обширный залив (Хер922ей). Отсюда берег повернул на северо-восток. 26-го за тропиком Козерога вступили в береговые воды, очень опасные для плавания из-за бесчисленных коралловых рифов (полоса, окаймленная Великим Коралловым барьером). Большая часть этой опасной полосы была благополучно пройдена, но у 16° ю.ш. «Индевор» наскочил на риф и едва не потерпел крушение. Спасся корабль лишь благодаря неутомимой работе всего экипажа, но пришлось выбросить за борт шесть пушек и значительную часть полезного груза, в том числе и запасов продовольствия. Мыс, против которого произошла авария получил название Трибюллейшн (Несчастие). К северу от него нашли удобную гавань (теперь порт Куктаун), где можно было произвести ремонт корабля, получившего большую пробоину. Это было 22 июня. Здесь простояли несколько недель. Пищи было более, чем достаточно, так как здесь оказались богатейшие рыбные угодья.

4 августа пустились в дальнейший путь. В течение ряда следующих дней Кук с величайшей осторожностью вел корабль в мелководной береговой полосе, усеянной рифами, среди бурунов. 15 августа «Индевор» снова едва не погиб. 21 августа у 10 1/2° ю.ш. увидели группу мелких островов, которые Кук назвал островами Йорк. Но на следующий день за ними открылся широкий пролив, ведущий на запад, в открытое море. Теперь не было сомнения, что пройденный берег — это восточный берег Новой Голландии, а мыс Йорк — его северная оконечность. На одном из островов Кук развернул английское знамя и объявил владением английского короля весь восточный берег Новой Голландии — всю открытую им береговую полосу, начиная от 38° ю.ш. и до пролива, назвав страну Новым Южным Уэльсом.

Сообщение Торреса оказалось верным (в чем Кук, по-видимому, сомневался до этого момента). Новая Гвинея **[32]** была огромным островом, а не частью материка. Все же Кук не назвал Торресовым проливом широкий проход между Австралией и Новой Гвинеей; это сделано было гораздо позднее, несмотря на то, что об открытии Торреса стало

известно еще до возвращения на родину Кука, из памфлета Дальримпля, опубликованного в 1769 году.

К 16 сентября Кук пересек Арафурское море и достиг острова Ротти (к юго-западу от Тимора). 2 октября подошел к Яве. У берегов Явы (в Батавии) и у Принцевых островов «Индевор» находился до 15 января 1771 г. и за это время умерло 30 человек, в том числе таитянин Тупия и его слуга-мальчик, астроном Грин, судовой врач и боцман, между тем, как во время своего плавания в Тихом океане Кук потерял только одного человека.

15 марта 1771 года «Индевор» бросил якорь у мыса Доброй Надежды, где простоял до 14 апреля. А 12 июля 1771 года «Индевор» вернулся в Англию, совершив кругосветное плавание, продолжавшееся 2 года 9 1/2 месяцев.

* * *

Организация второй экспедиции Кука, произведенного после возвращения на родину в капитаны, также была связана с большой активностью, которую французы в это время проявили в южных морях. По крайней мере четыре французские экспедиции были посланы в конце шестидесятых годов на поиски Южного материка. Они связаны с именами Бугенвиль, Сюрвиль, Марион-Дюфрен, Кергелен. У французов поиски Южного материка также не были вызваны научными интересами. Инициатива исходила от купеческой французской Ост-Индской компании, заботившейся, конечно, только о своем обогащении; именно она снарядила экспедицию Сюрвиля так же, как в первой половине XVIII века — экспедицию Буве, о которой упоминает Кук. О результатах этих французских экспедиций (кроме экспедиции Бугенвиля) в Лондоне еще не знали и тем более поэтому тревожились. Решено было послать два корабля (французы посылали по 2—3 корабля вместе) и поставить во главе новой экспедиции капитана Кука, успехи которого произвели огромное впечатление в Англии. Адмиралтейство так спешило с этим делом, что Куку дали, после составления им подробного отчета о первом путешествии, только три недели отдыха (в декабре 1771 года) — посте трехлетнего плавания. **[33]**

О втором своем кругосветном плавании, о поисках Южного материка и результатах этих поисков Кук сам подробно рассказывает в предлагаемой книге. (Основные результаты этого путешествия даны им в главе VII четвертой книги.) Нужно только остановиться на том, подтверждены ли его выводы ходом дальнейших открытий в антарктических водах.

«Я обошел, — пишет Кук, — южный океан на высоких широтах и совершил это таким образом, что неоспоримо отверг возможность существования здесь материка, который, если и может быть обнаружен, то лишь вблизи полюса, в местах, недоступных для плавания... Положен конец дальнейшим поискам Южного материка, который на протяжении двух столетий неизменно привлекал внимание некоторых морских держав...»

Кук только в одном месте перешел за 70-ю параллель по направлению к южному полюсу. Если даже не считать этого пункта, то его заявление можно понять только так, что никакая часть Южного материка (Антарктиды) не может существовать севернее 70° ю.ш. и во всяком случае, севернее полярного круга. На самом же деле первый участок подлинной антарктической суши (Земля Александр I), открытый замечательной русской экспедицией Беллингсгаузена-Лазарева (1819—1821) против Огненной Земли, расположен севернее 70-й параллели.

Более поздние мореплаватели обнаружили обширную сплошную полосу антарктической суши между 70-й параллелью и южным полярным кругом от 40° до 160° в.д. Она протягивается на расстояние, равное в, северном полушарии расстоянию между горлом Белого меря и Пенжинской губой Охотского меря у берегов Камчатки; правда, в некоторых участках она отходит несколько южнее полярного круга, но в других выступает севернее его (например Земля Эндерби между 50° и 60° в.д.). На противоположной окраине Антарктиды далеко выступает к северу от полярного круга прочно спаянная вечным льдом с Южным материком островная Земля Грехема (между 55°—65° з.д.).

«Я не стану отрицать, — пишет дальше Кук, — что близ полюса может находиться континент или значительная земля. Напротив, я убежден, что такая земля там есть и возможно, что мы видели часть ее... Это земли обреченные Природой на вечную стужу, лишенные тепла солнечных **[34]** лучей. У меня нет слов для описания их. Таковы земли, которые мы открыли. Но каковы же должны быть страны, расположенные еще дальше к югу... Если кто-либо обнаружит решимость и упорство, чтобы разрешить этот вопрос и проникнет дальше меня на юг, я не буду завидовать славе его открытий. Но должен сказать, что миру его открытия принесут немного пользы».

Таким образом, Кук признавал наличие антарктической суши, но отодвигал ее слишком далеко к полюсу и не видел никакого практического интереса в ее открытии. Что научные интересы были чужды ему, видно из его пренебрежительной фразы о славе будущих антарктических путешественников, если такие найдутся.

Сам Кук не верил в то, что какой-либо смертный может совершить в Антарктике больше, чем он совершил.

«Риск связанный с плаванием в этих необследованных и покрытых льдами морях в поисках южного материка, — пишет он в шестой главе четвертой книги, — настолько велик, что *я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы...*» (Курсив мой. — *И.М.*).

Но такие люди нашлись, а исследование южного материка началось менее, чем через полвека после того, как Кук писал эти горделивые слова, и начали его — русские.

* * *

Перевод записок капитана Кука выполнен по английскому изданию 1784 г. Я. М. Светом. Им же написаны комментарии и составлены вспомогательные таблицы. Глава «Общее введение» — предисловие Дж. Кука — переведена Т. Е. Фрумкиной.

В приложении к настоящей книге даются: комментарии, список важнейших географических пунктов, словарик морских терминов и таблица перевода английских мер в метрические. В тексте везде сохранена система английских мер; исключение допущено лишь для температур — шкала Фаренгейта заменена шкалой Цельсия.

И. Магидович

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о том, представляет ли собой неисследованная часть южного полушария только громадную массу воды или там есть материк, как это предполагала умозрительная география [1], в течение долгого времени привлекал к себе внимание не только ученых, но и большую часть морских держав Европы.

Разрешение столь любопытного и важного вопроса, вызвавшего такие различные мнения, являлось главным мотивом, побудившим его величество отдать приказ об этом путешествии, историю которого мы теперь представляем публике.

Чтобы читатель имел ясное представление о том, что было нами сделано, и мог точнее судить о том, в какой мере была выполнена поставленная перед нами большая задача, необходимо коротко рассказать о нескольких путешествиях, предпринятых для открытий в южном полушарии до той экспедиции, которой я имел честь руководить и о которой я теперь собираюсь дать отчет.

1519 г. Магеллан [2]. Первый пересек обширный Тихий океан Фердинанд Магеллан — португалец на испанской службе. 10 апреля 1519 г. он вышел из Севильи с пятью судами, открыл проливы, названные его именем, через которые 27 ноября 1520 г. вышел в Южный Тихий океан.

В этом море им были найдены два необитаемых острова, местоположение которых точно не известно; затем он пересек экватор и открыл острова Ладрокес [3]; после этого прошел к

Филиппинским островам, на одном из которых и был убит в стычке с туземцами.

Его корабль «Виктория» («Победа») был первым, обошедшим вокруг земного шара и единственным из его эскадры, преодолевшим опасности и бедствия, сопровождавшие это героическое предприятие. **[36]**

По пути, указанном Магелланом, испанцы совершили несколько плаваний из Америки в западном направлении.

Но первое путешествие, курс которого можно проследить с точностью, было совершено в 1595 г. Альваро Менданья де Нейра [4]. От предшествовавших экспедиций не сохранилось вполне достоверных сведений.

Однако нам все же известно, что во время этих плаваний были открыты Новая Гвинея [5], острова, названные Соломоновыми, и несколько других.

Мнения географов о положении Соломоновых островов весьма различны. Наиболее правдоподобно предположение. что они представляют собой группу, в которую входят острова, получившие впоследствии названия Новой Британии, Новой Ирландии и т.д.

1595 г. Менданья. 9 апреля 1595 г. Менданья вышел из Кальяо с четырьмя судами, чтобы установить положение этих островов; по пути на запад он открыл острова: Маркизские на 10° ю.ш.; Сан-Бернардо (по-моему, это тот остров, который коммодор Байрон назвал островом Опасности), затем — Солитария на 10°40' ю.ш. и 178° з.д. и, наконец, Санта-Крус, несомненно, тот же самый, который капитан Картерет назвал островом Эгмонта (Остров, открытый Картеретом, расположен не в архипелаге Санта-Крус, а в архипелаге Таумоту под 19°19' ю.ш, и 139°19' з.д.— *Ред.*).

На Санта-Крус умерли Менданья и многие из его спутников, и разбитые остатки его эскадры были отведены в Манилу старшим кормчим Педро Фернандес де Кирос [6].

1605 г. Кирос. Этот же Кирос был первым, посланным с единственной целью открытия южного материка; и действительно, он, по-видимому, был первым, кто имел некоторую идею о существовании этого материка.

Он отплыл от Кальяо 21 декабря 1605 г. как кормчий флота, состоявшего из двух больших судов и одного тендера (одномачтового судна) под начальством Луиса Пас де Торрес; направляясь на запад-юго-запад, они 26 января 1606 г., находясь, по их счислению, на расстоянии тысячи испанских лиг (миль) от берегов Америки, открыли на 25° ю.ш. небольшой низменный остров. Два дня спустя, они открыли другой возвышенный остров, с плоской вершиной, вероятно, тот же самый, который капитан Картерет назвал островом Питкерна.

[37]

Оставив эти острова, Кирос, по-видимому, взял курс на запад-северо-запад и северо-запад к 10° или 11° ю.ш. и затем на запад, пока не дошел до залива Сан-Фелипе и Сантьяго на острове «Земля Духа Святого». На этом пути он открыл несколько островов; вероятно, некоторые из них были замечены позднейшими мореплавателями.

По выходе из залива Сан-Фелипе и Сантьяго суда разлучились. Кирос с «Капитаной» направился к северу и вернулся в Новую Испанию, испытав сильные лишения из-за недостатка провианта и воды. Торрес с «Альмирантой» и тендером направился на запад и был, по-видимому, первым, прошедшим между Новой Голландией и Новой Гвинеей.

1615 г. Лемэр и Скоутен [7]. Следующая попытка делать открытия в Южном Тихом океане принадлежала Лемэру и Скоутену. Они вышли из Текселя 14 июня 1615 г. на кораблях «Конкордия» и «Горн». Последний, по случайности, сгорел в Желанной гавани (Десеадо). На «Конкордии» они открыли пролив, получивший имя Лемэра, и обогнув мыс Горн, были первыми, вступившими в Тихий океан.

Они открыли остров Собак на 15°15' ю.ш. и 136°30' з.д., Сондре-Грондт на 15° ю.ш. и 143°10' з.д., Ватерланд на 14°46' ю.ш. и 144°10' з.д. и в двадцати пяти милях к западу от него

остров Мух на 15°20' ю.ш.; острова Предателей и Кокосовый на 15°43' ю.ш. и 179°13' з.д., на два градуса дальше к западу остров Надежды и на 14°56' ю.ш. и 179°30' в.д. остров Горн (В XVII в. долготу определяли еще очень неточно, нередко с ошибками на несколько градусов, у 15° ю.ш. разбросаны сотни островов, поэтому очень трудно установить, какие именно острова Полинезии были открыты Лемэром и Скоутеном. — *Ред.*).

Затем они прошли вдоль северного берега Новой Британии и Новой Гвинеи и прибыли в Батавию в октябре 1616 г.

1642 г. Тасман [8]. За исключением открытий на западном и северном побережьях Новой Голландии никаких важных плаваний в Тихом океане не предпринималось до 1642 г., когда капитан Тасман вышел из Батавии с двумя судами, принадлежавшими Голландской Ост-Индской компании и открыл Вандименову Землю, затем небольшую **[38]** часть западного побережья Новой Зеландии, острова Дружбы и острова Принца Вильгельма.

1594 г. Ричард Хоукинс [9]. До сих пор я считал полезным не прерывать описания хода открытий в Южном Тихом океане, иначе я бы уже прежде упомянул, что в 1594 г. Ричард Хоукинс, находясь на расстоянии около пятидесяти лиг к востоку от реки Лаплаты, был отброшен бурей к востоку от своего курса. Когда буря утихла, он, направляясь к Магелланову проливу, неожиданно увидел землю; он прошел около шестидесяти лиг вдоль берегов этой земли и весьма подробно описал ее. Он назвал ее в честь своей царственной госпожи королевы Елизаветы Мейден-Ленд землей Девы Хоукинса и утверждал, что она расположена в шестидесяти лигах от ближайших к ней берегов Южной Америки.

Впоследствии капитан Джон Стронг, вышедший из Лондона на судне «Фаруэл» в 1689 г., пройдя через пролив, разделяющий восточный остров от западного, обнаружил, что эта земля состояла из двух больших островов. Он назвал этот пролив

Фолклендским в честь своего покровителя лорда Фолкленда, и это название по ошибке перешло на оба острова, разделяемые этим проливом [10].

Упомянув об этих островах, я хочу добавить, что будущие мореплаватели напрасно потеряют время, если станут искать остров Пепис на 47° ю.ш.; теперь стало точно известно, что «остров Пепис» не что иное, как эти Фолклендские острова [11].

1675 г. Ларош. В апреле 1675 г. английский купец Антон Ларош, возвращавшийся из Южного Тихого океана, где он совершил плавание с торговыми целями, был отнесен ветром и течениями далеко к востоку от пролива Лемэра к берегу; может быть к тому самому, который я посетил во время нынешнего плавания и назвал Георгией.

Оставив эту землю и направляясь к северу, Ларош на 45° ю.ш. открыл большой остров (На этой широте в Атлантическом океане нет островов); в восточной части этого острова он нашел хорошую гавань, в которой было много леса, пресной воды и рыбы.

1699 г. Галлей [12]. В 1699 г. знаменитый астроном доктор Эдмунд Галлей был приглашен на корабль его величества «Паромуор Пинк» для участия в экспедиции, посланной для того, чтобы установить более совершенные **[39]** способы определения долгот, изучить явление склонения магнитной стрелки на различных широтах. Целью экспедиции было также открытие новых неизвестных стран, которые, как полагали, расположены в южной части Атлантического океана.

В этом плавании он с точностью определил долготу многих мест; и по возвращении составил карту магнитных склонений и предложил способ определения долготы на море, с помощью наблюдения над положением неподвижных звезд. Но хотя он столь успешно выполнил первые два пункта своей инструкции, он не нашел на юге никаких неизвестных земель.

1721 г. Роггевен [13]. В 1721 г. голландцы снарядили под командованием адмирала Роггевена три судна для новых открытий в Южном Тихом океане. Он оставил Тексель [14] 21 апреля и, дойдя до этого океана, обогнув мыс Горн, открыл остров Пасхи; этот остров, по всей вероятности, был уже ранее замечен, хотя и не посещен Дэйвисом; и затем между 14°41' и 15°47' ю.ш. и между 142° и 150° з.д. он увидел несколько других островов, которые, по моему мнению, входят в число островов, замеченных последними английскими мореплавателями. Затем он на 15° ю.ш. и 170° з.д. открыл два острова, которые назвал островами Баумена, и затем Одинокий остров у 13°41' ю.ш. и 171°30' з.д. Эти три острова, несомненно, те же самые, которые Бугенвиль называет островами Мореплавателей,

1738 г. Буве [15]. В 1738 г. Французская Ост-Индская компания [16] послала Лозье Буве с двумя судами, «Орел» и «Мария», для открытий в Южном Атлантическом океане. Он вышел из Лорианской гавани 19 июля; подошел к острову Санта-Катерина и отсюда взял курс на юго-восток.

1 января 1739 г. Буве на 54° ю.ш. и 11° в.д. открыл материк, или землю, которую он принял за материк. Из дальнейшего повествования будет видно, что мы сделали несколько попыток найти этот материк, но безуспешно. Поэтому весьма вероятно, что открытая Буве земля была не чем иным как большим айсбергом (В действительности Буве открыл небольшой остров). Отсюда он взял курс на восток и плыл, придерживаясь широты 51° до 35° в.д. Здесь корабли его разлучились: один пошел к острову Св. Маврикия, а другой вернулся во Францию. **[40]**

После этого плавания Буве интерес к открытиям прекратился до тех пор, пока ныне царствующий король не изъявил намерения делать открытия и исследовать южное полушарие и в 1764 г. не приказал привести свое намерение в исполнение.

1764 г. Байрон [17]. В соответствии с этим приказом коммодор Байрон 21 июля 1764 г. оставил южную Англию, имея под своим командованием суда «Дельфин» и «Теймер». Посетив Фолклендские острова, он прошел через Магелланов пролив в Тихий океан, где открыл острова: Дизэпойнтмент («Разочарование»), Джорджа, Принц Уэльский, Дейнджер («Опасность»), Йорк и остров Байрона.

Он вернулся в Англию 9 мая 1766 г., а в августе следующего года корабль «Дельфин» снова вышел в плавание под командованием капитана Уоллиса, «Суолоу» — под командованием капитана Картерет [18].

Они плыли вместе до западного края Магелланова пролива и разделились уже в виду Великого Южного моря.

Капитан Уоллис взял курс в западном направлении и шел на таких широтах, каких до него не достигал ни один мореплаватель, но не встретил никакой земли, пока не дошел до тропика, где он открыл острова Уитсанди («Троицын день»), Королевы Шарлотты, Эгмонт, Герцога Глостер, Камберленд, Майтеа, Таити, Эймео, Тапаманоа, Хау, Сцилли, Боскавен, Кеппель и Уоллис, и вернулся в Англию в мае 1768 г.

Картерет. Его товарищ капитан Картерет шел по другому пути и открыл острова: Оснабург, Глостер, Королевы Шарлотты, Картерет, Гауэр и пролив между Новой Британией и Новой Ирландией; он вернулся в Англию в марте 1769 г.

1766 г. Бугенвиль [19]. В ноябре 1766 г. коммодор Бугенвиль отплыл из Франции на фрегате «Будез» с транспортом «Этуаль». После непродолжительной остановки у берега Бразилии и на Фолклендских островах он через Магелланов пролив в январе 1768 г. вышел в Тихий океан.

На этом океане он открыл острова: Катр Фокардин, Лансье, Арп («Арфа») (полагаю, что это тот самый остров, который я

впоследствии назвал Лагуной), Трум-Кап и Боу. Около 20 лиг дальше на запад он открыл четыре других острова, затем подходил к Майтеа, Отаити, островам Мореплавателей и Потерянной Надежды, которые [41] представлялись ему новыми открытиями. Затем он прошел между Гебридами, открыл мель Дианы и несколько других островов к северу, обошел с севера Новую Ирландию остановился в Батавии и прибыл во Францию в марте 1769 г.

Этот год был отмечен прохождением планеты Венеры под солнечным диском; это явление имело большое значение для астрономии и повсюду привлекало к себе внимание ученых, занимающихся этой наукой.

В начале 1768 г. Королевское общество [20] представило его величеству доклад о пользе, проистекающей из точного наблюдения над явлением в различных частях света и особенно из наблюдений, сделанных в южных широтах между 140° и 180° з.д., считая к западу от меридиана королевской обсерватории в Гринвиче. В докладе указывалось также на необходимость надлежащим образом снарядить суда для доставки наблюдателей к назначенным пунктам, но тут же упоминалось о том, что общество не в состоянии нести расходов по подобному предприятию.

В результате этого представления Адмиралтейство получило от его величества приказ приготовить для этой цели соответствующие суда. Во исполнение этого приказа был приобретен барк (трехмачтовое судно) «Индевор» («Попытка»), построенный для перевозки угля. Его переоборудовали для плавания в южных морях, а командование этим судном доверили мне. Вскоре после этого Королевское общество поручило мне, совместное астрономом, мистером Чарльзом Грин, произвести требуемые наблюдения над прохождением Венеры.

Первоначально предполагалось выполнить эту основную задачу нашей экспедиции либо на Маркизских островах, либо на одном из тех островов, которым Тасман дал наименование Амстердам, Роттердам и Мидлебург и которые теперь более

известны под названием островов Дружбы [21]. Но пока «Индевор» готовился к экспедиции, капитан Уоллис вернулся из своего кругосветного путешествия, в течение которого он открыл несколько островов в Южном море и среди других Таити. Этот остров предпочли всем вышеупомянутым островам, благодаря удобствам, которые он представлял и еще тому, что его положение было точно известно и считалось чрезвычайно подходящим для нашей цели. **[42]**

Вследствие этого мне было приказано идти прямо на Таити и по окончании астрономических наблюдений приступить к осуществлению плана открытий в Южном Тихом океане, идя на юг до 40 ю.ш.; затем, если я не найду никакого материка, идти на запад между 40° и 35° ю.ш., пока не дойду до Новой Зеландии, которую мне было приказано исследовать; отсюда я должен был вернуться в Англию по тому пути, который я найду удобным.

1768 г. Первое путешествие Кука. Следуя этим предписаниям, я вышел из Дептфорда 30 июля 1768 г. а из Плимута — 26 августа; останавливался у Мадейры, Рио-де-Жанейро и пролива Лемэр; и вышел в Южный Тихий океан, обойдя мыс Горн, в январе следующего года.

Я старался идти прямо на Таити, и это частично мне удалось, но я не сделал никаких открытий, пока не перешел тропик; здесь я прошел мимо островов Лагунного, двух групп Птичьего и Цепного и 13 апреля прибыл на Таити. Там я оставался три месяца, в течение которых производились наблюдения над прохождением Венеры.

Затем я покинул Таити; открыл и посетил острова Общества [22] и Охетероа, затем пошел к югу до 40°22' ю.ш. и 147°29' з.д. и 6 октября прибыл к восточному берегу Новой Зеландии.

Я исследовал берега Новой Зеландии до 31 марта 1770 г., когда я оставил ее и направился к Новой Голландии [23]. Обследовав восточный берег этой обширной страны, который до сих пор еще не был посещен, я прошел между его северной

оконечностью и Новой Гвинеей; высадился на последней, останавливался у острова Саву, в Батавии, на мысе Доброй Надежды и на острове Св. Елены и вернулся в Англию 12 июля 1771 г.

В этом путешествии меня сопровождали мистер Бенкс [24] и доктор Соландер [25]. Первый был джентльменом, имевшим большое состояние; второй — учеником Линнея и одним из библиотекарей Британского музея [26]; оба они были людьми известными в ученом мире благодаря их обширным и точным познаниям в естественной истории. Эти джентльмены, воодушевленные любовью к науке и желанием производить исследования в отдаленных краях, которые я собирался посетить, просили разрешения совершить путешествие со мной. Адмиралтейство охотно удовлетворило эту просьбу. **[43]**

Они были все время вместе со мной и подвергались всем опасностям и лишениям во время нашего утомительного и скучного плавания.

Путешествия Сюрвиля [27], Кергелена [28] и Мариона [29], рассказ о которых приведен в дальнейшем, не были своевременно доведены до моего сведения, и я не мог использовать их опыт. И так как результаты их путешествий не были обнародованы, я не мог сказать многого о них или о двух других путешествиях, которые, как мне говорили, были совершены испанцами: одно их них — к острову Пасхи в 1769 г., а другое — на Таити в 1773 г.

Прежде чем начать рассказ о моей экспедиции, я считаю нужным дать краткий отчет об ее снаряжении и о некоторых других вещах, столь же интересных и связанных с моей темой.

Вскоре после моего возвращения домой на судне «Индевор» было решено снарядить два корабля, чтобы дополнить сделанные в южном полушарии открытия. Характер этого плавания требовал судов особой конструкции и так как «Индевор» отправлялся на Фолклендские острова в качестве транспортного судна, то Управление военного флота приказало приобрести два судна, наиболее пригодные для этой службы.

В этот период времени разные люди высказывали различные мнения относительно размера и типа судов, наиболее пригодных для подобного плавания. Некоторые были за большие суда и предлагали корабли, вооруженные сорока пушками, или корабли Ост-Индской компании. Другие предпочитали большие, хорошо управляемые фрегаты или трехпалубные суда, используемые для торговли с Ямайкой [30] и имеющие большие каюты.

Но из всего того, что говорилось и предлагалось вниманию Адмиралтейства, насколько мне известно, наиболее отвечали своему назначению суда, предлагаемые Управлением военного флота.

Тип судов, наиболее пригодных для открытий, очень интересует настоящих и будущих участников подобных предприятий. Полезно поэтому привести здесь мнения Управления военного флота, с которыми я после опыта двух путешествий, длившихся по три года каждое, совершенно согласен.

Успех таких предприятий, как открытия в отдаленных частях света, зависит, главным образом, от оборудования, [44] учитывающего в первую очередь сохранность экипажа и судов, — а это зависит от типа, размера и свойств кораблей, выбранных для экспедиций.

Эти основные соображения важнее всех других при выборе типа корабля. Если при таком выборе не удовлетворено какое-либо из наиболее важных требований, и размер более полезных помещений уменьшен ради менее полезных, то это с самого начала может привести к неудаче всего предприятия.

Но и большая опасность, против которой следует принять меры во время путешествия для открытий, особенно в самых отдаленных частях земного шара, — это возможность сесть на мель у незнакомого, пустынного или, возможно, населенного дикарями берега; поэтому необходима такая конструкция судна, чтобы командир мог с наименьшим риском подойти к незнакомому берегу. Корабль не должен иметь большой осадки;

но в то же время должен вмещать все продовольствие и вещи, необходимые для экипажа на все время плавания.

Корабль должен быть такой конструкции, чтобы он выдержал, если сядет на мель, и такого размера, чтобы его, в случае необходимости, можно было осторожно и удобно положить на берег для ремонта. Таких качеств нет ни у сорокапушечных военных кораблей, ни у фрегатов, ни у судов Ост-Индской компании, ни у больших трехпалубных вест-индских кораблей, ни у каких-либо других, кроме угольщиков, построенных в Северной Англии, которые особенно пригодны для данной цели.

С таким судном опытный и благоразумный моряк может смело действовать и лучше выполнить задание, чем с каким-либо судном другого типа или размера.

В общем, я глубоко убежден в том, что для плаваний с целью открытий в отдаленных, неизвестных частях земного шара наиболее приспособлены суда, построенные по образцу «Индевор», на котором я провел мое первое плавание.

Никакое судно другого типа не может вместить количество припасов, достаточное для большого экипажа в течение нескольких лет. И даже если какое-либо другое судно могло бы взять достаточный груз, оно окажется менее пригодным для открытий в южных водах из-за своей конструкции и размеров. **[45]**

Вот почему так незначительны были до сих пор открытия в южном полушарии. Все корабли иных конструкций, чем «Индевор», не были приспособлены к таким плаваниям, хотя их офицеры делали все. что было в их силах.

Именно такими соображениями руководствовались при выборе «Индевора» для первого плавания. Именно этим его качествам люди, находившиеся на его боргу, обязаны своей жизнью; и поэтому мы могли исследовать южные моря гораздо дальше, чем любой другой корабль это делал или мог делать. И хотя открытия не были главной целью нашего первого плавания, я тем не менее пересек значительное морское пространство, где

до сих пор никто еще не плавал, открыл большие участки земли на высоких и низких южных широтах, отдал больше времени исследованиям и более точно нанес карту побережья вновь открытых обширных стран, чем какой-либо прежний мореплаватель во время одного путешествия.

Короче говоря, эти свойства кораблей, настойчивость и мужество экипажа дадут возможность выполнить задание и продвинуться дальше прежних мореплавателей.

Эти соображения совпадали с точкой зрения лорда Сандвич на этот вопрос, и Адмиралтейство купило два судна этого типа у капитана Уильяма Хаммонда из Гулля. Оба судна были построены (за 14 или 16 месяцев до покупки) в Уитби, тем же лицом, которое построило «Индевор».

По моему мнению, они были так хорошо приспособлены к выполнению предполагаемой задачи, словно были специально построены для этой цели.

Большой корабль имел водоизмещение в четыреста шестьдесят две тонны. Он был назван «Резолюшн» («Решимость») и отправлен для оснащения в Дептфорд. Водоизмещение другого корабля составляло триста тридцать шесть тонн. Этот корабль был назван «Адвенчур» («Предприятие») и был отправлен для оснащения в Вулидж.

Сначала предполагали обшить их медью, но вследствие того, что медь разъедает железные части, особенно около руля, пришлось отказаться от этого намерения и прибегнуть к старому методу обшивки и оснащения, как более верному; хотя принято изготовлять рулевые петли из меди, однако я полагаю, что она не столь прочна, как **[46]** железо, и я совершенно убежден в том, что она не выдержала бы такого плавания, какое проделал «Резолюшн».

Поэтому, пока не будет найдено средство для предупреждения действия меди на железные части, не рекомендуется употреблять ее для экспедиций этого рода.

28 ноября 1771 г. я был назначен командиром «Резолюшн», а Тобайас Фюрно (бывший второй помощник капитана Уоллиса) — командиром «Адвенчур».

Экипаж «Резолюшн» состоял из 111 чел., в том числе отряд морской пехоты в 20 чел.; экипаж «Адвенчур» из 81 чел., в том числе морской пехоты — 12 чел.

Я имел все основания быть вполне довольным выбором офицеров. Второй и третий помощники (Клерк и Пиккерсгил), лейтенант морской пехоты, двое других офицеров и несколько унтер-офицеров были со мной в первой экспедиции. Остальные были людьми, известными своими достоинствами, и все они в продолжение всего плавания по всякому случаю проявляли свое усердие и ревность к службе.

При оснащении этих кораблей мы не ограничивались обычным снаряжением, но снаряжали их наиболее полным образом и снабжали всеми предметами, которые нам казались необходимыми.

Лорд Сандвич обращал чрезвычайное внимание на снаряжение, посещал от времени до времени корабли, чтобы убедиться в том, что все необходимое было погружено на борт.

Нас снабдили самыми лучшими запасами провианта и всем остальным, что могло понадобиться в столь длительном плавании.

Виды провианта несколько отличались от принятых для употребления во флоте. Так, мы получили вместо овсяной муки пшеницу и сахар вместо растительного масла. По окончании погрузки каждый корабль имел на борту на два с половиной года провианта всякого рода. Среди прочих продуктов мы имели солод, кислую шинкованную и соленую (в кочнах) капусту в бочках, бульонные таблетки, ревень, горчицу, сгущенное пивное сусло, желе из моркови.

Некоторые из этих продуктов были уже прежде признаны весьма полезными противоцинготными средствами; другие

были отправлены для испытания их с этой целью; это относится, главным образом, к сгущенному пивному [47]

Список членов экипажа кораблей				
Офицеры, матросы и солдаты	**На «Революшн»**		**На «Адвенчуре»**	
	число	**имена**	**число**	**имена**
Капитан ...	1	Джемс Кук	1	Тоб айас Фюрно
Помощник и ...	3	Роберт Купер Чарльз Клерк Риш Пиккерсгил	2	Джо зеф Шенк Артур Кэмп
Корабельный мастер ...	1	Джозеф Гилберт	1	Пит ер Фаннин
Боцман ...	1	Джеймс Грей	1	Эду ард Джонс
Старший плотник ...	1	Джеймс Уоллис	1	Уил ьям Оффорд
Артиллерист ...	1	Роберт Андерсон	1	Энд рью Глог
Лекарь ...	1	Джеймс Паттен.	1	Том ас Эндрюс
Помощник и мастера	3		3	
Унтер-офицеры ...	6		4	

Помощник и лекаря ...	2		2	
Писарь ...	1		1	
Слесарь ...	1		1	
Старший матрос ...	1		1	
Зав. Оружием ...	1		1	
Его помощник ...	1		1	
Парусник ...	1		1	
Его помощник ...	1		1	
Помощник и боцмана	3		2	
Помощник и плотника ...	3		2	
Канониры ...	2		1	
Младшие плотники ...	4		4	
Кок (повар) ...	1		1	
Его помощник ...	1		—	
Рулевые ...	6		4	
Матросы ...	45		33	
Морская пехота				
Лейтенант ...	1	Джон Эдкомбл	1	Джеймс Окот
Сержант ...	1		1	
Капралы ...	2		1	
Барабанщи	1		1	

к ...				
Рядовые ...	15		8	
Всего ...	111		81	

[48] суслу (опыты с ним оказались удачными) и к желе из моркови. Последнее было рекомендовано нам, как очень сильное противоцинготное средство, но мы этого не находили.

Из солода изготовлялось сладкое сусло, которое давалось больным цингой или тем, чье состояние здоровья внушало опасение, — от одной до шести кружек в день, по назначению лекаря.

Кислая шинкованная капуста (к ней добавлялось немного можжевеловых ягод) — очень хорошее противоцинготное средство. На каждого человека полагалось два фунта в неделю, но я увеличивал или уменьшал эту порцию в той мере, в какой я считал это нужным. Бульонные таблетки давались здоровым и больным, и они оказывали на всех чрезвычайно благотворное действие.

Ревень, лимонный и апельсинный соки предназначались только для больных, особенно цинготных, и находились в полном распоряжении лекаря.

Для нас были изготовлены два остова небольших судов, водоизмещением в двадцать тонн, которые были доставлены на борт каждого из кораблей, чтобы их (если это понадобится) достроить и употребить в качестве вспомогательных судов или для спасения экипажа в случае кораблекрушения.

Нас также снабдили большим количеством рыболовных сетей, удочек и различных крючков для рыбной ловли. И для того, чтобы дать нам возможность получать свежий провиант в тех обитаемых частях света, в которых мы можем причалить и где деньги не имеют цены, Адмиралтейство распорядилось погрузить на борт обоих судов различные товары как для обмена у туземцев на припасы, так и для подарков, чтобы приобрести их дружбу и уважение.

Были также выбиты медали с изображением его величества, а на оборотной стороне с изображением двух кораблей. Эти медали предполагалось раздавать туземцам вновь открываемых стран и оставлять у них для засвидетельствования, что мы были первыми, открывшими эти земли.

На борт было погружено добавочное теплое обмундирование для выдачи экипажу, когда это будет необходимо. Короче говоря, у нас не было недостатка ни в чем, что могло способствовать успеху предприятия или обеспечить удобство и сохранить здоровье его участникам. **[49]**

Адмиралтейство уделило не меньше внимания науке, пригласив художника-пейзажиста Уильяма Ходже принять участие в этой экспедиции, чтобы делать зарисовки и пейзажи в странах, которые мы посетим. Подобные изображения могут дать более точное представление о тех местах, чем одни только описания.

Для общественной пользы считалось необходимым участие в этой экспедиции какого-либо лица, сведущего в естественной истории. Парламент предоставил крупную сумму для этой цели, и был приглашен Иоган Рейнгольд Форстер со своим сыном [31].

Палата Долгот [32] получила согласие Уильяма Уолса и Уильяма Бейли на производство астрономических наблюдений; первый должен был нести их на борту «Резолюшн», последний на борту «Адвенчура». Крупные усовершенствования, внесенные в астрономию и мореплавание, благодаря многим интересным наблюдениям, которые они сделали, оказали бы честь любым астрономам и математикам.

Палата снабдила их самыми лучшими приборами для производства астрономических наблюдений и опытов, а также хронометрами. Палата решила издать специальный отчет о работе этих часовых механизмов, а также об астрономических и морских наблюдениях, сделанных астрономами под редакцией Уолса.

Я весьма обязан Уолсу за то, что он во время путешествия сообщал мне свои наблюдения, предоставлял мне свой дневник и разрешил брать из него все, что, по моему мнению, может способствовать совершенству данного труда.

При обозначении курса и пеленгов, румбы приведены исправленные, а не со склонением компаса, кроме тех случаев, когда в тексте даны соответствующие указания.

А теперь необходимо сказать, что, собираясь отплыть в третью экспедицию, я оставляю этот отчет о моем втором плавании в руках моих друзей, которые любезно взяли на себя труд держать корректуру этих листов. Они полагают, что все, что я могу сообщить, лучше изложить моими собственными, а не чужими словами: так как этот труд предназначается главным образом для информации, а не для развлечения, то искренность и точность уравновесят недостаток красоты стиля. **[50]**

Поэтому я закончу это введение просьбой к читателю простить небрежности стиля, их, несомненно, немало в моем рассказе. Пусть он помнит, что это произведение человека, который не имел возможности долго обучаться в школах, но с молодых лет постоянно находился в море. И хоть я с помощью добрых друзей прошел все ступени морской службы — от юнги на судах-угольщиках до капитана королевского флота, я не имел случая заниматься литературой. Итак, публика не должна ожидать от меня изящного стиля или искусства профессионального писателя, но, надеюсь, будет смотреть на меня как на простого человека, старающегося усердно служить своей Родине и решившего дать, по возможности, полный отчет о своих действиях.

Плимутский рейд 7 июля 1776 г.

Комментарии

1. *Умозрительная география* — течение в европейской географии XVIII в., ожесточенным противником которого был Кук. Географы этого направления, исходя из чисто умозрительных, схоластических представлений о

распределении суши и воды на земном шаре, полагали, что существует закон равновесия в пространственном размещении континентов. Колоссальной материковой массе северного полушария должен соответствовать близкий по размерам континент в южном полушарии. Умозрительная география следовала при этом древним, давно уже пересмотренным в ходе великих географических открытий, географическим легендам и превратно толковала данные новейших исследований, которые не согласовались с ее основной концепцией (прим. 74). Кук нанес смертельный удар основному положению умозрительной географии; он неопровержимо доказал, что в низких и средних шпротах южного полушария нет и не может быть еще неоткрытых земель значительной величины.

Кук не отрицал возможности существования материка близ южного полюса и привел убедительные доводы в пользу этого предположения. Однако после его знаменитого второго путешествия, разочарованные адепты умозрительной географии впали в другую крайность и создали теорию об отсутствии каких бы то ни было земель в Антарктиде. Этот географический миф суждено было развеять в 1820 г. русским мореплавателям Беллинсгаузену и Лазареву, положившим начало открытиям материка Антарктиды.

2. *Магеллан Фернандо* (1480—1521) — великий португальский мореплаватель. Но договору с испанским королем Карлом V в 1519 г. предпринял путешествие к Молуккским островам западным путем, открыл пролив, отделяющий Американский материк от Огненной земли (Магелланов пролив), и перейдя Тихий океан, открыл архипелаг Ладронес и Филиппинские острова, где был убит в стычке с туземцами. Спутник Магеллана Себастьян дель Кано, продолжая плавание, пересек Индийский океан и через мыс Доброй Надежды вернулся в Испанию (1522), совершив первое в истории человечества кругосветное путешествие.

3. *Острова Ладронес*, современное название — Марианские острова (архипелаг, расположенный в Тихом океане между 14 и 20-м градусами южной широты вдоль 145° в.д.), открыты 6 марта 1521 г. Магелланом и названы им островами Латинских

парусов (по форме парусов, которыми были оснащены каное островитян). Уже Магеллан отмечал, что обитатели архипелага не склонны уважать собственность европейцев. В связи с этим испанские мореплаватели позднее дали островам наименование Ладронес («Воровские»). Испанцы утвердились там в 1565 г., когда Лопес Легаспи, подчинивший испанской короне Филиппины, основал на архипелаге Ладронес небольшое поселение. Острова стали в XVII—XVIII вв. важной опорной базой для испанских кораблей, совершавших регулярные рейсы между Акапулько (Мексика) и Манилой. Современное название дано было архипелагу в 1668 г. в честь вдовы короля Филиппа IV Марианы.

4. *Менданья де Нейра Альваро* (1542—1595) — выдающийся испанский мореплаватель, совершивший два путешествия (в 1567—1568 и 1595 гг.) в восточную часть Тихого океана.

Первая экспедиция была задумана испанским математиком и географом Педро Сармьенто де Гамбоа, жителем Лимы, столицы вице-королевства Перу. Но во главе экспедиции наместник Перу поставил не заподозренного в ереси Сармьенто, а своего юного племянника Менданью. Корабли экспедиции должны были направиться на поиски островов, будто бы открытых в Южном море, незадолго до завоевания испанцами Перу, перуанским мореплавателем Тупак Юпанки.

Менданья на двух кораблях: «Альмиранта» и «Капитана» вышел из Кальяо 19 ноября 1567 г. Следуя на запад, он лишь 15 января 1568 г. впервые увидел землю. То был небольшой остров, расположенный на 6° ю.ш., вероятно, в архипелаге Эллио. Менданья назвал его островом Иисуса. 1 февраля Менданья открыл большой архипелаг, получивший впоследствии название Соломоновых островов. До сих пор еще удержались названия, которые Менданья дал отдельным островам этой группы (Гвадалканал, Сан-Кристобаль, Санта-Исавель и др.).

11 августа экспедиция отправилась в обратный путь к берегам Калифорнии, открыв несколько атоллов в архипелагах, которые позднее были названы островами Гилберта и

Маршальскими. 19 декабря Менданья достиг Нижней Калифорнии.

Название Соломоновы острова не встречается в донесениях участников экспедиции. Оно, несомненно, позднейшего происхождения. Соотечественники Менданьи, возбужденные слухами о новооткрытых сказочно богатых землях в Южном море, отождествили эти земли со страной Офир, откуда, по библейскому сказанию, царь Соломон получал золото для украшения иерусалимского храма. В Испании Менданья встретил холодный прием. Вторую экспедицию в Южное море ему удалось снарядить лишь после почти тридцатилетних хлопот, в 1595 г. В этой экспедиции главным пилотом был молодой португалец Педро Фернандес де Кирос.

Менданья и Кирос вышли из Кальяо 9 апреля 1595 г. и взяли курс к Соломоновым островам. В конце июля 1595 г. была открыта группа густо населенных островов, названная в честь вице-короля Перу маркиза Мендосы — Маркизскими островами. В бухте Мадре де-Дьос (Богоматери) на острове Санта-Кристина испанцы истребили сотни островитян и возбудили у местного населения чувство лютой ненависти к пришельцам. В начале августа Менданья отплыл на запад, открыл группу островов Сан-Бернардо (ныне острова Гемфри) и остров Солитарию и спустя две недели дошел до архипелага, которому он дал название островов Санта-Крус (Святого креста). Попытка основать на этих островах испанскую колонию не увенчалась успехом. Большая часть экспедиции, в том числе и сам Менданья, умерли от болезней, и экспедиция под командой Кироса, претерпев много лишений, через острова Ладронес (теперь Марианские) прибыла в Манилу в конце 1595 г.

Кук ошибочно приписывает Менданье открытие Новой Гвинеи.

5. *Новая Гвинея*. Трудно установить точно дату первого посещения ее берегов европейцами, но, несомненно, уже в 20-х годах XVI в., за 40 лет до первого плавания Менданьи, португальцы со своих баз на Молуккских островах и на Малакке

и на Яве эпизодически появлялись на северных берегах Новой Гвинеи.

В 1525 или 1526 г. португалец Менесеш совершил плавание вдоль этих берегов, а в 1527 г. на Новой Гвинее побывал испанский мореплаватель Сааведра, посланный Кортесом из Мексики к Молуккским островам. Сааведра по имени обитателей острова назвал его Папуа. Название Новая Гвинея было дано другим испанским мореплавателем Иньиго Ортис де Ретесом в 1545 г.

В 1606 г. на южных берегах Новой Гвинеи появляются голландцы (Вилем Янсон), которые в начале XVII в. утверждаются на островах Зондского архипелага и вытесняют из морей, омывающих юго-восток Азии, португальцев. В 1606 г. испанец Торрес открыл пролив между Гвинеей и Австралией, названный его именем. В 1616 г, вдоль северных берегов проследовали корабли голландской экспедиции Скоутена и Лемэра.

В 1623г. южные берега Новой Гвинеи были обследованы голландской экспедицией Карстенса. Карстенс, следуя с востока на запад, дошел до берега Торресова пролива, но пройти через него не смог из-за многочисленных мелей и подводных камней. Он повернул на юг, углубился, следуя вдоль западного берега северной оконечности Австралии — полуострова Йорк, в воды залива Карпентария и вернулся на остров Амбойна в Молуккском архипелаге.

Тасман, совершивший свои два знаменитых плавания в 1642 и 1644 гг., в первом из них прошел вдоль всего северного берега Новой Гвинеи, а во втором путешествии повторил маршрут Карстенса. Ни Тасману, ни Карстенсу не удалось пройти через Торресов пролив, и поэтому в течение долгого времени мореплаватели, не зная об открытии Торреса, ошибочно считали Новую Гвинею частью Австралии.

В 1699—1700 гг. британский корсар Дампьер посетил северные берега Новой Гвинеи и открыл названный его именем пролив, отделяющий Новую Гвинею от острова Новая Британия.

Бугенвиль в 1768 г. не мог, следуя с востока на запад, пройти Торресовым проливом от Новых Гебрид к Молуккским островам и вынужден был обогнуть Новую Гвинею с севера. Лишь в 1770 г. Кук во время своего первого кругосветного плавания прошел с запада на восток через Торресов пролив.

Соперник Кука, капитан Дальримпль, в 1767 г. опубликовал материалы, касающиеся экспедиции Торреса, и установил за испанцами неоспоримое право приоритета на открытие пролива между Новой Гвинеей и Австралией (прим. 74).

6. *Кирос Педро Фернандес и Торрес Луис Ваес*. Педро Фернандес де Кирос (1560—1616), португалец родом, в молодости поступил на испанскую службу и вскоре заслужил репутацию талантливого инициативного и смелого мореплавателя. Кирос был главным пилотом второй экспедиции Менданьи, которая в 1595 г. открыла Маркизский архипелаг и острова Санта-Крус. Он возглавил экспедицию после смерти Менданьи и привел сильно поредевшую в плавании и измученную голодом, жаждой и тропическими болезнями команду Менданьи к берегам Калифорнии. Кирос был уверен, что ему и Менданье удалось в 1595 г. продолжить путь к Южному материку, легендарной Terra Australis, чьи фантастические контуры наносились почти на все мировые карты XVI в. У Кироса созрел план грандиозной экспедиции к берегам Южного материка, которая должна была закрепить за испанской короной необъятные земли в южном полушарии. К губернаторам, министрам, епископам, к папе и королю Испании Кирос отправлял десятки пламенных посланий. В этих мемориалах и письмах фанатический экстаз правоверного католика, мечтавшего об обращении в «истинную веру» туземцев — язычников, сочетался с трезвой расчетливостью конкистадора — достойного преемника Кортеса и Писарро.

Кирос говорит о райском климате и плодородных землях далекого материка, он высчитывает с точностью до червонца будущие доходы с еще не открытых земель и с библейским пафосом призывает церковь сплети «коснеющих в язычестве индейцев». В 1600 г. он едет в Испанию. Ни в Индийском Совете, ни в Торговой Палате его никто не желает слушать.

Мемориалы Кироса кладутся под сукно, к нему относятся как к докучливому маниаку. Испании в ту пору было уже не до новых приобретении. Ослабленная и истощенная, она едва сдерживала натиск англичан и голландцев, которые стремились к полному господству на морских путях Испанской империи. Кирос едет в Рим и добивается поддержки папы. Воображение князей церкви воспламеняется мечтой о несметных богатствах Южного материка. Рычаги могущественного церковного аппарата приходят в движение, и в Мадриде выслушивают предложение Кироса.

В 1603 г. Кирос одерживает победу. В его распоряжение выделяются деньги и корабли. Еще два года, и экспедиция снаряжена. 1 декабря 1605 г. Кирос на трех кораблях («Альмиранта», «Капитана» и «Три волхва») отплывает из перуанского порта Кальяо на поиски Terra Australis. С ним едет толпа искателей наживы, которым не дают покоя лавры и поместья конкистадоров, некогда опустошивших Новый Свет на огромном пространстве от Рио Гранде дель Норте до Огненной земли. С ним португалец Луис Торрес — командир «Капитаны».

В конце января 1606 г. экспедиция открывает группу мелких, низменных островков, окруженных опасными мелями. Но здесь нет ни золота, ни пряностей, ни даже достаточного количества пресной воды. В промежуток времени с 16 января по 8 февраля Кирос открывает шесть островков южной группы архипелага Паумоту, разбросанного в юго-восточной части Тихого океана, на огромном пространстве примерно в 1 млн. кв. км. Миновав этот архипелаг, корабли идут дальше на запад. В апреле Кирос открывает еще два островка (в группе Бенкса). Наконец 1 мая корабли входят в залив, глубоко врезающийся в берега цветущей и густо населенной земли. Киросу кажется, что он у цели. Новооткрытой земле он дает название Южной земли Духа Святого (Эспириту Санто). Эта земля была одним из островов Новогебридского архипелага (остров до настоящего времени сохранил название Эспириту Санто).

На берегах залива Кирос закладывает город Новый Иерусалим. Монаха на испанском языке проповедуют темнокожим

аборигенам евангелие, а колонисты разоряют и грабят туземные селения, уводят в Новый Иерусалим взрослых мужчин и женщин, истребляют детей и стариков.

Однако ожидания испанцев не оправдываются. На земле Духа Святого нет золота, а темнокожие «индейцы» бегут от пришельцев в леса. Болезни косят непривычных к влажному тропическому климату спутников Кироса. Среди командиров экспедиции назревают все новые и новые неурядицы.

При невыясненных обстоятельствах Кирос на «Альмиранте» разлучился с двумя другими кораблями и после двухмесячного пребывания на земле Духа Святого отплыл обратно в Америку. 23 декабря 1606 г. «Альмиранта» бросает якорь в гавани Акапулько на берегу Мексики.

Планы Кироса потерпели полное крушение. Попытка колонизации земли Духа Святого не удалась, надежды на несметные богатства южного «материка» не оправдались; однако Кирос с поразительным упорством хлопочет о снаряжении новой экспедиции. Преодолев все препятствия, исписав кипы бумаг, он добивается в 1609 г. от короля особого распоряжения вице-королю Перу о выделении кораблей для повторного плавания. Но в Лиме приказы из Мадрида выполняются далеко не сразу. Пять лет длится канцелярская переписка, Лима запрашивает дополнительные разъяснения, и в момент, когда вопрос об экспедиции был окончательно разрешен, Кирос, измученный упорной и тяжкой борьбой с испанскими чиновниками, умирает.

Торрес, обнаружив островной характер земли Духа Святого, покинул ее в июне 1606 г., направился на юго-запад, но, не обнаружив в этом направлении земли, повернул к северо-северо-западу. Он дошел до южного берега Новой Гвинеи и, следуя вдоль него на запад, открыл пролив (ныне носящий его имя), отделяющий Новую Гвинею от Австралии; за 164 года до Кука он проследовал водами этого пролива к Молуккским островам. В мае 1607 г. Торрес прибыл в Манилу. Подобно Киросу, Торрес посылал во многие учреждения

Испании мемориалы и письма, настаивал на снаряжении новой экспедиции, но не добился ничего.

В 30-х годах XVII в. адвокат Ариас нашел в канцелярских архивах бумаги Торреса. Ариас тщетно доказывал, что необходимо закрепить за испанской короной открытия Торреса и вновь снарядить экспедицию к берегам земель, на которых некогда побывали Менданья, Кирос и Торрес. Мемориалы Ариаса без движения пролежали в архивах Манилы свыше столетия, а затем во время семилетней войны попали в руки англичан (1762 г.) (прим. 74).

7. *Плавание Скоутена и Лемэра*. В 1615 г. богатый амстердамский купец Исаак Лемэр организовал экспедицию для поисков нового морского пути из Атлантического в Тихий океан, в обход Магелланова пролива. В успехе предприятия были заинтересованы многие купцы — соперники и конкуренты Голландской Ост-Индской компании, которая контролировала все пути, ведущие в юго-восточную Азию и бесцеремонно задерживала чужие корабли, следующие через Магелланов пролив или вокруг мыса Доброй Надежды к островам Малайского архипелага.

Во главе экспедиции стали Вилем Скоутен, один из наиболее опытных голландских мореплавателей, и сын Иксаака Лемэра — Якоб Лемэр.

Скоутен и Лемэр на кораблях «Эндрахт» («Согласие») и «Гори» вышли 14 июня 1615 г. из Текселя и взяли курс к берегам Южной Америки. В январе 1616 г. они дошли до Магелланова пролива и, не входя в него, проследовали к юго-востоку вдоль восточного берега Огненной земли.

25 января корабли вступили в новый пролив. К западу лежала юго-восточная оконечность Огненной земли, к востоку — покрытый снегом высокий берег неизвестной земли, которую Скоутен и Лемэр назвали Землей Штатов. Этот пролив, названный именем Лемэра, вывел путешественников в открытое море — Тихий океан. 29 января, следуя на юго-запад, они увидели на севере линию берега и высокий мыс, вдающийся в море. Этот мыс — крайнюю южную оконечность

Америки — Скоутен и Лемэр назвали по имени города, где снаряжалась их экспедиция, мысом Горн. Они остались в неведении относительно подлинных очертаний Земли Штатов (а земля эта была лишь небольшим гористым островом) и от мыса Горн направились на северо-запад. В Тихом океане Скоутен и Лемэр открыли четыре острова в архипелаге Паумоту (этот архипелаг еще в XVI столетии посещался испанцами); два острова (Кокосовый и Предателей (Теперь называются Босковен и Кеппель)) в группе Тонга (Дружбы) и двумя градусами западнее их остров Надежды (Нюафоа), остров Горн к северо-востоку от архипелага Фиджи и ряд мелких островов к северу от Соломоновых островов (Маркеп, ныне Мортлок, и др.). Обогнув с севера Новую Ирландию и Новую Гвинею (у берегов ее были открыты острова Вулкан и Скоутена), Скоутен и Лемэр 28 октября 1616 г. прибыли в Батавию.

Скоутен и Лемэр разделяли всеобщую веру в легендарную Terra Australis incognita — южный материк гигантских размеров и считали, что открытая ими Земля Штатов соединяется с Новой Гвинеей.

Таким образом, гигантское пространство Тихого океана, между мысом Горн и Новой Гвинеей, казалось им морем, омывающим берега южного континента.

8. *Тасман Абель (1603—1659 г.)* — выдающийся голландский мореплаватель. Родился в провинции Грониген, в молодости плавал на торговых судах в европейских водах. В 1633 г. переехал из Голландии в Нидерландскую Индию, был шкипером на кораблях Голландской Ост-Индской компании.

В 1639 г., совместно с Матвеем Квастом, был послан генерал-губернатором Нидерландской Индии на поиски богатых золотом островов в северной части Тихого океана.

В 1642 г. Тасман стал во главе большой экспедиции, организованной для поисков неведомой южной земли. На двух кораблях, имея в качестве главного пилота опытного мореплавателя Франца Вискера, Тасман вышел из Батавии 14 августа 1642 г. и направился к острову Св. Маврикия в западной части Индийского океана. Затем он свернул к юго-востоку и,

следуя на относительно высоких широтах (45—49° ю.ш.), дошел до берегов неведомой земли, которую он назвал Вандименовой землей (современная Тасмания). Проплыв вдоль восточного берега этой земли, Тасман взял курс на восток и в декабре 1642 г. открыл землю, которую он назвал Землей Штатов, полагая, что она соединяется на востоке с одноименной землей, открытой в 1615 г. близ мыса Горн Скоутеном и Лемэром. Земля эта была западным берегом Южного острова Новой Зеландии. В одной из бухт Южного острова, в результате стычки с местными жителями — маори, Тасман потерял 7 матросов (бухту эту Тасман назвал «Бухтой убийц»).

Тасману не удалось пройти на восток через пролив, отделяющий южный остров от северного, и он продолжал путь, следуя вдоль западного берега Северного острова. Обогнув его, Тасман направился на северо-восток, желая посетить открытые Скоутеном и Лемэром острова Кокосовый и Предателей и открыл ряд новых островов группы Тонга или Дружбы. (Последнее название дано архипелагу Куком; Тасман же дал наиболее значительным островом этой группы, Тонгатабу, Эуа и Намука, наименования — Амстердам, Роттердам и Миддельбург). От островов Дружбы Тасман через отмели, окаймляющие архипелаг Фиджи, направился на северо-запад, обогнул с севера Новую Гвинею и 15 июня 1643 г. вернулся в Батавию. В 1644 г. Тасман и Вискер предприняли второе путешествие к северным и северо-западным берегам Австралии.

В дальнейшем Тасман руководил голландскими торговыми экспедициями в Сиаме (1647) и принимал активное участие в набеге на Филиппины (1648).

Главные заслуги Тасмана заключаются в том, что он открыл Новую Зеландию и Вандименову землю (Тасманию) и, обогнув Австралию с юга, доказал, что она не является частью легендарной Terra Australis incognita; однако в существование последней европейские географы продолжали верить и после плаваний Тасмана.

9. *Хоукинс Ричард (1562—1622)* — английский пират, один из наиболее типичных представителей плеяды дерзких и алчных рыцарей первоначального накопления елизаветинской эпохи. То во главе целой эскадры, то на небольшом корабле Хоукинс грабил испанские корабли в Атлантике и в Тихом океане. В поисках добычи он в 1593 г. совершил кругосветное путешествие и по пути опустошил и сжег чилийский портовый город Вальпараисо. В 1594 г. был взят испанцами в плен и вскоре после возвращения в Англию в ознаменование своих заслуг на пиратском поприще, получил титул вице-адмирала.

Кук ошибочно приписывает Хоукинсу открытие Фолклендских островов (прим. 10).

10. *Фолклендские острова*. Группа островов в южной части Атлантического океана в 550 км к востоку от входа в Магелланов пролив.

Фолклендские острова открыты английским пиратом Дэвисом в 1592 г. Английский корсар Хоукинс посетил их в 1594 г. В 1598 г. острова обследовал голландец Себольд де Верт. Его именем (острова Себольда) архипелаг отмечался на морских картах в XVII в. В 1690 г. (а не в 1689, как об этом говорит Кук) английский мореплаватель Джон Стронг открыл Фолклендский пролив, разделяющий два главных острова архипелага. Вскоре вся группа островов получила наименование Фолклендских.

В 60-х годах XVIII в. из за обладания Фолклендскими островами — важным стратегическим пунктом на пути из Европы в Тихий океан и к западным берегам Америки — возник серьезный международный конфликт.

В 1764 г. Бугенвиль, по поручению французского правительства, основал поселение на Фолклендских островах. Тогда Англия направила на острова коммодора Байрона, который заложил там крепость Порт-Эгмонт и объявил архипелаг владением британской короны. Франция в 1767 г. передала свое поселение на островах Испании, а испанские колонисты, три года спустя, овладели крепостью Порт-Эгмонт и захватили в плен ее гарнизон. Англо-испанские отношения обострились до крайности и в обеих странах шла усиленная подготовка к войне.

Смелость, проявленная Испанией, объяснялась тем, что весь конфликт был инспирирован ее союзницей Францией, мечтавшей о реванше за жестокие поражения Семилетней войны. Однако в самый решительный момент Франция отказалась поддержать испанские требования на Фолклендские острова. Испанцам пришлось заключить с Англией крайне невыгодное соглашение. Фактически острова перешли во владение Англии, а в 1833 г. были официально объявлены британской колонией. Но Аргентина, как «наследница» Испании, оспаривает английские права на эти острова.

11. *Пепис* — легендарный остров, будто бы открытый англичанами в 1684 г. в Атлантическом океане на 47° ю.ш. В первой половине XVIII в. не раз делались безуспешные попытки найти этот остров. Миф об острове Пепис весьма пригодился Англии в 1764 г., когда в Лондон дошли слухи о захвате французами Фолклендских островов. Посланный на поиски острова Пепис коммодор Байрон направился к Фолклендскому архипелагу, высадился на нем и торжественно объявил, что именно этот архипелаг и есть искомый остров Пепис, на который Англия имеет неоспоримые права (прим. 10).

12. *Галлей Эдмонд (1656—1742)* — английский астроном, автор ряда исследований о кометах. Дал расчет периодичности появления кометы, названной его именем. Друг и сотрудник Ньютона, издавший на свой счет знаменитые ньютоновские Principia в 1687 г.

13. *Роггевен Якоб (1659—1729)* — голландский адмирал, открывший в 1722 г. остров Пасхи и восточную группу островов Самоа. Под его командой в 1721 г. была отправлена на трех кораблях экспедиция в южную часть Тихого океана на поиски легендарной Земли Девиса, будто бы открытой в 1687 г. в 700 географических милях к западу от берегов Чили английским пиратом Девисом. 6 апреля 1722 г. в день Пасхи, Роггевен, следуя от мыса Горн к западу, открыл большой остров, который он назвал островом Пасхи. Хотя при высадке на берег островитяне не оказали ни малейшего сопротивления пришельцам, голландцы, чтобы внушить местному населению

представление о силе огнестрельного оружия, расстреляли собравшуюся на берегу толпу мирных туземцев (об этой зверской расправе упоминает Кук). Разграбив остров, Роггевен в дальнейших поисках Земли Девиса отправился на Запад. Посетив архипелаг Паумоту, где один из кораблей экспедиции разбился о рифы, Роггевен достиг архипелага Самоа, открыв там острова Баумана (ныне Мануа) и посетил к югу от Самоа открытые Скоутеном и Лемэром острова: Кокосовый и Предателей (современные названия: Боскавен и Кеппель).

Затем Роггевен направился мимо Новой Британии к Новой Гвинее, обогнув ее с севера и через Батавию и Кейптаун вернулся в июне 1723 г. в Голландию.

Записки о кругосветном плавании Роггевена (Кук ссылался на них на стр. 183) принадлежат спутнику адмирала, немцу Беренсу.

14. *Текселъ* — остров в Голландии, у входа в залив Зюйдерзее. В XVII и XVIII в. в. на Текселе была главная база голландского военного флота и гавань Ост-Индской компании.

15. *Буве Лозье* — французский мореплаватель первой половины XVIII в. Результаты плавания Буве в южную часть Атлантического океана, сами по себе незначительные, во многом, однако, определили принятый Куком маршрут его второго путешествия.

Буве в июле 1738 г. на двух кораблях: «Эгль» и «Мари», вышел из Лориана (порт на Атлантическом побережье Франции) на поиски легендарной земли Гонневиля, которая на французских картах XVI в. нередко помещалась в южной части Атлантического и Индийского океанов. 1 января 1739 г. Буве открыл на 54°51' ю.ш. и 4° в.д. высокую, покрытую снегом, землю. Вдающийся в море небольшой полуостров Буве назвал мысом Обрезания (Сирконсинсьон).

В глазах географов умозрительного направления, полагавших, что в южном полушарии имеется материк, равный континентам северного полушария, открытие Буве расценивалось как доказательство существования подобного

материка, одной из конечностей которого они считали мыс Сирконсинсьон.

Кук напрасно потратил немало времени на поиски земли, открытой Буве (в 1772 и 1775 гг.). Он не нашел мыса Обрезания и пришел к заключению, что Буве либо принял за берег земли высокий ледяной остров, либо открыл незначительный островок. Справедливым оказалось второе предположение Кука: Буве открыл не берег материка, а небольшой скалистый остров, географические положения которого он определил неточно (по данным Буве, 54° ю.ш. и 11° в.д.). В настоящее время остров носит имя Буве.

16. *Ост-Индские компании*. Торговые компании — ассоциации пайщиков, получавшие монопольные привилегии от европейских правительств на торговлю с Индией и странами юго-восточной Азии. В XVII—XVIII вв. Ост-Индские компании великих морских держав — Англии, Голландии и Франции — были инициаторами и проводниками широкой колониальной экспансии. Ожесточенно оспаривая друг у друга первенство в борьбе за мировые торговые пути и богатые земли, они сохраняли монопольные права на грабеж и эксплуатацию многомиллионного населения южной Азии.

Голландская Ост-Индская компания была основана в 1602 г. Это было объединение крупных купцов шести важнейших городов Голландии, почти независимое от правительства. Создав свой могучий флот, получив монопольные привилегии на торговлю с Востоком, компания изгнала оттуда португальцев, проникла в Индию, захватила значительную часть Малайского архипелага, обосновалась на мысе Доброй Надежды (1652), имела разветвленную агентурную сеть в Китае, после изгнания испанцев и португальцев из Японии монополизировала внешнюю торговлю этой страны.

XVII в. — эпоха наибольшего расцвета Голландской Ост-Индской компании. В XVIII в. она распространила свою власть почти на весь Малайский архипелаг, но потеряла в борьбе с англичанами свое былое торговое значение.

Британская Ост-Индская компания, основанная в 1600 г., была замкнутой корпорацией немногочисленных пайщиков — крупных купцов и видных английских аристократов. Полем ее деятельности была Индия, где Компания добилась особенного успеха в 50-х годах XVIII в., вытеснив оттуда французов и захватив значительную часть распадающейся Империи Великих Моголов.

Время Кука — апогей мощи и влияния Британской Ост-Индской компании. Но уже в последней четверти XVIII в. в борьбу с Компанией вступают новые, выдвинувшиеся в ходе быстрого роста капиталистических отношении группировки английской буржуазии, которые стремятся завоевать индийские рынки и принять активное участие в колониальном грабеже земель, захваченных Компанией. Кук относился резко отрицательно к Британской Ост-Индской компании, разделяя недовольство широких кругов английской буржуазии ее деятельностью.

Французская Ост-Индская компания, основанная в 1642 г. и неоднократно подвергавшаяся реорганизации, в отличие от британской и голландской, находилась под жестким правительственным контролем, и наиболее влиятельными ее пайщиками были крупные феодальные магнаты, король и принцы королевского дома. Дурно управляемая Компания, в которой слабое участие принимала французская торговая буржуазия, не могла одержать верх в ожесточенной борьбе с англичанами, и во время Семилетней войны утратила почти все свои позиции в Индии. В 70-х годах ее опорными пунктами были остров Св. Маврикия и город Пондишерри в Индии.

17. *Байрон Джон (1723—1786)* — английский мореплаватель, дед великого поэта Джорджа Байрона. За самодурство и дурной нрав получил у современников кличку «Джек — скверная погода». Был грозой собственных подчиненных и бельмом на глазу у Адмиралтейства. Это закостеневшее в рутине ведомство Байрон третировал и поносил при каждом удобном случае.

Первое знакомство с морем Байрон получил, плавая на корабле адмирала — пирата Ансона в 1741—1742 гг. В 1746 г. Байрону

(тогда бывшему в чине коммодора) было поручено снаряжение экспедиции в южную часть Атлантического и в Тихий океан для розысков легендарного острова Пепис и южного материка. Байрон, не найдя в Атлантике острова Пепис, высадился на Фолклендских островах и объявил их владением британской короны на том основании, что острова эти есть не что иное как таинственный Пепис, будто бы открытый англичанами в 1684 г.

От Фолклендских островов Байрон проследовал через Магелланов пролив в Тихий океан. Им открыты в южной части Тихого океана два острова, в северной части архипелага Паумоту, остров Принца Уэльского, вероятно, один из островов в группе Манахики, три острова в архипелаге Токелау и один остров, названный его именем (ныне Нукунау) в архипелаге Гилберта.

18. *Уоллис Самюэл (1728—1795), Картерет Филипп (умер в 1796 г.)* — английские мореплаватели.

После возращения из кругосветного плавания коммодора Байрона, Адмиралтейство, желая довести до конца дотоле безуспешные поиски южного материка, направило в Тихий океан экспедицию под командой капитана Уоллиса на двух кораблях: «Дельфин» и «Сволоу» («Ласточка»). Меньшим судном — «Сволоу» командовал капитан Картерет. Корабли вышли в плавание летом 1766 г. В апреле 1767 г. при выходе из Магелланова пролива суда экспедиции разлучились, и в дальнейшем Уоллис и Картерет уже больше не встретились.

Уоллис пересек Тихий океан в интервале между 20 и 10° ю.ш. Он открыл пять островов в центральной части архипелага Паумоту между 148 и 137° з.д. на 18—19° ю.ш. Следуя далее на запад, Уоллис открыл Таити и четыре других острова в архипелаге, позднее названном Куком островами Общества (или Товарищества, как иногда их называют в русской литературе). Это было одно из самых значительных открытий в Тихом океане в период между плаваниями Тасмана и Кука.

От островов Общества Уоллис направился к Марианскому архипелагу, а оттуда через Батавию к мысу Доброй Надежды. 20 мая 1768 г. он прибыл в Англию. Кук ошибочно приписывает

Уоллису открытие островов Боскавен и Кеппель. Эти острова еще в 1616 г. были открыты Скоутеном и Лемэром.

Картерет шел южнее, между тропиком Козерога и 20° ю.ш. Он открыл остров Питкерн (прим. 64) и остров Оснабург в южной части архипелага Паумоту. Следуя по маршруту Менданьи (1595), Картерет дошел до островов Санта-Крус и назвал этот архипелаг островами Королевы Шарлотты. Затем он направился на северо-запад, открыл у 5° ю.ш. небольшой архипелаг, названный его именем (к северу от Соломоновых островов) и пройдя через пролив, отделяющий Новую Ирландию от Новой Британии, обошел с севера Новую Гвинею. Картерет присвоил группе островов у северного берега Новой Гвинеи (ранее открытых голландцами) название Адмиралтейских. Через Батавию и Кейптаун, он в исходе 1768 г. вернулся в Англию, встретившись в Атлантическом океане с Бугенвилем, который так же, как и Картерет, завершал свое кругосветное плавание.

19. *Бугенвиль Луи Антуан (1729—1811)* — французский мореплаватель. Руководитель первой французской экспедиции, совершившей кругосветное плавание (1766—1769).

Бугенвиль вышел в кругосветное плавание из Лориана на двух кораблях, «Будез» и «Этуаль», в ноябре 1766 г. Пробыв до ноября 1767 г. на Фолклендских островах, Бугенвиль направился к Магелланову проливу и 26 января 1768 г. вышел в Тихий океан. 22 марта Бугенвиль открыл группу маленьких островов (Катр Фокардин) в архипелаге Паумоту (архипелаг этот Бугенвиль назвал «Опасным»). Продолжая плыть к западу, Бугенвиль в начале апреля прибыл на остров Таити, открытый в минувшем 1767 г. Уоллисом (но Бугенвиль не мог об этом узнать на пути к острову). От берегов Таити Бугенвиль направился к открытым Тасманом островам Дружбы, но, отклонившись к югу, попал на острова Самоа (названные им архипелагом Мореплавателей). В конце мая, продолжая следовать к западу, Бугенвиль дошел до южной Земли Духа Святого и нанес на карту пять островов этого архипелага, который он назвал Большими Кикладами (Новые Гебриды Кука). Продолжая плыть к западу, Бугенвиль дошел до пояса

отмелей (мель Дианы) у восточных берегов Новой Голландии и доказал, что открытая Киросом Земля Духа Святого отделена от Новой Голландии широким проливом.

От полосы рифов и отмелей у берегов Новой Голландии Бугенвиль направился на север. К юго-востоку от Новой Гвинеи от открыл группу мелких островов — Луизиады.

Здесь экипаж получил отдых после опасного плавания среди рифов, и небольшой полуостров на одном из островов группы Луизиады, Бугенвиль назвал мысом Избавления (Cape Delivrance). В начале июля 1768 г. корабли экспедиции, двигаясь от Луизиад в северном направлении, неожиданно нашли Соломоновы острова, открытые и затем потерянные Менданьей. Бугенвиль прошел через пролив, разделяющий два крупных острова Соломонова архипелага (Шуазель и Бугенвиль). Попытки Бугенвиля пройти к Молуккским островам вдоль южного берега Новой Гвинеи не увенчались успехом, и он, не зная об открытии Торреса, пришел, как и ряд его предшественников, к заключению, что Новая Гвинея соединяется с Новой Голландией. Обогнув Новую Гвинею с севера, Бугенвиль 28 сентября 1768 г. прибыл в Батавию. 16 марта 1769 г. он вернулся во Францию через Кейптаун.

Плавание Бугенвиля не привело к открытию южного материка и вызвало поэтому мало энтузиазма во Франции. Следует, однако, отметить, что ни один исследователь Тихого океана в период между путешествиями Тасмана и Кука не сделал так много для познания южных морей, как Бугенвиль.

20. *Королевское общество*. Ядром этого общества была ассоциация британских ученых «незримая коллегия», основанная Бейлем, Уиллисом и Реном в конце 40-х годов XVII в. во время английской революции. В 1660 г., в год реставрации монархии Стюартов, эта организация была преобразована в «Лондонское Королевское общество по совершенствованию природных знаний». Во второй половине XVII и в XVIII столетии Королевское общество объединяло крупнейших представителей различных наук (физиков, астрономов,

математиков, натуралистов, философов, географов) и являлось центром исследовательской мысли всеевропейского значения.

Насущные требования усиливающейся английской буржуазии определяли направление работ общества со времени его организации. Один из его основателей, Джон Уилкинс, говорил: «Занятие математикой и философией не только доставляет удовольствие, но и приносит реальную выгоду, особенно тем джентльменам, которые вкладывают свои средства в такие предприятия, как осушение шахт, угольные копи и т.д.». «Взаимопонимание» между подобными предприимчивыми джентльменами и деятелями общества немало способствовало процветанию последнего. Общество было штабом географической мысли и поддерживало все заморские предприятия английского правительства, способствуя успеху их осуществления.

21. *Острова Дружбы (Тонга)* расположены между 15 и 23° ю.ш. и 173 и 177° з.д. Архипелаг Дружбы состоит из трех небольших групп островов: Вавау (северная), Хапаи (центральная) и Тонгатабу (южная) и мелких, рассеянных на значительном расстоянии друг от друга, островков, рифов и отмелей.

Два самых северных островка: Боскавен и Кеппель, были открыты Скоутеном и Лемэром в 1616 г. (прим. 7). Главные острова архипелага открыл в 1643 г. Абель Тасман, который трем из них дал наименования: Амстердам, Миддельбург, Роттердам (современные названия этих островов: Тонгатабу, Эуа и Намука).

В 1767 г. архипелаг посетил Уоллис. Первое детальное описание островов, открытых Тасманом, принадлежит Куку (вторая книга, главы 1—3). Куку архипелаг обязан и своим современным названием, которое он дал в ознаменование дружественного приема экспедиции местными жителями.

22. *Острова Общества*. Архипелаг в Тихом океане под 148 и 155° з.д., 16—18° ю.ш. Площадь — 1 647 кв. км. Архипелаг состоит из 14 гористых островов вулканического происхождения, которые разделяются на две группы — северо-западную — Подветренные острова и юго-восточную —

Наветренные. К последней группе относятся салаге крупные острова: Таити (1 042 кв. км), Моореа (132 кв. км), Табуинману (73 км). Из Подветренных островов наиболее значительный Райатеа (Ульетеа у Кука) — 194 кв. км. Климат тропический, морской, средняя годовая температура +25°. Архипелаг этот, вероятно, посещали еще в XVI в. испанские мореплаватели (Менданья, Кирос). Честь достоверного и документально засвидетельствованного открытия принадлежит Уоллису (прим. 18). Название дано Куком в честь Королевского общества.

23. *Новая Голландия (Австралия)*. Исследования и открытия XVII—XVIII вв. Принято считать, что австралийский материк был открыт голландцами в начале XVII ст. Но смутные представления о «большой южной земле» к югу от Малайского архипелага европейские географы имели еще в XVI в.

Контуры большого острова и материка («Великая Ява» французской карты 1530 г., земля к югу от Новой Гвинеи в атласе Жака Ротса, 1542 г.) появляются на картах в ту эпоху, когда португальцы, обосновавшиеся на Молуккских островах, приступают к обследованию морей, разделяющих Азию от Австралии.

Трудно, однако, установить, чем руководствовались составители этих карт — сообщениями ли португальских мореплавателей или легендой о Terra Australis — великом южном материке, переходившей из поколения в поколение со времен классической древности до конца XVIII в.

Первое документально засвидетельствованное открытие австралийских берегов относится к 1606 г., когда голландец Вилем Янсон на корабле «Дейфкен» (Голубок), следуя вдоль южного берега Новой Гвинеи, вошел в воды залива Карпентария и посетил западный берег полуострова Йорк.

Янсон на два месяца опередил мореплавателя. Торреса (португальца на испанской службе), открывшего летом 1606 г. пролив между Новой Гвинеей и Австралией.

В 1611 г. голландец Броувер, направляясь из Европы к острову Яве, отклонился от обычного в то время курса (который проходил от мыса Доброй Надежды вдоль берегов Мозамбика, или Мадагаскара, к северо-востоку, следуя далее через область муссонов экваториальных широт Индийского океана) и, пользуясь попутным пассатом, прошел от мыса Доброй Надежды на восток, придерживаясь 30° ю.ш. Не доходя до берегов Западной Австралии, Броувер свернул к северу и прибыл на Яву, сократив более чем вдвое время перехода от Африки до Ост-Индии.

С тех пор голландцы стали пользоваться этим курсом и уже в 1616 г. амстердамский купец Дирк Гартогсон по пути в Батавию открыл участок западно-австралийского берега между 26°30' и 23° ю.ш. Область эту Гартогсон назвал Землей Эндрахт, по имени своего корабля (эндрахт — по-голландски согласие).

В 1618 г. голландцы открыли еще два участка на этом берегу Австралии севернее Земли «Эндрахт», а в 1619 г. Фредерик Хоутман прошел вдоль западного берега Австралии между 32 и 26° ю.ш. и открыл полосу опасных для мореплавания отмелей, получивших у голландцев образное наименование «Смотри в оба» (Abrolhos) — по-португальски буквально «Открой глаза». (В лексиконе голландских моряков было немало слов португальского происхождения.)

В 1622 г. голландцы дошли до крайней юго-западной оконечности Австралии — мыса «Леувин» (названном так по имени корабля «Леувин» («Львица»).

В 1627 г. голландский шкипер Франсуа Тиссен на корабле «Гульден зееперт» («Золотой морской конь») проник к южным берегам Австралии, дошел до 133° в.д. и нанес на карту Великий Австралийский залив, берега которого он в честь своего спутника, видного голландского чиновника Ньюйса, назвал Землей Питера Ньюйса.

Не менее усердно обследовали голландцы и северные берега. В 1623 г. Ян Карстенс повторил маршрут Янсона, но зашел дальше его в глубь залива Карпентария (название это дано Карстенсом по имени губернатора Голландской Индии

Карпентера). К западу от залива Карстенс обследовал значительный участок северного берега Австралии и назвал его именем своего корабля — Землей Арнхейм.

В 1636 г. Херрит Томас Поол к западу от Земли Арнхейм открыл еще один участок северного берега Австралии.

Таким образом, к тому времени, когда Тасман предпринял свое первое путешествие (1642), большая часть западного, южного и северного побережий Австралии была уже известна. Однако голландцы не знали еще, являются ли новооткрытые земли частью материка или островами крупного архипелага. Вопрос этот был разрешен в результате двух плаваний Тасмана — 1642—1643 и 1644 гг. (прим. 8). Во второй половине XVII в. северные, западные и юго-западные берега Австралии приняли на картах очертания, близкие к современным. Но вплоть до первого путешествия Кука почти ничего не было известно о восточных берегах Австралии.

Голландские и английские плавания второй половины XVII в. и первой половины XVIII в. лишь уточнили положение ранее открытых частей материка, и путешествия Зеева (1648), Перебома (1658), Ван дер Валя (1678) и Дампьера (1699) не внесли ничего существенно нового в представление об австралийском континенте. Считалось, что Вандименова Земля, Новая Гвинея и Земля Духа Святого, открытая Киросом (Новые Гебриды), составляет часть Новой Голландии.

Кук во время своего первого путешествия, в 1770 г., обследовал до той поры неизвестный восточный берег Новой Голландии, нанес его на карту и прошел через Торресов пролив. Таким образом он завершил исследования нескольких поколений мореплавателей.

Однако ни в первом, ни во втором путешествии Куку не удалось установить существование пролива между Вандименовой Землей и Новой Голландией. Пролив этот был открыт Бассом лишь в 1798 г.

Название Новая Голландия дано было австралийскому материку спустя несколько лет после путешествий Тасмана (сам

Тасман называл этот материк Compagnis Nieu Nederland) и удержалось до середины XIX в., когда оно было вытеснено современным наименованием — Австралия.

24. *Бенкс Джозеф (1713—1820)* — английский натуралист, спутник Кука в его первом кругосветном путешествии 1768 — 1771 гг. С 1778 по 1820 г. был президентом Королевского общества.

25. *Соландер Даниелъ Карл (1733—1782)* — шведский ботаник, ученик Линнея, долгое время проживший в Англии. Совместно с Бенксом принял участие в первом путешествии Кука и в обработке привезенных в Лондон ботанических коллекций.

26. *Британский музей*. Датой основания считается 1753 г., когда английское правительство приобрело большие собрания книг, произведений искусств и естественно-исторические коллекции натуралиста и любителя древностей Слоана (1660—1753). Фонды Слоана были ядром Британского музея, который рос с необыкновенной быстротой благодаря щедрым пожертвованиям различных меценатов, но еще более за счет беззастенчивого ограбления стран, вовлекаемых в сферу британской колонизации. В Британском музее хранится большая часть коллекций, собранных Куком и его спутниками.

27. *Сюрвилъ Жан Франсуа Мари (1717—1770)* — французский мореплаватель. В 1769 г. по поручению французского губернатора в Пондишерри (Индия), отправился на поиски Земли Девиса, якобы открытой англичанами в Тихом океане (в 700 милях от чилийского берега). По пути он посетил (одновременно с Куком) Новую Зеландию, и, следуя от ее берегов, пересек Тихий океан. В Кальяо при высадке на берег Сюрвиль утонул.

28. *Кергелен-Тремарек Ив Жозеф (1745—1797)* — французский мореплаватель. В 1771 г. снарядил экспедицию для поисков легендарной земли Гонневиля в южной части Атлантического океана.

Открыл небольшой остров на 49°20' ю.ш. и 67°10' в.д., который он сперва принял за часть южного континента. Кук посетил

этот остров, названный впоследствии именем Кергелена, в 1776 г., и назвал его Землей Отчаяния.

Кук упоминает о том, что Кергелен совершил во время своего путешествия поступок, поставивший под сомнение его репутацию и честь. Действительно, Кергелена обвиняли в том, что он оставил на одном из необитаемых островов без достаточных оснований группу моряков из своего экипажа. Дело это было, однако, замято, и Кергелен отделался лишь несколькими месяцами домашнего ареста.

29. *Марион-Дюфрен Никола-Томас (1720—1772)* — французский мореплаватель. В 1771—1772 гг. на двух кораблях, «Маскарен» и «Маркиз де Кастри», совершил на свой собственный счет, но при поддержке губернатора острова Св. Маврикия, путешествие в Тихий океан. В Атлантическом океане Марион открыл несколько небольших островов на 45°30' ю.ш. и 44—45° в.д. (группу этих островов, названную Марионом островами Казерн, Кук посетил в 1776 г. во время третьего путешествия и два из них назвал именами Мариона и его спутника Крозе). В апреле 1772 г. Марион дошел до Новой Зеландии. На берегах Северного острова экспедиция избрала себе место стоянки, и здесь 8 июня 1772 г. Марион и 16 человек из его команды были убиты туземцами, жестоко оскорбленными наглым поведением французов. В отместку французские моряки сожгли дотла селение Такури и перебили свыше 50 маорийцев. Экспедиция вернулась на остров Св. Маврикия в конце 1772 г.

Крозе впоследствии выпустил в свет (1783) свои дневники и опубликовал карты, которые он показывал в Кейптауне Куку в 1775 г.

30. *Остров Ямайка* — в архипелаге больших Антильских островов открыт был Колумбом в 1494 г. Находился во владении Испании до 1655 г., когда был захвачен Англией. Ямайка была в XVIII в. важнейшим колониальным владением Англии в Вест-Индии. Весь остров был занят плантациями сахарного тростника, на которых работали негры-невольники. Ямайский сахар вывозился англичанами во все страны мира.

31. *Форстер Иоганн Рейнгольд (1729—1798)* и *сын его Форстер Георг (1754—1794)* — немецкие натуралисты, спутники Кука по его второму путешествию.

Иоганн Форстер начал свою научную карьеру в России, затем приехал в Англию и в 1772 г. получил приглашение принять совместно с сыном участие в экспедиции Кука. По возвращении из плавания между Куком и Форстерами возникли серьезные разногласия, поскольку последние не желали при составлении отчета о путешествии придерживаться официозного плана записок о путешествии, намеченного Адмиралтейством. Несмотря на строжайший запрет, Георг Форстер выпустил в свет в 1777 г. свои дневники, которые могут служить любопытным комментарием к запискам Кука (изданным тремя месяцами позже книги Форстера).

Форстер резко осуждает поведение офицеров «Резолюшн» по отношению к туземцам и в ряде случаев дает иное, более близкое к истине объяснение постоянных конфликтов между англичанами — спутниками Кука — и островитянами. Форстер отмечает, что почти всегда виновниками этих столкновений были европейцы, которые бесцеремонно нарушали мир и покой местных жителей и со скотской грубостью обращались с туземцами, на каждом шагу жестоко оскорбляя и обманывая их.

Для своего времени записки Георга Форстера и опубликованная в 1778 г. работа его отца, основанная на материалах экспедиции, представляли не малый интерес. Труды Форстера были в известном роде энциклопедией стран южных морей. Они заключали подробные описания природы и населения всех островов, обследованных в период трехлетнего путешествия.

Следует отметить, что под влиянием Руссо и отец и сын Форстеры нередко рисовали идиллические картины райского благоденствия на островах южных морей, искажая и произвольно толкуя наблюдаемые факты. Поэтому во всем, что касается быта, материального производства, религии и культуры туземного населения, следует с большим доверием относиться к запискам Кука, превосходного наблюдателя и человека с ясным и холодным умом.

Огромные ботанические коллекции Форстеров, частично ими обработанные, хранятся в Британском музее. Иоганн и Георг Форстеры опубликовали в конце 70-х и в 80-х годах несколько специальных исследований но флоре южного полушария.

32. *Палата долгот* — специальное учреждение британского морского ведомства, осуществлявшее руководство навигационными наблюдениями во флоте. Палата снабжала астрономическими приборами суда, выходившие в плавание, и получала от командиров кораблей подробные отчеты о действии этих приборов на практике.

КНИГА ПЕРВАЯ

От берегов Англии до островов Общества

Глава первая

Плавание от Англии до мыса Доброй Надежды с отчетом о некоторых путевых происшествиях

Я вышел из Дептфорда 9 апреля 1772 г., но противные ветры задержали меня в Вулидже, и только 22 апреля «Резолюшн» спустился к Лонг-Ричу, где на следующий день к нам присоединился «Адвенчур». В Лонг-Риче оба корабля приняли на борт матросов, пушки, снаряды и порох.

10 мая, воскресенье. 10 мая мы отплыли из Лонг-Рича, но еще на Темзе я заметил что «Резолюшн» дает сильный крен при обычной оснастке. Пришлось ввести судно в ширнесские доки, чтобы устранить некоторые дефекты верхней надстройки корабля.

Должностные лица в Ширнесе [33] получили приказ немедленно начать необходимые работы. В док прибыли лорд Сандвич [34] и Хью Пеллизер (Пеллизер в 1772 г. был главным ревизором британского флота. — *Ред.*), которые оказали мне необходимое содействие.

22 июня, понедельник. 22 июня «Резолюшн» был полностью снаряжен для выхода в море, и в тот же день я отплыл из Ширнеса в Плимут [35].

3 июля, пятница. 3 июля в Плимутском канале «Резолюшн» встретился с «Адвенчуром». Накануне вечером, мы в водах канала имели встречу с лордом Сандвич. На **[54]** яхте «Аугуста» в сопровождении фрегата «Глори» и шлюпа «Азард» он совершал объезд адмиралтейских верфей.

Мы салютовали ему семнадцатью выстрелами. Лорд Сандвич и сэр Хью Пеллизер посетили «Резолюшн» и дали новое, на этот раз последнее, доказательство своих забот о нашем благополучном отправлении. Они пожелали лично удостовериться, что корабль снаряжен для дальнего плавания в полном соответствии с моими требованиями.

В Плимуте я получил инструкцию, подписанную 25 июня. Эта инструкция вменяла мне в обязанность принять под свое командование «Адвенчур», немедленно следовать к острову Мадейре, запастись там вином и продолжать путь к мысу Доброй Надежды. Пополнив там наши запасы всем необходимым для дальнейшего плавания, я должен был отправиться к югу в поисках мыса Сирконсинсьон («Обрезания»), который, по данным Буве, был расположен на 54° ю.ш. и 11°20' в.д.

Обнаружив этот мыс, я обязан был установить, является ли он частью южного материка (о существовании которого издавна вели споры мореплаватели и географы) или же оконечностью сравнительно небольшого острова.

В первом случае новооткрытые земли надлежало обследовать самым детальным образом, имея в виду потребности навигационной практики и торговли и значение подобного рода исследований для науки. Если бы эти земли оказались обитаемыми, я должен был определить численность туземного населения, собрать сведения о характере, нравах и обычаях жителей и вступить с ними в дружественные сношения. Для этой цели необходимо было щедро раздавать подарки и привлекать туземцев к торговым операциям. При всех обстоятельствах следовало относиться к местным жителям заботливо и предупредительно.

Я обязан был приложить все усилия для того, чтобы открыть новые территории на юге, следуя либо в восточном, либо в западном направлении, по моему собственному усмотрению. Нужно было при этом держаться наиболее высоких широт и плыть к южному полюсу до тех пор, пока это позволят наши запасы, состояние здоровья команды и состояние самих кораблей. При любых обстоятельствах необходимо было иметь на борту резервный запас **[55]** продовольствия, достаточный для благополучного возвращения на родину в Англию.

Во втором случае, если бы мыс Сирконсинсьон оказался только частью острова, я должен был точно определить его положение. Затем, найду я его или не найду, я должен был держать курс на юг, пока еще будут надежды на открытие Южного материка. Тогда я должен был взять курс на восток и обследовать в поисках еще неоткрытых земель неизведанные части южного полушария.

Плавая в высоких широтах, возможно ближе к южному полюсу, я должен был обойти вокруг земного шара, вернуться к мысу Доброй Надежды, а оттуда следовать в Спидхед [36].

Я мог, если бы плавание на высоких широтах в неблагоприятное время года оказалось опасным, временно возвратиться в заранее избранный пункт, расположенный севернее, чтобы дать отдых людям и ремонтировать суда. Однако инструкция требовала, чтобы из этого пункта корабли при первой же возможности вновь направились к югу. Если бы «Резолюшн» погиб в пути, плавание следовало продолжать на «Адвенчуре».

Копию этой инструкции я дал капитану Фюрно для руководства и неукоснительного исполнения.

На случай неожиданного разъединения кораблей я определил пункты для ближайшей и последующих встреч: первая встреча должна была состояться на острове Мадейре, вторая — в Порту-Прайя на острове Сантьягу [37], третья — на мысе Доброй Надежды, четвертая — у берегов Новой Зеландии.

Во время нашего пребывания в Плимуте, астрономы Уолс и Бейли провели на острове Дрейк наблюдения для сверки корабельных хронометров. Они установили, что остров Дрейк лежит на 50°21'30" с.ш. и 4°20' з.д. Гринвичский меридиан был принят нами как исходный, и от него впоследствии отсчитывались долготы как в восточном, так и в западном полушарии, вплоть до 180°.

10 июля, пятница. 10 июля в моем присутствии и при участии капитана Фюрно и первых помощников состоялась процедура пуска хронометров. После этого командирам кораблей, их помощникам и астрономам были вручены ключи от ящиков, где хранились эти приборы. **[56]**

Лица, выделенные мной для наблюдения за работой хронометров, должны были во время путешествия всегда присутствовать при их заводе и сверке.

В тот же день, по старому флотскому обычаю, экипажи обоих кораблей получили авансом двухмесячное жалование.

Для поощрения моряков, которым предстояло тяжелое и долгое плавание, им, помимо этого аванса, выплатили вперед жалованье вплоть до 28 мая следующего года.

13 июля, понедельник. 13-го в 5 час. утра я вышел из Плимутского канала в сопровождении «Адвенчура», и 29-го вечером наши корабли бросили якорь в гавани Фуншал на острове Мадейре. На следующее утро я салютовал гарнизону города одиннадцатью выстрелами и получил ответное приветствие.

Я сошел на берег с капитаном Фюрно, обоими Форстерами и Уолсом. На рейде нас встретил представитель английского вице-консула и пригласил нас в дом одного богатого и влиятельного английского купца, который принял нас исключительно сердечно и тепло.

Фуншал — главный город острова — расположен на южном берегу Мадейры, в глубине одноименного залива. Здесь мы

приобрели для пополнения корабельных запасов свежее мясо, лук, вино и погрузили на борт пресную воду.

1 августа, суббота. Закончив погрузку, мы 1 августа покинули Мадейру и взяли курс на юг при свежем северо-восточном ветре.

4 августа, вторник. Миновали Пальму — один из островов Канадского архипелага. Горы на этом острове настолько высоки, что видны уже на расстоянии 12—14 лиг.

5 августа, среда. 5 августа мы увидели берега острова Ферро, мимо которого корабли прошли на расстоянии 14 лиг.

Обнаружив, что запасов пресной воды может не хватить до мыса Доброй Надежды, я решил зайти на остров Сантьягу (один из островов Зеленого мыса).

9 августа, воскресенье. В 9 час. утра увидели на юго-западе берега острова Бонависта.

10 августа, понедельник. 10 августа вправо от нас остался остров Майю. Вечером того же дня мы бросили якорь в Порту-Прайя на острове Сантьягу. **[57]**

Я немедленно направил офицера на берег, чтобы испросить разрешение на погрузку провизии и воды. Вскоре это разрешение было получено. После возвращения офицера я салютовал форту одиннадцатью выстрелами. По недоразумению орудия форта приветствовали меня ответно только девятью выстрелами. На следующий день губернатор острова принес мне за эту ошибку глубокие извинения.

14 августа, пятница. 14-го вечером мы вышли в море, пополнив запасы воды и погрузив на суда свиней, птиц, коз и свежие фрукты.

Гавань Прайя — небольшая бухта на южном берегу острова Сантьягу. Узнать эту бухту легче всего по характерным формам холма на ее южной оконечности. Этот круглый холм имеет острую вершину и лежит к западу от входа в гавань.

Гавань замыкают две невысоких скалы, которые лежат на расстоянии полулиги друг от друга. Близ западного мыса много подводных камней, о которые беспрестанно разбиваются морские волны. Бухта врезывается в берег на пол-лиги. Глубина ее от 4 до 14 фатомов. Крупные суда могут приставать в той части бухты, где глубина более 8 фатомов. Погрузка воды на корабли обычно затрудняется сильным волнением в бухте. Пресная вода на острове удовлетворительная, хотя и имеет повышенную жесткость. В Порту-Прайя можно легко приобрести быков, коз, баранов, свиней, кур и плоды. Козы здесь чрезвычайно тощие, не лучше их молодые бычки, свиньи и овцы. Бык весом от 250 до 300 фунтов стоит 12 испанских долларов. Различные вещи легко можно приобрести у местных жителей в обмен на старую одежду. Однако торговля быками целиком находится в руках одной компании, которой пожалована эта привилегия. Форт господствует над бухтой, и место его постройки выбрано весьма удачно.

19 августа, среда. 19-го после полудня упал за борт один из корабельных плотников. Наши попытки спасти утопающего запоздали. Эта потеря болезненно ощущалась в дальнейшем, так как погибший плотник был прекрасным работником и отличался отменной трезвостью.

20 августа, четверг. 20-го в 9 час. дождь перешел в ливень при переменном ветре. Большинство людей **[58]** вынуждено было оставаться на палубе и почти все промокли до нитки. Впрочем, благодаря дождю мы пополнили убывающие запасы пресной воды.

За дождем последовал глубокий мертвый штиль, который длился 24 часа. Затем подул легкий юго-западный ветер. Удерживаясь в южных румбах, этот ветер продолжался несколько дней, порой он переходил в шторм, и тогда на нас обрушивались потоки дождя, и зной становился нестерпимым. Ртуть в термометре в полдень стояла на 26-28 °С.

27 августа, четверг. 27-го капитан Фюрно доложил мне, что на «Адвенчуре» умер один из унтер-офицеров. Следует отметить, что на борту «Резолюшн» больных не было, хотя в тропических

широтах, при непрерывных дождях, экипажи кораблей обычно страдают от различных заболеваний.

Для предупреждения болезней я, следуя советам, данным мне в Англии, приказал регулярно проветривать внутренние помещения кораблей, пропуская в межпалубное пространство сухой воздух. Матросы должны были, кроме того, проветривать свои постели, и используя любую возможность, уделять время для стирки белья и верхней одежды. Пренебрежение этими правилами ведет к заражению воздуха на корабле и вызывает тяжелые болезни, особенно во влажном и жарком климате.

Видели птиц, которые, как говорят, никогда не летают далеко от земли. То были фрегаты [38], и тропические птицы (фаэтоны), глупыши [39] и др. Однако, по моим расчетам, ближайшая земля находилась от нас на расстоянии не менее 80 лиг.

30 августа, воскресенье. На 2°35' с.ш. и 7°30' з.д. восточный ветер сменился южным, мы взяли курс на юго-запад. На 0°52' с.ш. и 9°25' в.д. корабль попал в полосу штиля, что дало нам возможность спустить шлюпку и заняться определением скорости морского течения.

Мы установили, что направление течения северное, а скорость его около одной трети мили в час. Впрочем, имелись основания предполагать наличие такого течения и до того, как были сделаны соответствующие наблюдения. Я уже заметил, что имеется расхождение в данных долготных определений по счислению курса [40] и по непосредственным наблюдениям. Лунные наблюдения подтвердили наши **[59]** предположения. Оказалось, что в действительности мы шли на 3° к востоку от намеченного курса.

При измерении скорости течения мы определили температуру воздуха и воды. При температуре воздуха 23°,9 С температура воды на поверхности была 23°,3 а на глубине 80 фатомов — 18°,9 С.

Штиль сменился легким юго-западным ветром, причем направление ветра менялось в восточных и южных румбах, при ясной и тихой погоде.

8 сентября, вторник. Пересекли экватор под 8° з.д. Разумеется при этом не была забыта традиционная церемония купанья, принятая у моряков в таких случаях.

При умеренном восточном ветре мы за следующие восемь дней дошли до 9°30' ю.ш. и 18° з.д. Погода была превосходная. Снова в изобилии появились птицы, летающие вблизи суши — фрегаты, глупыши и тропические птицы. Вероятно, они прилетали с островов Св. Матвея или Вознесения. Мимо этих островов мы прошли на небольшом расстоянии.

27 сентября, четверг. На 25°29' ю.ш. и 24°54' з.д. мы увидели на западе корабль. Он находился от нас на таком расстоянии, что трудно было различить, идет он под португальским или английским флагом.

Ветер стал переменным. Спустя два дня на короткое время установился штиль, а затем безветрие сменилось сильным шквалом с дождем. Направление ветра часто менялось с преобладанием северных и восточных румбов. На этих ветрах мы шли медленно вперед и вплоть до 11 октября не встретили ничего достойного упоминания.

11 октября, воскресенье. В 6 час. 24 мин. 12 сек. мы наблюдали лунное затмение, и по его данным определили нашу долготу, внеся поправки в обычные расчеты.

12 октября, понедельник. Пытались вновь определить скорость течения, но не обнаружили видимых признаков его. С12 по 16-е шли на северном и восточном ветре. Нас все время сопровождали птицы, встречающиеся в открытом море, вдали от берегов — альбатросы [41], «пинтадо», «водорезы» [42] и маленькие серые буревестники [43], меньше голубя, которые большими стаями летали над кораблем. Брюшко У них было беловатое, спина серая с черной поперечной полосой. Подобно пинта до, эти птицы водятся лишь в **[60]** южном полушарии, под тропиками. Я полагаю, что севернее экватора они никогда не встречаются.

17 октября, суббота. Заметили на северо-западе идущий к востоку корабль под голландским флагом. В течение двух суток

он шел вместе с нами, а затем мы, несколько изменив курс, потеряли это судно из виду.

21 октября, среда. Утром производились по солнечным и лунным наблюдениям определения широты. Было установлено, что мы находимся на 35°20' ю.ш.

23 октября, пятница. Утром, воспользовавшись кратковременным штилем, спустили на воду шлюпку. Форстер подстрелил несколько альбатросов и других птиц, мясо которых оказалось необыкновенно вкусно. Вблизи корабля видели животное, которое мы приняли за тюленя или морского льва. Возможно, что это был один из обитателей острова Тристан да-Кунья [44], от которого мы находились градусах в пяти к востоку.

Через четыре дня надолго установился ветер северо-западного направления, на котором мы и дошли до мыса Доброй Надежды.

По мере приближения к берегам Африки, начали исчезать морские птицы, и вновь появились фрегаты и глупыши. Невдалеке от мыса Доброй Надежды мы увидели черных птиц, которых обычно называют «капскими курочками».

Глубину океана по лоту удалось измерить, когда острова Пингвинов остались в двух-трех лигах к северо-северо-востоку от нас. В этой точке глубина была 50 фатомов. Вероятно, глубину можно было измерить и несколько мористее, но я уверен, что полоса мелководья у мыса Доброй Надежды имеет незначительную ширину.

Линем длиной 210 фатомов нельзя было достать дна в пунктах, лежащих в 25, 35 и 64 лигах к западу от Столовой бухты.

Мне не удалось таким образом обнаружить вблизи мыса Доброй Надежды ту большую мель, о которой мне говорили некоторые мореплаватели.

Перед выходом в путешествие один моряк, хорошо знающий условия плавания между берегами Англии и мысом Доброй

Надежды, предупреждал меня, что я отправляюсь в неблагоприятное время года, в тот период, когда в экваториальных широтах бывают затяжные штили. Однако так случается далеко не всегда. Нам, наоборот, почти не **[61]** случалось входить в полосу штилей. Не испытали мы на себе ярости грозных торнадо, о которых так много рассказывают мореплаватели. Но полностью подтвердились указания моряков на постоянные морские течения у Гвинейских берегов [45]. Это течение за 11 дней отнесло нас на три градуса к востоку в интервале между островом Сантьягу и первым градусом северной широты. После того как мы пересекли экватор и попали в область юго-восточного пассата, я заметил, что действительное положение корабля отличается от исчисленного по курсу, опережая последнее. По всей вероятности это объясняется влиянием морского течения юго-западного направления. Впрочем влияния различных течений на нашем пути в известной степени балансировались, и, прибыв к мысу Доброй Надежды, я убедился, что долготы, исчисленные по ходу корабля, были лишь на 3/4 градуса меньше долгот, определенных по астрономическим наблюдениям.

29 октября, четверг. В два часа пополудни показался мыс Доброй Надежды. Столовая гора, возвышающаяся над Кейптауном, была от нас в 12—14 лигах. Если бы не густые облака, мы, несомненно, увидели бы эту гору и на большем расстоянии.

Мы надеялись войти в бухту до наступления темноты и прибавили паруса. Всю ночь мы лавировали, меняя курс. В девятом часу все море внезапно осветилось. Это явление наблюдается нередко на подобных широтах. Бенкс и Солендер уверяли меня, что свечение вызывается особыми морскими насекомыми. Форстер сперва не соглашался с этим мнением. Тогда я велел зачерпнуть несколько ведер воды из моря. Рассматривая эту воду, мы увидели в ней множество шарообразных насекомых, совершенно прозрачных и очень мелких, величиной с булавочную головку [46].

С наступлением дня, при ясном небе, оба корабля взяли курс на Столовую бухту и вскоре бросили якорь на глубине пяти фатомов, на расстоянии лиги от пристани.

Не успели мы бросить якорь, как нас посетил капитан порта (мастер-аттендант) с другими офицерами — служащими Голландской Ост-Индской компании [47], и с одним местным жителем, Брандтом. Он привез на суда некоторые вещи, очень приятные для людей, только что прибывших **[62]** с моря. Мастер-аттендант осмотрел суда, особенно интересуясь состоянием здоровья экипажей. Он желал убедиться, нет ли на кораблях больных оспой, так как именно этой болезни опасаются больше всего на мысе Доброй Надежды, Осмотр здесь всегда бывает строгий, и врач обязательно посещает прибывающие в порт суда.

Немедленно после того, как корабли стали на якорь, я послал к губернатору барону Плеттенбергу офицера, чтобы известить местные власти о нашем прибытии и о причинах, побудивших меня зайти в порт. Посланец получил любезный ответ, и, когда он возвратился, наши корабли салютовали городу 11 выстрелами. Орудия форта приветствовали нас тем же числом выстрелов. Затем я с капитаном Фюрно и Форстерами отправился с визитом к губернатору. Он принял нас чрезвычайно радушно и обещал оказать мне содействие и помощь. От губернатора я узнал, что восемь месяцев назад два французских корабля с острова Св. Маврикия [48] открыли на меридиане этого острова и на 48° ю.ш. землю. Корабли шли вдоль берегов этой земли на протяжении 40 миль и у входа в один залив были отнесены в море сильным штормом. При этом во время промеров глубин залива погибло несколько шлюпок с людьми (Речь идет об экспедиции Кергелена (прим. 28). *Ред.*).

Один из этих кораблей — «Фортюн» — вскоре вернулся на остров Св. Маврикия, и его капитан отправился во Францию с подробными отчетами о путешествии.

Губернатор сообщил мне также, что два других французских корабля с острова Маврикия заходили в марте на мыс Доброй Надежды по пути в южную часть Тихого океана. Эти суда шли

на юг в поисках новых земель, и командовал ими капитан Марион. На кораблях Мариона возвращался на острова Таити туземец Аотуру [49], в свое время увезенный оттуда Бугенвилем.

Отдав визит губернатору и другим именитым особам, мы поселились в доме Брандта, где всегда останавливались офицеры английских судов. Брандт не жалел трудов и издержек, чтобы сделать приятным пребывание под его кровлей. Я договорился с ним о поставке на корабли всего необходимого для дальнейшего плавания. Обещанное было доставлено без задержек. Тем временем матросы чинили снасти и конопатили борт и палубы на обоих судах. **[63]**

Уолс и Бейли перенесли все своп инструменты на берег и провели на суше астрономические наблюдения, необходимые для сверки хронометров.

Спустя три или четыре дня после нас, в порт прибыли из Голландии два судна Ост-Индской компании. На одном из них умерло во время 4—5-месячного перехода 150 человек, на другом — 44. На этих кораблях свирепствовала цинга и другие тяжелые болезни. В местный госпиталь было отправлено много больных в ужасающем состоянии. Любопытно, что один из этих кораблей заходил на месяц ранее нас в Порту-Прайя, а прибыл на мыс Доброй Надежды тремя днями позже, чем мы.

Состояние здоровья экипажей на обоих кораблях не требовало долгой стоянки на мысе Доброй Надежды, но я задержался здесь, пополняя запасы сухарей и спиртных напитков. Только 18 ноября вся провизия была доставлена на борт, и 22-го мы вышли в море.

Во время стоянки матросы неизменно получали свежую баранину, говядину и хлеб свежей выпечки. Зелень давалась им в возможно большем количестве. Все ремонтные работы были с успехом закончены, и корабли при выходе в море, находились в таком же состоянии, как и в момент отхода из Плимута.

На «Адвенчура» пришлось сделать некоторые перемещения в офицерском составе. Первый помощник Шенк, недомогая еще до выхода судна из Плимута, подал мне прошение об

увольнении, чтобы вернуться домой. Я исполнил его просьбу и назначил на его место второго помощника Кемпа. Пост же второго помощника занял один из мидшипменов [50] Берни.

Форстер, увлеченный своими естественно-историческими и ботаническими исследованиями, встретился в Кейнтауне с шведским ботаником Спаррманом, учеником Линнея [51]. Спаррман изъявил желание сопровождать нас в плавание, и Форстер рьяно поддержал его просьбу. Полагая, что Спаррман сможет оказать большую помощь Форстеру в его работах, я согласился взять шведского ученого с собой. Форстер обещался оплатить все издержки, связанные с пребыванием шведского ученого на борту наших судов, и сверх того, из своих средств, выделил определенную сумму в качестве ежегодного пособия Спаррману.

Глава вторая

Плавание от мыса Доброй Надежды в поисках Южного материка

Завершив все дела на мысе Доброй Надежды, мы простились с губернатором и другими должностными лицами, которые с величайшей готовностью оказывали мне содействие в снаряжении экспедиции и привели суда в полную готовность.

22 ноября, воскресенье. В три часа пополудни якоря были подняты, и мы отплыли при северо-западном ветре. В семь часов мы вышли из бухты. Всю ночь шли к западу, чтобы удалиться от берега при шквалистом северо-западном ветре, который вынудил нас взять у марселей рифы. Море светилось точно так же, как и в ту ночь, когда мы подходили к Столовой бухте.

24 ноября, вторник. Удалившись от берега, я взял курс на мыс Сирконсинсьон. Вплоть до 24 ноября удерживался северо-западный ветер, сменившийся затем восточным. В полдень 24-го мы были на 35с25' ю.ш., в 29 минутах западнее мыса Доброй Надежды. Вокруг нас плавало множество альбатросов, и матросам удалось поймать удочкой несколько этих птиц.

Приманкой служил лоскут бараньей кожи. Матросы чрезвычайно радовались «улову», хотя в эти дни они еще получали свежую баранину.

Я распорядился раздать теплую одежду. Каждый матрос получил куртку из плотной шерстяной ткани и суконные нижние штаны. **[65]**

Умеренный восточный ветер продолжался два дня, и 29 ноября мы оказались уже на 39°4' ю.ш. Термометр показывал 11°,1 С. Вплоть до 6 декабря с небольшими перерывами удерживался сильный западно-северо-западный ветер. В этот день мы достигли 48°41' ю.ш. и 18°24' в.д. Сила ветра порой была такова, что мы должны были убавить паруса. Нас отнесло к востоку от намеченного курса, и я уже потерял всякую надежду попасть к мысу Сирконсинсьон. Но главная беда заключалась в том, что погибла большая часть животных, взятых с мыса Доброй Надежды, — много овец, свиней и все куры.

Все почувствовали на себе последствия резкой перемены климата, переходя из жарких областей в холодные моря. Ртуть в термометре упала до 3°,3 С. тогда как на мысе Доброй Надежды она не спускалась ниже 18°,8 С. Я приказал увеличить дневные порции спиртных напитков и, кроме того, распорядился в нужных случаях выдавать лишнюю чарку матросам. Капитану Фюрно был отдан приказ поступать точно так же и на «Адвенчуре». Ночь на 7 декабря была ясной и тихой — впервые с того момента, когда мы вышли из Кейптауна.

На утро восходящее солнце казалось обещало устойчивую погоду. Поэтому я приказал отдать рифы у марселей и поставить брамсели, чтобы воспользоваться свежим северным ветром.

Однако мои надежды скоро рассеялись, ибо все покрыл густой, плотный туман, и пошел сильный дождь. Усиливающийся ветер заставил нас снова убавить паруса.

Барометр предвещал бурю, и шторм скоро разразился. В час дня ветер настолько усилился, что мы убрали паруса и спустили брам-стеньги. Я решил лечь в дрейф, повернув корабли носом

на северо-восток для того, чтобы они могли наиболее успешно противостоять волнению.

8 декабря, вторник. 8 декабря в 8 часов утра мы повернули на другой галс. Ветер был так силен, что корабли не могли нести других парусов, кроме форстенг-стакселя. Вечером на 19°40' ю.ш. мы заметили двух пингвинов и клочья морской травы, или камнеломок [52], что побудило нас промерить глубину в этом месте. Однако, вытравив 100 фатомов линя, мы не обнаружили дна.

9 декабря, среда. В 8 часов вечера легли курсом на северо-восток и этим румбом шли до 3 часов утра 9-го числа, когда повернули к югу. Ночью дул шквалистый ветер со **[66]** снегом, однако к 8 часам утра сила ветра ослабла, и я дал приказ прибавить паруса. К вечеру легли в дрейф. Термометр стоял на 2°,2 С. Ночью был сильный мороз и шел снег.

10 декабря, четверг. Утром поставили нижние паруса и зарифленные марсели. Я дал сигнал капитану Фюрно идти впереди. В 8 часов утра видели к западу от корабля ледяной остров. В этот момент мы находились на 50°40' ю.ш. и на 2° к востоку от мыса Доброй Надежды. Скоро ветер стих, но погода была сырая и туманная, и я потребовал, чтобы «Адвенчур» приблизился к нам. Туман сгустился настолько, что мы не разглядели огромную глыбу льда, от которой мы оказались на расстоянии мили. Эта глыба имела в окружности не менее 2 миль при высоте около 50 футов. У нее была плоская вершина и обрывистые края. Капитан Фюрно сперва принял эту глыбу за берег неизвестной земли и сделал попытку приблизиться к кромке. Я приказал ему немедленно идти к «Резолюшн». Из-за тумана надлежало продвигаться вперед с крайней осторожностью. Взяв рифы у марселей, я попытался измерить глубину, но, вытравив линь на 150 фатомов, не обнаружил дна. Мы шли на юг при северном ветре и всю ночь лавировали под малыми парусами. Термометр показывал от —0°,5 С до +2°,2 С.

11 декабря, пятница. В полдень 11 декабря на 51°50'ю.ш. и 21°3' в.д. мы отметили появление белых птиц, величиной с голубя. У них были черные клювы и черные лапки. Этот вид птиц

оказался незнакомым Форстеру. Я думаю, что они принадлежат к буревестникам и водятся в покрытых льдом южных морях. Мы прошли в это время мимо двух ледяных островов, находившихся на небольшом расстоянии друг от друга.

12 декабря, суббота. Ночью северо-западный ветер заставил нас повернуть на юго-запад. 12-го удерживалась туманная погода, шел снег, и продвигаться вперед мы могли лишь с величайшей осторожностью, так как опасались столкновения с ледяными островами. Шесть таких островов мы миновали в течение дня. Некоторые из них достигали 2 миль в окружности и имели высоту до 60 фут.

Волнение на море было настолько сильным, что гигантские волны порой перехлестывали через эти ледяные горы. Несомненно, это было захватывающее зрелище, но каждый раз, когда я вспоминал об опасностях, которые **[67]** несут нам волны, я приходил в ужас. Ведь корабль, брошенный на ледяную глыбу, может быть разбит на куски в одно мгновение.

С тех пор, как мы вступили в область плавающих льдов, исчезли альбатросы и стали реже появляться их обычные спутники — буревестники, водорезы, маленькие серые птицы и др. Но зато мы теперь часто встречали пингвинов. Ночью установился свежий юго-западный ветер с дождем и мокрым снегом, от которого обледенели наши паруса и снасти, так что с них свисали ледяные сосульки.

13 декабря, воскресенье. В ночь на 13-е свернули на юг. В стороне от нас остались не менее 18 ледяных глыб. Пингвины стали встречаться во множестве. В полдень 13-го мы были на 54° ю.ш., т.е. на широте мыса Сирконсинсьон, открытого Буве в 1739 г. Но от этого мыса нас отделяло расстояние в десять градусов, и, следовательно, мы находились в 118 лигах к востоку от него. Я шел на юго-юго-запад до 8 часов вечера при густом тумане с дождем и снегом. С полудня видели 20 ледяных островов. Вечером мы не достали дна на глубине 150 фатомов.

14 декабря, понедельник. Вплоть до полуночи мы шли на юг. В 5 час. 30 мин. утра нас остановило гигантское низкое ледяное поле и не видно было ему нигде конца — ни на востоке, ни на

западе, ни на юге. В различных частях ледяного поля виднелись острова или ледяные холмы, такие же, какие нам встречались прежде. Некоторым матросам за этим ледяным полем почудилась полоса земли. Я сперва также полагал, что мы находимся вблизи берега, но затем внимательнее осмотрелся и убедился, что вокруг не было ничего, кроме льдов. Облака и густой туман не позволяли различить даже ближайшие от корабля предметы. Мы были на 54°30' ю.ш. и 21°34' в.д. Лавируя вдоль северной кромки ледяного поля, корабли при северо-западном ветре пробивались в открытое море. Мы видели китов, пингвинов, белых птиц, о которых я уже ранее упоминал, буревестников и др.

В 8 часов мы дошли до края поля и вступили в воды, свободные ото льда. Я послал за капитаном Фюрно и, когда он прибыл на борт «Резолюшн», договорился с ним о пунктах встречи на случай, если суда были бы разлучены в плаванье. Корабли следовали вдоль кромки ледяного поля, и матросы взяли на борт несколько кусков льда для пополнения запасов пресной воды. **[68]**

В полдень при благоприятных для астрономических наблюдений условиях, мы установили, что находимся на 54°55' ю.ш. В 11 часов был взят в открытом море курс на юго-юго-восток.

Пройдя по этому курсу 4 лиги и оставив с правого борта льды, мы вновь очутились в ледяном поле, которое окружило нас со всех сторон. Только на северо-востоке намечался узкий проход. Небо было ясное, и я видел, что это поле бесконечно.

В 5 часов при свежем северном ветре я лег курсом на восток, чтобы выйти из льдов, и в 8 часов мы оставили к юго-западу кромку ледяного поля. Всю ночь корабли лавировали на малых парусах. Температура в течение суток была от 0°,9—1° С.

15 декабря, вторник. 15 декабря дул довольно свежий северо-восточный ветер при слабом волнении, но с туманом и густым снегом. Температура упала до —3° С. Все корабельные снасти обледенели, и длинные сосульки свисали с рей. Иногда туман сгущался настолько, что с юта мы не видели, что делается

на баке. Было крайне трудно в этой мгле избегать столкновения с ледяными глыбами, которые окружали нас со всех сторон.

В полдень при малом ветре на 55°8' ю.ш. я приказал спустить шлюпку и измерить скорость течения. Было обнаружено юго-восточное течение, скорость которого оказалась 3/4 мили в час.

Термометр на открытом воздухе показывал 0° С, на поверхности воды —1°С и на глубине 100 фатомов 1°,1 С.

17 декабря, четверг. В 4 часа утра, стремясь пробиться через льды к югу, мы обнаружили, что окружены ими плотным кольцом. В полдень мы были на широте 55°16'.

18 декабря, пятница. В 2 часа утра на 55°8' ю.ш. и 24°3' в.д. мы попытались обогнуть, следуя курсом на северо-западном ветре, ледяное поле, но вновь застряли во льдах.

С 6 часов стал сгущаться туман и вскоре все потонуло в непроглядной мгле. Мы вновь попытались найти проходы среди льдов, но оказались зажатыми среди крупных глыб, которые несли нас с собой. Корабли попали в весьма опасное положение, причем было очень трудно освободиться от льдов.

Несомненно, эти «плавающие скалы» (если мне будет дозволено так называть ледяные глыбы) таили для нас **[69]** в туманную погоду большие опасности. Однако предпочтительней было плыть среди этих «скал», чем при подобных же обстоятельствах попасть в сплошное ледяное поле огромных размеров. В последнем случае наибольшая опасность связана с тем, что корабли накрепко вмерзают в лед, и тогда положение их становится в высшей степени тревожным и тяжелым. У меня на корабле были два матроса, которые в свое время плавали в гренландских водах. Один из них в течение 9, а другой на протяжении 6 недель были на борту судов, затертых льдами. Редкие льды эти матросы называли «паковыми». Ледяными же полями они именуют скопления более мощного льда, а сплошным полем — гигантские накопления льда, слившиеся воедино.

Я понимаю под «ледяным полем» колоссальные скопления отдельных, разрозненных глыб различных размеров и толщины.

Площадь их колеблется в пределах от 3—4 до 30—40 кв. футов. Глыбы эти тесно прилегают друг к другу, и иногда одна из них бывает надвинута на другую. Я думаю, что через такие льды пробиться невозможно. Неизвестно также, как долго может такое ледяное поле держаться, не уменьшаясь в размерах на поверхности моря у берегов Гренландии. А в тех широтах в летнее время навряд ли холоднее, чем здесь в южном полушарии. Ведь оттепели мы не наблюдали пока еще ни разу, и ртуть в термометре среди лета почти всегда удерживалась ниже нуля. По общему мнению, льды, плавающие в море, образуются в устьевой части рек и в бухтах. Если это предположение справедливо, можно согласиться с тем, что земля всегда лежит на небольшом расстоянии от ледяных полей. В таком случае суша должна находиться к югу от полосы льдов, которые ныне явились единственным препятствием, затруднявшим наше приближение к ней.

Поскольку я не мог найти проход к югу, идя вдоль кромки поля, я решил продвинуться лиг на 30—40 на восток и затем предпринять новую попытку пробиться в южном направлении и обойти ледяное поле для того, чтобы разрешить все споры о Южном материке. Приняв это решение, я взял при северо-восточных ветрах курс на северо-запад. В 6 часов вечера при северо-западном ветре мы свернули на восток, встретив по пути много ледяных островов и крупных обломков льда. Термометр **[70]** показывал от —1° до +1°,1 С, погода была туманная, с дождем, снегом, и ощущался холод сильней, чем это показывал термометр; вся команда жаловалась на стужу. Я велел надставить плотной байкой рукава их фуфаек и сшить шапки из байки и парусины.

Появились признаки цинги. Лекари выдали больным порции свежего солодового сусла, взятого на борт специально для этой цели.

Один матрос, особенно пораженный цингой, пил в течение некоторого времени лимонный и апельсиновый соки, но положение его от этого не улучшилось. Но, с другой стороны, капитан Фюрно сообщил мне, что на «Адвенчуре» таким способом двое матросов полностью излечились от цинги.

21 декабря, понедельник. Мы шли курсом на восток до 8 часов утра 21 декабря. На 53°50' ю.ш. и 29°24' в.д. легли на южный курс при свежем западном ветре и туманной и снежной погоде. К вечеру ветер стих, погода улучшилась, так что мы могли обозревать море в радиусе нескольких лиг.

22 декабря, вторник. В ночь на 11 декабря мы при переменной погоде несколько раз меняли курс, а к утру пошли к югу. Все время нам встречались ледяные глыбы и острова. Шли на юго-запад при слабом волнении.

23 декабря, среда. Весь день шел дождь, снег и град. Утром, будучи на 55°20' ю.ш. и 31°30' в.д., я приказал спустить шлюпку и попытался определить направление течения. Никаких признаков течения, однако, не удалось обнаружить.

Форстер, который был в числе спустившихся на воду, подстрелил несколько небольших серых птиц, о которых я уже ранее упоминал. Спинка, наружные стороны крыльев и ноги у них голубовато-серого цвета, брюшко и внутренние стороны крыльев беловатые с легким синеватым оттенком. Перья у основания с внешней стороны темно-синие с черным отливом. Крылья пересечены черной полосой. Перья на оконечности хвоста также черные. Клюв у этих птиц весьма широк, точно так же, как и язык. Я полагаю, что они водятся только в южном полушарии, притом выше 28-й параллели.

24 декабря, четверг. 24 декабря дул умеренной силы ветер. Погода была ясная и холодная. В полдень мы были на 56°31' ю.ш, и 31°19' в.д. Термометр **[71]** показывал +1°,6 С. Когда корабль проходил мимо ледяного острога 50 фут. высоты и 400 фатомов в окружности, я послал на шлюпке офицера с тем, чтобы он посмотрел, не тает ли лед. Он скоро вернулся и сообщил мне, что на поверхности льда нет ни капли воды, а следовательно, отсутствуют признаки оттепели.

Вечером мы шли среди плавающих льдин или в полях рыхлого льда.

25 декабря, пятница. Ветер резко изменил направление к югу. Волнение на море было умеренное. Мы легли курсом на запад-юго-запад. Погода утром была ясная, но затем ухудшилась. Воздух был холодный, обжигающе резкий.

В середине лета здесь стоят морозы, каких не знает Англия и в разгаре зимы. В полдень, определившись по астрономическим наблюдениям, мы установили, что находимся на 58°31' ю.ш. и 26°57' в.д.

В течение последних суток мы с большим трудом прошли через узкие, но очень длинные поля ломаного льда. По внешним признакам я заметил, что некоторые плоские льдины, толщиной 6—8 дюймов, должны были образоваться в устьевых частях рек и в бухтах.

Но наряду с плоскими льдинами было немало льдин неправильной причудливой формы с заостренными, в виде гребней, краями. Эти льдины чрезвычайно напоминали коралловые рифы, и трудно вообразить себе необыкновенное разнообразие в очертаниях ледяных глыб такого типа.

Я полагал, что льдины неправильной формы — это обломки крупных полей, тех самых, которые я хотел обойти, чтобы убедиться, не соединяются ли эти поля на юге с сушей.

Продолжая продвигаться на запад при сильных южных и юго-западных ветрах, мы встретили по пути стаи пингвинов, в то время, когда сделали попытку промерить глубину моря. Попытка эта оказалась безуспешной, так как линь, вытравленный на 150 фатомов, не достиг дна.

27 декабря, воскресенье. Утром мы шли среди полей рыхлого льда. Крупные глыбы исчезли. Погода стояла ясная, и море было совершенно спокойно. Воспользовавшись этим, мы спустили шлюпку. Форстер убил пингвина и несколько серых птиц. Пингвины, которые водятся здесь, ничем не отличаются от своих собратьев в других **[72]** частях света, кроме едва

заметных для опытного натуралиста особенностей. Среди птиц, которых подстрелил Форстер, оказались небольшие синеватые особи, которые отличались от серовато-голубых лишь размером клюва и иными оттенками в окраске оперения и белыми перьями на конце хвоста. Впрочем, не исключена возможность, что различия эти свидетельствуют о том, что мы встретили в разное время самцов и самок одного и того же вида. Мы находились 27-го числа на 58°19' ю.ш. и 24°39' в.д.

28 декабря, понедельник. 28 декабря утром я дал «Адвенчуру» сигнал держаться с правой стороны «Резолюшн», на траверзе, на расстоянии 4 миль. До 4 часов дня оба корабля шли в таком положении на запад-юго-запад, а затем туман и густой снег принудили нас снова сблизиться. Вскоре мы оказались окруженными ледяными глыбами и взяли у марселей рифы.

29 декабря, вторник. Утром отдали рифы и, поставив брамсели, легли курсом на запад. Встретили несколько пингвинов. Днем мы были на 59° ю.ш. и 19°1' в.д., т.е. в трех градусах к западу от того пункта, где мы впервые вошли в плавучие льды. Отсюда с полной очевидностью следует, что ледяные поля не примыкают к берегу какой-либо земли.

Я решил идти, если к тому не встретится препятствий, на запад до меридиана мыса Сирконсинсьон, который находился от нас теперь на расстоянии 80 лиг.

Ветер был попутный, море почти свободно ото льда. Свое намерение я сообщил капитану Фюрно, вызвав его на борт «Резолюшн».

В час дня я пошел прямо на один из ледяных островов, рассчитывая пополнить запасы воды. В 4 часа мы легли в дрейф под ветром у этого острова. Он имел свыше полумили в окружности и более 100 фут. высоты. На вершине его мы насчитали 86 пингвинов. Пингвины легко вползали наверх по пологому скату льдины.

Если бы я держался того мнения, что пингвины встречаются лишь вблизи берега, я невольно должен был бы сделать заключение о близости суши. Однако всегда следует принимать

во внимание, что для пингвинов ледяные острова являются надежным пристанищем и в морях, где много плавающего льда, они могут удаляться на значительные расстояния от берега. Говорят, что они выводят детенышей только на суше и что самки там обитают [73] постоянно. Таким образом на льдинах в открытом море мы могли встретить только самцов. Я не берусь оспаривать эту точку зрения, так как собственное мнение об образе жизни пингвинов я смогу составить лишь после того, как соберу достаточные сведения об этих птицах.

Мы шли все время на запад при свежем северо-восточном ветре и переменной погоде. Все эти дни термометр стоял между —0°,3 С и +2°,2° С.

30 декабря, среда. Утром с корабля подстрелили белую птицу — буревестника с коротким клювом и темно-синими лапками.

Вероятно, подобных птиц Буве видел на широте мыса Сирконсинсьон. Спустивши шлюпку для того, чтобы подобрать подбитую птицу, убили огромного пингвина 11 1/2 фунтов весом.

До 8 часов вечера продолжали идти на запад, а затем повернули на северо-запад, так как на этом румбе я предполагал дойти до мыса Сирконсинсьон. Однако в полночь из-за льдов мы взяли курс на юг, прибавив при этом паруса.

31 декабря, четверг. Весь день при переменном ветре шли в виду огромных ледяных полей, часто меняя курс.

В полночь были на 60°21' ю.ш. и 13°32' в.д. От этого пункта пошли на запад.

1773 г. 1 января, пятница. Ночь на 1 января была очень ясная, и впервые с момента выхода из Кейптауна мы увидели в небе диск луны. Уже одно это свидетельствует о том, какая погода держалась во время нашего плавания в южных морях. По лунным и солнечным наблюдениям уточнили наше положение и исчислили долготу, введя соответствующие поправки. Утром 1 января мы находились на 58°53'30" ю.ш. и 9°34'30" в.д.

Именно такова долгота мыса Сирконсинсьон; на заходе солнца мы были на расстоянии 95 лиг к югу от него. Погода стояла исключительно ясная, и можно было обозревать все вокруг в радиусе 12—14 лиг.

Весьма вероятно, что то, что Буве принял за землю, было лишь огромным ледяным островом, окруженным полями рыхлого льда. Ведь и мы, впервые увидев ледяные поля, обманулись точно таким же образом. Вряд ли возможно допустить также, что эти льды примыкают к берегам неизвестной земли. В самом деле, расстояние между северной кромкой ледяных полей, вдоль которых мы сперва шли, и нашим маршрутом вдоль южного их края не **[74]** превышало 100, а местами и 60 лиг, что прекрасно иллюстрируется картой.

Ясная погода продолжалась только до 3 часов утра 3 января, когда подул резкий северо-восточный ветер. Мы легли курсом на юго-восток и еще до полудня вынуждены были взять все рифы у марселей. Вскоре, однако, ветер стих, и погода снова прояснилась.

4 января, понедельник. До полудня 4 января держались северо-восточного курса. На этом румбе достигли 59°2' ю.ш. и почти той же долготы, под которой пять дней назад встретили последнее ледяное поле.

Не видя перед собой ни малейших остатков этого поля, мы отчетливо представляли себе, что такие огромные массы льда не могли бесследно исчезнуть в столь короткое время. Очевидно льды отнесло к северу. Отсюда следует, что под этим меридианом между 55 и 59 градусами ю.ш. нет никакой земли, и наши первоначальные предположения о том, что земля может быть обнаружена на указанных широтах, представляются теперь ошибочными.

Так как, в этой части моря мы уже плавали, я распорядился взять курс на восток-юго-восток с тем, чтобы продвинуться далее к югу. Свежий попутный ветер нам благоприятствовал, но крайне затрудняли путь густой туман, снег и дождь. Снасти покрылись коркой прозрачного льда, и, хотя зрелище это было привлекательно, нам всем казалось, что холод заметно

усилился, хотя мороз был меньше, чем неделю назад, и море свободно ото льда. Управлять кораблями стало трудно, так как все снасти, паруса и блоки обмерзли и задеревенели ото льда. Матросы стойко превозмогали все тяготы и переносили холод лучше, чем я ожидал.

При свежем северо-западном ветре, дожде и мокром снеге мы шли тем же курсом до 8-го числа и достигли 61°12' ю.ш. и 31°47' в.д.

8 января, пятница. Вечером прошли мимо скоплений льда. Таких крупных ледяных полей мы не встречали уже в течение нескольких дней.

Впрочем, ко льдам мы уже так привыкли, что перестали их замечать. К тому же чаще всего ледяные поля были скрыты от нас пеленой тумана.

В 9 часов утра приблизились к ледяному острову, окруженному нагромождениями рыхлого льда. Поскольку ветер был умеренный, и погода довольно ясная, я решил **[75]** подойти к льдам вплотную для того, чтобы пополнить запасы пресной воды.

9 января, суббота. Вплоть до 4 часов утра 9 января мы лавировали, приближаясь к ледяному острову, затем зашли под ветром к северной его оконечности. Спустили на воду шлюпки. В течение 5 или 6 часов матросы набрали столько льда, что, растопив его, удалось наполнить свежей водой 15 бочек.

Часть льда была разбита на куски, которыми загрузили пустые ящики. Погрузка льда на судно и растопка его — процедура утомительная и отнимающая много времени. Но все же пополнение запасов воды за счет льда является одним из самых удобных способов снабжения кораблей водой.

После того, как оба корабля запаслись льдом, я без колебаний приказал взять курс на юг при свежем северо-западном ветре и при сильном снеге.

12 января, вторник. Видели опять пингвинов. Снова набрали лед, которым заполнили все пустые бочки.

Форстер убил черноголового альбатроса с коричнево-серым хохолком. Этих птиц мы наблюдали еще в первые дни плавания во льдах. Только альбатросы, среди которых встречаются также особи с желтым клювом и темно-коричневой окраской, подпускают охотника на расстояние выстрела. Другие птицы улетают при приближении к ним Шлюпки, и подстрелить их очень трудно.

В 4 часа дня подняли шлюпки и пошли на юго-восток под умеренным ветром при сильном снеге.

14 января, четверг. В 2 часа ночи попали в полосу штиля и, спустив шлюпку, определили направление и скорость течения. Оно шло от юго-востока при скорости 1/3 мили в час. Штиль продолжался до 5 часов вечера, а затем при легком южном и юго-восточном ветре мы взяли курс на северо-восток под всеми парусами.

16 января, суббота. 16-го находились на 63°33' ю.ш. и 38°41'30" в.д. (по хронометру). Вновь производились астрономические наблюдения для определения долготы.

Я и Уолс, действуя порознь, измерили шесть солнечных и лунных дистанций при помощи телескопов, соединенных с нашими секстантами [52] и получили долготу, почти равную той, что была определена по хронометру (по моим исчислениям — 38°36'45" и по исчислениям Уолса — 38°35'30"). Я имел возможность установить, что наиболее **[76]** точные астрономические определения получаются, если пользоваться телескопом при медленном ходе судна. Работа с телескопом сперва кажется трудной, но мало-помалу можно в совершенстве освоиться с этим прибором. При помощи хронометра удается легко найти наиболее значительные ошибки в определении долгот на море. Впрочем, разность в наблюдениях тем или иным методом редко превышает 1 1/2 градуса и обычно бывает даже гораздо меньшей.

Успехам в навигационной практике астрономы нашего века обязаны ценным таблицам, изданным под руководством Палаты долгот, — это таблицы астрономических эфемерид [54]. Кроме того, точность наблюдений чрезвычайно возросла благодаря тому, что астрономические приборы и инструменты делаются сейчас с большим совершенством. Без хороших инструментов самые точные таблицы теряют свое значение. Наши наблюдения проводились по четырем секстантам работы различных мастеров.

Пять дней удерживалась довольно ясная погода. Это позволило нам не только провести астрономические наблюдения, но и выполнить ряд настоятельно необходимых работ. Имея на борту запасы превосходной пресной воды или льда, что, впрочем, одно и то же, матросы получили возможность постирать белье и платье. Забота же о чистоте одежды всегда должна быть на уме у тех, кто участвует в длительном плавании. Температура в эти дни не поднималась выше +2°,2 С и часто была ниже точки замерзания.

17 января, понедельник. Ветер все время дул с востока и юго-востока, и мы продолжали идти на юг. Между 11 и 12 часами пересекли южный полярный круг на 39°35' в.д. В полдень были на 66°36'30" ю.ш.

Прояснилось настолько, что можно было обозреть все вокруг на много лиг. Утром в виду нас показался лишь один ледяной остров, но в 4 часа пополудни, продолжая идти к югу, мы заметили, что море на горизонте покрыто льдом.

Удалось насчитать 38 ледяных островов, больших и малых. Все пространство между ними было занято льдом. В 6 час. 45 мин. на 57°15' ю.ш. нас остановила непреодолимая преграда. На юге море на всем пространстве было покрыто льдами, и нигде не видно было свободного прохода. **[77]**

Я видел и паковый лед и скопления льда, которые гренландцы называют ледяными полями, и отдельные глыбы огромной величины и причудливых очертаний. Поднявшись на грот-мачту, я, обозревая море, убедился, что на юго-востоке от нас не видно конца этим ледяным полям. Среди льдов плавали

киты. В течение двух последних дней над нами часто проносились стан птиц, похожих на прежде встречавшихся буревестников, но отличающихся от них по цвету. Грудь и голова у этих птиц коричневые, хвост, спинка и концы крыльев белые.

Глава третья

Дальнейшие поиски южного материка между меридианом мыса Доброй Надежды и Новой Зеландией. — Разъединение кораблей экспедиции. — Прибытие «Резолюшн» в бухту Дюски

После встречи с гигантским ледяным полем я решил, что следует прекратить дальнейшее продвижение к югу. Большая часть лета уже миновала, и потребовалось бы затратить немало времени для того, чтобы обойти эти льды, если бы подобные маневры оказались возможными. Но вероятность таких обходных движений представлялась мне весьма сомнительной.

Поэтому я и принял решение направиться прямо к берегам земли, недавно открытой французами. Удерживались ветры восточных и южных румбов, и я вынужден был повернуть к северу. Я неохотно избрал этот курс, который вынуждал нас вновь посетить уже исследованные полярные моря, но любые иные направления с чисто навигационной точки зрения являли значительно большие трудности.

18 января, понедельник. Ночью ветер усилился, пошел сильный мокрый снег с дождем. Мы взяли два рифа у марселей.

19 января, вторник. 19 января дул ветер того же румба, но не столь сильный, и я приказал отдать рифы. Вечером на 64°12' ю.ш. и 40°15' в.д. над кораблем показалась птица величиной с ворону, темно-бурого цвета с белыми полосками в виде полумесяца на крыльях. Это была **[79]** птица, которая встретилась нам в первом плавании. Тогда мы назвали ее порт-агмонтской курочкой. Мне говорили, что такие птицы в изобилии водятся на Фарерских островах к северу от Шотландии.

Отличительная особенность этих птиц заключается в том, что они никогда не залетают в открытое море и держался близ берега. И действительно, я не встречал этих птиц на расстоянии свыше 40 лиг от берегов. Вероятно, замеченная нами птица была принесена издалека на плавающих льдах.

20 января, среда. В 9 часов вечера с переменой ветра корабли легли курсом на юго-юго-восток. Однако ночью ветер снова принял прежнее направление, и мы вынуждены были свернуть на север. Все время шел снег и дождь, мы продвигались вперёд в тумане при усиливающемся ветре. Лишь к вечеру ветер стих, но дождь продолжал идти непрерывно, и по-прежнему над морем стоял густой туман.

21 января, четверг. После полудня на 62°24' ю.ш. и 49°19' в.д. мы заметили белого альбатроса, кончики крыльев которого имели черную окраску, и буревестника. Дул сильный юго-восточный ветер, и я взял курс на северо-восток. Именно в этом направлении волнение на море усиливалось, что не предвещало близости земли.

22 января, пятница. Временами погода улучшалась, ветер был умеренной силы, и мы подняли марсели.

23 января, суббота. Утром находились на 60°27' ю.ш. и 45°33' в.д. Шел снег, стало значительно холоднее, и вода в бочках на шканцах замерзла.

Небо прояснилось, и видимость улучшилась настолько, что я разрешил «Адвенчуру» идти у меня на траверзе, на расстоянии 4 миль. Так шли мы до 6 часов вечера, но затем туман и мгла заставили нас сблизиться.

27 января, среда. В полдень мы находились на 56°25' ю.ш. Около 3 часов дня, воспользовавшись некоторым прояснением, я распорядился произвести определение долготы по астрономическим наблюдениям. По данным шести определений были получены величины, колеблющиеся в интервале между 50°50' и 51°11' в.д.

28 января, четверг. В шесть часов пополудни корабли были на 56°9' ю.ш. Я приказал «Адвенчуру» идти следом за мной, а 28-го в 8 часов утра велел ему держаться на траверзе с правого борта «Резолюшн». Но уже к двум часам **[80]** небо покрылось тучами, туман сильно сгустился и подул порывистый и сильный ветер. Поэтому я дал «Адвенчуру» сигнал снова возвратиться ко мне за корму, и взял рифы у марселей.

В 8 часов вечера я убрал грот и всю ночь шел под фоком и двумя марселями.

29 января, пятница. В полдень находились на 52°29' ю.ш. Погода улучшилась, но не надолго. Вечером вновь подул крепкий ветер, и к ночи он еще усилился.

30 января, суббота. Ночь была темная и бурная, мы продвигались на юго-запад, только к утру повернули на северо-восток при очень сильном северо-западном ветре.

Льдов не было видно, но наше поле зрения было ограничено туманом, и трудно сказать, свободно ли было от них море вдали от корабля.

В 8 часов вечера пошли под нижними парусами на запад, но вследствие сильного волнения вскоре легли на юго-юго-западный курс.

31 января, воскресенье. В 4 часа утра ветер несколько стих и отошел к юго-западу. Мы легли на северный курс под нижними парусами и зарифленными марселями. Сильное волнение на северо-северо-западе свидетельствовало о том, что вблизи нет земли, которую мы искали.

В полдень на 50°50' ю.ш. и 56°48' в.д. заметили две крупных льдины. Когда мы приблизились к одной из них, то услышали сильный треск. Это разламывался лед, и звук, который донесся до нас, был подобен выстрелу четырехфунтового фальконета [55].

Невдалеке видел я много плавающего льда. Если бы позволила погода, я непременно лег бы в дрейф и набрал лед для пополнения запасов пресной воды. Вскоре, однако, море

очистилось, и мы не встречали больше льдов до тех пор, пока опять не повернули к югу.

1 февраля, понедельник. В 3 часа пополудни были на 48°30' ю.ш. и 58°7' в.д., т.е. на меридиане острова Св. Маврикия. Именно в этом пункте я надеялся увидеть берега земли, открытой французами [56]. Убедившись, однако, что нет никаких признаков, которые указывали бы на близость этой земли, я приказал следовать далее, взяв курс на восток.

Я дал «Адвенчуру» сигнал держаться на траверзе под левым бортом на дистанции в 4 мили. **[81]**

В половине седьмого вечера капитан Фюрно сигнализировал мне, что желает сделать важное сообщение. «Адвенчур» подошел под корму, и капитан Фюрно сообщил мне, что только что видел пучки водорослей или камнеломок и вокруг них птиц (нырков) — то, несомненно, были признаки лежащей где-то недалеко от нас земли. Однако неизвестно было, находится ли эта земля на западе или на востоке. Поэтому я решил, следуя на той же широте, сперва пройти к западу, на расстоянии нескольких градусов, а затем в случае, если в этом направлении земля не будет встречена, повернуть снова на восток.

Но осуществить этот план помешал сильный северо-западный ветер, который удерживался в течение 5 дней.

2 февраля, вторник. Ветры, дувшие с северо-востока, севера, северо-запада и запада, разводили сильное волнение. По движению волн и направлению ветров я заключил, что напрасно было бы искать на западе землю. Поэтому я, в конце концов, решил продолжать плавание на восток и из осторожности лег в дрейф ночью на несколько часов. Поутру «Адвенчур» снова отошел на расстояние в 4 мили. Туман не позволял увеличить еще более дистанцию между кораблями. Мы видели два или три пучка камнеломок и две или три птицы, известные под названием egg birds. Но иных признаков земли не было.

В полдень мы были на 48°36' ю.ш. и 59°35' в.д. Так как море к югу от нас было трудно обозреть и представлялось вероятным,

что именно в этом направлении может быть встречена земля, то я приказал лечь на юго-восточный курс и дал сигнал на «Адвенчур», чтобы этот корабль повторил мой маневр. При этом «Адвенчур;» оказался позади и продолжал следовать за кормой «Резолюшн» и дальше.

Лишь вечером, в седьмом часу, туман рассеялся, и стало возможным обозреть море лиг на пять кругом.

К ночи мы находились на 49°13' ю.ш. и вновь не видели ни малейших признаков земли. Я повернул на восток, и вскоре в переговоры со мной вступил капитан Фюрно. Он высказал предположение, что земля находится к северо-западу от нас, ибо море в этом направлении было спокойно, хотя ветер дул именно от северо-западного румба. Хотя наблюдения эти и не соответствовали моим собственным, я все же решил, что необходимо проверить **[82]** предположения капитана Фюрно, если только ветер позволит взять нам курс на запад.

3 февраля, среда. В 8 часов утра 3-го находились на 48°56' ю.ш. и 60°47' в.д., более чем на три градуса к востоку от меридиана острова Маврикия.

Я начал отчаиваться в возможности обнаружить землю, идя на восток, и, так как ветер отошел к северу, я решил продолжать попеки в западном направлении. При свежем ветре, который усилился к вечеру, корабли повернули на запад и так шли до 10 часов утра.

4 февраля, четверг. В это время мы были на 48°6' ю.ш. и 58°22' в.д. Ничто не предвещало близости земли, и поэтому я спустился несколько к югу, будучи уверен, что если земля и находится неподалеку от нас, то она никак не может иметь значительные размеры, а следовательно, и найти ее можно, только часто меняя курс кораблей и тщательно просматривая море во всех направлениях.

7 февраля, воскресенье. В 4 часа утра я дал сигнал «Адвенчуру» следовать с правого борта «Резолюшн» на дистанции в 4 мили и продолжал курс на восток-юго-восток. Погода установилась превосходная, и я велел матросам вынести на палубу койки и

платье, вычистить и тщательно проветрить внутренние помещения корабля. С полудня пошел румбом южнее на широте 48°49'. Вечером заметил три порт-эгмонтских курочки.

8 февраля, понедельник. Утром увидели еще одну курочку, а ночью не раз слышали крики пингвинов. Я распорядился спустить лот, но линь, вытравленный до глубины 210 фатомов, не достиг дна.

В 8 часов утра находились на 49°53' ю.ш. и 63°39' в.д. Дул северный и северо-восточный ветер. Погода была пасмурная и туманная.

Я шел в бейдевинде правым галсом до полудня и ежечасно стрелял из пушек. Потом дал сигнал о повороте на другой галс. Но «Адвенчур» на этот сигнал и на все последующие не отвечал мне, и я заключил, что мы разлучились, хотя не представляю себе, каким образом могло это произойти. Капитан Фюрно имел от меня предписание, которое требовало, чтобы в подобном случае «Адвенчур» крейсировал в том месте, где был потерян из виду «Резолюшн».

9 февраля, вторник. До 12 часов дня 9-го числа я продолжал лавировать короткими галсами и через каждые **[83]** полчаса стрелял из пушек. Туман рассеялся, видимость была на много миль кругом, но нигде не было и признаков «Адвенчура». Мы находились в 2—3 лигах к востоку от того пункта, где в последний раз заметили «Адвенчур» и шли на запад при очень сильном северо-северо-западном ветре и значительном волнении; из-за этого вплоть до 8 часов утра 10 февраля «Резолюшн» должен был лежать в дрейфе.

10 февраля, среда. Хотя погода была ясная, «Адвенчура» мы не видели. Всю ночь мы стреляли из пушек и жгли фальшферы [57], но все наши попытки найти «Адвенчур» были безуспешны.

Потеряв всякую надежду соединиться с «Адвенчуром», я взял курс на юго-восток при свежем ветре и сильном волнении с северо-востока.

Мы часто видели пингвинов и нырков, и поэтому можно было заключить, что вблизи от нас, но неизвестно, в каком направлении, находится земля. Когда мы продвигались к югу, мы уже не видели пингвинов и нырков, но обычно в большом количестве встречали альбатросов, синих буревестников и водорезов.

11 февраля, четверг. В полдень на 51°15' ю.ш. и 67°20' в.д. вновь увидели пингвинов и одну egg bird, и сочли это за признак близости земли. Я продолжал идти на юго-восток при свежем ветре с сильным дождем, градом и снегом.

13 февраля, суббота. Вплоть до 13 февраля наблюдали вблизи корабля много пингвинов. Они отличались от тех, что мы видели во льдах: клювы у них красноватые, головки бурые. Обилие пингвинов укрепляло во мне, надежду дойти до берегов земли и позволяло строить различные предположения о ее возможном положении.

К западу от корабля все время замечалась сильная зыбь, и поэтому невероятно было, что в этом направлении может находиться земля. Также не могло быть суши к северу от нас, ибо мы шли лишь в 160 милях к югу от пути Тасмана 1642 г.

У меня явилась, мысль, что капитан Фюрно должен обязательно посетить эти места, и действительно, как это впоследствии выяснилось, он побывал здесь.

Вечером я видел порт-эгмонтскую курочку. Она летела к северо-востоку.

14 февраля, воскресенье. Утром мы заметили тюленя, но пингвинов не было. **[84]**

15 февраля, понедельник. К вечеру мы были на 57°2' ю.ш. и 79°56' в.д. Встретили пять тюленей и несколько пингвинов. Лот, брошенный в этом месте, не достал дна, хотя было вытравлено 150 фатомов линя.

16 февраля, вторник. На рассвете показалась плавающая льдина. Подойти к ней не удалось. Днем мы видели еще. две

льдины и близ них пингвинов, которые напоминали тех, что встречались во время плавания во льдах. Эти птицы все время вводили нас в заблуждение, и мы поэтому перестали считать их предвестниками близости земли.

17 февраля, среда. Дул северо-восточный ветер с сильным дождем. Мы повернули на юг. К вечеру установилась ясная погода, небо было совершенно чистое. Между полуночью и тремя часами утра на небе виден был свет, подобный северному сиянию. Однако я никогда еще не слышал о существовании южного сияния.

Вахтенный офицер сообщил мне, что видел световые круги и спиральные лучи. Были они ослепительно ярки. Сияние появлялось в разных частях неба и освещало своими сполохами все вокруг.

18 февраля, четверг. Утром на 57°54' ю.ш. и 80°14' в.д. определено было магнитное склонение (западное 39°31'). Вечером я произвел поверочные наблюдения по компасам доктора Найта и Грегори и установил величину склонения, равную 40°.

В полдень мы находились на широте 57°54' ю.ш. Было мгновение, когда всем нам показалось, что на юго-западе появилась земля. Я тотчас направился в этом направлении, но вскоре убедился, что то, что мы приняли за берег, было не более как туманом. К вечеру туман рассеялся, горизонт совершенно прояснился. Видимым стало огромное пространство, но ничего кроме ледяных островов мы не могли обнаружить на этих бескрайних просторах.

Ночью снова появилось в небе яркое сияние. Сперва оно показалось на востоке, не очень высоко над горизонтом, а затем распространилось по всему небу.

21 февраля, воскресенье. Шли среди множества ледяных островов. На 59° ю.ш. и 92°50' в.д. я приказал вблизи крупной льдины спустить шлюпки и набрать лед. Я шел на юго-запад при слабом ветре, густом снеге и тумане.

23 февраля, вторник. В ночь на 23 февраля корабль лавировал короткими галсами в сплошном тумане. **[85]** Только утром я увидел, что мы прошли мимо целой гряды гигантских ледяных утесов. Я решил, что в эту позднюю осеннюю пору, когда столь длинными становятся ночи, было бы рискованно продолжать плавание к югу. В 4 часа утра я повернул на север при весьма сильном ветре. По-прежнему было туманно, и шел снег с дождем. На море поднялось волнение, льдины с треском разламывались, распадались крупные ледяные острова, и от великого множества плавающих обломков льда усугубилась опасность нашего положения. Именно эти обломки наиболее опасны для кораблей, плавающих в высоких широтах. Ночью совершенно невозможно рассмотреть небольшие глыбы льда, тогда как крупные ледяные острова видны издалека, если только погода не слишком пасмурная и туманная. Впрочем, мы так уже привыкли к этим опасностям, что не очень беспокоились и на этот раз. К тому же близкое соседство с плавающими льдами вознаграждало нас свежей, пресной водой. Мы наслаждались созерцанием романтического зрелища, которое являли нам эти грандиозные нагромождения льдов. Впечатление усиливалось, когда мы наблюдали, с какой силой устремляются шумящие волны в сквозные трещины и расселины в ледяных горах. Души наши наполнялись восторгом и ужасом, и не раз я думал, что понадобилась бы кисть искусного художника, чтобы запечатлеть величие этой картины.

К вечеру волнение стихло, а ночью часа на два или на три установилась необычайно тихая погода. Затем снова подул свежий ветер, и мы пошли на восток под всеми парусами, встречая на пути много ледяных островов.

26 февраля, пятница. Продолжаем следовать на восток и юго-восток. В 3 часа дня мы находились на 61°21' ю.ш. и 97°1' в.д. К вечеру свернули на северо-восток при крепнущем ветре, который дул порывами. Шли в густом тумане. Шквал заставил нас остаться под одними рифленными марселями.

27 февраля, суббота. Утром вошли во льды. Вся поверхность моря вокруг судна была покрыта глыбами льда, и приходилось

продвигаться с величайшей осторожностью. К полудню, однако, вышли в открытое море. Ветер несколько стих, и я велел поставить все паруса.

28 февраля, воскресенье. Ртуть в термометре слегка поднялась. В полдень было +1°,1 С, воздух стал теплее. На этих же широтах 4 или 5 недель назад температура была **[86]** несколько ниже. Однако из-за сырости и постоянных ветров все мы коченели от холода. От стужи околели на корабле, несмотря на все заботы, девять поросят; у меня и у многих матросов распухли суставы пальцев. Таким-то летом мы наслаждались! Вечером были на 60°37' ю.ш. и 113°24' в.д.

4 марта, четверг. 5 марта, пятница. Утром лег на северо-запад под всеми парусами. Прошли мимо большого ледяного острова и многочисленных глыб плавающего льда. Ветер был время был переменный. К вечеру находились на 60°44' ю.ш. и 116°56' в.д. Широта определена была по солнцу, которое на несколько минут показалось из-за туч около 3 часов пополудни. Обычно тучи и туман скрывали от нас солнце и луну. Стало не так холодно, как прежде, хотя погода, разумеется, отнюдь не была летней.

Я невольно сравнивал лето на этих широтах с тем же временем года в северном полушарии. Мне не приходилось, правда, плавать выше 60° с.ш., но на близких к 60-й параллели широтах, я никогда в летнюю пору не наблюдал таких холодов, какие испытывали мы здесь, на юге.

6 марта, суббота. К вечеру открылись впереди три больших ледяных острова, и один из них был больше, чем любой из встречавшихся нам до сих пор.

Край, обращенный к нам, был не менее мили в длину, а в окружности остров имел около 3 миль. Мы прошли мимо этого острова ночью, и все время слышали сильный треск. Вероятно, звук этот вызывался беспрерывно отрывающимися от ледяного массива глыбами. На рассвете огромное количество таких глыб усеивало море вокруг корабля. При свете дня остров показался мне не таким большим, как ночью. Высота его была, однако, не менее 100 футов. Море было таким бурным, что волны

перехлестывали через вершину острова. К вечеру мы находились на 59°58' ю.ш. и 118°39' в.д.

8 марта, понедельник. С утра установилась исключительно спокойная и ясная погода. Ветер стих, небо очистилось от туч, и я отметил, что с того момента, как мы отошли от мыса Доброй Надежды, ни разу не наблюдалась такая прекрасная погода.

К величайшему нашему удовольствию исчезли льды. Ртуть поднялась до +4°,3 С. Были проведены наблюдения по луне и звездам, которые подтвердили, что мы **[87]** находимся на 59°44' ю.ш. и 121°9' в.д. В три часа дня штиль сменился юго-восточным ветром.

Небо покрылось густыми тучами, предвещавшими бурю, и буря эта действительно разразилась к вечеру, когда подул резкий и порывистый южный ветер. Море волновалось и бурлило, гигантские валы, один за другим перекатывались по его поверхности. Безопасности ради, я изменил курс и шел бакштаг под рифленными марселями большое расстояние к востоку-северо-востоку. Южный ветер удерживался до 10 марта. 10-го он стих и сменился западным ветром. Ночью погода была хорошая, но холодная.

11 марта, четверг. Утром 11 марта мы находились на 57°56' ю.ш. и 130° в.д. Дул свежий северо-восточный ветер с мокрым снегом. Я лег курсом на юго-восток при сильном волнении от юго-юго-востока. Хотя все следующие дни ветры были противоположных румбов, волнение это продолжалось. Я пришел к выводу, что если на юге и была земля, то она должна была находиться при этих условиях, на значительном расстоянии от нас.

12 марта, пятница. Хотя плаванье в юго-восточном направлении и не сулило ничего доброго, однако до 3 часов пополуночи 12 марта я шел на юго-восток и только тогда свернул на юг. Утром нас остановил штиль. Волнение от юго-юго-востока прекратилось, но сменилось северо-восточным. Погода весь день была приятная, хотя временами и шел мокрый снег. Температура поднялась к вечеру до +4°,2 С.

14 марта, воскресенье. Ясная погода дала возможность Уолсу произвести ряд лунных и солнечных наблюдений. После сопоставления данных обсерваций, проведенных в полдневный час, было установлено, что мы находимся на 58°21' ю.ш. и 136°22' в.д. По показаниям двух хронометров долгота в этот момент оказалась равной 134°42'. В первый и последний раз случилось так, что наблюдения обоих хронометров совпали. Но разница в исчислении долгот по ним с того времени, как мы покинули мыс Доброй Надежды, никогда не превышала двух градусов.

Удерживалась по-прежнему довольно спокойная погода, и я сожалел, что не воспользовался случаем, не продвинулся далее на юг. Я принял было решение сделать это, но опустившийся на море туман и резкое похолодание утвердили во мне прежнее решение следовать на север **[88]** и тем самым избежать плавания на этих холодных широтах. Впрочем, надо сказать, что мы уже привыкли к холодам и переносили их довольно легко.

15 марта, понедельник. Со вчерашнего дня удерживались юго-западный и западный ветры, порой переходившие в шквал. До 5 часов вечера шел снег и град, снасти совершенно обледенели, толстая кора льда покрыла паруса и шканцы. Затем ветер стих, и небо очистилось. Стало так ясно, что мы свободно могли обозревать море на много миль кругом.

На 59°17' ю.ш. и 140°12' в.д. сильное волнение от западо-юго-запада убедило меня, что на этом румбе не может быть никакой земли. Я также был уверен и в тем. что суша отсутствует и к югу от нас. Ночь была холодная. Небо сверкало яркими сполохами южного сияния.

16 марта, вторник. В 10 часов утра, когда показалось солнце, было установлено, что мы находимся на 58°51' ю.ш. и 143°10' в.д. Вечером повторные наблюдения показало, что корабль находится на 58°58' ю.ш. и 144°37' в.д. Склонение компаса было 31° к востоку.

Меня весьма обрадовали результаты этих наблюдений, так как благодаря им удалось установить точку, где отсутствует

магнитное склонение. Полградуса не имеют никакого значения, и я полагаю, что этот пункт как раз и находится на 58°58' ю.ш. и 144°37' в.д. Возможно, впрочем, что искомая точка может находиться чуть западнее.

17 марта, среда. Я продолжал следовать на восток, слегка склоняясь к югу при небольшом волнении. В 5 часов утра на 59°7' ю.ш. и 146°53' в.д. я принял решение взять курс на северо-восток и, покинув высокие широты, направиться к Новой Зеландии для того, чтобы узнать что-либо и о судьбе «Адвенчура» и дать отдых команде. По пути я желал обследовать берега Вандименовой земли и установить, сообщается ли она с берегами Нового Южного Уэльса.

19 марта, пятница. Ночью наблюдали яркое южное сияние. Утром видели тюленя, а около полудня пингвинов и морскую траву. В это время мы были на 55°1' ю.ш. и 152°1' в .д.

На 54°4' заметили порт-эгмонтскую курочку и немного травы. Мореплаватели всегда считают эти признаки свидетельством близости земли. Я, однако, не склонен придерживаться этого мнения. **[89]**

И действительно, от того места, где мы находились, ближайшая земля (Вандименова земля и Новая Зеландия) была не менее, чем в 260 лигах.

У бортов корабля не раз проплывали морские свиньи. Купер угодил гарпуном в одну из них, но пока мы убавляли ход судна (а шло оно со скоростью 7 узлов), веревка оборвалась и животное уплыло от нас.

Так как сильные и надолго установившиеся ветры северных и северо-западных румбов не давали мне возможности приблизиться к берегам Вандименовой земли, то я взял курс на Новую Зеландию.

Заведомо предполагая, что на этом пути не встретится серьезных опасностей, я приказал идти при сильном ветре на всех парусах днем и ночью. Временами встречались нам порт-эгмонтские курочки, тюлени и водоросли.

22 марта, понедельник. Утром подул южный ветер, который принес ясную погоду. В полдень мы были на 49°55' ю.ш. и 159°28' в.д. На юго-западе наблюдалось сильное волнение. Уже в течение трех дней ртуть держалась на 7° С, и переход на 7—8 градусов к северу вызвал таким образом, перемену температуры, что доставило нам немалое удовольствие.

Мы продолжали продвигаться к северо-востоку, встречая на пути тюленей, порт-эгмонтских курочек и водоросли.

25 марта, четверг. В 10 часов утра с вершины мачты увидели берега Новой Зеландии. В полдень берег был уже различим и с палубы. Он простирался от северо-востока к востоку на 10 миль.

Я намеревался бросить якорь в заливе Дюски или в иной удобной гавани в южной части Тавай-Пунаму (южного острова Новой Зеландии) и поэтому шел под всеми парусами прямо к берегу, пользуясь попутным ветром и ясной погодой. Вскоре, однако, берег, который отстоял от нас не далее как на 4 мили, скрылся в густой пелене тумана. Мы находились у входа в залив, который я принял за бухту Дюски по группе островов, что лежала вблизи входа в нее.

Опасаясь, что дальнейшее продвижение в тумане может привести к неприятным осложнениям, я на глубине 25 фатомов круто повернул и пошел мористее при северо-западном ветре.

Залив Дюски врезывается в берег Западного мыса и приметен по белому утесу на одном из островов, лежащих **[90]** у его входа. Во время моего первого путешествия я видел берега бухты Дюски издалека, а ныне приблизился к ним при столь неблагоприятных обстоятельствах, что не мог подробно описать их.

Я держал на юг под рифленными марселями и нижними парусами до 11 часов вечера при сильном волнении.

26 марта, пятница. Утром ветер стих, и я направился к берегу и в полдень вошел в бухту Дюски. Глубина у входа была 44 фатома, дно песчаное. Западный мыс оставался к

юго-юго-востоку от нас, а самый северный мыс в заливе Пять Пальцев — к северу от корабля.

Пройдя в водах бухты две лиги, мимо нескольких островов, я лег в дрейф и спустил две шлюпки. На одной из них находился офицер, которому я дал распоряжение обследовать берег, лежащий с левого борта, и отыскать надежную якорную стоянку.

Вскоре он нашел подходящее место для стоянки и просигнализировал об этом мне. Мы последовали за ним и бросили якорь на глубине 50 фатомов так близко от берега, что могли перебросить на него канат. Это случилось в пятницу 26 марта в три часа дня, после 117-дневного плавания, в течение которого было пройдено 3 660 лиг. Ни разу за эти 117 дней мы не видели земли.

Было бы естественным предположить, что после столь долгого плавания в высоких широтах, в условиях крайне тяжелых, при постоянных холодах, ветрах и пронизывающей сырости, многие из моего экипажа будут поражены цингой.

Однако этого не было. На корабле только один матрос заболел цингой, да и тот был человеком хрупким и слабым. От цинги нас вероятно, предохранило не только сладкое пивное сусло, которое рекомендуют пить в дальних плаваниях, но и частое окуривание и проветривание внутренних помещений судна.

Закрепив судно, я тотчас же послал шлюпку для рыбной ловли. Офицеры подстрелили тюленя (целые стада их находились на берегу), и мы получили таким образом свежую пищу.

Комментарии

33. *Дептфорд* — юго-восточный пригород Лондона, расположенный на берегу Темзы. Во времена Кука в Дептфорде находились «Королевские доки» — крупнейшие в Англии корабельные верфи, основанные в первой половине XVI в.

Ширнес — городок в устье Темзы на берегу низкого острова Шепи. В Ширнесе были расположены крупнейшие в Англии адмиралтейские доки.

Лонг-Рич — город в устьевой части Темзы ниже Лондона. В XVIII в. в Лонг-Риче были расположены части морской пехоты, арсеналы и пороховые склады.

34. *Лорд Сандвич (Джон Монтегю) (1712—1792)* — английский вельможа, занимавший различные высшие должности в правительственном аппарате. С 1771 по 1782 г. первый лорд адмиралтейства. Именем Сандвича Кук назвал архипелаг, открытый им в 1775 г. в южной части Атлантического океана, Гавайские острова и остров в группе Новых Гебрид.

35. *Плимут* — крупный английский порт на южном берегу полуострова Корнуол. Плимутская гавань защищена с моря системой мощных фортов и имеет первостепенное военное значение. В XVIII в. Плимут был одним из наиболее значительных центров заморской торговли Англии.

36. *Спитхед* — пролив в Английском канале (Ламанше) между берегом Англии и островом Уайт, длиной 20 км и шириной 6 км, ведущий в Портсмутскую гавань.

37. *Сантьягу* — крупнейший остров южной группы архипелага Зеленого Мыса, принадлежащего Португалии, расположен в Атлантическом океане на 15° с.ш., в 700 км от Зеленого мыса, крайней западной точки Африки. Открыт португальцами в 1456 г.

38. *Фрегаты* — морские птицы тропического пояса, превосходные летуны, порой удаляющиеся на сотни километров от берегу. Характерные признаки фрегатов — короткая толстая шея, сильный загнутый на конце клюв, длинные острые крылья, раздвоенный V-образный хвост.

39. *Глупыши* — морские птицы из семейства буревестниковых. Характерные признаки: длинные носовые трубочки, доходящие почти до конца клюва, сильные крылья, короткий хвост. Обыкновенный глупыш — белый с серебристо-серой спинкой —

водится в полярных областях. Другие виды глупышей обитают на более низких широтах, залетая иногда в тропические моря. Глупыши, подобно фрегатам, превосходные летуны и могут удаляться от мест гнездования на сотни километров.

40. *Счислением* называется определение положения корабля путем последовательного нанесения на карту курса судна и пройденного по этому курсу расстояния. На карту наносится курс судна по показаниям компаса, но с предварительно вычисленной поправкой на отклонение географического меридиана от магнитного. Счислением не всегда бывает возможно точно установить координаты корабля по следующим причинам:

1. От действия судового железа стрелка компаса отклоняется на некоторый угол от истинного магнитного меридиана (явление девиации компаса).

2. В том случае, когда курс корабля составляет острый угол с направлением ветра или морского течения, корабль несколько уклоняется под ветер. Угол этого отклонения называется дрейфом.

Ошибка в определении положения корабля счислением исправляется путем астрономических наблюдений, а при плавании у берегов измерением углов и расстояний, относительно береговых пунктов, указанных на карте.

41. *Альбатросы* — морские птицы из отряда буревестниковых. Достигают одного метра в длину и 3,5 м в размахе крыльев. Окраска альбатросов белая с черным или дымчатая. Они имеют длинный, слегка изогнутый на конце клюв и очень длинные узкие крылья. Превосходные летуны: могут неделями не возвращаться к местам гнездования и залетать за многие сотни километров от земли. Встречаются в океанах под всеми широтами, но преимущественно в южном полушарии.

42. *Водорезы* — подсемейство птиц, относящееся к чайкам. Водорезы имеют длинный, сжатый с боков клюв с выдающейся нижней челюстью, короткий хвост и очень длинные крылья. Летают они над самой водой, бороздя по ней нижней челюстью

клюва, схватывая плавающих на поверхности животных. Ведут ночную жизнь, могут залетать в море на значительные расстояния от берега.

43. *Буревестники*. Собственно буревестники — птицы, родственные альбатросам, но более мелкие, с двумя ноздревыми трубочками на верхней челюсти клюва и длинными и острыми крыльями.

В южных морях водится «гигантский буревестник», достигающий 2 м в размахе крыльев. Эти морские птицы могут залетать на громадные расстояния от берега.

Семейство буревестниковых охватывает много родов и к нему принадлежат, кроме буревестников в собственном смысле, альбатросы и глупыши.

44. *Тристан да Кунья* — небольшой остров вулканического происхождения в Атлантическом океане, расположенный на 37°6' ю.ш. и 12°2' з.д. Открыт португальцем Тристаном да Кунья в 1506 г. Во времена Кука остров был необитаем.

45. *Гвинейские течения*. В Атлантическом, Тихом и Индийском океанах существует система постоянных морских течений, которая представляет собой большие круговороты вод, двигающихся в северном полушарии по часовой стрелке, а в южном полушарии в обратном направлении. Отдельные ветви этого круговорота носят различные названия.

Гвинейское течение проходит у северных берегов Гвинейского залива и имеет восточное направление. Далее к югу корабли, следующие вдоль берегов Африки, попадают в Бенгуельское течение северного направления.

46. *Свечение моря*. Это явление наблюдается не только в тропических морях, но и на высоких широтах и вызывается различными морскими животными (рыбы, моллюски, медузы, инфузории). У кишечнополостных и многих моллюсков светящееся вещество выделяют особые железы, у простейших светятся жировые включения плазмы. Свечение моря бывает особенно заметно в темноте и при сильном волнении. При этом

окраска света может быть самая различная — голубоватая, зеленая, розоватая и т.д.

47. *Мыс Доброй Надежды* — открыт португальцами в 1486 г. С 1652 г. и до конца XVIII в. территория в районе мыса (Капланд-Капская земля) принадлежала Голландии, и Капстадт (Кейптаун) был важнейшей голландской опорной базой на пути в Нидерландскую Индию.

48. *Св. Маврикий* — остров в Маскаренском архипелаге. Расположен в Индийском океане на 20° ю.ш. и 55° в.д., в 800 км к востоку от Мадагаскара на пути от мыса Доброй Надежды в Индию.

Открыт в 1567 г. португальцем Перу-ди-Маскареньяш. С 1598 по 1510 г. принадлежал Голландии, а затем перешел во владение Франции и был в XVIII в. важнейшим французским опорным пунктом в Индийском океане.

49. *Аотуру* был увезен Бугенвилем с острова Таити и демонстрировался как заморская диковинка в Париже. Ему не удалось снова увидеть свою родину — на пути в Таити Аотуру тяжело заболел и умер на берегах Мадагаскара.

50. *Мидшипмен* — так назывались юные моряки-практиканты, проходившие курс навигационных наук на кораблях дальнего плавания. По прохождении практики, мидшипмены получали первый офицерский чин. Их положение на судах было привилегированным, и в правах они уравнивались с офицерами.

51. *Линней Карл (1707—1778)* — шведский натуралист, крупнейший ботаник XVIII в., разработавший основные принципы систематики растений и животных.

52. *Камнеломки (Saxifrage)* — однолетние и многолетние растения с чрезвычайно развитой корневой системой. На морских берегах камнеломки встречаются в трещинах и расселинах среди скал.

Корни камнеломок, проникая в самую твердую почву, разрушают ее иногда на значительную глубину. В морях, близ скалистых берегов, плавает обычно много камнеломок, сорванных силой приливных волн и прибоя. Порой течения заносят эти растения на сотни километров от берега и поэтому далеко не всегда они могут служить признаком близости земли для мореплавателей.

53. *Секстант* — астрономический угломерный прибор. Состоит из сектора размером в шестую долю круга (отсюда и название sextans), разделенного на градусы, и из трубы с особым оптическим устройством. При помощи секстанта можно определить наибольшую высоту солнца под горизонтом, т.е. высоту солнечного стояния в полдень. Отметив момент наблюдения по хронометру, идущему по времени начального меридиана, не трудно вычислить долготу места наблюдения.

54. *Эфемериды* — заранее вычисленные и сведенные в таблицы или списки координаты небесных тел для определенных моментов времени. Ценнейшее пособие для навигационной практики. В Европе таблицами эфемерид солнца и луны мореплаватели пользовались уже в XV в.

55. *Фальконет* — артиллерийское орудие, стрелявшее ядрами. Калибр фальконета определялся весом порохового заряда. 4-фунтовые фальконеты — орудия среднего калибра, употреблявшиеся в крепостной артиллерии и на кораблях.

56. Речь идет о земле (острове), открытой Кергеленом (прим. 28).

57. *Фольшферы (фальшфейеры)* — фейерверочный снаряд, состоящий из тонкостенной металлической трубки, заполненной медленно горящим составом.

Глава четвертая

Пребывание в бухте Дюски. — Встречи с туземцами

Место, где мы стали на якорь, оказалось неудобным, и я отправил младшего помощника Пиккерсгила на поиски

подходящей стоянки к юго-восточному берегу бухты. Сам же я с этой же целью обследовал противоположный берег, но не нашел ни одного удобного для стоянки пункта.

Пиккерсгил доложил мне по возвращении, что он нашел прекрасную гавань, отвечающую всем нашим требованиям. Удостоверившись, что место, им обнаруженное, лучше всех тех, что были осмотрены мною, я решил на следующее утро отвести туда судно.

Шлюпка, отправленная на рыбную ловлю, доставила много свежей рыбы на ужин. В водах залива водилось множество рыбы, а леса на берегах изобиловали птицами. Таким образом, оставаясь в этой бухте, мы легко могли обеспечить команду свежей пищей. Это соображение, а также и то обстоятельство, что до сих пор ни один мореплаватель не приставал к южным берегам Новой Зеландии, побудило меня остановиться на некоторое время в бухте Дюски.

27 марта, суббота. В 9 часов утра я поднял якорь и при юго-западном ветре направился к гавани Пиккерсгила и вошел в нее через пролив или, точнее говоря, канал, который был лишь вдвое шире нашего корабля. Судно **[92]** было подведено так близко к берегу, что ветви одного дерева, как будто бы специально для нас посаженного в этом месте, касались шкафута, а ветки других деревьев задевали за раины. Не далее чем в 100 футах от нашей кормы протекал ручей с прекрасной водой.

В лесу было расчищено место для обсерватории, кузницы и для палаток кузнецов, плотников, парусников и бондарей. Необходимо было заняться ремонтными работами, так как многие металлические вещи, паруса и бочки требовали починки и восстановления. Нужно было также заготовить дрова и наполнить на берегу бочки пресней водой. Я распорядился также наварить пива из побегов и листьев дерева, очень похожего на черную американскую сосну.

Вблизи нашей якорной стоянки мы не нашли хорошего пастбища для тех коз и баранов, что оставались на корабле. Трава росла здесь жесткая и грубая. Все же мне казалось, что

козы и бараны с жадностью набросятся на нее. Однако они не только не прикасались к этой траве, но и отказывались от более мягкого подножного корма. При внимательном осмотре оказалось, что у животных сильно расшатались зубы. У них были явные признаки застарелой цинги. Из четырех овец и двух баранов только одна овца и один баран выдержали тяжкий переход от мыса Доброй Надежды, но и они были невероятно худы.

28 марта, воскресенье. Офицеры, которые осматривали берега в глубине залива, донесли мне около полудня, что в двух или трех милях от нашей стоянки они видели туземцев, спускающих на воду каноэ. Немного спустя после прибытия офицеров, мы увидели у одного мыса на расстоянии мили от корабля каноэ, которое вскоре скрылось за мысом в пелене дождя. Возможно, что они прятались от ливня, потому что как только прояснилось, одно каноэ показалось вновь и приблизилось к судну на расстояние ружейного выстрела. В каноэ было семь или восемь человек. Некоторое время они внимательно осматривали нас, а затем двинулись в обратный путь. Несмотря на то, что мы всеми способами старались показать туземцам, что не причиним им зла, они не решались приблизиться к кораблю.

После обеда я спустил две шлюпки и в сопровождении отряда матросов и нескольких офицеров отправился на поиски этих туземцев. **[93]**

Мы вскоре обнаружили каноэ на берегу. Оно находилось вблизи двух маленьких хижин, в которых лишь недавно были погашены очаги и висели рыболовные сети. Около хижин и в каноэ мы нашли свежую рыбу. Людей нигде не было видно. Вероятно, они бежали в лес. Мы пробыли некоторое время на берегу, оставили в лодке разные безделушки (маленькое зеркало, бисер, медали) и направились к входу в бухту.

На обратном пути я снова выходил на берег в том месте, где стояло каноэ, но, как и прежде, не увидел здесь людей.

Однако туземцы были недалеко, так как до нас доносился запах дыма. Я решил прекратить дальнейшие поиски и не проявлять

настойчивости в стремлении как можно скорее сблизиться с ними. Мне хорошо известно, что успешно установить связи с туземцами возможно только в том случае, если место и время встречи предоставить на их собственное усмотрение. К подаркам, оставленным в каное, они, видимо, не прикасались. К тому, что было оставлено им раньше, я добавил топор. К ночи мы вернулись на корабль.

29 марта, понедельник. До полудня шел сильный дождь. Когда дождь прекратился, группа офицеров отправилась в экскурсию на берег бухты, а Форстер и его спутники занялись сбором трав. Обе партии вернулись к вечеру и не сообщили ничего достойного упоминания. Два следующих дня никто не покидал корабль из-за сильных ливней и штормовой погоды.

1 апреля, четверг. После полудня я с несколькими офицерами отправился к стоянке, чтобы посмотреть, взяли ли что-нибудь туземцы. Все было цело. По-видимому, никто из них не подходил к каное в течение этих дней. После успешной охоты на птиц, мы к вечеру вернулись на корабль.

2 апреля, пятница. Погода была хорошая. Клерк, Эджкомбл и оба Форстера отправились на шлюпке на берег бухты в поисках различных произведений природы.

Я в сопровождении Пиккерсгила и Ходжса посетил северо-западный берег бухты. По пути мы убили трех тюленей, и один из них доставил нам немало хлопот.

Пройдя мимо нескольких островов, мы достигли самых северных и самых западных рукавов на берегах бухты, между которыми лежит мыс Пяти Пальцев. **[94]**

В глубине одного из рукавов или заливов мы обнаружили много уток и других птиц. Подстрелив несколько птиц, мы в 10 часов вечера вернулись на корабль.

Другая группа охотников вернулась за несколько часов до нас. Бывшая с ними черная собака, взя1ая на борт на мысе Доброй Надежды, при первом мушкетном выстреле сбежала в лес и оттуда не возвратилась.

В течение трех следующих дней непрерывные дожди препятствовали нашим экскурсиям.

6 апреля, вторник. Рано утром несколько офицеров направились на охоту в Гусиную бухту (Гуз-Коув), где я уже побывал 2 апреля. Ходже и оба Форстера поехали со мной для обследования берегов; я начал с северного берега и открыл там большую бухту, в которую впадал ручей с хорошей водой. На западной стороне этой бухты видны были небольшие, но очень красивые водопады. Так как берега бухты у водопадов были крутые, то без труда можно было бы подводить судно к самому водопаду и по желобу подавать воду непосредственно на палубу, предварительно установив на ней бочки.

Вечером, возвращаясь на корабль, я увидел трех туземцев — одного мужчину и двух женщин. Они появились на северо-восточной оконечности небольшого острова, который в связи с этим и был мною назван островом Индейцев.

Вероятно, мы прошли бы мимо острова, не заметив туземцев, но наше внимание привлекли призывные крики туземца-мужчины. Он стоял на вершине скалы с дубиной в руках. На некотором расстоянии от него в кустах видны были фигуры обеих женщин, вооруженных копьями.

Мужчина был, видимо, испуган нашим приближением, но ждал нас, не двигаясь с места, и не поднял подарков, которые мы бросили ему на берег.

Я причалил к скале, взобрался на нее, обнял туземца и преподнес ему подарки, которые развеяли все его опасения. Вскоре подошли к нам обе женщины. Бывшие со мной матросы и офицеры также присоединились к нам. Затем, в течение получаса мы болтали с туземцами, почти совершенно не понимая их. Особенно разговорчивой сказалась более молодая женщина, и один из матросов не преминул заметить, что женский язык одинаков в любой части света. Мы пытались одарить их рыбой, но они отказались от нее и дали нам понять, что имеют рыбу в **[95]** изобилии. Младшая из женщин оказалась первейшей в свете болтуньей и кончила тем, что пустилась перед нами в пляс. Мужчина, однако, вел себя с

достоинством и внимательно наблюдал за всеми нашими действиями и поступками. Спустя несколько часов мы вернулись на борт. Вторая партия не встретила на своем пути ничего интересного.

7 апреля, среда. Утром я вновь посетил туземцев, взяв с собой обоих Форстеров и Ходжса. Я подарил островитянам много различных вещей, но они приняли их довольно безразлично и обрадовались лишь топору и гвоздям. Встреча произошла на том же самом месте, что и накануне, но на этот раз мы увидели всю семью.

Она состояла из мужа, его двух жен (так, по крайней мере, мы предположили), девушки, о которой я уже упоминал раньше, мальчика лет 14 и трех малышей. Самый маленький из них был еще грудным младенцем. Все они были привлекательны, исключая одной из женщин, у которой на губе был безобразный нарост. Вероятно, по этой причине туземец-мужчина относился к ней с крайним пренебрежением. Они проводили нас в свое жилище, которое было расположено в лесу, неподалеку от берега. Жили они в двух жалких хижинах — шалашах из древесной коры, огражденных кольями. На берегу небольшой бухты близ хижин стояло двойное каное, достаточно вместительное для того, чтобы принять на борт все семейство. Ходже зарисовал почти всех туземцев, и, наблюдая за его работой, островитяне не раз обращались к нему, часто повторяя слово «тое-тое». Вероятно, так называли они человека, который рисует. Когда мы прощались с туземцами, глава семьи преподнес мне кусок ткани или одежду местного изготовления и некоторые другие мелочи.

Сперва я подумал, что все это он мне дарит, но оказалось, что туземец желал в обмен получить брезент с нашей шлюпки. Понимая, что именно может особенно его обрадовать, я, по возвращении на корабль, распорядился сшить для него плащ из красного сукна. На следующий день шел дождь, и я не съезжал на берег.

9 апреля, пятница. Мы снова поехали к туземцам. Чтобы известить о нашем визите, мы, приближаясь к острову, подняли

страшный крик. Однако они не отвечали нам и не вышли навстречу. **[96]**

Истинную причину подобного поведения я понял, когда мы вошли в шалаш. Оказалось, что все семейство с большим старанием наряжалось. Они намазали маслом и тщательно расчесали волосы, связав их на затылке пучком и украсив перьями. У всех были воткнуты в уши пучки белых перьев.

Они приняли нас стоя, проявляя при встрече необыкновенное радушие. Я подарил главному индейцу красный плащ, и он пришел в такой восторг, что тут же отвязал от пояса паттапатту (оружие из рыбьей кости) и вручил его мне. Пробыв недолго в обществе туземцев, мы отправились дальше и до ночи осматривали берега бухты.

12 апреля, понедельник. Проливные дожди не позволяли продолжать работы. Однако 12-го погода была ясная и тихая, что дало нам возможность выставить для просушки паруса и канаты. Мы с нетерпением ожидали, когда наступит время, благоприятное для сушки снастей, так как в течение всей нашей стоянки ясная погода надолго не устанавливалась.

Форстер и его спутники отправились в ботаническую экскурсию. Около 10 часов утра семейство туземцев отдало нам визит. Видя, что они приближаются к судну с величайшей осторожностью, я направился навстречу им в шлюпке и перешел на борт каное.

Тем не менее я не мог убедить их подойти ближе к кораблю. Они пристали к берегу в устье маленького ручья, который впадал в море вблизи нашего корабля и, устроившись на земле, завязали с нами беседу.

Я велел играть на волынке и флейте и бить в барабан. Ни флейта, ни волынка не произвели на них ни малейшего впечатления. Но звуки барабана возбудили их внимание. Ничто, однако, не могло привлечь их на борт судна. В переговоры же с нами они вступали охотно, и весьма развязно и фамильярно беседовали с офицерами и матросами, которые спустились на берег. К одним морякам они относились с

большим уважением, нежели к другим. И мы не без основания решили, что некоторых офицеров и матросов они считают женщинами. К одному из моряков девушка проявляла особую склонность, но лишь до тех пор пока не убедилась, что этот моряк — мужчина. После этого она не желала подпускать его к себе. Возможно, однако, что, заявляя о своем поле, этот человек позволил себе некоторую вольность, что и оттолкнуло от него девушку. **[97]**

После обеда я отправился с Ходжсом к большому водопаду, который низвергался с вершины горы на южной стороне бухты, одной милей выше нашей стоянки. Ходже зарисовал водопад карандашом, а затем написал его маслом.

13 апреля, вторник. Утром я в сопровождении Форстера отправился обследовать острова и утесы, лежащие у входа в залив.

Мы начали осмотр с юго-восточного берега Якорного острова и нашли здесь узкую закрытую со всех сторон бухту, которую я назвал бухтой Завтрака, ибо на берегу ее под сенью густых деревьев мы расположились для утренней трапезы. Затем мы отправились к островам, что лежали далее в глубине бухты Дюски. По пути видели много тюленей. Охота на них оказалась успешной. Мы убили и взяли в шлюпку 14 тюленей и, вероятно, истребили бы их и больше, если бы нам не мешала сильная зыбь на море.

Затем мы прошли мимо острова Тюленей и, обойдя юго-западную оконечность Якорного острова, вышли в открытое море. Нас так качало, что у многих матросов начался приступ морской болезни. Случайно мы встретили лодку, на которой вышли на охоту наши моряки. Мы перехватили ее в тот миг, когда ее несло прямо на камни. Людей в лодке не было, но я не беспокоился о них, так как догадался, каким образом занесло в эти места лодку. И действительно, мы обнаружили их всех на маленьком острове в Гусиной бухте.

14 апреля, среда. Обследовав северо-западный берег Якорного острова, мы в 7 часов утра вернулись на борт корабля.

19 апреля, понедельник. Вечером 18-го нас еще раз посетили наши друзья-туземцы. 19-го глава семьи и дочь решились, наконец, вступить на борт судна.

Туземец, прежде чем подняться на судно, отошел в сторону, вложил в уши птичью ногу и пучок белых перьев и, отломив зеленую ветвь с близстоящего куста, ударил несколько раз по обшивке судна. При этом он пробормотал какую-то молитву, и нам показалось, что он изъясняется рифмованной речью. Затем он кинул ветвь на якорную цепь и вступил на сходни. Когда туземец произносил заклинание, дочь его, обычно всегда веселая и говорливая, стояла подле него в глубоком раздумье. **[98]**

Этот обычай провозглашения торжественных заклинаний, несущих мир чужеземцам, распространен повсеместно у туземцев южных морей. Я привел обоих туземцев в каюту, где мы завтракали. Они уселись с нами за общий стол, но ни в коем случае не желали ничего отведать из того, что им предлагали. Мужчина спрашивал, где мы спим; он осматривал все углы каюты, и каждый предмет, который ему встречался, повергал его в изумление. Но при этом было невозможно задержать хотя бы на минуту его внимание на какой бы то ни было вещи. Сотворенное природой и сделанное рукой человека казалось ему предметами одного и того же происхождения. Видимо, мачты и палубы, их крепость и внешний вид особенно привлекали внимание гостя. Еще до вступления на борт корабля он поднес мне кусок ткани и зеленый камень. Такой же лоскут ткани дал он Форстеру. Дочь его, узнав Ходжса, подарила ему лоскут, подобный тем, которые достались мне и Форстеру. Такой обычай известен везде на островах Южного моря, но я до сих пор не знал, что он практикуется и в Новой Зеландии. Я подарил моему гостю топоры и гвозди — предметы, которые в его глазах имели наибольшую ценность.

Взяв в руки эти подарки, он уже никак не мог с ними расстаться. Все же остальные вещи, которые ему дарили, он принимал весьма холодно и при отъезде с корабля забыл даже их взять с собой.

Через некоторое время гостей отвели осматривать пушки, а я отправился с Форстерами и Ходжсом на берег бухты, предварительно отдав старшему помощнику Куперу распоряжение подготовить в условленном месте стоянку для ночлега.

Мы направились вдоль южного берега и к заходу солнца без всяких приключений добрались до излучины в самой глубине бухты, где и заночевали.

20 апреля, вторник. Утром, на рассвете, я на маленькой лодке, взяв с собой Форстера и двух матросов, отправился осматривать излучину внутренней части бухты. Шлюпка же должна была идти вдоль северного берега до установленного пункта встречи. Выйдя из лодки на берег, мы увидели уток. Я подобрался к ним, скрываясь в густом кустарнике, и застрелил одну из них.

В ответ на этот выстрел внезапно раздался дикий крик. Оказывается, рядом с нами были туземцы. Мы ответили им такими же криками и направились к лодке. **[99]** Продолжая кричать, туземцы пристально следили за нами, но оставались на месте. Лишь впоследствии я понял, что устремиться за нами они не могли, потому что их отделяла от нашей группы река. Кроме того, туземцев было вовсе не так много, как нам это казалось, когда мы прислушивались к их воплям.

Мы продолжали наше путешествие вверх по течению этой реки, по пути стреляя по уткам. Время от времени я слышал в лесу крики и человеческий говор. Вскоре мы увидели на берегу реки мужчину и женщину. Нам не удалось подняться по реке до ее истоков, так как вскоре стало невозможно вести лодку из-за множества камней, которые усеивали русло. Да и течение стало настолько сильным, что грести было трудно.

Мои попытки встретиться с туземцами были безуспешны: чем ближе я подходил к берегу, тем больше они отдалялись от нас в глубь леса. Отлив заставил меня выйти из устья реки, и я возвратился к месту ночлега.

Там мы позавтракали и сели в шлюпку, намереваясь переправиться к кораблю. В тот момент, когда мы собирались

отвалить от берега, на противоположной стороне бухты показались двое туземцев. Они призывали нас к себе криками и жестами, и мы решили направиться к ним. Я вышел на берег в сопровождении двух человек. Мы были без оружия. Туземцы стояли с копьями в руках, ярдах в ста от нас. Когда мы двинулись к ним, они начали отходить в глубь берега, но сразу же остановились, когда я, оставив своих спутников, пошел к ним один. Мне не удалось уговорить их положить оружие. Впрочем, один из туземцев, бросив копье, направился мне навстречу. В руках он нес какой-то стебель. Один конец его он дал мне и, продолжая удерживать другой конец стебля, произнес речь, смысла которой я не понял. Эта речь часто прерывалась долгими паузами. Очевидно туземец предоставлял мне время, необходимое для того, чтобы я мог обдумать свой ответ.

Как только я произносил несколько слов, он снова начинал говорить. По окончании этих взаимных приветствий мы поклонились друг другу. Туземец снял с себя свою хаху (род легкого плаща) и набросил ее мне на плечи. После этого акта мир и дружба казались уже утвержденными крепко и надежно. По крайней мере, когда мои спутники подошли ко мне, туземцы не проявили никаких **[100]** признаков тревоги и приветствовали их тем же способом, что и меня.

Я дал каждому из них по топору и ножу, так как ничего другого при себе не имел: возможно именно подобного рода подарок и был наиболее для них приятным. Во всяком случае пользы от него больше, чем от безделушек.

Они приглашали нас в свое жилище, но, к величайшему сожалению, я не мог воспользоваться этим приглашением, так как начинался отлив, и необходимо было отправиться в путь.

Туземцы проводили нас до шлюпки и помогли стащить ее в воду. Но предварительно они попросили, чтобы мы сняли с кормы ружья. Действие ружей они уже имели случай видеть и ни за что не желали прикоснуться к этим смертоносным орудиям.

Мы не видели у них никакой лодки. С одного берега реки на другой они переправлялись на трех связанных вместе древесных стволах.

Рыбы и птиц в этом месте много, так что туземцам нет необходимости удаляться для охоты или рыбной ловли на большое расстояние от своих жилищ. Соседей же у них мало, и живут они поэтому спокойно. Мне кажется, что на берегах бухты Дюски обитают только три семьи.

В полдень, распростившись с обоими туземцами, мы продолжали осмотр северного берега бухты. Ночь застала нас, когда мы почти закончили свой маршрут. В 8 часов вечера мы прибыли на корабль. Там мне передали, что туземец — наш гость — оставался на борту судна еще долгое время. Он узнал от матросов, что в том месте, где состоялась наша первая встреча, я оставил некоторое количество рыбы и отправился за ней. С тех пор мы уже больше не видели ни самого туземца, ни его семейства. Нас это чрезвычайно удивляло, потому что после каждой встречи с нами он неизменно что-либо получал. Он приобрел 9 или 10 топоров, около сорока больших гвоздей и разные другие вещи.

Обладая всем этим, семья нашего туземца, несомненно, стала богатейшей из всех семейств острова. Одних только топоров они имели больше, чем все остальные жители, вместе взятые.

21 апреля, среда. После полудня я с группой матросов отправился к островам на охоту за тюленями. Высокий прибой позволил нам высадиться лишь в одном месте где **[101]** мы убили 10 тюленей. Животные эти служат нам для трех целей: их шкуры идут на одежду, жир на освещение, мясо на еду. Потроха тюленей похожи на свиные, мясо же по вкусу немногим уступает говядине.

23 апреля, пятница. Утром Пиккерсгил и Гилберт с двумя матросами отправились в бухту Водопада, на южной стороне залива, чтобы подняться на одну из вершин.

Они достигли ее к двум часам дня и дали нам об этом знать разложив на вершине костер.

К вечеру Пиккерсгил вернулся со своими спутниками на корабль. Он мне сообщил, что с горы видел внутри острова только покрытые снегом цени обрывистых утесов, прорезанных долинами или, точнее, глубокими ущельями.

24 апреля, суббота. Я отвез на берег Гусиной бухты оставшихся у нас на корабле 5 гусей. Я не сомневаюсь в том, что в этом пустынном новозеландском уголке их не истребит рука человека. Со временем эти гуси дадут богатый приплод, и их потомство обогатит животный мир острова. Весь день мы охотились в Гусиной бухте и в ее окрестностях и только в 10 часов вечера возвратились на корабль. Один из моих спутников застрелил белую цаплю, до мельчайших деталей сходную с теми цаплями, что описаны Пеннантом в его «Британской зоологии» [59].

Восемь дней подряд удерживалась хорошая погода. Для Новой Зеландии такая погода в эту пору года — большая редкость. Пользуясь этим, мы запаслись водой, проконопатили судно и приготовили все для отплытия.

К вечеру 25-го пошел дождь и продолжался до полудня 26-го.

27 апреля, вторник. Погода была пасмурная. Временами шел дождь. Я отправился с Пиккерсгилом и обоими Форстерами в один из глубоко вдающихся в берега бухты рукавов. Этот рукав я открыл 20 апреля, возвращаясь вдоль северного берега бухты из путешествия в ее самые удаленные от моря части. Пройдя около двух лиг водами этого рукава, я установил, что он сообщается с морем. Этот проход более удобен, чем тот, через который мы прошли в бухту. На обратном пути мы успешно охотились, и по ходя, не отклоняясь от намеченного маршрута, убили 44 птицы

28 апреля, среда. Перенесли на борт палатки и снаряжение, не оставив на берегу ничего. Я распорядился подготовить почву для посева огородных культур. Матросы **[102]** выжгли в нескольких местах траву, вскопали землю и засеяли ее. Почва не обещала хорошего урожая, но лучшего участка я не нашел. Теперь я ждал лишь попутного ветра для того, чтобы через открытый мною пролив выйти в море.

29 апреля, четверг. В два часа для я приказал поднять якорь. При легком юго-западном ветре я направился внутрь бухты и далее к новому проходу. Однако между восточной оконечностью острова Индейцев и западной оконечностью Долгого острова — в 6 милях к западу от входа в открытый мною пролив — мы попали в штиль.

Пришлось бросить якорь на северной стороне Долгого острова на глубине в 43 фатома.

30 апреля, пятница. Утром снялся с якоря. За целый день при слабом западном ветре едва мог продвинуться на 5 миль.

1 мая, суббота. Весь день мы провели в борьбе с течением, относившим нас к западу. Корабль относило все время назад, и мы вынуждены были бросить якорь на северном берегу Долгого острова в маленькой бухте глубиной 19 фа томов. На ее берегу мы обнаружили две недавно лишь покинутые хижины и неподалеку от них гигантские очаги, подобные тем, что встречаются на островах Общества.

4 мая, вторник. В этой бухте штиль с непрерывным до ждем удержал нас до 4 мая. Вечером мы снялись с якоря и при легком попутном юго-западном ветре достигли входа в пролив. Ветер, однако, скоро стих, и снова мы вынуждены были стать на якорь на глубине 30 фатомов, близ песчаного берега. Для якорной стоянки это место было крайне неудобно.

5 мая, среда. Ночью шел дождь и снег, сопровождавшийся сильным порывистым ветром, порой гремел гром.

С наступлением дня мы увидели, что горы и холмы покрылись снегом. В 2 часа дня подул легкий юго-юго-западный ветер, и, воспользовавшись им, мы при помощи шлюпок вышли в воды пролива, чтобы стать на якорь в более удобном месте. В 8 часов вечера бросили якорь на 60 фатомах глубины в месте, защищенном от волнения небольшим мысом.

6 мая, четверг. Утром я послал Пиккерсгила и обоих Форстеров для обследования второго рукава бухты, который поворачивал к востоку. Сам же я остался на корабле. **[103]**

Я приказал вынести все вещи из междупалубных помещений и тщательно проветрить и очистить их. Такого рода мерой никогда не следует пренебрегать, особенно во влажном климате.

К ночи ясная погода сменилась штормом. Северо-западный порывистый ветер с дождем заставил нас закрепиться еще на одном якоре и убрать часть парусов.

Плохая погода удерживалась и на следующий день.

8 мая, вторник. М-р Пиккерсгил обследовал рукав, отходящий от берега пролива к востоку. Сам же я посвятил весь этот дождливый день исследованию берегов пролива близ того места, где он соединяется с морем. Мы настреляли 36 птиц, но промокли до костей. Утром 11 мая снялись с якоря в пункте последней стоянки. К полудню корабль при юго-восточном ветре вышел из бухты в открытое море. В момент выхода в море мы находились на 45°34'30" ю.ш.

Глава пятая

Описание проливов, ведущих в бухту Дюски. — Сведения о прилегающей к бухте территории, ее обитателях и достопримечательностях

Насколько мне известно, мало имеется в Новой Зеландии мест, где было бы такое обилие припасов, необходимых для мореплавателей, как в бухте Дюски. Поэтому я полагаю, что краткое описание этой бухты и ее берегов будет полезно для моряков и интересно для читателей.

Хотя эта область и далеко в настоящее время от мировых торговых путей, но трудно сказать, какую роль будут со временем играть земли, открытые в наш век [60].

Читатель уже знает, что в бухту ведут два пролива: Южный пролив на широте 45°48' между мысом Западным и Файф Фингерс (Пяти Пальцев), названным так потому, что у берегов его выступают подводные камни, расположенные подобно пальцам открытой кисти руки. Этот последний мыс легко

можно узнать еще и потому, что он очень выделяется на общем фоне берега. Еще издали бросается в глаза его узкий, ровный, невысокий полуостров, протянувшийся с севера на юг и сплошь покрытый густым лесом.

Через этот пролив нетрудно войти в бухту, так как все опасные места здесь ясно различимы и избежать встречи с ними не составляет труда. Хотя берега бухты в той ее части, которая примыкает к проливу, не всегда доступны, но далее имеется немало мест, удобных для якорных **[105]** стоянок. Северный пролив расположен на 45°28' ю.ш. в 5 лигах к северу от мыса Пяти Пальцев. Этот пролив не так заметен, как Южный; но поиски его не составят труда, если только иметь в виду, что берег у входа в этот пролив ниже, чем на участке к северу от мыса Пяти Пальцев. Кроме того, у входа в пролив лежит группа островов, и самый западный остров этой группы выше остальных. Я назвал этот остров «Волноломом», так как он защищает Северный пролив от морских волнений, очень сильных в Южном проливе. Лучшая якорная стоянка в Северном проливе находится недалеко от входа в него; неплохие стоянки имеются и в небольших бухтах, за островами, что лежат под юго-восточным берегом.

Вся юго-западная часть острова Тавай-Пунаму, чрезвычайно гориста. Острова и берега покрыты густым лесом; далее в глубь страны взору открываются горные вершины громадной высоты. Всюду высятся гигантские утесы, совершенно обнаженные там, где они не покрыты снегом.

Лесные породы в бухте Дюски весьма разнообразны, как и в других частях этой страны. Здесь встречается корабельный и строевой лес, а также ценные породы для тонких столярных работ. Только на берегах реки Темзы видел я лес такого же превосходного качества, как в бухте Дюски. Чаще всего здесь и там встречается дерево, сходное с американской елью. Высота этих деревьев достигает 60, 80 и даже 100 футов а в обхвате более крупные из них имеют 8—10 футов. Таким образом из одного такого дерева можно с успехом изготовить грот-мачту для пятидесятипушечного корабля.

В бухте Дюски, как и во всех других частях Новой Зеландии, много ароматических деревьев и кустарников, главным образом миртовых, но я не нашел ни одного дерева которое давало бы съедобные плоды.

Нередко стволы деревьев густо переплетены лианами, и тогда трудно бывает пробиться через лесную чащу. Лианы же часто достигают 50—60 фатомов в длину. Почва в лесах повсеместно темная, порой болотистая. В значительной части она состоит из остатков перегнивших растений. Почва настолько рыхлая, что корни деревьев слабо удерживаются в ней. Этим объясняется огромное количество бурелома даже в самой густой части леса. Обычно пространство между деревьями покрыто мхами и **[106]** папоротниками различных видов. Трав мало, за исключением льна или конопли и нескольких других видов, да и те, которые встречаются, кроме водяного креса и разновидности сельдерея, совершенно несъедобны. Зато необычайно богаты рыбой воды бухты. Попадаются здесь виды, совершенно неизвестные в Европе, есть рыбы, подобные тем, что вылавливаются на северных берегах Новой Зеландии, но более вкусные. В числе последних следует упомянуть рыбку, которую мы назвали «капустной». С ней ни по величине, ни по вкусу не может сравниться ни одна из тех рыб, что мы употребляли в пищу во время плавания в южных морях.

Немало на берегах бухты ракообразных. Из земноводных здесь встречаются лишь тюлени. Целые стада их не раз видели на островах, которые лежат у входа в бухту и на берегах бухты.

Мы установили, что здесь водится 5 видов уток, причем некоторые из них встретились нам впервые.

Самые крупные по величине равны мускусным уткам и отличаются необыкновенно красивым и ярким оперением. Мы прозвали этих уток «расписными». У самцов и у самок на каждом крыле имеется по белому пятну. У самок головка и шея белые.

Утки второго вида бурые. На крыльях они несут перья с зеленым отливом. Величиной они с обыкновенную английскую домашнюю утку.

Третьего вида утки серовато-голубого цвета названы нами «свистящими утками», так как они издают при полете пронзительный крик, несколько напоминающий свист. Отличительной особенностью их является клюв, мягкий на конце.

Во внутренней части бухты нам изредка попадались небольшие утки серого цвета с более темными перьями на спине, чем на брюшке. У самцов голова украшена красным гребнем, хвост пучком белых перьев, а клюв и лапы имеют свинцовую окраску.

Наконец последний, пятый вид уток представлен особями, сходными с чирками, так часто встречающимися в Англии. Прочие лесные и морские птицы окрестностей бухты Дюски встречаются также и в других местах Новой Зеландии.

Только водяная курочка и синий буревестник попадаются в бухте Дюски чаще, чем где бы то ни было на **[108]** территории Новой Зеландии. Быть может, я не видел водяных курочек в других частях новозеландского побережья, потому что они не могут летать и предпочитают густые чащи лесов открытым местам. Они совершенно не боятся людей и подпускают охотника так близко, что не составляет труда убивать их палками.

Возможно, что туземцы уже перебили большую часть этих птиц. Похожи они на обыкновенных кур и почти топ же величины. Все они имеют темно-бурую или нечисто-черную окраску. Мясо их очень вкусно, особенно для приготовления фрикасе и начинки для пирогов.

Из мелких птиц достойны упоминания бородатая птица, птица поэ и веерохвостка.

Так как они не описаны ни одним из путешественников, ранее меня посещавших Новую Зеландию, я считаю необходимым дать краткое описание этих птиц.

Бородатая птица (один из видов лоскутных ворон) названа так потому, что она имеет с каждой стороны клюва два нароста темно-желтого или оранжевого цвета, по величине равных

бородке обыкновенного петуха. У этой птицы короткий и толстый клюв и темно-серое оперение. Птица поэ меньше бородатой птицы. Перья ее прекрасного синего цвета, шея серебристая, и она имеет два-три белых пятна у корней крыльев. Два ослепительно белых, витых пера висят у нее по обеим сторонам головы. Туземцы на Таити называют эти перья поэ (серьги). По этому отличительному признаку мы и дали ей название. Птица поэ обладает не только великолепным оперением, но и мягким и нежным голосом. Мясо ее превосходно на вкус. Жареная птица поэ — наилучший деликатес, который могут дать леса Новой Зеландии.

Веерохвостки бывают разных видов. Самые красивые величиной с лесной орех, имеют роскошный хвост из разноцветных перьев. Распускаясь, хвост образует почти полный полукруг диаметром 4—5 дюймов.

Дня через 4 после того, как мы прибыли на стоянку в бухте Пиккерсгила, три или четыре матроса при расчистке места для палаток увидели четвероногое животное. Каждый из них описал мне этого зверя по-разному. Однако все они утверждали, что он был величиной с кошку, коротколапый, мышиного цвета. Матрос, который был ближе всего от зверя, говорил мне, что он имеет пушистый хвост и по виду напоминает шакала. Вернее всего, что это новый вид. **[110]**

Самые злобные создания здесь — маленькие черные песчаные мухи. Более надоедливых и многочисленных тварей я еще нигде не встречал. Их укусы вызывают нестерпимый зуд и опухоли, и, так как нельзя не удержаться от того, чтобы не расчесывать тело, оно в конце концов покрывается язвами, похожими на оспенные.

Дожди — форменное бедствие бухты Дюски. Возможно, они идут беспрестанно именно в то время года, когда мы там были, но само положение этой бухты, близость гор и высота берегов свидетельствуют о том, что ненастье здесь — явление обычное для любого сезона.

Матросы хотя и находились все время под дождем, но отлично переносили это неудобство. Более того, во время пребывания на

берегу многие из них почувствовали себя много лучше, чем раньше, и набрались здоровья, сил и бодрости. Думаю, что на них благодетельно подействовали свежая пища и здоровый воздух нашей лесной стоянки.

Пиво, которое матросы варили из побегов американской ели, оказалось чрезвычайно крепким, и к нему для вкуса мы стали подмешивать чайную траву (растение, обнаруженное мною в Новой Зеландии во время первого путешествия). Эта трава растет главным образом в сухих местах близ берега. Вкуснее и приятнее отвар из свежих листьев чайной травы. Чересчур крепко настоенный отвар вызывал, однако, у некоторых рвоту.

Обитатели бухты сходны с жителями других частей этой страны, говорят на том же языке и имеют те же обычаи. Они преподносят подарки чужеземцам раньше, нежели получают что-либо от последних, и этим более всех новозеландцы напоминают жителей островов Таити.

Нелегко объяснить, какие причины побудили те три или четыре семейства, которые мы встретили на берегах бухты, поселиться так далеко от своих соплеменников. Мы видели очень мало людей, и у нас создалось впечатление, что Южный остров слабо заселен. Но следов пребывания человека в различных пунктах побережья мы нашли множество, что позволяет сделать заключение о бродячем образе жизни туземцев. И судя по некоторым косвенным признакам, семьи, обитающие здесь, не очень дружелюбно относятся друг к другу. В самом деле, если это не так, то почему же они не объединяются? Ведь не только люди, но и животные имеют к этому большую склонность.

Глава шестая

Переход от бухты Дюски до пролива Королевы Шарлотты. — Описание водяных смерчей. — Встреча «Резолюшн» с «Адвенчуром».

Я вышел из бухты Дюски 11 мая 1773 г. и направился к берегам пролива Королевы Шарлотты, где надеялся встретить «Адвенчур».

17 мая, понедельник. 17 мая в 4 часа дня в трех лигах к западу от мыса Стивн мы наблюдали исполинские смерчи. До четырех часов небо было ясно, дул слабый ветер. Затем большую часть неба заволокли черные, густые тучи, предвещавшие бурю. Поэтому мы убрали все паруса. На море выросло шесть гигантских водяных столбов, четыре смерча возникли и исчезли между нами и землей, т.е. к юго-западу от нас; пятый — к северо-востоку от нас. Шестой появился сначала на юго-западе на расстоянии 2—3 миль от нас и пронесся на северо-восток всего лишь в 50 ярдах от кормы, не причинив кораблю никакого вреда.

Диаметр основания этого водяного столба имел, насколько я мог судить, 50—60 футов. Море на этом пространстве сильно волновалось и вздымало на огромную высоту пенистые валы. Матросы говорили мне, что видели в этом вихре птицу, которая, кувыркаясь в бешеном воздушном потоке, тщетно пыталась подняться вверх. Ветер все время менял направление, хмурое, темное небо источало редкие, но необыкновенно крупные капли дождя.

Смерчи двигались по кривым линиям, часто меняя **[112]** направление, иногда сталкиваясь друг с другом. Сперва в том месте, где образуется смерч, замечается сильное волнение, и в этот момент наблюдателю кажется, что к морю спускается от облаков воронкообразный воздушный столб. Я подчеркиваю слово «кажется», ибо на самом деле возникновению воздушного столба предшествует вздымание от поверхности моря столба водяного. Быть может, потому, что столб этот на первых порах невелик, создается впечатление, что не море подымается к облакам, а темная воздушная воронка опускается вниз к воде.

По мере движения нижняя часть водяного столба сперва быстро увеличивается в диаметре, а затем начинает постепенно утончаться, до тех пор, пока не исчезает совершенно.

Верхняя воздушная часть смерча еще некоторое время ясно различима, а затем облака втягивают и поглощают ее. Водяные столбы иногда вертикальны, иногда наклонны. Порой смерчи

имеют причудливую криволинейную форму. Говорят, что пушечным выстрелом можно рассеять смерч. К сожалению, мне не удалось проверить это на практике, так как смерчи возникли и исчезли так быстро, что не было возможности изготовить к стрельбе корабельные пушки.

При переходе от мыса Феруел до мыса Стивн я имел возможность осмотреть берега более внимательно, чем во время первого путешествия. Я обнаружил в 6 лигах к востоку от мыса Феруел обширный залив, отделенный от моря низкой косой. Вероятно, именно в этом заливе бросил якорь 18 декабря 1642 г. Тасман. В таком случае я обнаружил тот самый залив, который Тасман назвал Бухтой Убийц, потому что здесь был убит туземцами один из его матросов.

18 мая, вторник. Утром вступили в пролив Королевы Шарлотты и нашли у берегов его «Адвенчур», который еще издали стал подавать нам сигналы. Эта встреча несказанно обрадовала всех нас. В полдень прибыл на борт моего корабля с «Адвенчура» Кемп, первый помощник капитана Фюрно и донес мне, что они ожидают меня здесь уже около шести недель. В 6 часов вечера мы вошли в бухту, где стоял «Адвенчур», и бросили якорь. Оба корабля обменялись приветственными пушечными салютами.

Капитан Фюрно явился на борт «Резолюшн» и вручил мне подробный отчет о том, что произошло с «Адвенчуром» с момента нашей разлуки до дня встречи.

Глава седьмая

Рассказ капитана Фюрно о его самостоятельном плавании и посещении Вандименовой земли

Седьмого февраля, когда мы находились в двух милях позади «Резолюшн», ветер перешел к западу, принес густой туман, который скрыл от нас головной корабль. Вскоре мы услышали и, как нам показалось, слева от судна, пушечный выстрел. Я взял курс на юго-восток и приказал через каждые полчаса стрелять из 4-фунтового фальконета. Но ответа не было, и я поэтому решил идти прежним курсом.

К вечеру туман рассеялся, но, к моему величайшему прискорбию, «Резолюшн» не было видно. В течение трех дней я крейсировал в том месте, где потерял ив виду «Резолюшн», а затем через совершенно неизвестную часть океана направился к зимней стоянке к берегам Новой Зеландии, которая отстояла от нас на 1 400 лиг. Так как запасы пресной воды иссякали, я ограничил выдачу ее одной квартой в день на каждого человека.

Я следовал между 52 и 53° ю.ш. на восток. Ветер большей частью был западный, очень сильный, со шквалами и мокрым снегом при большом волнении с юго-запада; из этого я заключил, что на юго-западе нет земли.

26 февраля, пятница. Вечером наблюдали падение необыкновенно яркого метеорита. Небо было озарено сиянием, подобным северному, и мы любовались им несколько ночей подряд. **[114]**

Любопытно, что плавающие льдины ни разу не встречались с момента разлуки с «Резолюшн», хотя корабль шел на 2—3 градуса южнее той широты, на которой мы впервые увидели льды.

Морские птицы все время сопровождали судно. Часто мы видели морских свиней оригинальной расцветки — шкура их была покрыта белыми и черными пятнами.

1 марта, понедельник. Человек, который вел наблюдение с грот-мачты, встревожил всех нас возгласами о земле, будто бы видной с левого борта. Сообщение это вызвало всеобщую радость, но, на наше горе, мы вскоре понесли разочарование: то, что мы приняли за землю, оказалось лишь облаками, которые рассеялись, когда мы стали приближаться к ним. Мы приняли курс к земле, показанной на картах под именем Вандименовой. Эта земля открыта Тасманом в 1642 г. и лежит на 44° ю.ш. и 140° в.д. и, как предполагают, соединяется с Новой Голландией [61].

9 марта, вторник, 9-го в 5 часов пополудни на 43°57' ю.ш. и 145°36' в.д. мы заметили на северо-северо-востоке на расстоянии 8 или 9 лиг землю.

Вдоль берега ее тянулись две параллельные цепи холмов, ближайшая к морю цепь была сравнительно низкой. Нам показалось, что на северо-западе лежит группа островов или мыс, в который глубоко и в разных местах вдавалось море; но в тумане очертания этой земли были неясны, и мы не могли установить, соединяется ли этот участок суши с берегом, замеченным на северо-северо-востоке. Именно к этому берегу я решил подойти. Когда расстояние между кораблем и берегом уменьшилось до 3—4 лиг, мыс, о котором я упоминал, остался на севере от нас. По форме он походил на мыс Ремсхед у входа в Плимутскую бухту. Я полагаю, что этот тот самый мыс, который Тасман называл Южным.

К востоко-юго-востоку от Южного мыса я увидел три острова, о которых не упоминает Тасман и которые не показаны на карте.

Миновав эти острова, мы убедились, что берег лежит на северо-востоке и юго-западе. Он круто подымался над морем, пристать к нему было нелегко из-за противного западного ветра. Местность здесь холмистая покрыта лесом, берег крутой, скалистый, мало доступный; постоянно дующий западный ветер разводит сильную волну, смывающую песок. Мы не видели здесь людей. **[116]**

10 марта, среда. Утро было тихое, и корабль находился на расстоянии около 4 миль от берега. Я послал на поиски удобной якорной стоянки второго помощника.

Только во втором часу дня шлюпка вернулась, и мне было доложено, что удалось, несмотря на значительные трудности, высадиться на берег. Там видны были в нескольких местах следы пребывания туземцев, а в одном пункте они были совсем недавно. В этом месте еще горел костер, и вокруг него было разбросано много скорлупок от рачьих панцирей. Эти скорлупы, а также обгорелые палки и зеленые обломанные ветви были привезены на корабль.

От места, где горел костер, шла тропа в лес, вероятно, к жилищам туземцев. Из-за дурной погоды не удалось обследовать эту дорогу.

Почва на берегу кажется плодородной. Страна покрыта лесом (особенно лесисты склоны холмов) и богата водами. Ручьи сбегают красивыми каскадами со скал высотой в 200 или 300 фут., круто обрывающихся к морю.

Однако нигде вдоль берега нельзя найти безопасную якорную стоянку.

Я взял курс к заливу Фридриха-Генриха, следуя в северо-восточном направлении. В три часа мы подошли к крайней западной оконечности залива, названного Тасманом бухтой Бурь. У входа в залив лежит несколько голых черных утесов, которые я назвал «монахами». От «монахов» берег залива на участке в 4 лиги идет к северо-востоку.

В 7 часов вечера, обойдя высокий мыс, в северной части залива мы бросили якорь на глубине 10 фатомов и на песчаном грунте, при входе в весьма удобную бухту на 147°34' в.д. и 43°20' ю.ш.

Сперва я думал, что мы вошли в залив Фридриха-Генриха и лишь спустя некоторое время установил, что этот залив лежит на 5 миль к северу от нашей бухты, которая расположена, таким образом, между упомянутым заливом и бухтой Бурь.

11 марта, четверг. На рассвете я отправил штурмана на берег с тем, чтобы он промерил бухту и нашел место, удобное для взятия пресной воды.

В 8 часов он вернулся и доложил мне, что обнаружил прекрасную гавань с безопасным грунтом, глубиной от 5 до 18 фатомов, В этой гавани в 7 часов вечера мы бросили **[117]** якорь на глубине 7 фатомов, имея, северную оконечность бухты на северо-северо-востоке.

Вероятно, именно эта оконечность и есть Тасманс-Хед (Тасманова голова). Остров, расположенный у входа в бухту, близ ее южного берега, я назвал островом Пингвинов (так как

здесь мы поймали птицу этой породы весьма странного вида). Бухта замыкается с моря островом Марии, лежащим в 6 лигах от входа в нее. Я назвал этот обширный залив бухтой Адвенчур.

В бухте Адвенчур мы стояли пять дней и за это время запаслись дровами и пресной водой и привели в порядок снасти. Местность по берегам бухты чудесная. Почва здесь темная, очень плодородная, склоны холмов покрыты густыми лесами, в которых растут огромные вечнозеленые деревья.

Я обратил внимание на то, что эти деревья достигают значительной высоты прежде, нежели ствол их выпускает боковые ветки. Они отличаются от вечнозеленых деревьев, которые я видел в других странах. Древесина их очень хрупка и легко колется. Я обнаружил здесь только два вида деревьев. Один легко можно узнать по длинным и узким листьям и семенам в виде пуговок с очень приятным запахом; листья второго похожи на лавровые, с семенами, как у белого боярышника, с приятным пряным запахом. Смола этого дерева, по мнению нашего лекаря, напоминает гуммилак. Стволы деревьев в нижней части обычно сильно обожжены. Это объясняется тем, что туземцы, прокладывая дороги через чащи, выжигают молодую поросль и кустарник.

Из птиц, которых мы видели, одна напоминает ворону, она вся черная, только концы крыльев и хвоста у нее белые, а клюв очень длинный и острый. Один офицер убил белую птицу величиной с орла. Встречаются здесь также попугаи и различные мелкие птицы. Из водоплавающих птиц водятся в этих местах утки и чирки.

Четвероногих мы не видели, за исключением лишь одного опоссума [62], но нам нередко попадались следы каких-то животных, возможно диких коз.

Рыбой воды бухты бедны. Встречаются тут акулы и хищные пятнистые рыбы, подобные акулам. Матросы называют их «кормилицами». Туземцев за время пребывания в бухте мы не встречали, но не раз видели огни и дым милях в 8 или 10 к северу от якорной стоянки. **[118]**

Но, очевидно, бухту эту часто посещают люди. Во многих местах мы находили покинутые хижины, а в них огнива, труты из древесной коры и мешки или сети, которые употребляются, вероятно, для переноски в них различных припасов и снаряжения.

В одной из хижин мы обнаружили копье с кремневым наконечником. Мы взяли с собой все эти предметы и оставили в хижинах монеты, гвозди, пустые бочки и ружейные кремни.

Мне кажется, что туземцы не имеют представления о металлах. Живут они в круглых хижинах, которые сооружаются из кольев. Утолщенные концы кольев втыкаются в землю, сходящиеся же вверху тонкие концы связываются травой. Этот каркас покрывается листьями и мелкими ветками и слоем земли. Эти хижины настолько убоги и жалки, что не могут предохранить их обитателей от дождя и ветра.

Место для очага расположено посредине и по краям выложено осколками раковин, рыбьей шелухой и обломками панцирей ракообразных. Возможно, что раки — это основной род пищи туземцев.

Мне кажется, что туземцы не имеют постоянных жилищ. Их хижины приспособлены лишь для кратковременного пребывания и рассчитаны на три или на четыре человека. Я не видел, чтобы где-нибудь группировалось более четырех хижин.

Замечательно, что мы не видели никаких следов каное или других лодок. Видимо, туземцы не имеют ни малейшего понятия о них. Одним словом, люди, которые живут здесь, крайне невежественны и бедны, хотя могли бы на этой земле, плодородной и благодатной, обеспечить себя всем необходимым и жить в довольстве, пользуясь щедротами лучшего в мире климата.

Мы не обнаружили никаких признаков металлов в горных породах побережья.

16 марта, вторник. Пополнив запасы дров и воды, мы вышли из бухты Адвенчур, намереваясь идти далее вдоль берега до

земли, что видел капитан Кук, и установить, соединяется ли Вандименова Земля с Новой Голландией. 16-го прошли острова Марии; так они названы Тасманом, но, кажется, что это — часть Большой Земли.

17 марта, среда. Пройдя острова Шутена, мы направились к берегу Вандименовой Земли и шли на расстоянии **[119]** 2 или 3 лиг от него. По-видимому, берег этот плотно заселен; везде вдоль него мы видели огни. Вид берегов, низких и ровных, довольно приятный. Однако нигде нет признаков гавани или бухты, где корабль мог бы безопасно бросить якорь. Погода была плохая, дул сильный ветер, и мы не могли спустить шлюпку и сделать высадку на берег, чтобы познакомиться с местными жителями.

На 40°50' ю.ш. берег отклонился к западу, образуя, по всей вероятности, глубокий залив. С палубы видны были огни на островах, что лежали за линией берега.

В промежутке между 40°50' ю.ш. и 39°50' ю.ш. мы не видели ничего, кроме отмелей и островов. Берега этих островов были высокие, скалистые и бесплодные.

19 марта, пятница. В течение трех дней следовал вдоль берегов Вандименовой Земли на север.

19-го на 40°30' ю.ш. в полумиле от корабля показались рифы, глубина упала до 8 фатомов. Я взял курс мористее и на участке от 39°50' ю.ш. до 39° ю.ш. шел мелководьем, не видя земли.

На 39° ю.ш. увидели берег и снова вынуждены были удалиться в открытое море, так как плавание близ берега среди подводных камней при глубинах 5—10 фатомов было чревато опасностями.

Берег между бухтой Адвенчур и пунктом на 39° ю.ш., от которого я свернул к Новой Зеландии, протягивается почти в меридиональном направлении на 75 лиг. Мне кажется, что между Вандименовой Землей и Новой Голландией нет пролива. Вероятно, имеется лишь глубоко вдающийся в сушу залив. Далее к северу я не мог следовать, так как дули противные

ветры. Поэтому я взял курс на восток, к берегам Новой Зеландии.

24 марта, среда. 24-го нас застиг суровый шквал, который заставил убавить паруса. Волны разбили большую шлюпку и сорвали с места еще одну меньших размеров, которая была бы смыта за борт, если бы мы с большим трудом не спасли ее. Волнение продолжалось 12 часов, после чего установилась более спокойная, переменная погода. По мере приближения к земле погода становилась все более дождливая и туманная.

На 40°30' ю.ш. в 34 градусах к востоку от бухты Адвенчур показались берега Новой Зеландии.

Во время перехода от Вандименовой Земли к Новой Зеландии часто дули южные ветры, и я опасался, что они **[120]** воспрепятствуют мне достичь пролива Королевы Шарлотты, вынудив меня проследовать к основу Георга. Советую всем мореплавателям, когда им случится быть в этих водах, держать к югу при южных и юго-восточных ветрах, особенно в виду берегов.

Берега, к которым мы подошли, оказались высокими и обрывистыми. Горные кручи, разорванные цепи утесов и скал, вздымались всюду, куда ни обращался наш взор.

3 апреля, суббота. Вдоль этого берега я шел на север и 3 апреля в полдень достиг мыса Феруел — южной оконечности западного берега пролива.

В 8 часов мы вошли в пролив и до полночи держали на северо-восток, а затем легли в дрейф на глубине от 45 до 58 фатомов.

4 апреля, воскресенье. С наступлением зари я поставил паруса и направился на юго-восток.

5 апреля, понедельник. В половине третьего пополудни бросили якорь в трех милях от мыса Джексон. В 8 часов вечера отправились далее и утром 6-го вошли в пролив Королевы Шарлотты.

7 апреля, среда. 7 апреля около 5 часов утра стали на якорь в Корабельной бухте у берегов острова Мотуара на глубине 10 фатомов и глинистом грунте. Ночью слышали на противоположном берегу пролива собачий лай и человеческие крики.

На протяжении двух дней команда расчищала на острове Мотуара место для мастерских и лазарета, на корабле было несколько больных и среди них лица, страдающие тяжелой формой цинги.

На самом высоком месте мы нашли столб, водруженный здесь капитаном Куком во время его первого путешествия.

9 апреля, пятница. 9-го нас посетили туземцы. Они подошли к кораблю на трех каноэ, было их человек шестнадцать. Мы очень нуждались в свежей рыбе и для того, чтобы получить ее от туземцев, дали им предварительно различные вещи, при виде которых островитяне пришли в восторг.

Один из наших мидшипменов заметил, что туземцы пытаются что-то от нас спрятать. Он проявил любопытство и настойчивость и к величайшему своему удивлению нашел совсем еще недавно отрубленную от туловища человеческую голову. **[121]**

Туземцы, должно быть, опасались, что мы отнимем у них этот трофей, а владелец отрубленной головы испугался еще больше, чем его соплеменники. Он боялся, что его накажут, так как хорошо помнил, что капитан Кук с негодованием и омерзением относился к варварскому обычаю коллекционирования человеческих голов. Они спрятали голову и знаками пытались убедить нас, что никогда вообще ее не имели.

Они спрашивали матросов о судьбе таитянина Тупиа, которого Кук взял с собой во время первого путешествия. Тупиа умер в Батавии, когда им об этом сказали, многие были заметно опечалены. Им хотелось узнать, умер ли Тупиа своей смертью или же был убит нами.

По характеру этих вопросов я заключил, что имею дело именно с тем же племенем, которое видел капитан Кук.

После полудня они привезли нам рыбу и корни папоротника и получили за это гвозди и разные безделушки.

Гвозди они ценили больше всего. Зная ряд слов на их языке, мы называли им различные предметы и повергали их этим в изумление. За это они охотнее давали нам рыбу.

10 апреля, суббота. Утром к нам явилось 50 или 60 туземцев во главе с вождем на пяти каноэ. Они усердно меняли свою одежду, воинские доспехи и каменные топоры на гвозди и бутылки.

Старейшины и наиболее именитые туземцы поднялись на корабль и ни за что не хотели покинуть его, когда это было им предложено. Но как только матросы показали им ружья с примкнутыми штыками, они немедленно бросились в каноэ. Посещение нашего корабля вскоре вошло у них в привычку. Ежедневно они приплывали в своих каноэ и привозили нам рыбу, получая взамен гвозди, бусы и всевозможные безделушки. Они не проявляли никаких признаков вражды к нам.

Наш астроном расположился с надежным караулом на маленьком островке Хиппа, который соединяется с Мотуарой во время отлива.

Там он обнаружил развалины туземного укрепления. Углубив пещеры, в которых ранее жили островитяне, матросы отлично приспособили их для жилья. Как только были закончены эти работы, мы перевели «Адвенчур» **[122]** несколько далее в глубь бухты, свезли на берег все, что загружало палубы и начали основательно готовиться к зимовке.

11 мая, вторник. 11 мая было отмечено два сильных подземных толчка. Землетрясение не принесло нам, однако, никакого ущерба.

17 мая, понедельник. К величайшей радости всего экипажа вновь соединились с «Резолюшн».

Комментарии

58. *Южное сияние*. Подобно северному сиянию, южное сияние — обычное явление в высоких широтах. Наиболее часто оно наблюдается вблизи магнитного и географического полюсов. Спутники Кука наблюдали сияния лучистой структуры, с которыми обычно бывают связаны сильные магнитные бури.

59. *Пеннант Томас (1726—1788)* — английский натуралист, автор трудов «Британская зоология» (1766) и «История четвероногих» (1781). Исследователь Шотландии и Уэльса.

60. Кук, описывая берега Новой Зеландии, отчетливо представляет себе, какое значение может приобрести эта земля в будущем. Как пионер британской колонизации, он прежде всего обращает внимание на возможность использования бухты Дюски для стоянок флота и на естественные ресурсы окружающей ее местности. Данные Кука — это материалы рекогносцировки специального назначения, и сам Кук отнюдь не беспристрастный и бескорыстный ученый-исследователь, а опытный оценщик, который в своей деятельности руководствуется соображениями практической выгоды и британскими государственными интересами.

61. *Вандименова земля (Тасмания)* — остров у юго-восточного побережья Австралии, отделенный от него Бассовым проливом. Открыт в 1642 г. Тасманом и назван Вандименовой Землей, по имени генерал-губернатора Голландской Ост-Индии Ван-Димена. Тасман и другие мореплаватели XVIII в. (в том числе и Кук) считали Вандименову Землю частью Австралии. Островное положение Вандименовой Земли было установлено лишь в 1798 г. Бассом и Флиндерсом. Современное название острова — Тасмания — установилось в середине XIX столетия.

Коренное население Тасмании было полностью истреблено англичанами в первой половине XIX ст. Европейские колонисты охотились на тасманийцев, как на диких зверей. В

1876 г. умерла последняя тасманийка. Обитатели Тасмании относились к этнической группе, стоящей на крайне низком уровне развития. Тасманийская культура может быть отнесена к стадии верхнего палеолита, а тасманийские орудия труда и оружие ограничиваются каменными рубилами и режущими орудиями, деревянными копьями, дротиками и палками. Огонь тасманийцы добывали трением. Они обитали в легких шалашах из камышовых веток и древесной коры или в выжженных внутри дуплах деревьев, нередко ограничивались только заслонами от ветра. Вели бродячий образ жизни. Источником их существования были охота, рыболовство и сбор дикорастущих плодов и морепродуктов. Рыбу тасманийцы ловили руками или корзинами, но, по-видимому, им были известны сети и примитивные рыболовные крючки.

Они не знали глиняной посуды и варили пищу, по-видимому, с помощью раскаленных камней. Тасманийцы находились на стадии раннего родового строя и делились на небольшие группы, которые занимали строго определенные территории.

Антропологически тасманийцы резко отличались от австралийцев: их отличительные черты — шерстистые волосы, нос широкий, но не плоский, губи средней толщины. Есть предположение, что тасманийцы — древнейшая коренная этническая группа в Океании, которая благодаря изолированному положению их острова подверглась наименьшему влиянию миграционных потоков, захвативших в своем движении к югу всю Австралазию.

Ван-Димен Антон (1593—1645) — генерал-губернатор Голландской Индии, одна из колоритнейших фигур в истории голландской колонизации заморских земель. В молодости вел полную приключений жизнь в Голландии, бежал от преследования кредиторов на остров Яву, был мелким служащим Голландской Ост-Индской компании. Быстро выдвинулся, в 1626 г. стал членом совета Компании, а десять лет спустя был назначен генерал-губернатором Индии (азиатских владений Голландии).

Ван-Димен решительно и последовательно проводил политику бесцеремонных захватов новых территорий в Азии и в жестокости и вероломстве далеко превзошел всех своих предшественников.

Тасману Ван-Димен оказывал постоянную поддержку. По инициативе Ван-Димена были снаряжены тасмановские экспедиции 1639 г. и 1642 г. Именем Ван-Димена Тасман назвал открытую им в 1642 г. землю, впоследствии переименованную в Тасманию.

62. *Опоссум (сумчатая мышь)* — сумчатое животное, живущее на деревьях. Водится в Австралии и Тасмании. Различные виды опоссумов встречаются также в Америке.

Глава восьмая

Стоянка в проливе Королевы Шарлотты. — Замечания о жителях Новой Зеландии

Лучшим средством для борьбы с цингой является отвар из некоторых дикорастущих трав. Эти травы я видел на берегах пролива Королевы Шарлотты еще во время первого путешествия. Сбором их я занялся на следующий день — 19 мая — после того, как состоялась встреча с «Адвенчуром». Мне удалось в течение нескольких часов заготовить большое количество зелени, и я распорядился, чтобы на обед и на завтрак варили бульон с примесью противоцинготных трав.

Я уже ранее упоминал о том, что в мои планы входило обследование берегов Вандименовой Земли, так как меня чрезвычайно интересовало, соединяется ли она с Новой Голландией. Если бы мне не помешали попутные ветры, я безусловно посетил бы побережье Вандименовой Земли в то время, когда плыл из Южного моря к Новой Зеландии. Теперь мои сомнения

почти были разрешены капитаном Фюрно, и ничто не удерживало меня больше в Новой Зеландии. Поэтому я решил продолжать свои исследования, следуя к востоку между 41 и 46° ю.ш. Поставив об этом в известность капитана Фюрно, я

предложил ему как можно скорее подготовить «Адвенчур» к отплытию.

20 мая, четверг. Утром отвезли на берег овцу и барана, последних из числа тех, что мы в свое время взяли на **[124]** мысе Доброй Надежды. Днем я осмотрел грядки, на которых капитан Фюрно посеял разную зелень. Она везде дала хорошие всходы, и я думаю, что туземцам оставленные нами огороды принесут большую пользу.

21 мая, пятница. Я распорядился посеять некоторые огородные семена на Долгом острове.

23 мая, воскресенье. Овцу и барана, ради сохранения которых я приложил так много усилий и труда, нашли мертвыми. Вероятно, они околели от какой-нибудь ядовитой травы. Таким образом я лишился возможности развести на Новой Зеландии овец.

Около полудня появились туземцы. На корабль поднялись 5 человек, разделивших с нами обед. Впрочем, ели они мало. К вечеру мы отпустили их, вручив им множество подарков.

24 мая, понедельник. Рано утром я послал Гилберта промерить глубины у большого утеса, что стоит у входа в пролив, а сам с капитаном Фюрно и Форстером отправился на охоту.

По пути мы встретили большое каное с 14 или 15 туземцами. Они узнали меня и спросили о таитянине Тупиа. Когда я ответил им, что он умер, туземцы выразили искреннее сожаление.

Вообще личностью Тупиа здешние островитяне весьма интересовались. О нем они спрашивали капитана Фюрно. Кроме того, вернувшись на корабль, я узнал, что днем приезжали туземцы, отличающиеся по виду от тех, что обитают в этих местах. Они также спрашивали о Тупиа.

29 мая, суббота. 29-го нас посетили 30 туземцев. Одного из них я отвез на остров Мотуара и показал ему картофель, посаженный штурманом «Адвенчура» Фаннином.

Туземцу так понравился наш огород, что он принялся усердно полоть траву на грядках.

Я повел его на другие участки и продемонстрировал всходы турнепса, моркови и пастернака.

Мне кажется, что именно эти культуры скорее всего могут привиться в Новой Зеландии. Важно только, чтобы туземцы научились их выращивать.

Две или три туземных семьи расположились близ нашей стоянки и днем занимались рыбной ловлей, снабжая нас плодами своей работы. Нам туземцы казались **[125]** весьма опытными рыболовами, и их способы рыбной ловли вызывали у нас восхищение.

2 июня, среда. Корабли подготовлены к выходу в море. Я велел отвезти на берег двух коз — самца и самку. Капитан Фюрно оставил в бухте Каннибалов борова и двух свиней.

Таким образом мы можем надеяться, что со временем эти животные (если их только туземцы не истребят, прежде чем они одичают) расплодятся. Островитяне не знают что мы оставили им этот подарок, и я возлагаю некоторые надежды на то, что в течение известного времени они не увидят выпущенных нами на берег животных.

4 июня, пятница. Мне сказали, будто туземцы хотели нам продать своих детей. Слух этот пронесся на «Адвенчуре», где никому, однако, не были известны ни язык, ни обычаи островитян.

На самом деле туземцы приводили детей в надежде, что мы дадим им подарки. В этом я окончательно убедился сегодня, когда один туземец подвел ко мне своего десятилетнего сына. Я думал, что он собирается мне продать ребенка, но вскоре догадался, что он желает получить для сына белую рубаху.

Я дал мальчику рубаху, и он в совершеннейшем восторге расхаживал по палубе до тех пор, пока старый козел, не знаю

уже по какой причине, не накинулся на него и не свалил его с ног.

Рубаха при этом была измазана, и мальчик, страшно опечаленный, жаловался всем на непристойное поведение козла. Козла он называл «гури» (так именуют туземцы всех четвероногих), и на их языке это слово означает «большая собака».

На этом примере ясно видно, как легко можно приписать туземцам обычаи, совершенно им не свойственные.

Около 9 часов дня показалось большое двойное каное, в котором сидели 12—13 человек. Туземцы, бывшие на корабле, при виде каное пришли в смятение и сказали нам, что в лодке находятся их враги. Двое наших гостей стали на корме судна и принялись угрожать неприятелям.

Один грозно размахивал копьем, другой каменным топором. Тем временем остальные туземцы сели в лодки и отправились на берег, вероятно, для того, чтобы увести в безопасное место своих жен и детей. **[126]**

Знаками я попытался привлечь пришельцев ближе к кораблю. При этом туземцы, находившиеся на корме, явно сердились на меня и просили матросов открыть огонь по иноплеменникам. Не думаю, однако, что пришельцы явились в бухту с враждебными намерениями. Во всяком случае, даже если бы у них сперва и были такие намерения, они должны были убедиться, что обстановка для этого неблагоприятна. Каное приблизилось к кораблю, и туземцы, сидевшие в нем, немедленно задали нам вопрос о Тупиа. Когда я сказал, что Тупиа умер, они выразили свою печаль причитаниями, скорее притворными, чем искренними.

Скоро матросы вступили с ними в оживленный торг. Туземцы охотно брали наши железные изделия и платье. Многие матросы готовы были раздеться до нага для того, чтобы получить в обмен на одежду безделушки, которые предлагали им туземцы. Поэтому я поскорее отослал своих гостей.

От нас каное отправилось к берегам острова Мотуара. В подзорную трубу я увидел, что к острову пристало еще несколько лодок. Я тотчас отправился туда с Форстером. Вождь туземцев и сотня бывших с ним островитян приняли меня ласково и радушно.

На остров высадилось, очевидно, целое племя — тут были старики, женщины и дети. Туземцы прибыли на шести каное и привезли с собой всю свою утварь.

Я думаю, что они живут на берегах пролива, где-нибудь поблизости. Впрочем, доказать это нелегко, так как при своих переходах, ближних и дальних, туземцы всегда забирают с собой все свое имущество. Для них все равно, где жить, лишь бы хватало продовольствия. Можно сказать, что они везде дома. То же я наблюдал в бухте Дюски.

Местные жители рассеяны мелкими группами, подчиняясь только главе семьи или племени (власть его, должно быть, очень невелика). Они из-за этого испытывают много неудобств, которых не знают более развитые туземные общества, объединенные властью одного вождя или другой формой правления.

У последних есть законы, необходимые для их собственного блага; они не приходят в смятение при появлении чужестранцев и при вторжении в их страну пользуются укреплениями, чтобы защищать себя, свою землю и свою собственность. **[127]**

По крайней мере таковы обитатели Эахей-Номауве (Северного острова), но этого нельзя сказать о туземцах Тавай-Пунаму, которые бродят с места на место и пребывают в состоянии вечной тревоги: с оружием они не расстаются ни днем, ни ночью, и даже женщины не избавлены от обязанности всегда иметь при себе копья. В бухте Дюски я видел женщин с копьями длиной не менее 18 футов.

Доказательством того, что здешние туземцы ведут бродячий образ жизни, может явиться следующий факт: за три года, что истекли со времени моего первого посещения Новой Зеландии,

население тех мест, которые я дважды посетил, полностью сменились.

Меня навело на размышления об образе жизни туземцев то обстоятельство, что я не мог найти здесь ни одного человека из тех, которых я видел три года назад. Я не мог также обнаружить никого из числа обитателей, живших в то время в этих местах. Таким образом, весьма вероятно, что большая часть людей, живших тут в начале 1770 г., с тех пор перешли отсюда на другие места по собственному желанию или были отсюда изгнаны.

Во всяком случае, численность населения ныне не достигала и трети той, что была три года назад. Укрепления на Мотуаре были покинуты, и мы находили много покинутых жилищ во всех частях страны. Правда, последнее наблюдение еще не может быть доказательством былой населенности этих мест — каждая семья сообразуется со своими удобствами, когда меняет одну стоянку на другую и имеет несколько хижин.

Меня могут спросить, каким образом местные жители, которые никогда не видели «Индевор» и его экипажа, узнали имя таитянина Тупиа (сопровождавшего нас в первом путешествии) и приобрели в собственность вещи, которые они могли получить только от людей с «Индевора».

На это я могу ответить, что имя Тупии было настолько популярно среди туземцев, которые жили здесь во время стоянки «Индевора», что нет ничего удивительного в том, что оно стало известно в большей части Новой Зеландии и его знают даже те, кто никогда не видел таитянина, так же хорошо, как и люди, знакомые с ним.

Точно так же и вещи, ранее принадлежавшие другим лицам, могли стать собственностью новых владельцев, **[128]** не видевших «Индевор». Я получил от одного туземца украшения, изготовленные из стекла, которое, несомненно, попало к местным жителям во время пребывания здесь «Индевора».

Пробыв около часа на Мотуаре, я раздал туземцам различные подарки и показал их вождю наши огороды, затем я вернулся на корабль.

Оба корабля были готовы к выходу в море, и я вручил капитану Фюрно инструкцию, которой он должен был придерживаться в дальнейшем. Я заметил следующий маршрут: от Мотуары на восток между 41 и 46° ю.ш. вплоть до 135 или 140-го меридиана. В случае, если на этом участке не будут открыты новые земли, нужно было идти к берегам Таити, а оттуда кратчайшим путем вернуться обратно к этому месту. Пополнив здесь запасы дров и воды, корабли должны были далее идти на юг и посетить неисследованные части океана между меридианами Новой Зеландии и мыса Горн.

Первым пунктом встречи на тот случай, если бы суда разошлись на пути к Таити, я наметил этот остров. Вторым пунктом был берег пролива Королевы Шарлотты. Корабль, пришедший первым на Таити, должен был ждать потерявшегося спутника до 20 августа, а в проливе Королевы Шарлотты до 20 ноября.

Если же по истечении этих сроков встреча все-таки не состоялась бы, капитан Фюрно должен был продолжать плавание один, согласно инструкциям Адмиралтейства.

Многие могут удивиться моему намерению продолжать плавание в разгаре зимы на такой высокой широте, как 46°. Конечно, зима — сезон, мало благоприятный для плавания в этих морях. Однако я не мог терять время, так как опасался, что в течение одного лета мне не удастся обследовать южную часть Тихого океана. Наконец, если бы я открыл какую-нибудь новую землю зимой, я мог бы отложить на лето изучение и описание ее. Я не подвергал при этом экспедицию большому риску. Корабли были в полном порядке, команда здорова. И именно в плавании драгоценное время было б употреблено с пользой. Даже если бы мне ничего не удалось открыть в ближайшие месяцы, я все же доказал бы потомству, что плавание в высоких широтах южного полушария возможно не только летом, но и зимой. **[129]**

В то время, когда мы находились у берегов пролива Шарлотты, я имел возможность заметить, что второе посещение европейцев отнюдь не способствовало повышению морального уровня туземцев обоего пола.

Раньше я считал, что в Новой Зеландии женщины целомудреннее прочих жительниц южных морей. Людям с «Индевора» женщины оказывали благосклонность тайно и мужья их не вмешивались в любовные дела своих жен. Теперь, же, как мне рассказывали, мужья были зачинщиками постыдного торга и без всякого стеснения и совершенно открыто заставляли своих жен за гвоздь или другую вещь такой же цены отдаваться матросам, не считаясь с тем, желают ли они этого или нет [63].

Глава девятая

Путь от Новой Зеландии к Таити. — Описание некоторых низменных островов, вероятно, тех самых, которые были открыты Бугенвилем

Седьмого июня 1773 г. в 4 часа утра при благоприятном ветре мы снялись с якоря и на следующий день в 8 часов утра вышли из пролива Королевы Шарлотты.

11 июня, пятница. Следуя к юго-востоку, пересекли 180-й меридиан и вступили в воды западного полушария.

16 июня, среда. Утром юго-восточный ветер заставил нас взять курс на северо-восток. Находились на 47°7' ю.ш. и 173° з.д. Очень свежий ветер этого румба при переменной, ясной и дождливой погоде продолжался до 2 часов, когда при ясном небе задул западный ветер.

23 июня, среда. Прошли 44°38' ю.ш. под 161°27' з.д. В течение двух последующих дней немного продвинулись вперед из-за сильного ветра и волнения.

25 июня, пятница. Утром при свежем северном ветре повернули на юго-восток на 42°53' ю.ш. и 168° 20' з.д.

С 26 июня по 15 июля шли большей частью при слабом ветре в интервале между 41 и 43° южной широты.

13 июля к вечеру задул свежий северо-восточный ветер со шквалами, при мрачной, туманной и дождливой погоде. В полдень 14-го мы повернули на север под низкими парусами.

15 июля, четверг. На 41°25' ю.ш. и 135°58' з.д. в море встретили плавающее бревно, облепленное раковинами. **[131]**

Я шел на восток-северо-восток. До полудня 17-го дул крепкий, порывистый ветер с сильным дождем и градом, при большом волнении.

17 июня, суббота. На 39°44' ю.ш. и 133°32 з.д., так как не было никаких признаков земли, я взял северо-восточный курс, чтобы обследовать участок океана между 39 и 27 градусами ю.ш. Ни один из известных мне мореплавателей не бывал ранее в этих местах.

22 июля, четверг. Достигли 32°30' ю.ш. и 133°40' з.д. Погода установилась жаркая, термометр показывал 17°,7 С. С момента отплытия от берегов Новой Зеландии температура обычно редко подымалась выше +12°,2 С, но и не падала ниже 8° С.

22-го в первый раз в течение всего дня не видели ни одной птицы. До этого каждый день встречались альбатросы, водорезы, пинтадо, синие буревестники и порт-эгмонтские курочки, — птицы, обычные на высоких широтах южного океана. Одним словом, ничто не предвещало близости земли.

25 июля, воскресенье. Дождливая ветреная погода удерживалась до утра, а затем ветер стих и отклонился к северо-западу. Утром были на 29°51' ю.ш. и 136°28' з.д. В полдень небо прояснилось, и показалось солнце. Впервые в этих морях видели тропических птиц.

29 июля, четверг. Послал на «Адвенчур» матроса, чтобы узнать о состоянии здоровья экипажа. Оказалось, что на «Адвенчуре» умер повар, и около двадцати лучших матросов страдают цингой и кровавым поносом. У нас же, на «Резолюшн», было

только трое больных и из них только один цинготный. Но признаки этой болезни имелись у многих, и я приказал давать всем людям пивное сусло, тертую морковь, лимонный и апельсинный соки.

На «Адвенчуре», когда он прибыл в Новую Зеландию, было больше больных цингой, чем на моем корабле. Вероятно, это объяснялось тем, что там не употребляли в пищу зелени ни во время плавания, ни во время стоянки в проливе Королевы Шарлотты. Между тем, вводить ее в рацион — прямая обязанность капитана судна. Как бы ни была полезна непривычная пища, чтобы ввести ее, нужен личный пример и авторитет командира. Я сам ел много зелени и добился того, чтобы офицеры и матросы принимали в пищу сельдерей, лук и другие виды зелени. **[132]**

На «Резолюшн» вся команда вскоре осознала огромную пользу всевозможных съедобных трав. Я назначил одного из своих матросов поваром на «Адвенчур», но там к зелени было совсем иное отношение, несмотря на то, что капитан Фюрно принимал меры для борьбы с цынгой.

1 августа, воскресенье. В течение нескольких дней дул свежий северо-западный ветер, шел дождь. Мы шли на северо-восток и в полдень были на 25°1' ю.ш. и 134°6' з.д.

Именно здесь должен быть расположен открытый в 1767 г. капитаном Картеретом остров Питкерн [64].

Хотя, если судить по данным Картерета, этот остров оставался от нас лишь на расстоянии 15 лиг к востоку, никаких признаков земли мы не заметили.

Вероятно, его долготные определения неточны и не сверены с астрономическими наблюдениями.

К сожалению, состояние здоровья экипажа «Адвенчур» лишило меня возможности определить положение острова Питкерн.

Мы уже шли севернее пути капитана Картерета, и я, следовательно, мог надеяться на открытие в этих широтах

только островов, но не южного материка. В поисках его следовало свернуть к югу. Впрочем, я должен отметить, что во время первого и нынешнего путешествия я пересек этот океан у 40° ю.ш. и еще далее и не встретил ни малейших признаков южного материка. Напротив, все говорило в пользу того, что между меридианами Новой Зеландии и Америки такого материка нет. Это подтверждается следующими соображениями:

1) После того как мы оставили Новую Зеландию, мы ежедневно видели плавающие камнеломки на расстоянии 18 градусов долготы от нее. В 1769 году я видел их на восточном пути к Новой Зеландии на расстоянии 12—14 градусов от нее.

Эта трава, несомненно, продукт Новой Зеландии: чем ближе к этому двойному острову, тем больше травы. На далеком же расстоянии к востоку от берегов Новой Зеландии я видел лишь немного гнилой травы — явный признак того, что она очень долго находилась в море. Это доказывает, что к востоку от Новой Зеландии по направлению к Южной Америке нет большой земли.

2) К востоку от пролива Королевы Шарлотты мы вплоть до того момента, когда пересекли под 177° з.д. **[133]** 46-ю параллель, замечали на море волнение с юго-востока Затем последующие пять дней, пока мы передвинулись еще на 5° к востоку, волнение шло с севера и северо-востока, хотя ветер был переменным. Эти наблюдения доказывают, что в этой части Южного океана к северу от нашего пути нет большой земля.

3) Далее, мы обычно отмечали сильное морское волнение с той стороны, откуда дул свежий ветер и главным образом с юго-запада. Это волнение никогда не прекращалось одновременно с ветром: доказательство в пользу того, что недалеко от. нас на юго-западе не было большой земли. И вряд ли на юге имеется материк, разве только на очень высоких широтах.

Но вопрос о южном материке настолько важен, что я не считаю возможным разрешить его на основании предположений и догадок. Необходимы факты. И для того, чтобы эти факты

установить, я должен будущим летом проникнуть как можно дальше на юг.

11 августа, среда. На рассвете на юге показалась земля. То был остров протяженностью около двух лиг, вытянутый с северо-запада на юго-восток и покрытый густым лесом. Вершины кокосовых пальм горделиво подымались к небу.

Я полагаю, что это один из островов, открытых Бугенвилем. Он расположен на 17°24' ю.ш. и 141°39' з.д. Я назвал его островом Резолюшн. Состояние экипажа Адвенчура не допускало длительных задержек на пути к берегам Таити. Поэтому я решил не останавливаться для осмотра острова Резолюшн, размеры которого исключали возможность пополнения наших запасов, и следовать далее на запад.

В 6 часов вечера с вершины мачты на юго-западе был замечен другой остров. Вероятно, он также принадлежал к числу островов, открытых Бугенвилем. Я назвал этот остров, лежащий на 17°20' ю.ш. и 141°38' з.д., Даутфул («Сомнительным»). Сожалею, что у меня не было времени для того, чтобы обследовать южные моря к северу от пути Бугенвиля. Необходимость вынуждала меня больше думать о свежих съестных припасах, чем о новых открытиях.

12 августа, четверг. Ночью едва не наткнулись на коралловые рифы. Только утром я оценил опасность, от которой нас избавил случай: в темноте мы почти вплотную приблизились к берегам округлой гряды коралловых **[134]** островков. Прибой клокотал у подножья невысоких утесов. За кольцом длиною около 20 лиг мелей, подводных камней и поросших лесом мелких островов я видел спокойные воды внутреннего озера, а на озере парус туземного каное.

Эту гряду коралловых отмелей и рифов, расположенную на 17°5' ю.ш. и 143°16' з.д. я назвал островом Фюрно [65]. Положение его совпадает с одним из островов, открытых Бугенвилем. Но следует отметить, что в этой части Тихого океана так много едва возвышающихся над уровнем моря или наполовину затопленных коралловых островов, что трудно установить,

какие именно из них были ранее открыты Бугенвилем или другими мореплавателями.

Не осматривая острова Фюрно, я под всеми парусами пошел на запад. Часов в 6 вечера остался под одними марселями, а к ночи лег в дрейф.

13 августа, пятница. На 17°4' ю.ш. и 144°30' з.д. в 4 часа утра увидели еще один низменный остров, получивший название острова Адвенчур. Эта группа низменных островов и рифов справедливо была названа Бугенвилем «Опасным архипелагом» (Современное, название — архипелаг Паумоту). Море на этом месте было совершенно спокойно, и это подтверждало, что мы были окружены рифами. Нужно было соблюдать величайшую осторожность, особенно ночью.

Глава десятая

Прибытие кораблей на Таити и критическое положение, в котором они там оказались

В 5 часов утра 15 августа показались берега острова Оснабрюк (Майтеа), открытого Уоллисом. Вскоре после этого я лег в дрейф, чтобы дать возможность догнать меня несколько отставшему «Адвенчуру». Капитану Фюрно я сообщил, что удобнее всего стать на якорь в бухте Оайти-Пиха на юго-восточном берегу острова Таити.

Я намеревался пополнить там наши запасы, а затем следовать в бухту Матаваи.

В 6 часов вечера увидели на западе остров Таити. Шли к острову до полуночи, а затем до рассвета легли в дрейф.

16 августа, понедельник. Утром взяли курс вдоль берега при слабом восточном ветре. Вскоре ветер стих, а между тем корабли находились в полулиге от большого подводного рифа, и течение несло нас прямо на него.

Туземцы на своих каное прибыли сюда из разных мест и привезли немного рыбы, кокосовые орехи и фрукты.

Все это они выменивали на гвозди, бусы и т.д. Многие из них узнали меня и расспрашивали о Бенксе и других моих спутниках по «Индевору». Никто из них, однако, не задал вопроса о Тупиа. Штиль продолжался, и с каждой минутой наше положение ухудшалось. Все же я надеялся обойти западную оконечность рифа и вступить в воды бухты Оайти-Пиха. **[136]**

В два часа дня нашли узкий пролив в отмели. Глубина его оказалась ничтожной, и к тому же в горло пролива с титанической силой втягивалась из моря вода. К счастью, «Адвенчур» благополучно пронесло через предательский пролив. Но тут, у входа в пролив, едва не погиб «Резолюшн» как только корабль попал в это мощное течение, его сразу же понесло на мель. Мы были не больше, чем в двух кабельтовых от подводных камней и из-за плохого грунта не могли стать на якорь. Один миг, казалось, что катастрофа неминуема. Все же удалось бросить якорь, но прежде чем он достал дно, под кораблем осталось лишь три фатома воды, и судно начало бить о камни. При каждом ударе над кормой вздымались гигантские волны, и судьба корабля вновь повисла на волоске.

Мы тотчас бросили два верпа с канатами. Верпы упали чуть подальше большого якоря, не знаю уж на какой глубине. Начали тянуть судно закинутыми верпами, обрубив цепь большого якоря, и таким образом стащили корабль с мели. Однако еще долгое время я был охвачен страхом, так как легко могло случиться, что верпы сорвутся с грунта, а канаты перетрутся о камни. Но нас окончательно спас прилив. Уровень воды поднялся, и сила течения значительно ослабла. Я приказал спустить все шлюпки, отбуксировать в открытое море корабль и поднять верпы. С берега подул свежий ветерок, облегчивший буксировку. Скоро мы были уже вне опасности. Я послал шлюпки на помощь «Адвенчуру», но капитан Фюрно, пользуясь ветром, уже поднял паруса и без помощи шлюпок подошел к «Резолюшн». «Адвенчур» потерял три якоря, трос и два причальных каната.

Таким образом, мы едва избежали кораблекрушения у берегов земли, к которой стремились на протяжении последних дней

все наши помыслы. К счастью штиль, который чуть не погубил корабль, еще некоторое время продолжался и на этот раз избавил нас от новых опасностей: если бы подул обычный морской бриз, «Резолюшн» неминуемо бы погиб, а может быть, погиб бы и «Адвенчур».

В то время, когда мы находились на краю гибели, на корабле было несколько туземцев и неподалеку от нас плавало много туземных каное. Видимо, островитяне не **[137]** представляли себе опасности нашего положения. Они не выражали ни удивления, ни радости, ни страха, когда судно билось о камни.

17 августа, вторник. Всю ночь лавировали под дождем при свежем ветре. Утром вошли в бухту Оайти-Пиха и бросили якорь на глубине 12 фатомов, в двух кабельтовых от берега.

На корабли поднялось множество туземцев. Они принесли нам кокосовые орехи, ямс [66], бананы и другие плоды. Завязалась оживленная мена, в ход пошли гвозди и бусы. Некоторым туземцам, которые именовали себя вождями, я подарил рубашки, топоры и другие относительно более ценные вещи. Они же, в свою очередь, обещали привезти нам свиней и домашнюю птицу. Однако обещание это не было выполнено. Я сомневаюсь даже, имели ли туземцы намерение сдержать данное ими слово.

После обеда я отправился с капитаном Фюрно на берег, и вскоре нашел удобное место для забора воды. Когда шлюпки с бочками пристали к берегу, туземцы очень приветливо встретили матросов.

18 августа, среда. Утром штурман Гилберт затратил несколько часов на поиски утерянных нами якорей. Он нашел большой якорь с «Резолюшн», но тщетно пытался отыскать якорь «Адвенчура». Туземцы привезли немного плодов на корабль. На берегу торговля шла вяло. Попытки приобрести свиней успехом не увенчались. Островитяне уверяли нас, что свиньи, которых мы видели около одного селения, принадлежат Вахеатоуа, туземному королю [67], носившему титул ари-де-хи. Эту особу мы еще не видели. Не встречали мы также и ари менее высокого ранга. Однако многие туземцы, именовавшие

себя ари, приезжали на корабли либо для того, чтобы получить от нас подарки, либо для того, чтобы стащить все, что попадется под руку.

Один из таких ари провел почти весь день в моей каюте. Он и друзья его (а было их немало) получили от меня различные подарки. Под конец, однако, он принялся беззастенчиво хватать мои вещи и передавать с рук на руки своим спутникам, которые цепочкой выстроились до самой палубы. Мои спутники жаловались, что то же делали и туземцы, бывшие на палубе.

Я изгнал с корабля всю честную компанию. Мой гость поспешно убрался. Однако я настолько был раздражен **[138]** его поведением, что дважды выстрелил из мушкета, когда он несколько отдалился от корабля, целясь выше его головы.

Он чрезвычайно перепуганный, бросился в воду. Я распорядился спустить шлюпку, чтобы захватить его каное. Но когда шлюпка приблизилась к берегу, туземцы, которые там находились, стали бомбардировать ее камнями.

Матросы на шлюпке не имели оружия. Поэтому я поспешил к ним на помощь на другой шлюпке и приказал дать выстрел картечью вдоль берега. Туземцы бежали в лес, а я, не встречая никакого сопротивления, увел два каное. До сих пор никто из таитян не осведомлялся о своем соотечественнике Тупиа. Сегодня двое или трое спрашивали о нем. Узнав, отчего Тупиа умер, они удалились удовлетворенные моим ответом. Впрочем, даже если бы я сообщил им, что Тупиа умер не от болезни, а насильственной смертью, весть об этом мало бы их обеспокоила. Точно так же их не очень интересовала судьба таитянина Аотуру, увезенного в свое время Бугенвилем. Но зато туземцы задавали мне много вопросов о Бенксе и других моих спутниках, посетивших остров во время первого путешествия.

Туземцы рассказали мне, что Тоутаха, правитель области, расположенной на большом таитянском полуострове, был убит в сражении, в котором участвовали войска двух здешних королевств, и случилось это около пяти месяцев тому назад. Вместо него теперь правит Оту. Большая часть наших старых

друзей из Матаваи пали в бою, а с ними погибло много простого народа. Однако ныне оба королевства живут в мире.

20 августа, пятница. Вечером один туземец украл мушкет у караульных, выставленных мною на берегу. Это произошло на моих глазах, и я немедленно послал матросов в погоню за вором. В его поимке оказали немалую помощь туземцы. Они бросились наперерез вору, сбили его с ног и вырвали у него мушкет, который затем вручили мне. Вероятно, они сделали это из страха перед нами. Тем не менее их поведение заслуживает одобрения. Без своевременной помощи таитян, не в моей власти было бы вернуть похищенное, применяя мягкие меры воздействия. А любой другой способ добиться поставленной цели, обошелся бы мне в десять раз дороже украденного мушкета. **[139]**

21 августа, суббота. Утром прибыл на корабль один вождь и привез в подарок много плодов, в частности кокосовые орехи, из которых был вылит весь сок. Он произвел эту операцию так искусно, что по внешнему виду орехов никак нельзя было предположить обмана. Когда же его разоблачили, он нисколько не был смущен. Он сделал вид, что не понимает, о чем идет речь, но затем открыл два-три ореха, с сокрушенным видом согласился с нашими доводами и отправился на берег, откуда послал нам бананы.

Пополнив запасы воды, плодов и зелени, я решил, на следующее утро отправиться в Матавай, так как по всем признакам встреча с Вахеатоуа должна была состояться нескоро, а без него невозможно было приобрести свиней.

22 августа, воскресенье. Утром ветер подул с северо-запада, и мне пришлось отложить выход из бухты. Как обычно, завязалась на берегу торговля с туземцами.

Вечером я узнал, что Вахеатоуа находится где-то вблизи и желает видеть меня. Я решил несколько задержаться для того, чтобы встретиться с ним.

23 августа, понедельник. Рано утром я отправился на берег. Меня сопровождали капитан Фюрно, Форстер и несколько

туземцев. Встреча состоялась на расстоянии мили от места высадки. Вахеатоуа шел к нам, но как только увидел мой кортеж, остановился на полдороге со всей своей многочисленной свитой. Он принял нас, сидя на скамье, окруженный телохранителями. Я узнал его с первого взгляда. В 1769 г. мы не раз виделись друг с другом. Тогда он был еще мальчиком, и звали его в ту пору Теари. После смерти отца Вахеатоуа, он принял его имя. После первых приветствий он усадил меня рядом с собою. Мои спутники сели на землю. Он спрашивал о многих из тех, что были здесь в 1769 г., называя каждого по имени. Затем он осведомился, долго ли я намерен оставаться здесь. И когда я ответил ему, что собираюсь отплыть завтра, он выразил сожаление и просил меня задержаться на несколько месяцев. В конце концов он уговорил меня пробыть в Оайти-Пиха пять дней, обещая за это время снабдить экспедицию свиньями.

Думаю, что если бы мы остались здесь на больший срок, я мог бы приобрести здесь больше припасов, чем на Матавай.

Я подарил ему рубаху, простыню, большой топор гвозди, ножи, зеркала, медали, бусы и т.д. Он же **[140]** преподнес нам большую свинью и приказал доставить ее на борт. Я пробыл с Вахеатоуа все утро, причем он требовал, чтобы я ни на минуту не покидал почетного места на королевской скамье. Эту скамью торжественно переносили во время выходов его приближенные, которых он называл скамьеносцами.

К обеду мы вернулись на корабль, а затем посетили Вахеатоуа и снова вручили ему подарки. Я получил от него еще одну свинью, и такую же свинью он дал капитану Фюрно. К вечеру мы приобрели в обмен на топоры, ножи и гвозди еще несколько свиней. Теперь мы могли накормить хоть раз свежим мясом всех людей с обоих судов. Таковы были результаты этой встречи с вождем.

24 августа, четверг. Рано утром мы вышли в море при легком ветре, который дул с берега. Вскоре, однако, налетел порывистый западный ветер, и пошел дождь.

Множество каное сопровождало нас, и туземцы следовали за кораблями до тех пор, пока мы не приобрели всего того, чем были гружены их лодки.

Фрукты быстро излечили пораженных цынгой матросов «Адвенчура», и состояние здоровья людей значительно улучшилось за эти несколько дней. В бухте я оставил Пиккерсгила, поручив ему закупку свиней. Мне обещали их продать многие островитяне, и я не желал терять эту возможность.

25 августа, пятница. 25-го после полудня Пиккерсгил догнал нас и привез 8 свиней, которых он приобрел в Оайти-Пиха. Он провел ночь в Охедеа, где имел встречу с Эрети, вождем этого округа.

Любопытно, что Эрети не спрашивал Пиккерсгила об Аотуру. Между тем Бугенвиль получил этого туземца в дар именно от Эрети, а последний, казалось бы, должен был проявить интерес к судьбе подданного, тем более, что в его глазах Бугенвиль был нашим соотечественником.

Об европейских странах туземцы не имеют ни малейшего понятия. Мы не раз говорили им, что Бугенвиль не англичанин, а француз, но слова Франция островитяне произнести не могли. Они с трудом усвоили слово Париж, но я уверен, что оно скоро изгладится из их памяти. Зато Британия (туземцы произносят Притейн) им теперь известна хорошо, и имя нашей страны можно услышать даже на устах младенцев.

Глава одиннадцатая

Встреча с Оту. — О козлах, некогда оставленных на острове. — Происшествия, которые имели место во время нашего пребывания в бухте Матавай

Еще до того, как мы стали на якорь в бухте Матавай, палубы кораблей наполнились туземцами. Многих из них я знал, и почти все они знали меня.

Огромная толпа собралась на берегу. Встречать нас вышел и Оту, король Матавай. Я уж совсем было собрался нанести ему визит, когда мне сообщили, что Оту внезапно отправился в Опарри. Причина этого странного поступка была мне непонятна, так как все туземцы, казалось, были чрезвычайно рады нашему прибытию.

Один из вождей — Маритата — советовал мне отложить визит до утра. Он обещал сопровождать меня и сдержал свое слово.

26 августа, четверг. Распорядившись разбить на берегу палатки для больных и охраны для бондарей и парусных мастеров, я в сопровождении капитана Фюрно, Форстера и Маритаты отправился к Оту в Опарри.

Оту ждал меня, сидя на земле в тени большого дерева. Его окружала несметная толпа туземцев. После первых же приветствий я передал ему подарки, прекрасно понимая, что в моих интересах было укрепить дружественные связи с этим человеком. Я также вручил подарки некоторым из его приближенных. В обмен он предложил мне кусок ткани. Я отказался принять этот дар и заявил Оту, **[142]** что мои подношения безвозмездны. Я добавил, что подарки эти даются в знак дружбы. Король осведомился о Тупиа и о моих спутниках по первому путешествию. Он называл мне их имена, хотя, насколько мне помнится, эти люди были ему лично неизвестны. Оту заверил меня, что завтра пришлет свиной. Однако стоило большого труда убедить его нанести мне визит на корабль. Он упорно отговаривался, не раз повторяя, что боится пушек. И в самом деле, все поведение Оту ясно свидетельствовало о том, что вождь этот не из храброго десятка. Это был высокий, шести футов ростом, стройный человек, лет 30 от роду с привлекательной физиономией и гордой осанкой. Все подданные Оту, в том числе и его отец, стояли перед ним с непокрытыми головами, или, точнее, обнажив головы, плечи и верхнюю часть груди.

27 августа, пятница. Утром прибыл с многочисленной свитой Оту. Он привез много тканей и фруктов, две больших рыбы и одну свинью. На борт Оту поднялся в сопровождении сестры,

младшего брата и группы приближенных. Всем я дал подарки, а после завтрака король со всей своей свитой на моей шлюпке был отправлен на берег. Там я встретился с матерью покойного короля Тоутаха. Эта добрая старая леди приняла меня, обливаясь слезами и несколько раз повторила: «Тоутаха, ваш друг — умер». Я настолько был растроган, что едва сдержал слезы.

Капитан Фюрно подарил Оту пару прекрасных коз (самца и самку). Если за животными будет надлежащий **[143]** уход, они, несомненно, оставят на острове большое потомство.

28 августа, суббота. Рано утром я отправил на шлюпке Пиккерсгила за свиньями, а затем принял Оту, который одарил меня тканями и фруктами и преподнес мне свинью.

Король и вся его свита посетили также «Адвенчур» и передали подарки капитану Фюрно. После того как Оту вновь вернулся на «Резолюшн», я щедро одарил его приближенных и одел в дорогие ткани сестру короля.

На прощанье моряки усладили слух Оту игрой на волынке. Матросы пустились в пляс, и пример их вдохновил туземцев, которые тут же на палубе исполнили перед нами свои танцы, состоявшие преимущественно из кривляний. Впрочем, спутники Оту, подражая матросам, неплохо выполнили некоторые фигуры контрданса. Я передал Оту подарки для матери Тоутаха и условился с ним о следующих встречах.

29 августа, воскресенье. После завтрака я нанес визит Оту и преподнес ему новые подарки и, между прочим, меч, один вид которого привел боязливого короля в ужас.

Я с трудом уговорил его опоясаться этим мечом, но вскоре он снял его и велел спрятать как можно дальше.

Меня пригласили в туземный театр, где ставилась хеава — спектакль, в котором сочетались элементы балета и комедии. Роли исполняли пять мужчин и одна женщина — сестра Оту. Играли они отлично. Представление шло под аккомпанемент барабанов и продолжалось около 2 часов.

Содержание пьесы осталось для меня неясным. Во всяком случае разыграна она была на злободневный сюжет, так как мое имя упоминалось артистами не раз. Манера игры таитянских актеров ничем не отличалась от той, что я видел во время первого путешествия на острове Ульетеа.

Поразили меня одежды актрисы, ее элегантное платье, богато украшенное кистями и перьями. По окончании представления Оту пожелал, чтобы я возвратился на корабль. Он дал мне фрукты и вареную рыбу.

30 августа, понедельник. Вплоть до 10 часов вечера не случилось ничего достойного упоминания. В 10 часов мы были потревожены отчаянным криком и большим шумом на берегу. Звуки эти доносились из глубины бухты, из того места, где стоял наш лагерь. Я предположил, что суматоха была вызвана одним из наших людей, и **[144]** немедленно послал на берег вооруженную шлюпку с приказом выяснить причину неурядицы и доставить на корабль матросов, которые будут найдены на месте происшествия. Я также отправил посланцев на«Адвенчур» и на береговой пост, чтобы получить сведения о виновниках тревоги, так как на «Резолюшн» все люди были на своих местах, за исключением тех, кто дежурил на берегу.

Шлюпка вскоре вернулась с тремя солдатами и одним матросом. Были также взяты на берегу люди из экипажа «Адвенчура». Все они были подвергнуты заключению, и на утро я приказал наказать их по заслугам.

31 августа, вторник. Мне не удалось установить, что именно было сделано нашими людьми, и никто из них ни в чем не сознался.

Полагаю, что переполох был вызван вольным обращением матросов с женщинами. Туземцы были настолько встревожены, что бежали из своих хижин в ночную мглу, и беспокойство охватило берег на протяжении многих миль. Отправившись утром с визитом к Оту, я узнал, что он ушел или, точнее, бежал из своей резиденции и находится далеко от нее. Мне пришлось прождать несколько часов, прежде чем я увидел его и других

туземцев. Он при встрече жаловался мне, упоминая о тревожных событиях минувшей ночи.

Нанеся последний визит Оту, я оставил ему трех баранов. Подарок этот совершенно успокоил короля, и когда я сказал ему, что завтра мы покидаем Матавай, он искренне опечалился.

1 сентября, среда. Больные достаточно уже оправились, запасы были пополнены, корабли отремонтированы, и мы начали готовиться к выходу в море. Утром с берега привезли палатки и все свезенное в свое время для ремонта и починки. После полудня прибыл на корабль мой старый друг Потатоу, один из таитянских вождей.

Потатоу подарил мне двух свиней и рыбу. Пиккерсгил, который приехал вместе с ним, видел в Опарри нашу старую знакомую Обереа, которая некогда управляла целым округом. Теперь, невидимому, она сама зависела от местного вождя, постарела, потеряла влияние и была бедна.

За несколько часов до отправления, юноша по имени Порео изъявил желание уехать со мной. Такого рода предложения делались мне не раз, но я неизменно отвечал **[146]** отказом. Порео же я решил взять с собой. Юный таитянин заявил мне, что он отправится со мной, если его отцу, который прибыл вместе с ним, дадут топор и гвоздь. Получив то и другое, старый туземец холодно распростился с Порео, что я начал сомневаться в их родстве. Мои сомнения подтвердили туземцы, которые догнали корабль, когда он выходил из бухты. Они от имени Оту потребовали выдачи Порео.

Я сообразил, что Оту, который находится далеко от берега, ничего не мог знать о Порео и что островитяне явились ко мне по собственной инициативе, желая обманным путем получить выкуп за своего юного соплеменника.

Я согласился выдать им Порео, но только в том случае, если они возвратят мне топор и гвоздь. Они ответили, что эти вещи находятся на берегу и отчалили от корабля. Хотя Порео был доволен исходом переговоров, но он не мог удержать слез, когда скрылись на горизонте берега его родины.

Глава двенадцатая

Посещение острова Хуахейн [68]. — Омай, один из обитателей острова, отправляется в плавание на «Адвенчуре»

Я взял курс на остров Хуахейн, и на следующий день 2 сентября, в четверг«Резолюшн» стал на якорь в бухте Оухарре. «Адвенчур» сел на мель у северного берега пролива, ведущего в бухту, но, получив от меня своевременную помощь, был снят с этой мели, не потерпев ни малейшего ущерба.

Несколько туземцев явилось к нам. Они принесли различные плоды. Вскоре, обеспечив безопасность обоих кораблей, я совместно с капитаном Фюрно, высадился на берег и был сердечно встречен туземцами.

Я распределил среди них различные подарки, и вскоре они принесли свиней, птиц, собак и фрукты. Все это туземцы охотно меняли на топоры, гвозди и безделушки.

Подобного же рода торг открылся и на кораблях. Таким образом мы получили возможность запастись, в изобилии свежей свининой и птицей. А для людей в нашем положении это было неоценимое благо. Я узнал, что мой старый друг Ори, вождь этого острова, еще жив.

4 сентября, суббота. Рано утром Пиккерсгил отплыл на берег для некоторых закупок. Я с той же целью направился на берег. Несколько позже с капитаном Фюрно и Форстером я нанес визит Ори, который уже ждал меня и готов был к приему. **[148]**

Шлюпка наша пристала перед домом Ори, расположенным у самого берега. Нам не разрешили покинуть шлюпку, пока не закончилась сложная церемония приема. Появились туземцы, которые, соблюдая в своем шествии известные интервалы, принесли нам пять веток свежих бананов (ветви эти служат у островитян эмблемой мира). С первой веткой передали нам трех молодых свиней, у которых уши были украшены лубом кокосовой пальмы. При подношении четвертой ветки туземцы принесли собаку.

Каждая из веток носила особое имя, смысла и назначения которого мы не поняли. Наконец, мне был передан кусок пьютера (сплав олова и свинца) с выгравированной на нем подписью, тот самый, который я подарил Ори в 1769 г. В мешочке, где лежал этот кусок металла, я обнаружил фальшивую английскую монету и стеклянные бусинки.

Когда все это принесли к шлюпке, туземец, сопровождавший нас, попросил, чтобы мы взяли три банановые ветки и привязали к ним медали, гвозди, зеркала и бусы и затем вышли на берег.

Через толпу островитян он провел нас к тому месту, где восседал Ори. Затем он взял из наших рук ветки и сложил их у ног вождя в том же порядке, как это было сделано, когда ветки преподносились нам.

Первая ветвь предназначалась эатоуа — богу, вторая — ари (корплю), третья была символом тийо — дружбы. Я собирался подойти к Ори, но туземец-церемониймейстер шепнул мне, что вождь должен первым выйти мне навстречу. И действительно, Ори выбежал вперед и бросился мне на шею.

Слезы текли при этом из его глаз, и они свидетельствовали о его благих намерениях и добром сердце в большей степени, чем долгие и таинственные церемонии. Затем он представил мне своих друзей. Я подарил ему самое ценное, что имел, ибо этого человека любил и 5гважзл, как отца. Он же дал мне свинью и разные ткани и обещал исполнить любые наши желания. Вернувшись на корабль, я вскоре встретил там Пиккерсгила, который привез 14 свиней и много фруктов и рыбы.

5 сентября, воскресенье. Старый добрый вождь Ори отдал мне визит. Он привез с собой обильные дары и в последующие дни посылал к моему столу великолепные **[149]** фрукты. Пиккерсгил привез сегодня 28 свиней, а непосредственно у корабля мы приобрели около сотни этих животных.

6 сентября, понедельник. Утром я отправил на берег для менового торга двух или трех человек, а после завтрака сам поехал туда же. Как только я высадился на берег, я увидел, что

один из туземцев ведет себя крайне вызывающей дерзко. Он был в боевом убранстве, с двумя дубинами в руках. Этими дубинами он стал грозить мне, я вырвал их у него, но при этом должен был обнажить шпагу. Так как мне сказали, что туземец этот был вождем, я принял особые меры предосторожности и выставил на берегу караул, мера, к которой до этого я не имел оснований прибегать.

Спаррман имел неосторожность углубиться во время ботанической экскурсии в дебри острова без провожатых. На него напали двое туземцев, раздели его, отняли все, что при нем нашли, а затем нанесли ему несколько ударов его же собственным кортиком. К счастью, раны оказались легкими. Злоумышленники бежали, когда к месту происшествия приблизились другие островитяне. Двое из вновь прибывших заботливо прикрыли Спаррмана своей одеждой и привели его к тому месту, где обычно ведется торговля с туземцами.

Я принес жалобу Ори, и он, обеспокоенный и огорченный, обещал приложить все усилия для поимки разбойников и возвращения похищенного у Спаррмана имущества. Не довольствуясь этим, он сел в мою шлюпку и заявил, что останется у меня до тех пор, пока не будут найдены те, кто ограбил Спаррмана.

Туземцы, увидев своего вождя в моих руках, опечалились. Трудно описать горе, которое охватило их при мысли, что они теряют Ори. Обливаясь слезами, они умоляли его вернуться на берег и даже пытались силою вытащить Ори из шлюпки. Я поддерживал их просьбы, но Ори был непреклонен. Пришлось взять его с собой.

С отрядом матросов и Ори в качестве проводника мы на шлюпке проследовали вдоль берега, а затем высадились и в поисках воров углубились в лес. Ори все время о чем-то расспрашивал встречных туземцев и неутомимо вел нас за собой. Я решил, однако, что поиски займут чересчур много времени, и, несмотря на просьбы и доводы Ори, ринулся к берегу и переправился на корабль. Ори и его **[150]** сестра последовав за мной, хотя я не настаивал на этом. Они

пообедали с нами, затем, наградив Ори за оказанное мне доверие, я отправил его на берег. Толпа туземцев с ликованием встретила вождя. Мир и дружба снова установились, и туземцы принесли столько всякой снеди, что мы нагрузили ими две шлюпки.

Нам принесли похищенный у Спаррмана кортик и полу его кафтана, уверяя, что завтра будет доставлено все остальное. Так прошел этот тревожный и сумрачный день, события которого я описал так подробно для того, чтобы дать представление о том, каким доверием мы пользовались у честного и благородного Ори. Все, что произошло в этот день, свидетельствует, что узы дружбы священны для туземцев.

Между мной и Ори дружба была скреплена согласно принятому на острове обычаю, и он считал, что она не может быть нарушена, несмотря ни на что. Эту мысль он ясно выразил, когда следующим образом ответил своим приближенным, которые не решались оставлять вождя в моей шлюпке: «Ори (так он всегда называл меня) и я — друзья. Я не сделал ничего, что могло бы подорвать его доверие ко мне. Так почему же я не могу оставаться с ним?».

Но надо сказать, что мы не видели на островах южных морей вождя, который при подобных обстоятельствах поступал бы подобно Ори.

Меня могут спросить — чего, собственно, мог опасаться Ори, отдаваясь в мои руки. Для европейца мой ответ ясен. Ори был в безопасности на моей шлюпке, и ни один волос не упал бы с его головы, и я бы не стал его задерживать хотя бы на долю секунды, если бы он изъявил желание меня покинуть. Но откуда это мог знать его народ, да и он сам? Туземцы прекрасно понимали, что раз уж Ори находится в моей власти, никакая сила не может освободить его, а следовательно, я могу требовать за вождя любой выкуп, как бы высока ни была предложенная мною цена. Именно поэтому они и были так страшно обеспокоены.

7 сентября, вторник. Рано утром я нанес последний, прощальный визит Ори. Меня сопровождали Форстер и

капитан Фюрно. Я снова вручил ему подарки, причем некоторые вещи были не только ценны, но в высшей степени полезны для туземцев, и оставил ему на память медную пластинку с надписью; «Здесь стояли корабли его **[151]** величества короля Великобритании «Резолюшн» и «Адвенчур» в сентябре 1773 г.».

О деле Спаррмана не было речи. Очевидно, Ори не успел еще найти все украденные вещи.

Но спустя некоторое время, когда я уже вернулся, на борт прибыл Ори и сообщил мне, что воры пойманы. Он просил меня проследовать на берег и достойным образом наказать их или же, если я не пожелаю покарать их сам, присутствовать при экзекуции, которую он прикажет учинить.

Но на «Резолюшн» уже были подняты паруса, а «Адвенчур» к моменту нашей беседы выходил из бухты, и я отказался от приглашения Ори.

Он оставался на борту «Резолюшн» еще некоторое время и расстался со мной, как с дорогим и близким человеком. К сожалению, я не мог проводить Ори до берега для того, чтобы посмотреть, каким образом туземцы наказывают преступников.

За время стоянки на маленьком, но плодородном и богатом острове Хуахейн мы приобрели 300 свиней и большое количество фруктов, птицы и рыбы. Несомненно, наши запасы еще более возросли бы, если бы мы остались здесь дольше, так как возможности снабжения кораблей свежими припасами были здесь поистине неограниченны.

Незадолго до отправления капитан Фюрно принял на «Адвенчур» юношу по имени Омай, туземца с острова Ульетеа. Омай имел на этом острове владения, которые были отняты у него туземцами — обитателями острова Болабола. Я сперва был удивлен выбором Фюрно, потому что по внешнему своему облику Омай мало соответствовал характерному для этих счастливых островов типу. Я заметил, что туземцы высоких рангов и в физическом и в умственном отношении много выше

островитян, принадлежащих к средним классам, к которому следовало бы причислить и Омая [69].

Однако впоследствии я понял, что в отношении Омая я глубоко заблуждался. Только цвет его кожи, более темный, чем у знатных островитян, напоминал о его невысоком происхождении. Но он поражал нас всех своими богатыми природными данными — умом, тактом, способностями.

Поведение его было отличным, он обладал чувством собственного достоинства, заставлявшим его избегать **[152]** общества людей более низкого ранга. Подобно всем юношам он не чужд был увлечений, но он никогда не допускал вредных излишеств. Спиртные напитки привлекали его, но пил он умеренно, всегда сохранял ясность мысли, неизменно радуя своим остроумием и звонким, веселым смехом друзей по столу.

Вскоре после нашего возвращения в Лондон лорд Сандвич, первый лорд Адмиралтейства, представил Омая королю, а Омай всем своим поведением произвел на короля неизгладимое впечатление. Юного островитянина приняли в высшем лондонском свете, где он держал себя с исключительным достоинством. Его главными покровителями были лорд Сандвич, Бенкс и Соландер.

Следует отметить, что хотя Омай жил в Англии в совершеннейшем довольстве, мысли о родном острове никогда не покидали его и, когда наступил час возвращения, он с радостью стал готовиться к отъезду.

Он отправился на родину, захватив с собой подарки для своих многочисленных друзей, и был преисполнен благодарности за прием в Англии и наши отеческие заботы о нем.

Глава тринадцатая

Посещение острова Ульетеа [70]. — Ойдиде, один из местных жителей, отправляется в плавание на «Резолюшн»

К вечеру 7 сентября вошли в бухту Охаманено на острове Ульетеа и всю ночь лавировали. Ночь была темная, но мы

ориентировались по бесчисленным огонькам, зажженным на скалах и рифах рыбаками. Утром после предварительной рекогносцировки выбрали место для якорной стоянки на глубине 17 фатомов на южном берегу бухты. «Резолюшн» был буксировкой заведен на место стоянки, а «Адвенчур» пришвартовался к нам. На эти работы ушел весь день.

Не успели мы стать на якорь, как нас окружили груженные свиньями и фруктами туземные каное. Мы приобрели в обмен на гвозди и бусы плоды, но от свиней отказались, так как было их на обоих кораблях и без того чересчур много.

Однако несколько свиней пришлось все-таки взять потому, что туземцы порой безвозмездно передавали их матросам.

Таким образом приветствовал нас этот прекрасный народ в своей стране.

Решительно все островитяне осведомлялись о Тупиа. О нем спрашивали и на других островах, но здесь каждый интересовался причинами и обстоятельствами его смерти. И все они, подобно истинным философам, удовлетворялись нашими ответами. **[154]**

9 сентября, четверг. Нанесли визит вождю этой части острова — Орео. Без предварительной церемонии нас проводили к нему. Он радушно принял меня, сразу узнал и предложил обменяться именами. Мне кажется, что это высшее доказательство дружбы, которое только может быть дано чужеземцу.

Процедура вручения подарков была такая же, как и на других островах.

10 сентября, пятница. После завтрака я с капитаном Фюрно снова посетил вождя. Нам было показано драматическое представление — хеава. Хеава, разыгранное по обычаям и правилам, характерным для зрелищ подобного рода. Играли семь мужчин и одна женщина, дочь вождя; актерам аккомпанировали три барабанщика.

Завязка и интрига драмы строилась на краже, совершенной двумя злоумышленниками, причем игра была столь натуральна, что воочию свидетельствовала о высоком мастерстве в воровском искусстве этого племени. По ходу пьесы торжествовал порок. Кража была раскрыта прежде, чем вор успел унести свою добычу, и четверо стражников взяли под охрану похитителя и его сообщника. Завязывается неравная борьба, из которой с честью выходят арестанты — они одолевают стражу и с триумфом завладевают добычей.

Я полагал, что конец пьесы будет иной, так как мне до представления говорили, что тетэ, т.е. вор, будет приговорен к смерти или к бичеванию, т.е. к наказанию, которым караются преступники такого рода.

Кстати, надо отметить, что действие этого закона не распространяется на кражу у чужеземцев. Их можно грабить без наказания, в любых случаях и при любых обстоятельствах.

Вечером мы снова посетили берег и узнали от одного туземца, что на небольшом расстоянии к западу от Ульетеа лежат 9 островов, из которых два необитаемы.

11 сентября, суббота. Утром рано прибыл на корабль Орео со своим двенадцатилетним сыном. Орео привез мне свинью и фрукты. Я дал ему топор и рубашку и другие вещи, которые привели вождя в восторг.

После обеда нас посетил главный вождь на этом острове — Ууроу. Его сопровождал Орео. Ууроу преподнес мне гигантскую свилью и получил взамен не менее ценный подарок. Орео охотно вызвался приобрести для **[155]** нас некоторое количество свиней (в них снова начала ощущаться нужда).

12 сентября, воскресенье. Утром снова были в гостях у Орео и видели еще одну хеава, в которой прекрасно играли две очаровательные юные девушки. Эта хеава отличалась от той, что нам показывали 10 сентября, и была менее интересна. Орео сопровождал нас затем на борт с небольшой свитой.

14 сентября, вторник. Рано утром приехал Орео и пригласил меня к себе на обед. Я изъявил согласие и просил его приготовить двух свиней по принятому у туземцев способу.

В полдень я, Форстер, офицеры и мидшипмены с обоих кораблей отправились к Орео, взяв с собой перец, соль, ножи и несколько бутылок вина.

Когда мы пришли к нему, стол был уже накрыт, т.е. на земле разостланы большие зеленые листья. Мы сели в кружок. Вскоре подали двух жареных свиней, теплые плоды хлебного дерева [71] и множество полых кокосовых орехов [72], которые с успехом заменили бокалы. Должен сказать, что я никогда не ел пищу, приготовленную так искусно и так чисто. Не так-то легко зажарить свиную тушу весом в 50—60 фунтов с таким совершенством, как это сделали туземные повара.

Вождь, его сын и подруги ели с нами. Остальные приближенные сидели во втором ряду и получали куски мяса из рук тех, кто помещался впереди.

Вокруг нас собралась огромная толпа. С полным правом могу сказать, что это был публичный обед.

Орео пил мадеру бокал за бокалом и не пьянел. После того, как мы отобедали, к трапезе приобщились матросы. С помощью туземцев они уничтожили остатки обильного обеда.

Когда мы поднялись, островитяне низших рангов кинулись подбирать остатки пищи, перебирая листья. Это наводит меня на мысль, что хотя свиней на острове много, но туземцы едят их не так уж часто.

Офицеры, наблюдавшие, как жарили к обеду свиней, говорили мне, что туземцы с жадностью набрасывались на потроха. За потрохами некоторые из них нередко приезжали к нам на корабли.

Пожалуй, именно потроха-то и достаются всегда простому люду. Я должен отметить, что островитяне очень **[156]** бережливы. Они никогда не выбрасывают то, что может еще

годиться в пищу и особенно остатки рыбы и мяса. Вечером вновь нам демонстрировали хеава. Думаю, что эти представления организуются не только для нас, но и для туземцев, великих охотников до зрелищ.

15 сентября, среда. Утром произошли события, которые ясно показали нам, насколько робки и боязливы туземцы. Мы были крайне удивлены, когда на восходе солнца увидели, что у кораблей нет ни одного каное. Оказалось, что, вопреки моим приказам, двое из команды «Адвенчура» ночевали на берегу. Я сразу же решил, что они были ограблены, и, опасаясь возмездия, все туземцы скрылись в лесах.

Для того чтобы убедиться в этом, я с капитаном Фюрно отправился к Орео. Однако вождь со всем своим семейством ушел в неизвестном направлении, и берег был подобен безлюдной пустыне.

Появились оба матроса с «Адвенчура». Они заявили мне, что туземцы не причинили им ни малейшего зла. Однако они не могли объяснить причину своего поспешного бегства с берега. Туземцы, которые осмелились к нам прийти, сообщили, что многие их соплеменники были убиты и ранены из огнестрельного оружия, и показали мне места, где пули задели их кожу.

Я подумал, не произошло ли что-либо из ряда вон выходящее на соседнем острове Отаха, куда была послана команда с наших кораблей. Я отправился на шлюпке вдоль берега в поисках Орео, нашел его с большим трудом и увидел, что он чем-то страшно взволнован.

Оказалось, что туземцы при виде наших шлюпок, следующих к острову Отаха, решили, что часть матросов сбежала от меня. Они боялись, что я буду преследовать мнимых беглецов и открою стрельбу из пушек.

Когда истина открылась, Орео и его приближенные несказанно обрадовались. Как оказалось, ни один из островитян не был ни убит, ни ранен, и тревога, поднятая утром, оказалась ложной.

16 сентября, четверг. Согласие восстановилось, и туземцы утром снова появились на кораблях.

После завтрака я с капитаном Фюрно нанес визит Орео и нашел его в прекрасном состоянии духа.

Обедать он приехал к нам. К этому времени я узнал, что таитянин Порео сбежал, Он был со мной, когда я искал **[157]** на берегу Орео, а советовал мне не покидать шлюпку. Там он оставался до тех пор, пока вчерашнее недоразумение не выяснилось и ход событий был ему хорошо известен. После этого он исчез. Мне говорили, что его увлекла одна девушка, с которой он вступил в связь.

Вечером наши шлюпки вернулись с берегов Отаха с грузом бананов. Шлюпка эта обошла кругом остров. Путь указывал местный вождь Боба. Туземцы гостеприимно встречали моряков и снабжали их провизией, приглашали в свои хижины. В первую ночь гостей развлекали пьесой, во вторую их покой был потревожен туземцами, которые похитили военное снаряжение. Эта кража заставила моряков применить меры воздействия, и в результате большая часть похищенного была возвращена.

17 сентября, пятница. Пополнив запасы, я решил на следующий день выйти в море и сообщил об этом Орео.

В 4 часа утра начали сниматься с якоря. К этому времени прибыли Орео, его сын и друзья, а с ними множество туземцев в своих каноэ. Островитяне привезли свиней и фрукты и настойчиво предлагали нам и то и другое в обмен на топоры, говоря при этом: «Я твой друг, возьми же мою свинью и дай мне топор». Но свиней у нас было такое количество, что мы вынуждены были отказаться от заманчивых предложений туземцев. Вероятно, на обоих кораблях было не менее 400 свиней.

Я не сожалел о побеге Порео, так как вместо него взял другого островитянина, юношу лет 17—18 по имени Ойдиде. Он был уроженец соседнего острова Болабола и ближайшим родственником великого Опуни, главного вождя этого острова.

Выйдя из бухты и поставив паруса, мы увидели, что вдогонку за кораблями идет каное, управляемое двумя туземцами. Я приказал лечь в дрейф и дал им возможность приблизиться к нам. Туземцы вручили мне от имени Орео печеные плоды и коренья. Я передал для Орео подарки и взял курс на запад.

Глава четырнадцатая

Об испанском корабле, посетившем Таити. — Современное состояние островов. — Болезни, обычаи, нравы туземцев. — Ложные представления о туземных женщинах

Вскоре после нашего прихода к берегам Таити, мы узнали, что корабль, по размерам равный «Резолюшн», посетил за три месяца до нас бухту Оухаюруа на юго-восточной оконечности острова и пробыл там около трех недель. Четыре туземца покинули остров с этим кораблем.

Мы предполагали, что это было французское судно, но когда прибыли на мыс Доброй Надежды, выяснили, что на Таити побывал не французский, а испанский корабль, посланный из Америки [73]. Таитяне жаловались нам, что матросы этого корабля заразили их болезнью, которая поражает голову, горло и желудок и приводит к смертельному исходу.

Они очень боялись этого недуга и допытывались, страдают ли от него люди на кораблях нашей экспедиции.

Испанский корабль они называли «пахай-но-пеппе» (судно Пеппе), а болезнь, завезенную испанцами, — «апно-пеппе». Венерическую же болезнь они называют «апано-притейн» (британская болезнь), хотя заразили ею туземцев не англичане, а моряки Бугенвиля. Но я уже имел случай упомянуть, что Бугенвиля они считают нашим соотечественником, а любой корабль, который появляется у берегов острова, они принимают за британское судно. [159]

Если бы не сообщения туземцев о том, что венерическая болезнь занесена экспедицией Бугенвиля, и не свидетельство капитана Уоллиса о том, что до его визита на Таити здесь не был известен этот недуг, я невольно пришел бы к заключению,

что еще задолго до появления европейцев эта или ей подобные болезни свирепствовали на острове. Ныне от них страдают так же, как и в 1769 г., когда я впервые посетил Таити.

Островитяне уверяют, что им известно лекарство, излечивающее венерические болезни. Быть может, это и так, потому что почти все наши матросы общались с туземными женщинами, а случаев заражения было немного, да и проявлялась болезнь в сравнительно легкой форме. Матросы говорили, что наблюдали это лекарство в действии, но наш лекарь, который специально занимался этим вопросом, не мог установить ничего сколько-нибудь определенного. Здешний народ и до появления европейцев и теперь очень подвержен золотушным заболеваниям, и моряки легко могли смешать одну болезнь с другой.

Еще в 1767 и 1768 гг. на Таити водилось много свиней и домашней птицы. Но в 1773 г. я с большим трудом мог приобрести на острове лишь ничтожное количество кур и свиней. По всей вероятности, все свиньи, которые остались на Таити, принадлежат теперь вождям. Но нас в избытке снабжали всякими плодами, кроме плодов хлебного дерева, сезон которых прошел.

Больше всего мы получили кокосовых орехов и бананов; последние, смешанные с ямсом или другими клубнями, заменяют хлеб. На Таити нам доставляли яблоки и плоды, похожие на персики. Эти последние туземцы называют ахейя. Этот плод встречается на всех островах архипелага, но яблоки я видел лишь на Таити. Они оказались чрезвычайно полезными при излечении цинги.

Из семян, завезенных европейцами, хорошо привились лишь тыквенные. Но островитянам тыква не нравится, что меня вовсе не удивляет.

Резкое уменьшение числа свиней на Таити может быть объяснено двумя причинами: во-первых, значительным спросом на них со стороны многочисленных кораблей, посетивших за последние годы берега острова, и, во-вторых,

постоянными войнами между двумя островными королевствами. **[160]**

С 1767 г. уже было две войны, и хотя сейчас на Таити мир, но отношения между этими королевствами далеко не дружественные. Я до сих пор не понимаю, каковы были причины, вызвавшие последнюю войну и кто победил в ней. Знаю только, что в битве, которая положила конец конфликту, погибло много туземцев-воинов как той, так и другой стороны.

Погиб король страны Опоуреону, Тоутаха, а с ними много других вождей, имена которых мне называли. Тоутаха погребен на родовом кладбище Мараи в округе Опарри. Его мать и ряд других женщин из его рода ныне находятся под опекой Оту, царствующего принца, человека, который не произвел на меня с первого взгляда благоприятного впечатления. Я почти не знаю принца страны Тиаррабу-Вахеатоуа; хотя ему от роду лишь двадцать лет, он важен, как пятидесятилетний мужчина. Его подданные не оказывали ему никаких внешних знаков почтения, но его свита не так уж мала. За ним всегда следует группа пожилых и убеленных сединами мужчин, вероятно, его советников. Таково положение на острове Таити.

Другие острова — Хуахейн, Ульетеа и Отаха — я застал в более цветущем состоянии, чем во время моего первого посещения.

С 1769 г. они наслаждались благами мира, и мне кажется, что нет под небесами народов более счастливых, чем обитатели этих островов.

Природа с избытком дала им все необходимое для безмятежной жизни. Порео говорил мне, что на острове Болабола так же. как и на соседних островах, есть много свиней, птиц, фруктовых деревьев, но Тупиа это отрицал. Противоречие это легко объяснить, если вспомнить, что Порео любил этот остров, который был его родиной, а Тупиа ненавидел всей душой обитателей Болабола.

Обычаи и нравы островитян уже описаны мною в отчете о моем первом плавании. Остается добавить немного. Прежде всего несколько слов о человеческих жертвоприношениях. Однажды

в Матаваи на тупапоу (помосте) я увидел труп и рядом с ним куски мяса.

Через своего спутника, удовлетворительно знавшего туземный язык, я начал задавать вопросы. Указывая на различные предметы, которые находились перед моими глазами, я спрашивал, приносят ли в жертву Эатуа [богу], бананы, свиней, птиц, собак и т.д. Один из туземцев, **[161]** наиболее смышленый и словоохотливый на все эти вопросы отвечал утвердительно. Тогда я спросил его, приносятся ли богу в жертву люди. Он ответил: «Злых людей подвергают бичеванию до тех пор, пока они не испустят дух». Я поинтересовался, можно ли приносить в жертву добрых людей. Он ответил: «Нет, только злых людей». Я спросил: «А если это вождь?» Он ответил, что у вождя для Эатуа есть свиньи. Наконец, я спросил, могут ли участи злых людей подвергнуться тоутоу, т.е. рабы или слуги, не имеющие ни свиней, ни собак, ни кур, но люди добрые. Он снова повторил, что бичеванию подвергаются лишь злые люди.

Туземец, которого я расспрашивал, всеми способами пытался мне объяснить подробности жертвенного обряда, но понять его было трудно, так как никто из нас не знал в совершенстве местного языка.

Впоследствии Омай говорил мне, что островитяне приносят людей в жертву верховному существу.

По его словам, выбор объекта для жертвоприношения зависит от верховного жреца, который при исполнении торжественных обрядов, входит в дом бога и остается там некоторое время в одиночестве. Затем он выходит и сообщает, что видел великого бога и говорил с ним (только верховный жрец имеет эту привилегию) и что бог наметил определенное лицо. Далее называется имя жертвы, всего вероятнее того человека, к кому жрец питает вражду. «Избранника бога» немедленно умерщвляют, а затем уже жрец, если нужно, доказывает, что принесенный в жертву был человеком злым.

Вообще о религии туземцев мы знаем лишь понаслышке (мне лично приходилось, например, наблюдать только похоронные

церемонии); и так как язык их изучен еще плохо, то судить об этом предмете в настоящее время еще очень трудно.

Самый распространенный напиток, который употребляют туземцы, приготовляется из корней (а не из листьев, как сказано в отчете о моем первом путешествии) растения, которое носит название ава-ава. Способ приготовления напитков весьма прост, но в то же время вызывает чувство омерзения у европейцев.

Туземцы жуют корни до тех пор, пока они не станут мягкими, а затем сплевывают жвачку в особый сосуд и заливают водой. Жижа с клочками изжеванных корней **[162]** процеживается через тонкую ткань, и напиток готов. Напиток этот невкусный, терпкий, и крепость его невелика. Корни ава-ава заменяют туземцам табак. Они жуют ава-ава и нередко едят ее, проглатывая целиком изжеванные корни.

На острове Ульетеа ава-ава культивируется особенно интенсивно. На Таити это растение встречается редко. Но питье из ава-ава употребляют повсеместно на архипелаге. Лемэр указывает, что таким же способом, как на острове Общества, приготовляют хмельной напиток туземцы острова Горн.

Совершенно несправедливо обвиняют женщин Таити и островов Общества в том, что все они без исключения готовы за сходную цену отдаться первому встречному мужчине. Добиться благосклонности замужних женщин или состоятельных девушек здесь так же трудно, как и в любой другой стране.

Нельзя также без разбора обвинять всех девушек низшего класса, так как среди них есть много таких, чье поведение не может вызвать никакого упрека.

Проститутки же на островах Общества имеются так же, как и в иных странах, и, может быть, здесь их относительно больше. Это они неизменно ездили на корабли к нашим людям и часто посещали наш пост на берегу. Проститутки запросто общаются с самыми достойными женщинами, и поэтому нам сперва казалось, что распутство на островах — порок общераспространенный. Истина же заключается в том, что

женщина, которая становится проституткой, не изгоняется из общества и не теряет своих прав.

Я должен в заключение сказать, что если бы иностранец, побывавший в Англии, пытался составить себе представление об англичанках по тем женщинам, которых он может встретить на борту кораблей в наших портах или в лондонских трущобах, он впал бы в такую же ошибку, как и европейские путешественники на Таити.

Кроме того, я должен признать, что туземные женщины кокетливы, и речь их грешит излишней вольностью; неудивительно поэтому, что они прослыли распутницами.

Географическое положение острова Таити я определил еще в 1769 г. Ныне, во втором путешествии, я лишь уточнил координаты некоторых пунктов.

Комментарии

63. Кук забывает при этом упомянуть о том, что инициаторами «постыдного торга» были не туземцы, а матросы и «джентльмены» — офицеры. Форстер не жалеет язвительных слов, описывая выходки спутников Кука, которые устраивали настоящие охоты за маорийскими женщинами.

64. *Остров Питкерн* расположен на 25°04' ю.ш. и 130°06' з.д. Площадь его около 5 кв. км. Открыт капитаном Картеретом в 1767 г. и назван так по имени матроса, который первым увидел берег этой земли.

Во время плаваний Картерета и Кука остров был необитаем. В 1790 г. он стал владением взбунтовавшейся команды британского корабля «Баунти». На Питкерн высадилось 8 матросов-англичан и 18 захваченных ими таитян, в том числе 12 женщин. Вскоре матросы перебили всех мужчин-таитян и перерезали друг друга, в живых остался лишь один англичанин Смит, впоследствии присвоивший себе имя Адамса.

Когда, 18 лет спустя, остров Питкерн посетил американский корабль, Адамс был главой, священником и судьей небольшой колонии, состоящей из 8—9 женщин, его жен, и нескольких детей различного возраста. Эта «библейская» история так поразила ханжествующих англичан, что Адамс — несомненный бунтовщик и многоженец и вероятный убийца своих товарищей — получил прощение и был оставлен на острове со всей своей «патриархальной» семьей.

Современные обитатели Питкерна (140 человек) — потомки Адамса — патриарха этой удивительной колонии. В 1839 г. остров был аннексирован Англией. Попытки англичан расселить по островам Океании часть населения Питкерна успехом не увенчались. Подавляющее большинство переселенных неизменно возвращалось обратно. Островитяне управляются выборным советом, председатель которого является в то же время и верховным судьей.

Истинное положение острова Питкерн — 25°3' ю.ш. и 130°8' з.д. Таким образом 1 августа Кук был на расстоянии 4° к востоку от острова. Картерет, как правильно предположил Кук, ошибочно определил долготу острова Питкерн.

65. *Острова «Резолюшн», Сомнительный, Фюрно, Чейн (Аниа)* расположены в архипелаге Паумоту (Опасный архипелаг Бугенвиля), в его южной и центральной группах. Точно установить, какие именно острова были открыты ранее Бугенвилем и Картеретом невозможно, так как долготные определения в XVIII в. Были неточны, а мелкие островки и отмели в этом архипелаге насчитываются сотнями.

66. *Иньям (ямс) (Dioscorea)* — многолетнее, большей частью вьющееся растение со съедобными клубнями, богатыми крахмалом, широко распространенное в тропической зоне, особенно в Океании и Индонезии.

67. В переводе сохранена терминология Кука, не отвечающая подлинным значениям титулов туземных вождей, среди которых не было, разумеется, королей в европейском смысле этого слова (прим. 91).

68. *Хуахейн* — остров в архипелаге Общества, в группе Подветренных островов. Правильнее — Хуахин.

69. Форстер в более сдержанных тонах отзывается об Омае. Он указывает, что в Англии Омай демонстрировался как заморское чудище и что в отличие от таитянина Тупиа он мало тяготился своим более чем двусмысленным положением. Его привлекала внешняя сторона европейской цивилизации и за время пребывания в Англии он мало в чем преуспел.

70. *Ульетеа* — остров в архипелаге Общества, в группе Подветренных островов. Носит в настоящее время название Райатеа. Площадь — 194 кв. км.

71. *Хлебные деревья* — деревья из рода Artocarpus семейства тутовых. Имеется до 30 видов хлебных деревьев. В Океании чаще всего встречается вид Artocarpus integrifolia с цельными разделенными листьями, высотой 12—16 м.

Хлебные деревья приносят богатые крахмалом, мучнистые плоды, которые у вышеупомянутого вида достигают веса 20 кг. На островах Океании плоды хлебного дерева — один из важнейших видов пищи. Обычно выбранная из не вполне зрелых плодов мякоть заворачивается в листья и печется на раскаленных камнях. Выпеченные плоды по вкусу напоминают бананы. Плодоносность хлебных деревьев очень велика — одного взрослого дерева достаточно для прокормления в течение года 2—3 человек. Древесина этих деревьев белая и легкая, употребляется на различные поделки для домашнего обихода, точно так же, как кора и лубяные волокна.

72. *Кокосовые пальмы* — род деревьев из семейства пальмовых, насчитывающий до 20 видов. Самый распространенный вид — обыкновенная кокосовая пальма (Cocos nucifera), тропическое культурное растение, имеет стройный высокий ствол и длинные перистые листья. Плоды кокосовых пальм — кокосовые орехи — имеют твердую скорлупу и межплодник, состоящий из грубых и прочных волокон. В незрелом состоянии плод содержит приятный на вкус и питательный сладковатый сок (кокосовое молоко), которое по мере созревания густеет. В пищу идет и мягкий внутриплодник молодого ореха и плотное маслянистое

ядро зрелых плодов — копра, из нее выжимается кокосовое масло. Для туземцев островов Океании кокосовые пальмы — самые ценные и полезные деревья. Листья молодых пальм идут в пищу, древесина употребляется на различные поделки, из соцветий изготовляется пальмовое вино. Волокна плодов идут на циновки, канаты, маты, скорлупа используется как посуда, содержимое же кокосовых орехов, наряду с плодами хлебного дерева и ямсом, является основным видом пищи.

Кокосовые пальмы очень распространены на всех тропических островах Тихого океана, на Малайском архипелаге, в приморских районах Южной Индии и на Цейлоне. Для островных стран кокосовая продукция является значительной, а иногда и важнейшей статьей экспорта.

73. Корабль, о котором упоминает Кук, был действительно испанским судном. Этим кораблем командовал Фелипе Гонсалес, совершивший плавание в Тихий океан по специальному поручению испанского правительства, желавшего утвердить в своем владении по праву первооткрытия земли, на берегах которых побывали в 60-х годах XVIII в. Байрон, Уоллис и Бугенвиль. Гонсалес провозгласил Таити и остров Пасхи владениями испанской короны. Однако Испания не в состоянии была закрепить за собой эти острова и в дальнейшем не пыталась обосноваться на них.

КНИГА ВТОРАЯ

Плавание в промежуток между первым и вторым посещением островов Общества

Глава первая

Переход от Ульетеа к островам Дружбы. — Открытие острова Хервея. — Пребывание на острове Миддельбург

От берегов Ульетеа я пошел на запад, слегка склоняясь к югу для того, чтобы отдалиться от курса, проложенного мореплавателями, которые до меня посещали эти воды, и достичь широты островов Миддельбург и Амстердам.

Я желал продвинуться как можно далее к западу и побывать на этих островах, а оттуда свернуть к берегам Новой Зеландии. Каждую ночь я ложился в дрейф для того, чтобы не пропустить в темноте какого-нибудь острова.

22 сентября, среда. 21 и 22-го дул северо-западный ветер, и свирепствовала гроза. Отмечено было волнение от юго-юго-запада и юга, верный признак отсутствия земли в этих румбах.

Прошли мимо группы небольших коралловых островов, видимо необитаемых. Эти островки, соединенные между собой рифами и мелями, лежат на 19°18' ю.ш. и 158°54' з.д. — положение, указанное Дальримплем [74] для Ла-Дезены. Но я не был уверен в том, что вижу берега Ла-Дезены, и назвал этот маленький архипелаг островом Херbegin Хервея в честь капитана Хервея, ныне лорда Адмиралтейства и графа Бристольского.

25 сентября, суббота. Даже если бы и возможно было подойти ближе к острову Хервея, то это было бы сопряжено с большой затратой времени, и поэтому я проследовал далее на запад. **[166]**

25-го матросам были розданы сухари. Фрукты уже были съедены, но свинины оставалось еще много, и выдавалась она в достаточном количестве.

Появились фрегаты и тропические птицы, обычно встречающиеся лишь близ берегов.

1 октября, пятница. В 2 часа дня увидели на западе-юго-западе берега острова Миддельбург. В 6 часов вечера показались на северо-северо-западе берега другого острова. Я взял курс на юг для того, чтобы до утра обогнуть южную оконечность острова Миддельбург. Однако в 8 часов вечера на траверзе этого южного мыса я увидел небольшой островок; так как трудно было установить, соединяется ли он грядой подводных камней с мысом или между островком и берегами Миддельбурга имеется пролив, то я решил лечь в дрейф и провести ночь, не продвигаясь вперед.

2 октября. На рассвете вышли на юго-западный берег острова Миддельбург, пройдя между южным мысом этого острова и упомянутым островком. Ширина пролива оказалась равной 2 лигам.

Но на юго-западном берегу острова я не нашел удобной якорной стоянки и поэтому направился к лежащему к западу острову Амстердам, который был у нас на виду. Но как только мы взяли мористее, берега Миддельбурга приняли совершенно иные очертания, и я увидел вход в прекрасную бухту, где можно было отлично пришвартоваться. После кратковременной рекогносцировки я ввел корабли в бухту и стал на якорь на глубине 25 фатомов в трех кабельтовых от берега.

Нас немедленно окружили десятки каноэ, переполненные туземцами, которые тут же принялись менять на гвозди куски ткани и фрукты. На борт поднялась группа островитян во главе с местным вождем Тиуни, дружбу которого я легко приобрел, подарив ему топор, несколько больших гвоздей и другие вещи. Тиуни пришел в восторг от полученных подарков.

Вскоре я отправился на берег в сопровождении Тиуни. Вождь указал превосходное место для высадки, в устье небольшой реки, где можно было оставлять шлюпки, не опасаясь прилива. Здесь нас приветствовала громкими возгласами несметная толпа туземцев. Все островитяне были без оружия — верный признак их мирных намерений. **[168]**

Они толпились вокруг шлюпок, предлагая нам в обмен на гвозди ткани и циновки. Я заметил, что они склонны были больше давать, чем получать. Нередко они бросали нам куски материи и удалялись, не требуя ничего взамен.

Вскоре вождь приказал туземцам расступиться и пропустить нас на берег. Он привел нас в свой дом, расположенный ярдах в трехстах от моря, на прекрасной лужайке, под сенью величественных деревьев. Вид отсюда открывался замечательный. Впереди было море и наши корабли, стоящие на якоре. Справа и слева — зеленые сады, цветущие поля, быть может, плодороднейшие в мире. Пол в доме вождя был устлан циновками. Все присутствовавшие уселись на них — мы

небольшой кучкой в самом центре, туземцы вокруг нас. Я велел морякам сыграть на волынке, а в ответ три девушки исполнили с непередаваемой грацией туземные песни.

Затем Тиуни повел нас в сад, где нам предложили бананы, кокосовые орехи и напиток, приготовленный из корней ава-ава.

Он показал нам еще один свой дом, окруженный пальмами. В тени вековых деревьев, опьяненные одуряющим ароматом цветов, мы провели некоторое время на зеленой лужайке у входа в этот дом. К обеду, осмотрев плантации и сады на острове, мы вернулись на корабль, пригласив к себе Тиуни. Затем Тиуни повел меня и капитана Фюрно в свою резиденцию, где нас уже ждало великолепное угощение. Я изъявил желание осмотреть остров, и Тиуни повел нашу экскурсию.

Мы видели прекрасно возделанные плантации, огороженные тростниковыми изгородями. Тиуни не преминул заявить нам, что большинство этих садов и полей принадлежит лично ему. Кроме свиней и кур, я не видел здесь иных домашних животных. Туземцы, однако, ничего кроме фруктов не предлагали нам, и поэтому я решил покинуть Миддельбург и отправиться к острову Амстердам. К вечеру все возвратились на судно, восхищаясь красотой острова и исключительным радушием его обитателей, которые, казалось, соревновались друг с другом в желании сделать наше пребывание на их земле приятным и памятным. Много туземцев побывало в течение дня на кораблях и, надо отметить, что торговые операции они вели с щепетильной честностью. Я сожалею, что не имел возможности пробыть здесь дольше. **[169]**

3 октября, воскресенье. Рано утром я с капитаном Фюрно и Форстером отправился с прощальным визитом к Тиуни. Он встретил нас у места высадки, и все мы в сопровождении толпы туземцев отправились к дому вождя. Несмотря на уговоры Тиуни, я отказался войти в дом. На лужайке, у дома, окруженные островитянами, мы провели около получаса в беседе с вождем.

Я дал Тиуни огородные семена и преподнес ему щедрые и богатые подарки. Когда я сообщил Тиуни, что мы покидаем

остров, он отнесся к этой вести с полнейшим равнодушием. Он выразил желание проводить нас до кораблей и сел в мою шлюпку, но когда увидел «Резолюшн» под парусами, призвал свое каное и вернулся на берег. Находясь в шлюпке, Тиуни выпросил несколько гвоздей в обмен на удилища и запретил своим спутникам принимать участие в этом торге; однако я не видел, чтобы он производил какую-либо мену на берегу.

Глава вторая

Пребывание на острове Амстердам

Как только я прибыл на борт, корабли тронулись к берегам острова Амстердам. Местные жители так мало опасались нас, что встретили суда на полпути между Миддельбургом и Амстердамом. Мы шли вдоль юго-западной стороны острова, в полумиле от берега, у которого с грозным шумом клокотал прибой.

В подзорные трубы ясно различимы были возделанные поля и прекрасные сады. Гор на острове не было, самые высокие места выдавались лишь на десять — пятнадцать футов над уровнем моря. Туземцы бежали вдоль берега вслед за кораблями, размахивая, видимо в знак дружественных намерений, белыми флажками. В ответ мы подняли наш кормовой флаг.

Уже в виду берегов Амстердама, выяснилось, что на «Адвенчуре» находятся трое туземцев, которые каким-то непостижимым образом попали в Миддельбурге на борт корабля. Опасаясь, что наша эскадра не остановится у Амстердама, все трое прыгнули за борт и поплыли к своим берегам.

У западного берега острова Амстердам нас встретила флотилия каное, в каждом каное сидело по три человека. Островитяне смело пристали к судам, поднялись на борт и подали нам корешки авы. На этом церемония **[171]** представления закончилась. Они знаками пытались объяснить нам, что где-то вблизи имеется удобная якорная стоянка. Мы, следуя их советам, пристали к берегу в Вандименовой бухте, бросив якорь на глубине 18 фатомов, в одном кабельтове от небольшой

отмели, соединенной узкой перемычкой с берегом. Для того чтобы обезопасить корабли от неприятных неожиданностей, которые мог бы принести ветер, дующий с моря, и сильное волнение, мы бросили несколько мористее другой якорь, который достиг дна на глубине 47 фатомов. Столь значительная разность глубин на ничтожной дистанции свидетельствует о крутизне подводного продолжения берегового склона. Туземцы привезли ткани и циновки, но я не видел в их каное плодов и съестных припасов, в которых мы испытывали большую нужду. Так как матросы опрометчиво меняли все свои вещи на бесполезные и ничтожные предметы, я строго-настрого запретил им это делать.

4 октября, понедельник. Результаты сказались на следующее утро. Туземцы, видя, что спрос на предлагаемые ими безделушки невелик, привезли в изобилии бананы и кокосовые орехи, некоторое количество свиней и птиц. В обмен они охотно брали гвозди и куски ткани, и не раз случалось, что за старое тряпье матрос получал свинью или курицу. После обеда я в сопровождении капитана Фюрно, Форстера и офицеров обоих кораблей высадился на берег, где встретился с местным вождем (или особой, равной по рангу вождю) Аттого, который уже представился мне несколько раньше, в то время, когда мы становились на якорь.

Не знаю уж каким образом Аттого определил с первого взгляда, что именно я командир корабля, но, поднявшись на палубу, он сразу направился ко мне с традиционными подарками и, вручив их, предложил мне поменяться с ним именами. Этот обычай обмена именами распространен повсеместно на островах Дружбы и на Таити. Высадившись на берег, мы застали на нем скопище туземцев. Они приняли нас так же дружелюбно, как и их соседи с острова Миддельбург.

Часть офицеров направилась в глубь острова, а я остался на берегу и принялся раздавать подарки. Аттого указывал мне, кому следует дать наиболее ценные вещи. Оказалось, что среди присутствующих на берегу туземцев были персоны более важные, чем Аттого, Впрочем, **[172]** никто, очевидно, не мог сравниться с ним в смелости и искусстве приема чужеземных

гостей, а поэтому решительно все островитяне в момент этой торжественной встречи безропотно подчинялись ему.

Затем по моей просьбе Аттого повел меня и капитана Фюрно по узкой тропе в чащу леса. Мы вышли на поляну и увидели на краю ее храм, воздвигнутый на высокой насыпи (высота ее была не менее 16—18 фут.). Эта насыпь имела форму вытянутого четырехугольника и была обнесена снизу каменной стеной около 3 фут. высоты. Пологие склоны насыпи холма были покрыты зеленым дерном. Храм в плане имел те же очертания, что и насыпь. Высота его была футов двадцать, ширина около 14—15 фут. Мы сели на траву у подошвы насыпи. Из храма вышли три старца, они спустились к нам и, обратившись лицом к святилищу, прочли нечто вроде молитвы. Процедура эта длилась минут десять. Затем они сели рядом с нами, и мы щедро одарили престарелых жрецов.

Аттого, не встретив ни малейшего возражения у жрецов, повел нас в храм и дал нам возможность внимательно осмотреть его внутреннее устройство. Мы поднялись по каменным ступеням на гребень обводной стены. Далее вверх шла вьющаяся спиралью по склонам холма тропинка, посыпанная тонким гравием.

Храм был построен наподобие туземных жилищ, т.е. на столбах, поддерживающих стропила, с крышей из пальмовых листьев. Стрехи кровли опускались почти до самой земли, оставляя открытым лишь самую нижнюю часть храма, на высоту трех футов. Это открытое пространство было забрано циновками. Пол в храме был усеян мелким гравием. В самом центре святилища находился постамент высотой около 6 дюймов, сложенный из синих камней.

В двух передних углах храма стояли грубо вырезанные из дерева идолы. Не желая оскорбить неосторожным поступком ни островитян, ни их богов, я не осмелился прикоснуться к истуканам и лишь спросил Аттого, действительно ли я вижу перед собой богов. Аттого, не говоря ни слова, подошел к деревянным статуям и стал их бесцеремонно поворачивать в разные стороны с таким видом, как будто перед ним были

обыкновенные чурбаны. Я решил, что образы туземных богов не запечатлены в этих статуях.

Затем я спросил Аттого, каким образом погребают они мертвецов. К сожалению, ответ вождя был мне **[174]** непонятен. Надо при этом сказать, что язык здешних туземцев отличается от диалектов, на которых говорят на соседних островах. Даже двое наших таитян не понимали этот язык.

Перед выходом из храма мы возложили на жертвенник гвозди и медали. Однако Аттого их тотчас же присвоил себе. Спускаясь с насыпи, я обратил внимание на то, что окружающая стена сложена из громадных камней длиной в 9—10 фут. и шириной фута в 4. Непонятно, каким образом выламывали туземцы эти камни из коралловых скал. На поляне, у храма, пересекается пять дорог, из них две или три — общественного пользования. В лесах произрастают деревья самых разнообразных пород, часто встречаются деревья, которые таитяне называют этоа и употребляют для изготовления боевых палиц. Нередки здесь низкие пальмы того же вида, что встречается в северной части Новой Голландии.

Осмотрев храм (островитяне называют его «афиатука»), мы решили возвратиться на берег, но Аттого повел нас в глубь острова широкой дорогой, обсаженной по сторонам деревьями. От этой дороги расходились другие, более узкие, огороженные тростниковыми изгородями.

Мне казалось, я очутился на самых плодородных полях Европы. Тут не было ни дюйма пустующей земли. Дороги занимали не больше места, чем это было необходимо. Изгороди отстояли всего лишь на 4 дюйма от обочин, и даже пространство между ними и полотном дороги не терялось даром: полезные растения или деревья насаждались и здесь. Такую картину можно было наблюдать повсеместно. Нигде природа с помощью небольшой доли человеческого знания не являлась с большим блеском, чем на этом острове.

Во время нашей восхитительной прогулки мы встретили множество туземцев, одни шли к кораблям, обремененные тяжелой ношей — корзинками со спелыми фруктами, другие

возвращались оттуда без груза. Они уступали нам путь, сворачивая в сторону и провожая нас долгими взглядами, прислонившись к изгородям.

На перекрестке дорог я видел храмы, подобные тому, что мы посетили. Только не каменной стеной, а деревянным палисадом обнесены были насыпи, на которых они стояли.

Мы прошли несколько миль и приблизились к высокому храму, близ которого находился большой дом, **[176]** принадлежащий одному из сопровождавших нас вождей. Здесь нас ожидали любезный прием и приятный отдых.

Мы уселись на циновке из пальмовых листьев, и в тот момент, когда вождь велел подать нам блюдо с плодами, старейший из жрецов обратился ко мне с речью. Он говорил с короткими паузами, как бы давая мне время для того, чтобы я смог понять смысл его проповеди. Временами, быть может потому, что память изменяла старцу, нить его речи совершенно прерывалась, и тогда другой жрец приходил ему на помощь. Туземцы слушали своих проповедников молча, но без благоговейной почтительности.

После обильной трапезы Аттого проводил нас на корабль. Незадолго до обеда к борту «Резолюшн» приблизилось каное, в котором сидел глубокий и дряхлый старик. Аттого сообщил мне, что нас осчастливил своим посещением один из наиболее знатных вождей. Я принял старца, дал ему ценные подарки (верный и единственный способ сделать его другом) и пригласил к столу. В присутствии старого вождя Аттого держал себя очень робко. Он не осмелился занять место рядом с верховным вождем и удалился на другой конец стола. Может быть, потому, что вождь почти ничего не видел своими старческими очами, Аттого сел спиной к нему.

Старик съел кусок рыбы, выпил два бокала вина и отправился обратно на берег. Как только он удалился, Аттого гордо занял его место, доел королевскую порцию рыбы и осушил два бокала вина. После обеда на берегу старый вождь подарил мне свинью и повел меня в глубь острова.

5 октября, вторник. Рано утром мой друг Аттого привез свинью и фрукты и получил в обмен топор, простыню и кусок красной материи. Как обычно, я послал на берег шлюпку с грузом гвоздей и топоров для меновой торговли. Однако вскоре шлюпка вернулась, и мне было доложено, что туземцы пытались захватить все, что в ней находилось, и вели себя крайне дерзко.

Накануне уже отмечались случаи краж, и поэтому я, обеспокоенный поведением туземцев приказал направить отряд вооруженных матросов для охраны наших шлюпок, что были на берегу. Затем я с капитаном Фюрно, Аттого и группой наших ученых отправился на остров, где вновь состоялась встреча со старым вождем. После небольшой **[177]** прогулки я вернулся на корабль. К обеду были приглашены Аттого и двое туземных вождей. Один из них послал на «Адвенчур» капитану Фюрно свинью и категорически отказался принять за этот дар возмещение.

Аттого не был столь бескорыстен и напоминал мне о свинье — подарке старого вождя. Действительно, помимо свиньи, преподнесенной древним джентльменом вчера, я получил от последнего еще одну сегодня утром, но ни прямого, ни косвенного отношения к дарам своего вождя Аттого не имел.

Тем не менее я дал ему клетчатую рубашку и кусок красной ткани. Накинув на себя простыню, Аттого вышел на палубу для того, чтобы показаться во всем великолепии своим соплеменникам. К вечеру он отправился на берег и имел несчастье встретиться там со старым вождем, который отнял у Аттого и у его спутников все мои подарки.

Торговые операции в различных частях острова прошли весьма успешно, и мы пополнили наши запасы. В связи с этим я разрешил матросам приобретать у туземцев всевозможные безделушки. Я был потрясен, видя с каким рвением хватают они первые попавшиеся им на глаза вещи.

Дело зашло так далеко, что поведение моряков стало смешным и нелепым в глазах туземцев, островитяне приносили в обмен на относительно ценные предметы камни и палки, а один

мальчишка-проказник насадил на прутик человеческие экскременты и предлагал это сокровище всем встречным матросам.

В каюту штурмана проник через люк туземец и похитил несколько книг и иные вещи. Вора накрыли в тот момент, когда он садился в свое каноэ. Преследуемый одним из матросов, он спрыгнул в воду, и поймать его не удалось, хотя на ловлю злоумышленника была послана шлюпка. С неподражаемым искусством он нырял под шлюпку, и в конце концов ему удалось вывести из строя руль. После этого вор быстро очутился вне пределов досягаемости. Не менее дерзкие кражи были совершены на берегу, на нашем рыночном месте.

6 октября, среда. Вечером я повез подарки старому вождю и от офицеров, дежуривших на берегу, узнал, что меня хочет видеть туземец, который превосходит по знатности всех местных вождей. Лейтенант Пиккерсгил **[178]** был в его резиденции и сообщил мне, что народ относится к этому человеку с исключительным уважением. Туземцы падали перед ним ниц, и никто не смел пройти мимо верховного вождя, не получив на то от него разрешения.

Вождя под руки привели к нашей рыночной площади Пиккерсгил и сопровождающий его офицер. Там я и представился этому могущественному повелителю. Он был настолько важен и сидел в такой нелепо величественной позе, что я, несмотря на сообщение Пиккерсгила, подумал, что передо мной просто идол, которому из чистого суеверия поклоняются туземцы.

Я обратился к нему с приветствием, но он не ответил мне ни слова. Казалось, что он вообще не замечает меня — ни один мускул на лице вождя не дрогнул при моем появлении. Это подтвердило мои предположения, и я уже думал было удалиться, но один юноша-туземец, быть может, читая мои мысли, объявил мне, что я имею дело не с истуканом, а с живым человеком и притом с особой королевского ранга.

Я подарил вождю топор, простыню, штуку красного сукна, зеркало, гвозди, медали и бусы. Он принял все это или, вернее,

соизволил обратить на них свое благосклонное внимание и продолжал сидеть все в той же позе, не удостоив меня ни единым словом и ни единым жестом. При таких обстоятельствах я счел за благо удалиться и вернулся на корабль. Вслед за этим покинул место нашего свидания и идолоподобный вождь.

Через некоторое время с берега сообщили, что вождь прислал подарки. Я направил за ними шлюпку, и вскоре на борт внесли двухсотфунтовую свиную тушу, двести корзин печеных бананов и четыре корзины с плодами хлебного дерева. Туземцы, которые принесли все это, объяснили бывшему на берегу Эджкомблу, что их повелитель — арике (король) острова — прислал свинью, бананы и другие плоды в дар арике корабля. После этого у меня не оставалось ни малейшего сомнения в знатности угрюмого вождя.

7 октября, четверг. Я, капитан Фюрно и Форстер, сопровождаемые Аттого, отправились с визитом к королю. Аттого сбился с дороги, и мы вынуждены были вернуться обратно. Но вскоре на берегу появился король со своими спутниками. Как только Аттого увидел его, он сел под **[179]** деревом и дал нам понять, что все мы должны последовать его примеру.

Король уселся на пригорке в 12—10 ярдах от нас. Мы молча созерцали друг друга на протяжении нескольких минут. Я полагал, что Аттого подскажет нам, как нужно поступать при подобных обстоятельствах, но он не пришел на помощь в этом затруднительном положении. Тогда я дал знак капитану Фюрно, мы оба поднялись, направились к королю и сели перед ним.

Я преподнес ему белую рубашку, которую пришлось надеть ему на спину, кусок красной материи, три подзорных трубы, медный чайник, пилу, два огромных гвоздя, дюжину медалей и "несколько ниток бус. Он сохранял невозмутимое величие и был неподвижен, как статуя.

Я заговорил с ним, объясняясь словами и знаками, и дал понять ему, что покидаю остров, но ответа не получил. Тем не менее я

не отходил ни на шаг от того места, где сидел вождь, чтобы не упустить ни одного его движения. Наконец он вступил в разговор с Аттого и старухой, вероятно, его собственной матерью.

Ни одного слова я не понял, но меня не слишком удивило, когда король рассмеялся. Мне кажется, что важность его была притворной (если он не был настоящим идиотом) и что подобного рода поведение совершенно не свойственно легкомысленным и веселым островитянам. Вскоре король встал и удалился в сопровождении старухи-матери и двух или трех туземцев.

Аттого повел меня к другой группе туземцев, где находился старый вождь и его приближенные, представительные и убеленные сединами особы обоего пола. Среди них был и престарелый жрец, постоянный спутник вождя.

Мы заметили, что этот почтенный старец очень твердо держался на ногах по утрам. Но к вечеру он мог ходить лишь с посторонней помощью. Из этого мы заключили, что перечный сок (ава) действует на него так же, как на европейца неумеренная порция вина или других крепких напитков. Я думал, что мне не задастся ничего преподнести старому вождю, ибо запасы мои оскудели после встречи с королем-истуканом. Однако, порывшись в карманах и в мешке, который неизменно сопровождал меня при экскурсиях на берег, я обнаружил столько всякой всячины, что старец и его приятели после вручения им **[180]** новых подарков никак не должны были пожаловаться на мою скупость.

Аттого настойчиво просил меня при следующем посещении острова привезти ткани, гвозди и топоры, посулив мне взамен свиней, птицу, плоды и коренья.

Он пожелал, чтобы я привез ему мундир, подобный моему. Этот славный и предупредительный малый принес мне немало пользы. От восхода солнца до позднего вечера он не покидал меня ни на минуту и всегда готов был к услугам, довольствуясь весьма скромной наградой.

За краткое время пребывания на острове Амстердам мы приобрели 150 свиней, 300 птиц, небольшое количество бананов, кокосовых орехов и плодов хлебного дерева. Уже одно перечисление того, что было заготовлено нами, свидетельствует о необыкновенном плодородии и богатстве этого острова.

Глава третья

Описание островов Амстердам и Миддельбург и их продукции. — Сельское хозяйство, жилища, судоходство, ремесла, одежда, религия и обычаи, образ правления и язык островитян

Острова Амстердам и Миддельбург впервые были открыты капитаном Тасманом в январе 1643 г. Он же дал им их современные названия. Но на языке туземцев остров Амстердам носит имя Тонгатабу, а Миддельбург — Эува. Они расположены между 21°29' и 21°3' ю.ш. и 174°40' и 175°15' з.д.

Миддельбург имеет в окружности около десяти лиг, и наиболее выдающиеся вершины на этом острове видны с моря на расстоянии двенадцати лиг. Внутренняя часть острова покрыта лесами, но берега его и особенно юго-западный и северо-западный заняты садами и .прекрасно возделанными полями. Тучные луга, в беспорядке растущие кокосовые пальмы и другие деревья, поля, узкие ленты дорог на фоне яркой зелени радуют глаз путешественника. Бухту на юго-западном берегу, где мы стояли на якоре, я назвал «Английским рейдом», так как корабли экспедиции были первыми судами, посетившими эту часть острова.

«Английский рейд» расположен на 21°20'30" ю.ш. Остров Амстердам, или Тонгатабу, имеет форму равнобедренного треугольника, основание которого соответственно равно четырем лигам, а каждая из боковых сторон — семи лигам.

Он вытянут с востоко-юго-востока на запад-северо-запад и возвышается над уровнем моря всего лишь на **[182]** 60—80 фут. От ярости прибоя оба острова защищены цепью рифов. Этот внешний вал проходит на расстоянии около 100 фатомов от берегов.

Пояс рифов и отмелей — характерная особенность всех островов южных морей, лежащих в тропиках. Эти едва выступающие над поверхностью моря гряды коралловых утесов не позволяют океану источить и поглотить массивы островов — едва заметные точки среди необъятных водных просторов. Вандименова бухта, где была наша стоянка, лежит на северо-западном берегу острова.

Не менее удобная бухта расположена на восточном берегу мыса, вдающегося в море на северной оконечности острова. В эту бухту ведет узкий и неглубокий пролив. Туземцы говорили мне, что есть еще один проход в бухту, далее к северо-востоку, более широкий, но осмотреть его мы не успели.

Почти весь остров Амстердам покрыт полями и садами. Здесь растут кокосовые пальмы, бананы, хлебные деревья, ямс и сахарный тростник. Видел я на острове плоды, подобные апельсинам, такие же, как на Таити.

Форстер установил, что на острове Амстердам встречаются не только все растительные виды, обычные для архипелага Общества, но и ряд форм, неизвестных на других островах этой группы. Я, вероятно, в известной степени обогатил растительный мир острова, оставив туземцам семена различных огородных и плодовых культур.

Густая сеть дорог прорезывает остров во всех направлениях. Селений и городов здесь нет. Отдельно стоящие дома располагаются в садах или на полях; тип построек здесь такой же, как и на соседних островах, хотя в деталях конструкции имеются известные отличия. Жилища обитателей острова Амстердам имеют некоторые любопытные особенности. Пол в домах обычно покрыт циновками. Вдоль домов разбиты небольшие палисадники с декоративными кустарниками и плодовыми деревьями.

Домашняя утварь очень бедна. Это деревянные тарелки и блюда, скорлупа кокосовых орехов, деревянные поставцы на четырех ножках. Глиняная посуда на острове встречается очень редко. Мы приобрели у туземцев лишь один глиняный сосуд в форме бомбы с двумя горлышками и два небольших горшка

вместимостью 5—6 пинт. Все эти гончарные изделия изготовлены из обожженной глины. Вероятно, сосуды из глины привозятся с соседних [183] островов. Если бы туземцы острова Амстердам сами занимались гончарным промыслом, глиняные горшки имели бы здесь более широкое распространение.

Трудно предполагать, что сосуды, которые мы купили у островитян, завезены в эти края Тасманом. Навряд ли могли бы сохраниться в течение столь долгого времени такие хрупкие изделия.

Животный мир острова беден. Из домашних животных здесь водятся только куры и свиньи. Свиньи такие же, как на соседних островах, куры более крупные и необыкновенно вкусные. Собак здесь нет. Туземцам очень понравились наши собаки, и они настойчиво выпрашивали их у меня.

Мой друг Аттого получил от меня в подарок кобеля и суку. Любопытно, что, подобно новозеландцам, туземцы острова Амстердам называют собак «кури», или «гури». Очевидно, они раньше были знакомы с этими животными. Мы не видели на острове ни крыс, ни диких зверей; водятся тут только маленькие ящерицы и довольно крупные летучие мыши.

Птиц зато встречается немало. Я видел на острове голубей, горлиц, сов, обыкновенных и длиннохвостых, попугаев и маленьких птиц не известных в Европе видов.

Нам не удалось установить, какие именно рыбы водятся близ берегов острова. Думаю, что здесь встречаются те же породы рыб, что и в других частях южных морей. Рыболовные снасти у туземцев острова Амстердам такие же, как у других островитян. Крючки делаются из створок раковин жемчужницы, а сети из тонких нитей, причем способ вязки сетей напоминает европейский.

Ничто в такой степени не свидетельствует об изобретательности островитян, как их каноэ. В технике изготовления каноэ, в изумительном совершенстве конструкции их с туземцами острова Амстердам не могут сравниться их ближние и дальние соседи.

Корпус каноe сбит из множества деревянных планок, соединенных так искусно, что со стороны очень трудно разглядеть, как и где они соединены. Скрепы делаются с внутренней стороны лодки и входят в аккуратно прорезанные пазы.

Каноe бывают двух типов — простые и двойные. Простые в длину имеют от 20 до 30 футов и в ширину 3 фута. **[184]**

Нос у них тупой, корма острая. И у носа и у кормы с каждой стороны на треть длины каноe настилаются палубы. В центральной части лодки настила нет. Все простые лодки снабжены аутригерами (Англ. out-riggers — легкий брус-поплавок, прикрепляемый, к борту каноe жердями для устойчивости. — *Ред.*). Плавать на этих лодках можно под парусами, но чаще всего туземцы передвигаются в простых каноe на веслах с короткими и широкими лопастями.

Двойные каноe состоят из двух простых скрепленных вместе; длина их 60—70, ширина 4—5 футов; в остальном их корпус почти ничем не отличается от обыкновенных каноe; но только нос и корма у каждого челна острые, в центре имеется прочный деревянный настил в виде длинного корыта. Оба челна крепко соединены толстыми параллельными брусьями, прикрепленными к верхней части настила. Брусья эти проложены на расстоянии 6—7 фут. друг от друга. К ним приделаны столбики, поддерживающие обшитую досками платформу.

Каноe эти удивительно прочны и легки. При любом волнении на море они прекрасно удерживаются на воде. Сама конструкция двойных каноe способствует устойчивости. Такая лодка может опрокинуться и затонуть только в том случае, если оторвется один из челнов каноe. Каноe удобны для перевозки грузов, и на них смело можно пускаться в дальнее плавание.

На помосте легко может быть поставлена съемная мачта с парусом. Туземцы пользуются обычно латинскими или треугольными парусами, прикрепленными к длинному и несколько изогнутому рею. Парус делается из пальмовых

циновок. На палубе имеется небольшая рубка — шалашик для защиты от дождя и зноя.

Я полагаю, что каное могут плыть и носом и кормой вперед, и для поворота требуется только перебросить на другую сторону парус. Впрочем, утверждать это я не берусь, так как не имел возможности наблюдать их маневры на близком расстоянии.

Материалом для орудий туземцам этих, как и других островов, служат камень, кость, раковина. При этом приходится поражаться мастерству, с которым пользуются островитяне этими несовершенными орудиями. Они еще недостаточно знакомы с железом и не могут достаточно **[186]** оценить возможностей применения на практике металлических орудий. Впрочем, гвозди туземцы предпочитают безделушкам. Некоторые (правда, таких не так уж много) готовы на большой гвоздь или топор променять свинью.

Но старые куртки, рубахи, ткани, даже ветошь они ценят дороже всего. У нас они приобрели мало топоров, но массу всевозможного тряпья. Гвозди имели, однако, большой спрос, и мы оставили им в обмен на всевозможные съестные припасы не менее 500 фунтов крупных и мелких гвоздей. Собственных железных изделий они не имеют. Мы выменяли у них старое заржавленное шило, которое попало в руки туземцев, вероятно, во времена посещения Тасманом этих островов.

Женщины и мужчины такого же роста, как и европейцы. Кожа у них цвета светлой меди. Здесь гораздо реже, чем на Таити и островах Общества, встречаются темнокожие туземцы. Некоторые мои спутники считают, что это — красивейшая раса в мире; другие этого не думают, и к числу последних я готов присоединиться. Как бы то ни было, но черты лица их правильны, сложены они прекрасно и отличаются веселым и живым нравом, особенно женщины, веселейшие из всех созданий, которых я видел на своем веку. Они вступают в беседу и болтают без всякого повода и приглашения, не думая о том, понимают ли их слушатели и приятны ли им эти речи. В общем, они кажутся скромными, хотя среди них нет недостатка и в особах иного поведения.

Так как на корабле уже имелись случаи венерических заболеваний, я принял все меры, чтобы предотвратить возможность заражения этими болезнями местных женщин. Во многих случаях туземцы проявляют склонность к воровству и в этом искусстве они столь же сведущи, как и таитяне.

У туземцев острова волосы черны, особенно у женщин. Мужчины красят волосы, иногда даже встречаются такие, у которых одна сторона головы красная, а другая синяя. Волосы мужчины и женщины зачесывают назад и коротко стригут.

Мальчикам бреют голову, оставляя длинный чуб на темени или возле ушей. В качестве братвы употребляют раковины. Бороду носить у туземцев не принято. Глаза у них ясные. Зубы хорошие, даже у стариков. Татуировка **[187]** очень распространена. Мужчины разрисовывают нижнюю часть туловища, женщины — руки и пальцы. У женщин татуировка обычно лишь едва заметна.

Одежда туземца состоит из куска ткани или рогожи, обернутого вокруг бедер и ниспадающего до колен. Выше бедер все тело обнажено. Мне кажется, что у них существует обычай натирать каждое утро тело маслом (так поступал мой друг Аттого и некоторые другие островитяне). И мужчины и женщины носят амулеты, ожерелья, браслеты, запястья из костей, раковин жемчужницы и обломков черепашьего панциря.

Женщины украшают пальцы кольцами из черепашьего панциря и уши серьгами величиной с катушку; они носят передники, сотканные из волокон кокосового ореха и расцвеченные пестрыми лоскутками ткани, вырезанными в виде звездочек, полумесяцев и квадратов. Иногда эти передники украшены раковинами и красными перьями и очень недурны на вид. Ткани здесь такого же типа, как и на Таити, пожалуй, несколько грубее, но прочнее. Нередко туземцы покрывают ткань своеобразной глазурью, отчего она делается совершенно непроницаемой для дождя.

Из различных растений островитяне изготовляют черную, красную, коричневую, желтую краску для тканей. Циновки они плетут замечательно. Имеются тончайшие циновки,

употребляемые как покрывала, и плотные маты, которыми застилаются полы. Из этих матов делаются паруса, перегородки в домах и т.п.

Из пальмовых листьев и волокон кокосового ореха туземцы изготовляют прочные и легкие корзины, большей частью Многоцветные и изящно украшенные мелкими раковинами и косточками.

Я не знаю, как развлекаются туземцы в часы досуга, так как эта сторона их жизни мне известна очень мало. Женщины часто услаждали наш слух приятными песнями. Они пели, прищелкивая пальцами, как бы отбивая такт.

Я видел у туземцев два музыкальных инструмента — большую флейту из полой бамбуковой трости (на ней играют, вдувая в маленькие отверстия воздух из носа) и свирель из десяти или двенадцати бамбуковых дудочек разной величины. Этот инструмент подобен дорической свирели древних греков, и играли на нем, вдувая воздух в открытые концы трубочек. **[188]**

Имелись у туземцев барабаны, полые куски дерева в 5 1/2 футов длины и 2—2 1/2 фута в окружности. Когда островитяне палочками бьют по поверхности этого деревянного обрубка, раздаются звуки, столь же благозвучные, как шум от ударов по пустой бочке.

Способ взаимных приветствий у туземцев острова Амстердам такой же, как у новозеландцев. При встрече они касаются друг друга носами.

Для того, чтобы продемонстрировать чужеземцам свои дружественные намерения, они вывешивают белые флаги. Так они встретили и нас.

Символом дружбы является перечный корень. Раздоры, вероятно, редко возникают среди этих островитян. Однако они имеют грозное боевое оружие — палицы, стрелы, луки и копья. Последние иногда снабжены на конце острыми зубцами и

изготовлены из твердого дерева. Палицы обычно бывают от 3 до 5 футов длины.

У туземцев я заметил странный обычай — возлагать на голову полученные подарки в знак благодарности. Их приучают к этому с детских лет: когда мы дарили что-нибудь младенцам, матери заставляли их подносить к головке полученную от нас вещь. При меновых сделках происходит то же самое. Порой они, осматривая наши товары, возвращали их обратно, — в том случае, если не хотели их брать. Но коль скоро вещь возлагалась на голову, меновая сделка считалась уже заключенной окончательно и нерушимо.

Я наблюдал, что при вручении различных вещей вождю в качестве подарка происходила передача их из рук в руки, и кто-нибудь из тех, в чьи руки попадала вещь, возлагал ее себе на голову. Часто женщины брали мою руку и прикладывали ее к своей голове.

Из всего сказанного вытекает, что этот обычай, носящий название фагафаты, видимо, имеет в зависимости от обстоятельств разнообразное применение. Всегда, однако, он считается изъявлением учтивости. Я должен отметить, что главный вождь или король не отвечал на мои дары подобным способом.

Есть на острове Амстердам другой, гораздо более странный обычай: мы заметили, что как у мужчин, так и у женщин отсутствуют на одной или обеих руках мизинцы. Я пытался дознаться, с какой целью калечат себя островитяне, но так и не мог добиться толковых объяснений. **[189]**

Между тем от этого обряда отсечения пальцев почти никто не избавлен на острове. Только у грудных младенцев все пальцы на руках целы.

Мои спутники обратили внимание на то, что не изувеченные руки имеют иногда молодые туземцы, тогда как все старики беспалые. В связи с этим высказывались предположения, что пальцы отсекаются в память об умерших сородичах.

Однако Уоллис встретил старого островитянина с неповрежденными пальцами. Трудно предположить, что родители столь древнего старца здравствовали.

Необъяснимы также надрезы и выжженные клейма на щеках туземцев. Хромых, слепых, увечных на острове нет. Все туземцы здоровы и сильны — наглядное доказательство благодетельного влияния чудесного климата. Я не раз упоминал о верховном вожде или короле. Не исключена возможность, что бразды правления островом находятся в руках одного человека, однако доподлинно утверждать это я не берусь.

Объяснения туземцев подтверждают мое предположение и нет как будто бы веских оснований для сомнений. Во всяком случае, образ правления на острове Амстердам сходен с таитянским. Имеется король или великий вождь с титулом «арике», ниже его следуют другие вожди — властители отдельных округов и, быть может, землевладельцы, которым подчиняются прочие туземцы. Есть еще особы третьего ранга, также наделенные властью, и к числу их относится мой друг Аттого.

Я считаю, что вся земля на Тонгатабу находится в частной собственности, и на земле этой, как и на Таити, сидят зависимые от вождей люди-слуги и рабы, не имеющие собственных наделов.

Неразумно было бы предположить, что здесь в стране, где так хорошо обработаны земли, имеется общность имущества. Ведь личный интерес воодушевляет людей и способствует предприимчивости, и мало кто согласился бы обрабатывать и возделывать землю, если бы заранее знал, что не воспользуется плодами своей работы и что трудолюбивый человек может оказаться в худшем положении, чем лентяй и бездельник [75].

Я нередко видел, что на наш рынок приходили Для меновой торговли группы в 6—8—10 человек. За ходом торговых операций этой группы всегда **[190]** наблюдал один туземец. Без его согласия обмен не производился. Судя по его поведению, этот туземец был владельцем товаров, все же остальные были не больше, как его слуги.

Хотя природа щедро наградила эти острова, но нельзя сказать, что обитатели их избавлены от проклятия, которое пало на наших праотцев: в поте лица зарабатывают островитяне свой хлеб.

Довести свои поля до столь цветущего состояния удалось им лишь ценой непрестанного и упорного труда. Но труд этот сторицей вознаграждается изобилием, которое приносит отлично возделанная земля. Всем необходимым для существования владеют островитяне.

Веселье и довольство написано на их лицах. И действительно, иначе и не могло бы быть, — они живут свободно, все без исключения желания их исполняются легко и просто, и наслаждаются они дивным климатом, не зная ни изнурительного зноя, ни холода.

Единственно, чем их обидела природа, это — пресной водой. Пригодная для питья вода находится на большой глубине, и для того, чтобы добыть ее, туземцы вынуждены рыть глубокие колодцы. На острове Амстердам мы не видели ни одного ручейка и — только один колодец, а на Миддельбурге не встречали и колодцев. Но, вероятно, и на этом острове есть колодцы, иначе трудно объяснить, откуда берется у туземцев отличная вода, холодная и пресная, которой они угощали нас.

О религии островитян я не имею почти никакого представления. Несомненно, однако, что «афиатуки», о которых я уже упоминал, воздвигнуты для отправления какого-то религиозного культа. Кое-кто из моих спутников высказывал предположение, что это места погребения. Я же склонен думать, что они являются одновременно и храмами и местами погребения, как на Таити и даже в европейских странах. Но статуи в «афиатуке», несомненно, не изображения местных богов. Уолс говорил мне, что туземцы предлагали ему пользоваться этими изваяниями в качестве мишеней для стрельбы из мушкета. Еще одно обстоятельство свидетельствует в пользу моего предположения. Трава на лужайках перед «афиатуке»не подрезывается, но тем не менее коротка и

местами сильно помята, что указывает на то, что здесь часто собираются островитяне, быть может, для молитв. [191]

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что за четырех- или пятидневное пребывание на островах мы не могли вставить себе ясное представление о всех особенностях гражданского устройства и духовной жизни туземного населения, тем более, что местный язык был нам неизвестен.

Диалект, на котором говорят на этих островах сходен с наречиями таитян и обитателей островов Общества. Различие между ними не большее, чем между говорами северных и западных частей Англии [76].

Глава четвертая

Переход от острова Амстердам к берегам пролива Королевы Шарлотты. — Встреча с туземцами. Окончательное разлучение кораблей экспедиции

Вышли в открытое море 7 октября, в четверг и взяли курс на юг при слабом волнении от востока и юго-востока. Я направился к берегам пролива Королевы Шарлотты в Новой Зеландии для того, чтобы запастись там дровами и водой и следовать далее к югу и к востоку. Прошли в 7—8 лигах от острова Пильстарт, открытого Тасманом и лежащего на 22°27' ю.ш. и 175°59' з.д., в 32 лигах к югу от острова Миддельбург.

21 октября, четверг. В 5 часов утра увидели на северо-западе и севере берега Новой Зеландии и в полдень были в 8—10 лигах к востоку от Столового мыса. Я желал ознакомиться с обитателями северной части Новой Зеландии, посетив бухту Поверти или бухту Толаго (на восточном берегу), где туземцы более цивилизованы, чем на берегах пролива Шарлотты.

Для них я вез свиней, кур и семена различных растений.

Дул северный и северо-западный ветер, и я принял курс к берегу, чуть севернее мыса Портленд, а затем мы поплыли далее к северу, обошли мыс Киднэперс и в 10 часов утра были в 3 лигах от возвышенности Блекхед. Несколько раз видели

туземные каноэ, которые пытались догнать корабли, но, не желая терять времени, мы **[193]** продолжили путь. На траверзе Блекхеда легли в Дрейф, чтобы дать возможность небольшой флотилии каноэ приблизиться к нам. То были туземцы-рыбаки. Они охотно меняли рыбу на гвозди, свиней, кур и семена, предпочитая, однако, брать от нас гвозди, в которых, видимо, испытывали большую нужду.

Я распорядился дать им семена наиболее полезных культур: пшеницы, гороха, репы, лука. Свиней и кур они обещали беречь, и, должно быть, слово свое сдержат. Островитяне не забыли визита «Индевора». Они говорили нам: «Мы боимся пушек». Вероятно, события, которые произошли у мыса Киднэперс, врезались им в память [77].

22 октября, пятница. Переменил курс, и в 7 часов утра мыс Торногейн остался на северо-западе, в 6—7 лигах от нас. «Адвенчур» находился на значительном расстоянии от «Резолюшн», под ветром. Капитан Фюрно, вероятно, не заметил моего сигнала о повороте на другой курс и разлучился со мной.

Всю ночь лежали в дрейфе под нижними парусами, ибо ветер усиливался. Шел проливной дождь, все палубы залило водой, которая проникла и во внутренние помещения корабля.

23 октября, суббота. С северо-восточным ветром шли под всеми парусами вдоль берега на юг.

24 октября, воскресенье. В полдень в виду мыса Пеллизер (южная оконечность северного острова Новой Зеландии) к нам присоединился «Адвенчур».

25 октября, понедельник. В 5 часов утра при северо-восточном ветре пошли прямо к мысу Пеллизер, от которого в этот момент находились в 8—9 лигах. Вскоре поднялась буря, и ветер необыкновенной силы удерживался в течение суток. Суда экспедиции с честью выдержали это жестокое испытание и совершенно не пострадали от шторма. К вечеру повернул назад, чтобы соединиться с «Адвенчуром», которого уже не видно было с подветренной стороны.

26 октября, вторник. Всю ночь лавировали короткими галсами, к утру при слабом юго-западном ветре под нижними парусами и зарифленными марселями направились к берегу, от которого нас отнесло бурей. Далеко позади увидели «Адвенчура». Поджидая его, я лавировал до 8 часов вечера, а затем оба корабля взяли курс на запад, **[194]** к проливу. Мы лавировали перед входом в пролив еще двое суток.

30 октября, суббота. Накануне условился с капитаном Фюрно, в котором часу назавтра мы войдем в пролив. Весь день «Адвенчур» держался в кильватере «Резолюшн», но к полночи отстал на три лиги и вскоре скрылся из глаз. На рассвете мы уже не видели «Адвенчура» и решили, что он лег на северо-восточный курс, тогда как «Резолюшн» все время шел на юго-запад.

Я продолжал следовать к западу при северо-северо-восточном ветре, который вскоре настолько усилился, что заставил меня лечь в дрейф под нижними парусами.

В полдень мыс Кемпбел был от нас в 7—8 лигах. К трем часам дня волнение стихло, ветер отошел к северу, и мы приблизились к берегу в виду Снежных гор.

Я крайне сожалел о том, что разошелся с «Адвенчуром», так как, если бы не случилось этого, я бы не пытался войти в пролив Королевы Шарлотты, а бросил бы якорь в одной из бухт южнее входа в пролив. Но в поисках «Адвенчура» я спешил к берегам пролива, к назначенному месту свидания. На берегу видели в нескольких пунктах дым, верный признак, что берег обитаем.

31 октября, воскресенье. Утром дул сильный порывистый ветер, который к 6 часам вечера перешел в шторм.

1 ноября, понедельник. Часа в два ночи буря сменилась мертвым штилем, но в 4 часа утра подул ветер с юга, и пошел дождь. Все потонуло в пелене густого тумана.

Однако я обрадовался и дождю и туману. Ненастье всегда приносит с собой южные ветры, которых я ждал с нетерпением. Мы немедленно воспользовались попутным ветром, подняли

все паруса и, обогнув мыс Кемпбел, вступили в пролив Королевы Шарлотты.

В 8 часов были на траверзе бухты Дюски, но здесь нас остановил противный северный ветер. Вскоре с необыкновенной силой подул неприятный для нас северо-западный ветер. Несмотря на то, что я всю ночь лавировал, нам не удалось продвинуться вперед. Прилив, правда, увлекал корабль в нужную сторону, но отлив относил судно назад.

2 ноября, среда. Лишь к утру 3 ноября нам удалось войти в пролив и стать на якорь в Корабельной бухте, той самой, которую мы покинули 5 месяцев тому назад. Против ожидания мы не нашли там «Адвенчура».

Глава пятая

Пребывание на берегу пролива Королевы Шарлотты. — Туземцы-людоеды. — Поиски «Адвенчура»

Как только, 3 ноября, корабль пришвартовался к берегу бухты, я приказал снять все паруса, так как все они до одного требовали починки. Немало пострадали во время этого тяжелого перехода и снасти.

Появились туземцы. Многие из них знали меня еще со времен первого путешествия. Моим старым приятелем был старик по имени Губия.

4 ноября, четверг. После полудня свезли на берег пустые бочки и разбили палатки для бондарей, плотников и парусников. Приступили к осмотру снастей и починке парусов; группа матросов была послана в лес на рубку дров. Близ берега закинули невод, но улов оказался ничтожным. Туземцы принесли нам множество всевозможных вещей и охотно выменивали свои товары на таитянские ткани.

5 ноября, пятница. Я велел открыть ящики с сухарями. Было обнаружено, что большая часть сухарей сильно попорчена. Поэтому пришлось извлечь их из ящиков и приняться за сортировку и сушку. Утром у одного матроса был украден

мешок с одеждой. Однако, когда я отправился на берег и потребовал, чтобы мне отдали похищенное, островитяне немедленно все возвратили.

Свиньи, которых я оставил на острове, прижились здесь. Но говорят, что Губия (его туземцы не любят и **[196]** называют старым бродягой) убил двух коз, выпущенных Мной на берег в 1770 г.

Огородные семена привились превосходно, несмотря на то, что туземцы не уделяли никакого внимания европейским культурам. Картофель погиб: видимо, еще несозревшие клубни были вырыты и съедены островитянами.

6 ноября, суббота. Утром я отправился на рыбную ловлю. Нам не удалось поймать ни одной рыбьи но мы приобрели некоторое количество ее у туземцев. Любопытно, что они без зазрения совести похищали проданную нам рыбу. Один из островитян сделал вид, что хочет отогнать этих любителей чужой собственности, и тут же, воспользовавшись удобным случаем, вытащил у меня из кармана носовой платок. Он делал вид, что ни в чем не повинен, до тех пор, пока я не взял у него платок. Отдал он его мне с веселым смехом и вел себя так, что я не счел возможным рассердиться на него. Мы остались друзьями, и он со провожал меня на корабль, где обедал снами.

Другая партия туземцев украла у нас шесть пустых бочек, прельстившись, вероятно, железными обручами. Поступили они при этом недальновидно, так как лишились возможности честным путем в обмен на рыбу получить массу всевозможных металлических изделий. Но туземцам синица в руках дороже журавля в небе.

12 ноября, пятница. После просушки и сортировки сухарей оказалось, что большая часть их пришла в негодность. При сортировке мы выбросили 4 292 фунта абсолютно непригодных к употреблению. Свыше 3 000 фунтов сухарей, почти несъедобных, пришлось оставить про запас.

13 ноября, суббота. Установилась ясная и теплая погода. Рано утром туземцы принесли нам рыбу. Вожделенным для матросов

объектом мены сделался зеленоватый камень с жирным блеском. Но туземцы ценят его (и по-моему совершенно правильно) не слишком высоко.

15 ноября, понедельник. Утром я отправился на берега Восточной бухты и взобрался на высокий холм, чтобы обозреть восточную часть пролива Королевы Шарлотты. Однако видимость была плохая, над морем стоял густой туман.

Отныне я потерял надежду встретить «Адвенчур». Мало вероятно было, чтобы капитан Фюрно завел свой корабль **[197]** в одну из соседних бухт, так как в этом случае мы, несомненно, имели бы возможность услышать или увидеть его сигналы.

На этом холме я в 1770 г. сделал набросок карты берегов пролива и водрузил на вершине его каменную башенку. Туземцы сравняли эту башню с землей, надеясь, вероятно, что-либо отыскать под ее развалинами.

На обратном пути встретили туземцев, которые отнеслись к нам необыкновенно любезно и ласково.

22 ноября, понедельник. Я твердо решил по истечении срока, назначенного для встречи, покинуть берега пролива и отдал приказ готовиться к отплытию.

До 22-го удерживались южные и западные ветры с сильными дождями. 22-го погода улучшилась. Все время матросы оживленно торговали с туземцами, выменивая на таитянские ткани различные изделия островитян. Я перевез на берег Западной бухты двух боровов, двух свиней, петухов и кур. Свиней и кур занесли в глубь леса поставили им двенадцатидневный запас корма.

Кур мы выпустили на берег и в Корабельной бухте, но я уверен, что в этом обитаемом месте они скоро будут уничтожены туземцами.

С прискорбием я думаю, что все наши усилия могут оказаться напрасными и из-за легкомыслия туземцев — в этом случае

европейские и таитянские домашние животные не смогут прижиться в Новой Зеландии.

Вечером, вернувшись на корабль, я застал наших друзей туземцев на борту. Они принесли много рыбы свежего улова. Сегодня офицеры, посетившие жилища туземцев, видели там берцовые человеческие кости, мясо с которых совсем недавно было срезано. Этот случай и ряд других наблюдений позволили нам установить, что несколько дней назад туземцы совершили успешный набег на своих иноплеменников. Часть военной добычи, приобретенной в этой экспедиции, они в это утро продали нам. Действительно, мы получили накануне от посетивших нас на каное женщин и детей некоторые сведения об этой экспедиции; часть мужчин, по их словам, отсутствовала, и они выражали беспокойство за них. Мы, однако, не придали значения этому сообщению, так как полагали, что эти мужчины отправились на рыбную ловлю.

Корабль был приведен в отличное состояние и вполне подготовлен Для плавания в южных широтах. Поэтому **[198]** я отдал приказ немедленно перенести с берега на борт палатки, бочки и рабочие инструменты.

Матросы, посланные в лес для вязки метел, обнаружили, что большая часть полученных от нас вещей сложена туземцами в одной хижине. По-видимому, они бдительно охранялись, так как вечером явилась ко мне группа островитян с жалобой на одного из матросов, который, по их словам, похитил из хижины какие-то вещи. Я тотчас же велел на глазах у островитян примерно его наказать, хоть чужих вещей у него не нашлось: я считаю своим долгом сурово карать преступления, совершенные моими людьми по отношению к нецивилизованным народам.

Нередко туземцы безнаказанно воровали наши вещи, но отсюда вовсе не следует, что и мы должны поступать так же. Ведь у островитян свои понятия о справедливости и праве.

По моему, лучший способ сохранить взаимопонимание с такими людьми заключается прежде всего в том, чтобы показать им в действии огнестрельное оружие и убедить их в

вашем превосходстве над ними, тогда туземцы всегда будут в вашей власти. Когда они прочувствуют силу оружия, то ради собственной безопасности воздержатся от причинения вам беспокойства или от попытки объединиться и напасть на вас. Достойное и мягкое обращение с вашей стороны заставит туземцев понять, что не в их интересах причинять вам неприятности [78].

23 ноября, вторник. В течение всего дня дул слабый северный ветер, и мы отложили выход в море.

Днем офицеры обнаружили у туземцев голову и внутренности недавно убитого юноши. На носу одного каное мои спутники увидели шест с нанизанным на острие его окровавленным человеческим сердцем. Один из офицеров купил эту голову и привез на корабль; бывший на борту туземец на глазах у всех отрезал от головы кусок мяса, зажарил его и съел.

Я рассудил, что возмущение этим поступком принесет мало пользы. Желая быть свидетелем факта, в котором многие сомневаются, я приказал сварить кусок человечьего мяса и принести его на палубу, где один из каннибалов съел его с поразительной жадностью. Это произвело такое впечатление на наших людей, что многим из них стало дурно. **[199]**

Наш таитянский переводчик, присутствовавший при этом зрелище, лишился способности двигаться и, казалось, превратился в статую ужаса.

Совершенно невозможно описать чувство, которое выразилось на его лице. Когда его вывели из этого состояния, он залился слезами. Рыдания перемешались у него с бранью. Он говорил каннибалам, что они мерзкие люди, что он не был и не будет больше впредь их другом. Он даже не разрешил туземцам прикасаться к себе и таким же образом говорил с одним из джентльменов, тем самым, который отрезал кусок мяса. Он отказался не только взять в руки, но и притронуться к ножу, которым мясо это было отрезано.

Так проявилось у таитянина негодование против этого гнусного обычая — чувство, достойное подражания для каждого создания, наделенного разумом.

Мне неизвестны причины, побудившие туземцев предпринять поход против своих неприятелей. Я узнал только, что они совершили рейд на берега Адмиралтейской бухты, небольшого залива к западу от нашей якорной стоянки, и там дали бой островитянам из другого племени. Говорят, что нападающие перебили в этой бухте 50 человек. В этом я, впрочем, сомневаюсь, так как навряд ли более полсотни туземцев отправились в поход. Юноша, голову которого они принесли с собой, был взят в плен и убит в этом сражении. Нападающая сторона понесла потерю: я видел девушку, которая изрезала себя острыми раковинами, а таким образом туземцы поступают всегда, когда теряют сородича или друга.

Теперь можно уже больше не сомневаться в том, что новозеландцы действительно каннибалы. В отчете о первом путешествии я на основании своих собственных наблюдений высказал на этот счет некоторые предположения. Однако многие подвергли сомнению мои выводы, и это объясняется тем, что мало кто имеет подлинные представления о дикарях (или людях, лишь слегка затронутых цивилизацией) в их естественном состоянии [79].

Новозеландцы, безусловно, находятся уже на известной ступени цивилизации. К нам они относились дружелюбно, во всех случаях демонстрируя готовность к услугам. Островитянам известны некоторые виды ремесла, и их изделия — наглядные свидетельства высокого художественного вкуса и безграничного прилежания. Новозеландцы **[200]** менее склонны к воровству, чем другие туземные племена островов Южного моря [80].

Внутри племени всегда царит мир, а племена, которые связаны дружбой, живут в добром и нерушимом согласии. Обычай поедать тела убитых в сражении (а я категорически утверждаю, что туземцы поедают лишь павших в бою) восходит к незапамятным временам. А известно, как устойчивы древние

обычаи, даже самые дикие и бесчеловечные; особенно у племен, которые мало общаются с чужеземцами и не имеют торговых связей с другими народами.

Именно благодаря взаимному общению, большая часть человечества познала блага цивилизации, а новозеландцы, вследствие особенностей географического положения своих островов, лишены были неоценимых преимуществ, которыми пользовались народы других частей света.

Если бы им удалось объединиться и создать твердые формы правления, распри и раздоры между племенами прекратились бы, и каннибальские обычаи со временем совершенно исчезли бы.

Ныне же они не имеют ни малейшего представления о том, что должны обращаться с другими так, как хотят, чтобы обращались с ними самими; но поступают так, как ожидают, что поступят с ними.

Если память мне не изменяет, Тупиа пытался воздействовать на совесть новозеландцев, убеждая их не поедать пленников, ибо такая же участь будет грозить и тем, кто окажется в руках врага. Они выслушивали доводы Тупиа с большим вниманием, но аргументация таитянина не доходила до их сознания. Вероятно, его слова о бесчеловечности каннибальских обычаев казались им забавными риторическими фигурами. И когда Ойдиде и некоторые мои спутники выражали туземцам свое возмущение, они лишь смеялись над обличителями.

Распространено мнение, что этот чудовищный обычай удерживается потому, что у туземцев мало животной пищи. Но факты опровергают этот глубоко ошибочный взгляд. В Новой Зеландии рыба водится в большом изобилии, так же, как и различные птицы, а туземцы отличные рыболовы и охотники.

Должен отметить, что Ойдиде быстро освоил новозеландский язык, который ему показался немногим труднее наречия обитателей острова Амстердам. **[201]**

24 ноября, среда. В 4 часа утра мы подняли якорь с намерением выйти в море, но противные ветры задержали нас в бухте. Когда мы снимались с якоря, прибыли наши друзья, чтобы попрощаться с нами. Вскоре все туземцы покинули со своими пожитками бухту.

Офицеры, посетившие туземцев, видели еще пронзенное сердце в каное, но не нашли легких и печени. Вероятно, туземцы съели их. **[202]**

25 ноября, четверг. Рано утром вышли из бухты при легком бризе и после короткой стоянки с попутным ветром пошли на юг, взяв курс на мыс Теравити.

Во время пребывания на берегу пролива Королевы Шарлотты мы всегда имели в достаточном количестве рыбу. Благодаря тому, что матросы неизменно получали свежую зелень, в команде не было больных цынгой.

Перед отплытием из Корабельной бухты я оставил капитану Фюрно записку с обозначением дня выхода «Резолюшн» из этой гавани и курса, которого я намерен был в дальнейшем придерживаться. Записку я вложил в бутылку, которую почти по горлышко зарыл в землю на видном месте, под большим деревом на нашем огороде. Пока мы шли в водах пролива, я велел каждые полчаса стрелять из пушки, но все наши попытки дать о себе знать «Адвенчуру» не увенчались успехом.

В 8 часов вечера легли в дрейф, в 3 милях от мыса Пеллизер, глубина моря в этом пункте была 50 фатомов.

26 ноября, пятница. Утром обогнули мыс Пеллизер, продолжая через каждые полчаса стрелять из пушки.

Вскоре на северо-восточном ветре взяли курс на расположенный по ту сторону пролива мыс Кемпбел. У берегов мыса мы видели к северо-востоку от нас клубы дыма и до 6 часов вечера шли в этом направлении. Однако к вечеру дым исчез, и никаких признаков человеческого жилья мы уже больше не могли обнаружить.

Все мы полагали, что «Адвенчур» цел и невредим. Поиски отставшего корабля я вынужден был прекратить, не имея надежды встретиться с ним в дальнейшем, так как точно фиксированных пунктов свидания, помимо берега пролива Шарлотты, я капитану Фюрно не давал.

Тем не менее это отнюдь не расстроило моих планов, и я твердо решил продолжать плавание в южной части Тихого океана, используя благоприятное время года.

Необходимость продолжать это трудное плавание в одиночестве не обескуражила моих спутников. Ни один человек не выразил жалоб на предстоящие тяготы, не заговорил об ожидающих нас опасностях.

Мы шли к югу так же смело, как будто не только «Адвенчур», но и целая флотилия кораблей сопровождала нас на этом пути.

Комментарии

74. *Дальримпль Александр (1737—1808)* — английский географ, гидрограф Британской Ост-Индской компании и Адмиралтейства, один из наиболее видных защитников основных положений «умозрительной географии», личный недруг Кука.

В 1765 г. Дальримпль, работая в архивах Адмиралтейства, нашел среди бумаг, захваченных англичанами в Маниле в 1762 г., мемориал Ариаса, в котором излагалась история открытий Торреса (прим. 6). Некоторое время спустя оп обнаружил и текст письма самого Торреса. Собрав материал об испанских открытиях в Тихом океане XVI—XVII вв., Дальримпль написал в 1767 г. памфлет, в котором он безоговорочно утверждал приоритет испанских мореплавателей на ряд важнейших открытий в Тихом океане и намечал пути дальнейших исследований в южном полушарии. Памфлет этот он, однако, издал лишь два года спустя.

Дальримпль полагал, что соотношение между морем и сушей должно быть одинаково в обоих полушариях. Но так как в

южном полушарии, в интервалах между экватором и 50° ю.ш., площадь, занятая сушей, в 8 раз меньше пространства, покрытого водой, то, следовательно, необходимо допустить, что южнее 50° ю.ш. находятся еще не открытые земли, по размерам не уступающие гигантским континентам северного полушария.

Глубоко убежденный в справедливости своей точки зрения, Дальримпль сделал все возможное, чтобы подтвердить гипотезу о южном материке разнообразными доказательствами.

Все земли южнее 40° ю.ш., о которых когда-либо упоминали различные путешественники и капитаны китобойных судов, Дальримпль считал выступающими в океан частями большого южного материка. Он полагал, что северная граница этого материка в Тихом океане проходит несколько южнее 40° ю.ш. и простирается в интервале 100 градусов долготы.

Дальримпль желал возглавить экспедицию, снаряжаемую Адмиралтейством в 1768 г. в Тихий океан, но место, на которое он претендовал, занял Кук. В отместку Дальримпль опубликовал свой памфлет об испанских открытиях, разоблачив тем самым британское Адмиралтейство, наметившее маршрут экспедиции Кука на основании захваченных в Маниле и хранившихся втайне испанских документов. Скандальные разоблачения Дальримпля бросили тень на Кука, которого прямо обвиняли в намерении присвоить себе честь открытий Торреса и Кироса, и дали ясное представление о неприглядных приемах адмиралтейских сановников. Кук относился к Дальримплю крайне неприязненно и не только по чисто личным мотивам. Теоретические построения Дальримпля, основанные на умозрительных соображениях и произвольно подобранных доказательствах, не могли не вызвать отрицательной оценки у Кука — географа-практика, придававшего значение не абстрактным схемам, а конкретным и правильно истолкованным наблюдениям и фактам.

Дальримпль был автором сборника «Собрание путешествий в южных морях» (1770). На этот сборник нередко ссылается Кук в своем дневнике.

75. Кук оценивает институты общественного строя на островах Тихого океана с точки зрения среднего англичанина XVIII в. Его кругозор ограничен, он не имеет представления о том, что на земном Шаре могут существовать формы общественных отношений, давным-давно исчезнувшие в Европе. На островах Дружбы в ту пору существовал родовой строй, уже затронутый процессами разложения, и имелись зачатки форм, характерных для рабовладельческого общества на низших ступенях его развития. Большая часть земли была в коллективном пользовании родовых общин, но известная их доля находилась в личном пользовании вождей — «арике». На подобной стадии общественного развития частной собственности на землю еще не было. И когда Кук говорит о личной предприимчивости, он выступает как апологет молодой и быстро развивающейся капиталистической формации и навязывает ее законы социальному строю, отвечающему гораздо более ранней стадии развития человеческого общества.

76. Полинезийские языки вместе с малайско-индонезийскими и меланезийскими входят в большую группу австронезийских языков и широко распространены в Тихом океане от Новой Зеландии на юге до Гавайев на севере и от архипелага Самоа на западе до острова Пасхи на востоке. Эти языки сходны между собой, и Кук совершенно правильно отметил это, сопоставляя говоры туземцев различных островов Океании.

Характерные фонетические особенности полинезийских языков — бедность звуковой системы (эти языки знают лишь пять гласных — а, е, и, о, у — и от семи до десяти согласных) и преобладание гласных звуков, что сообщает речи полинезийцев особую напевность.

77. Речь идет о жестокой расправе с туземцами, учиненной Куком во время первого путешествия, когда по ничтожному поводу поселение маори у мыса Киднеперс было подвергнуто артиллерийскому обстрелу.

78. По мнению Кука, отношения между британскими культуртрегерами и туземцами должны строиться на «неоспоримом превосходстве европейцев». Островитяне рассматриваются, таким образом, как низшие существа, которых надо постоянно держать в страхе и трепете. А для этого наилучший способ — «демонстрация» огнестрельного оружия. В свете подобных высказываний Кука становится очевидным и кабальный характер «дружественных» связей европейцев с туземцами.

79. Г. Форстер завершает описание встречи с каннибалами любопытной сентенцией, направленной не столько против туземцев-людоедов, сколько против колонистов-европейцев: «Нам кажется зазорным есть мясо убитых врагов, но мы умерщвляем своих недругов совершенно хладнокровно, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести.

Разумеется, обычаи каннибалов мерзки и гнусны, но разве не были мы свидетелями во сто крат более зверских поступков, совершенных просвещенными европейцами по отношению к дикарям.

Новозеландец проявляет жестокосердие, убивая и съедая своего врага, но какими словами следует заклеймить «подвиги» извергов-испанцев, которые отрывали младенцев от материнской груди и бросали их на съедение псам...».

80. Туземцы Новой Зеландии — маори — принадлежат к группе полинезийцев и говорят на диалектах, близких к языку жителей архипелагов Тонга, Общества, Паумоту, Самоа и Токелау.

Во времена открытия Новой Зеландии и первых посещений ее европейцами (XVII—XVIII вв.) маори по уровню развития приближались к обитателям Таити и архипелага Тонга и достигли большого совершенства в обработке камня, раковин, дерева, растительного волокна и в сооружении больших каноэ. Но они не знали металлов, не имели гончарного производства и домашних животных (кроме собаки). При этом более отсталыми были жители Южного острова, населенного значительно менее густо, чем Северный. Основным занятием

племен, живущих на Северном острове, было подсечно-огневое земледелие, охота и рыболовство. На Южном острове — рыболовство и охота. Туземцы Южного острова, как правильно отметил Кук, вели бродячий образ жизни. Общественный строй на Южном острове соответствовал той ступени родовых отношений, когда не имели еще места явления социального расслоения рода и имущественной дифференциации.

На Северном острове процесс распада родовых отношений зашел весьма далеко, и общественная структура была довольно сложной. Имелись вожди («арике») и «благородные» — родовая знать («рангатира»). Личность вождя считалась священной, обладающей особой силой («мана»), которая передавалась по наследству, и силой этой объяснялись успехи вождя. Сословие жрецов было многочисленным и влиятельным, образуя совместно с вождями и «рангатира» высший класс маорийского общества.

Рабство было широко распространено, и рабский труд применялся при обработке земли. Последняя находилась в коллективном пользовании родовых групп, но имелись также земли, которыми пользовались исключительно вожди и жрецы. Формы семьи, основанные на групповых браках, были настолько отличны от европейских, что вводили в заблуждение всех путешественников, посещавших Новую Зеландию во времена Кука и в более позднюю эпоху. Не понимая, что на определенной стадии общественного развития групповые браки — закономерное и естественное явление, Кук, а вслед за ним и европейские миссионеры совершенно необоснованно обвиняли маори в разврате и приписывали им пороки, о существовании которых туземцы не имели ни малейшего представления.

Религия маори — род анимизма, связанного также с культом предков. Маори из религиозного суеверия убивали часть пленных врагов и поедали их тела. Этот ритуальный каннибализм был Особенностью, резко отличающей их от туземцев островов Общества и ряда других архипелагов Океании.

Маори были разделены на множество постоянно враждующих между собой племен. Только с приходом европейцев северные маори начали объединяться в племенные союзы с крепкой военной организацией.

Ни один народ в Океании не оказал европейцам такого упорного и героического сопротивления, как маори на Северном острове.

Англичане, обосновавшиеся во 2-й четверти XIX в. в Новой Зеландии, вели жестокие истребительные войны с туземцами (маорийские войны 1843—1872 гг.) и добились успеха лишь ценой многолетних усилий. В ходе этих войн почти все коренное население Южного острова было уничтожено, а население Северного острова резко уменьшилось.

По последней переписи (1936 г.) насчитывается 82 тысячи маори, в том числе 79 тысяч на Северном острове.

Маорийские названия островов Новой Зеландии: Северного Икаа-Мауи — «рыба Мауи» (мауи — по преданиям маори — создатель вселенной, явившийся на землю в образе рыбы); Южного — Тавай-Пунаму — «остров зеленого камня» — названием обязан зеленому нефриту («пунаму») — камню, о котором часто упоминает Кук в связи с Новой Зеландией.

Глава шестая

Плавание от берегов Новой Зеландии в поисках южного материка. — Ледовые помехи и методы исследования южного океана

В 8 часов вечера 26 ноября у мыса Пеллизер мы взяли курс на юг. Днем видели камнеломки, тюленей, порт-эгмонтских курочек, альбатросов, пинтадо и буревестников.

6 декабря, понедельник. В половине девятого вечера прошли широту Лондона под 180 меридианом. Таким образом, мы оказались в положении истинных антиподов относительно наших лондонских друзей и были от столицы Англии на максимальной из возможных дистанций.

8 декабря, среда. На 55° 39' ю.ш. и 178°53' з.д. исчезли пингвины и тюлени, тогда как вплоть до 55° широты те и другие встречались очень часто. Ветер дул с северо-запада, волнение на море было от юго-запада, и именно это направление я неизменно отмечал с того момента, как покинул южные берега Новой Зеландии. Ветры же на протяжении последней недели удерживались в противоположных румбах. Из этого я сделал вывод, что на меридиане Новой Зеландии к югу от нее либо совсем нет земли, либо она лежит очень далеко на юг [81].

11 декабря, суббота. На 61°15' ю.ш. и 173°4' з.д. попали в сильный шторм. Холодный юго-западный ветер принес снег, лед покрыл снасти. Ртуть в термометре упала до точки замерзания. По всем признакам встреча с плавающими льдами не за горами. **[204]**

12 декабря, воскресенье. В 5 часов утра на 62°10' ю.ш. и 172° з.д. впервые увидели ледяную глыбу. В прошлом году наша встреча со льдами состоялась на 11 1/2° севернее. Появились антарктические птицы — серые альбатросы и синие буревестники.

Ветер дул свежий северных румбов, со снегом и густым туманом. Волнение шло с запада, и мы решили, что там близ нас нет никакой земли.

14 декабря, вторник. На 64°55' ю.ш. и 163°20' з.д. встретили огромные ледяные острова, а 15-го вошли в поле пакового льда. Погода удерживалась ненастная, холодная и туманная.

15 декабря, среда. В 6 часов утра я лег на северо-восток, чтобы обойти скопления льда, которые закрывали проход на юг. Трудно было пробиться через это ледяное поле, и, кроме того, я опасался столкновения с небольшими обломками льда, которые могут причинить гораздо больший вред, чем крупные глыбы или сплошные поля.

Весь день пришлось лавировать, часто меняя курс, и к вечеру нас едва не затерло льдами. В тумане, для того, чтобы не столкнуться с ледяными глыбами, я вынужден был то ставить

корабль против ветра, то снова ложиться в фордевинд. Поэтому на 66° ю.ш. и 159° з.д. я решил повернуть к северу.

17 декабря, пятница. Утром приблизились к ледяному полю и взяли на борт много льда. Я взял курс на восток при северном ветре.

18 декабря, суббота. В полдень находились на 64°49' ю.ш. и 149°19' з.д. Ввиду ясной погоды я решил идти снова на юг при северо-западном ветре. На этом румбе держался до полудня 20 декабря, когда северо-восточный ветер заставил меня взять курс на юго-восток.

К вечеру сгустился туман, пошел снег, снасти покрылись толстой коркой льда.

В 7 часов вечера под 146°46' з.д. перешел южный полярный круг.

21 декабря. В 6 часов утра, следуя тем же юго-восточным курсом на 67°5' ю.ш. в сплошном тумане, встретили крупные ледяные поля. Я вынужден был повернуть на северо-запад и держался на этом курсе до полудня. Затем снова направился на юго-восток.

Ледяные глыбы, которые мы видели утром, — высокие, с обрывистыми крутыми краями и острыми вершинами. **[205]**

До этого нам попадались менее высокие глыбы с плоскими вершинами. Птиц стало меньше. Появились антарктические буревестники; серые альбатросы все еще сопровождали нас, как и на более низких широтах.

22 декабря, среда. Следуя курсом на восток-юго-восток при свежем порывистом северном ветре были в 6 часов утра на 67°31' ю.ш. и 143°54' з.д. Вскоре западный ветер заставил нас лечь на северо-восточный курс.

23 декабря, четверг. До полудня шли этим курсом, а затем повернули к юго-востоку и в 4 часа дня находились на 67°20' ю.ш. и 137°20' з.д. Перед нами возник непреодолимый ледяной барьер. Все море на юге было покрыто льдами, и я не видел ни малейших признаков прохода.

Дул слабый ветер, море было спокойно, и мы подошли к самой кромке ледяного поля и спустили на воду две шлюпки, для того чтобы набрать лед. Стоял такой сильный холод, что за четыре часа удалось совершить лишь два рейса за льдом.

В 8 часов вечера при сильном ветре я взял курс к западу. Шел мокрый снег, мороз крепчал. Снасти обмерзли, казалось, что вместо вантов натянуты провода, а паруса уподобились листам металла. Шкивы в блоках проворачивались с большим трудом, и надо было затратить невероятное усилие, чтобы поднять или опустить марсель.

Все страдали от холода. Густой туман непроницаемой пеленой пал на студеное, покрытое сплошными льдами, море. При столь неблагоприятных обстоятельствах я поневоле должен был подумать о возвращении на север. Возможности пробиться далее к югу не было.

Было бы с моей стороны ошибкой следовать на высоких широтах к востоку, так как подобный курс неизбежно заставил бы нас плыть в сплошных льдах и лишил бы возможности обследовать северную часть антарктического моря, в интервале 24 градусов широты. Между тем в этой области могли быть открыты новые земли. Насколько обосновано предположение о том, что неизвестные земли действительно существуют, можно лишь будет сказать после посещения этой части моря.

Альбатросы и антарктические буревестники были нашими обычными спутниками. Этих птиц мы видели в течение всего времени пребывания во льдах. Но являются **[206]** ли они верным признаком близости на юге суши? Ведь трудно допустить, что эти птицы дают потомство вне пределов земли. Вопрос этот будет разрешен только тогда, когда откроют южные земли, если только доступ к ним окажется возможным.

24 декабря, пятница. Шли к северо-востоку при северо-западном ветре среди льдов. В полдень находились на 67° ю.ш. и 138°15' з.д.

1774 г. 1 января, суббота. Находились на 58°39' ю.ш. Вечером встретили две ледяные глыбы и больше не встречали льда до тех пор, пока снова не повернули к югу.

3 января, понедельник. В полдень были на 56°46' ю.ш. и 139°45' в.д. Видели буревестников того вида, который обычно встречается близ берегов, особенно новозеландских.

Вечером подул западный ветер, который заставил нас взять курс на северо-восток и оставить необследованной часть моря в интервале 40 градусов долготы и 20 градусов широты.

Если бы не западный ветер, я проследовал бы к западу на 56 широте, а затем снова возвратился бы на восток, на этот раз придерживаясь 50-й параллели.

Я обследовал бы доныне никем не посещенную часть моря, и тогда можно было бы установить твердо, что в этих широтах нет никакой земли. Впрочем, я почти не сомневаюсь в этом и сейчас, так как в течение многих дней наблюдал волнение от западного и северо-западного румбов, при ветрах противоположных направлений. Трудно предположить после этого, что на западе где-то близко имеется земля.

6 января, четверг. Продолжали следовать к северо-востоку до полудня, когда находились на 52° ю.ш. и 135°32' з.д., в 200 лигах от старого нашего пути к острову Таити. В интервале между старым и нынешним путем вряд ли есть обширная земля. Еще менее возможно обнаружить землю к западу, так как от этого румба все время шло волнение. Поэтому я решил идти на северо-восток при свежем попутном ветре.

11 января, вторник. На 47°51' ю.ш. и 122°12' з.д., в 200 лигах от моего пути к острову Таити в 1769 г., я повернул к юго-востоку.

18 января, вторник. Все время шли на юг, слегка склоняясь к востоку. 18-го на 61°9' ю.ш. и 116°7' з.д. **[207]** взяли курс на юго-запад при свежем юго-восточном ветре.

19 января, среда. В 10 часов вечера установился штиль, сменившийся сильным северо-восточным ветром.

20 января, четверг. На этом ветре дошли до 62°34' ю.ш. и 116°24' з.д. и снова подали в полосу штиля. Видели две крупных ледяных глыбы, пожалуй, самых значительных из всех, что нам приходилось встречать в южных морях. Одна их них была не менее 200 футов высоты, и вершина ее была похожа на купол собора св. Павла.

Все эти дни отмечалось волнение от западного румба — верный признак отсутствия земли между 116 и 133 1/2 меридианом, которого мы придерживались, возвращаясь в декабре на север.

24 января, понедельник. Находились на 63°20' ю.ш. и 108°7' з.д. До 24-го шли юго-юго-западным курсом, 25-го повернули к югу при северном ветре. Море на юге было совершенно чистое, свободное ото льдов. Между тем месяц назад на этой же широте мы вступили в почти непроходимые ледяные поля.

Нас сопровождали антарктические буревестники и бурые альбатросы.

26 января, среда. Видели на горизонте мелкие ледяные глыбы. Снова, в третий раз за время плавания, пересекли южный полярный круг на 109°31' з.д.

27 января, четверг. Вечером приняли густые облака за берег. Продолжали следовать на юг при свежем северо-восточном ветре, продвигаясь в густом тумане.

Все чаще и чаще стали встречать ледяные острова, а на 69°38' ю.ш. и 108°12' з.д. вошли в разреженное ледяное поле. Туман сгущался, видимость ограничивалась пространством радиусом в 200 ярдов.

29 января, пятница. В часа три утра туман рассеялся, небо прояснилось, и мы при свежем северном ветре продолжали продвигаться к югу. После полудня были на 70°23' ю.ш. и 108° з.д. Склонение магнитной стрелки оказалось равным 24°31' (восточнее).

К вечеру небо покрылось тучами, и температура резко упала. Я видел пучок травы, покрытой рачками. Бурые альбатросы носились над этим пучком и пожирали рачков.

В 10 часов вечера прошли мимо гигантских ледяных островов. Каждый из них имел в окружности не менее **[208]** 3—4 миль. Ночью подул северо-западный ветер, и над морем сгустился туман.

30 января, воскресенье. В 4 часа утра на юге заметили ослепительно белую полосу — предвестник близких ледяных полей. Вскоре с грот-мачты увидели сплошной ледяной барьер, простиравшийся с востока на запад на необозримом пространстве. Вся южная половина горизонта сияла и сверкала холодными огнями.

Я насчитал 96 вершин и пиков вдоль кромки ледяного поля. Некоторые из них были очень высоки, и гребни этих ледяных гор были едва различимы в пелене низких туч и молочно-белого тумана. У кромки этого исполинского поля громоздились мелкие глыбы битого льда, и приблизиться к краю ледяного барьера не было возможности.

Казалось, что все поле состоит из спаянного воедино льда. Вдоль северной кромки лишь отдельные вершины достигали значительной высоты, но далее к югу высота барьера значительно увеличивалась. Таких льдов никто никогда не видел в Гренландском море, да и навряд ли можно сравнить ледяные поля северного полушария с тем, что открылось нашему взору здесь, на юге.

Не было никакой возможности пробиться через эти льды. Не только я, но и все мои спутники были твердо уверены, что это грандиозное поле простирается далее на юг до самого полюса или где-то на высоких широтах соединяется с материком. Во всяком случае, именно отсюда, от этой ледяной стены, отрываются те глыбы и острова, которые блуждают в северной части антарктического моря по воле ветров и течений.

Я проследовал на юг дальше всех прежних мореплавателей и достиг пределов, где человеческие возможности оказываются

исчерпанными. И признаюсь, я не был опечален тем, что на пути моем возникли непреодолимые препятствия, ибо этим самым мы избавлялись от опасности и трудов, связанных с дальнейшим продвижением в южную полярную область.

Так как нельзя было пробиться к югу ни на один дюйм, я решил повернуть на север. В этот момент мы находились на 71°10' ю.ш. и 106°54' з.д.

Счастье наше, что мы встретились с гигантским ледяным полем в ясную погоду и своевременно заметили его. К вечеру стало туманно, и пошел сильный снег. Ртуть **[209]** в термометре опустилась до +0,2° С. Снасти наши покрылись льдом толщиной в дюйм.

6 февраля, воскресенье. При восточных и юго-восточных ветрах и переменной погоде шли на север. 6-го подул сильный южный ветер, и пошел мокрый снег. Я решил идти к северу и провести следующую зиму в тропиках в том случае, если не открою южного материка.

Теперь я твердо убежден, что на юге Тихого океана материка нет. На поиски же его в южной части Атлантического океана необходимо затратить целое лето.

Предположив, что и в Атлантическом океане нет большой земли на крайнем юге, я мог к апрелю вернуться на мыс Доброй Надежды и таким образом закончить свое путешествие. Но поступить так, т.е. покинуть южные моря в то время, когда состояние кораблей, обилие припасов и здоровье экипажа позволяли продолжать плавание, значило бы не только навлечь на себя обвинение в недостаточной настойчивости и твердости, но и вызвать у многих ложную уверенность в том, что южная часть Тихого океана уже настолько хорошо исследована, что никаких новых открытий совершить здесь нельзя. Разумеется, поступить так я не мог. Пусть мне не удалось открыть южный континент, но ведь на огромном пространстве Тихого океана могли быть еще обнаружены неведомые земли. Кроме того, еще мало исследованы острова в южных морях, открытые другими мореплавателями, и их географическое положение до сих пор неясно и требует уточнения.

Я пришел к заключению, что мое дальнейшее пребывание в южных морях будет полезно для навигационной практики, расширит наши географические представления и обогатит другие области науки.

Уже раньше я изложил свое мнение капитану Фюрно, но я не мог привести в исполнение мои планы до тех пор, пока не будет достигнута главная цель путешествия-поиски южного материка, чтобы не поставить под угрозу выполнение этого трудного и опасного предприятия.

Ныне, когда ничто не препятствовало осуществлению моих планов, я намеревался предпринять поиски земли, будто бы открытой Хуаном Фернандесом столетие назад на 38-й параллели, затем отправиться на поиски острова Пасхи или земли Дейвиса [82], положение которой было установлено настолько плохо, что все позднейшие попытки **[210]** обнаружить ее были безуспешны; оттуда проследовать в тропики, уточнив на западном пути к Таити положение встречных островов, и, двигаясь дальше на запад, дойти до Tierra Austral del Espiritu Santo (Южной земли Духа Святого, открытой Киросом и названной Бугенвилем Большими Кикладами). Кирос в свое время отмечал, что Tierra Austral del Espiritu Santo обширная земля и что она лежит по соседству с другой землей, не менее значительной. Бугенвиль не подтвердил и не отверг утверждения Кироса, а поэтому я считал своим долгом разрешить окончательно этот вопрос [см. прим. 6].

Далее я намеревался взять курс на юг и в интервале 50° и 60° ю.ш. повернуть на восток, к ноябрю дойти до мыса Горн с тем, чтобы следующее лето посвятить осмотру южной части Атлантического океана.

Это было большое и трудное предприятие, но я не сомневался в том, что мне удастся его осуществить. Когда я сообщил о своем плане офицерам, я с удовлетворением отметил, что они приняли его с радостью. Должен отдать моим спутникам справедливость — при любых обстоятельствах они проявляли готовность всеми возможными способами содействовать мне в

успехе задуманных предприятий. Необходимо сказать, что матросы всегда были расторопны и послушны, и в данном случае они оказались на высоте положения и отнюдь не желали, чтобы путешествие наше закончилось. Перспектива пребывания в странах с благодатным климатом восхищала их, а оттяжка на год срока возвращения нимало их не смущала.

Я шел на север, склоняясь к востоку. Вечером на нас обрушился с западо-юго-запада жестокий шторм со снегом и дождем. Он налетел так стремительно, что мы не успели убрать паруса, и два марселя были изодраны в клочья, да и прочие паруса были основательно повреждены.

7 февраля, понедельник. 12 февраля, суббота. Лишь к утру ветер несколько стих, но продолжал дуть со значительной силой до 12-го числа, а в полдень 12-го замер совершенно. Мы были тогда на 50°14' ю.ш. и 95°18' з.д. Пользуясь штилем, я приказал спустить шлюпки и устроил охоту на птиц. Было убито несколько порт-эгмонтских курочек и альбатросов.

15 февраля, вторник. Продолжая идти тем же курсом при западно-северо-западном ветре, который принес **[211]** густой туман и затяжные дожди, пересекли трассу моего пути к Таити 1769 г.

18 февраля, пятница. 18-го подул сильный юго-западный ветер. Небо прояснилось, и мы определили по астрономическим наблюдениям долготу (средняя величина оказалась 94°19'30" з.д.). В момент наблюдений «Резолюшн» был на 43°53' ю.ш. Юго-западный ветер скоро сменился западным. Продвигаясь на север, мы наблюдали, насколько резко меняется климат при переходе в средние широты. Стало значительно теплее, термометр на 39°38' ю.ш. и 94°37 з.д. показывал 18°,8 С. Установилась ясная погода, такая, которая бывает в летние дни в Новой Зеландии.

21 февраля, понедельник. Продолжая идти на север, 21-го пересекли 38-ю параллель, т.е. ту широту, на которой должен был находиться остров, открытый Хуаном Фернандесом. Однако никаких признаков земли мы не обнаружили.

22 февраля, вторник. В полдень находились на 36°10' ю.ш. и 94°56' з.д. Вскоре взяли курс на западо-юго-запад — наиболее благоприятное направление для поисков острова Хуана Фернандеса [83]. Я не надеялся обнаружить его, так как в течение последних дней от западно-юго-западного румба наблюдалось сильное волнение.

25 февраля, пятница. Однако до 25-го я придерживался избранного курса. 25-го, когда подул западный ветер, я довернул на север на 37°52' ю.ш. и 101°10' з.д. и решил идти к берегам острова Пасхи.

Я уверен, что земля, открытая Хуаном Фернандесом, если она только существует, не более как маленький остров, так как пространство между трассами капитана Уоллиса и Бугенвиля и линиями моих маршрутов 1769 и 1774 г. очень невелико.

Отчет о сомнительных открытиях Фернандеса имеется в изданном Дальримплем сборнике путешествий в южных морях. Этот джентльмен помещает остров Хуана Фернандеса на 90° з.д., что мне представляется невероятным, Бугенвиль следовал вдоль 90-го меридиана, а я посетил часть южного моря между 94 и 101-м меридианами, и оба мы не обнаружили этого острова. Восточнее 90° з.д. остров находиться не может, ибо в таком случае он лежал бы на оживленном морском пути из Северной Америки в Южную. **[212]**

Пенгре в небольшом трактате, посвященном наблюдениям над прохождением диска Венеры, вышедшем в свет в 1768 г., упоминает о земле, открытой испанцами в 1714 г. на 36°8' ю.ш. в 550 лигах от чилийского берега, т.е. на 110 или 111-м градусах з.д., но я на «Индеворе» шел вблизи этих мест и острова не обнаружил. Земля, о которой идет речь, может находиться лишь между 106 и 108-м меридианами, и в этом случае она не может быть велика. На несколько дней меня приковала к постели болезнь, и мои обязанности исполнял первый помощник Купер. Исключительные заботы проявил обо мне наш лекарь Паттен. Для того, чтобы подкрепить мои силы, он принес мне в жертву собаку Форстера, которую он очень любил. Мы не имели ни куска свежего мяса, а чтобы поставить меня на

ноги, Паттен кормил меня бульоном из собачины. Вероятно, многие европейцы заболели бы от такой пищи, но мне она пошла на пользу; воистину не законы, а необходимость правит миром.

28 февраля, понедельник. На 33°7' ю.ш. и 112°33' з.д. появились летучие рыбы и птицы, которые, как говорят, не отлетают дальше 60—80 лиг от берега. Впрочем, я склонен сомневаться в справедливости этих слухов и предположений. Образа жизни этих птиц никто толком не знает, и трудно поэтому судить по их появлению о близости земли. На 30°30' ю.ш. мы увидели фрегатов.

3 марта, четверг. На 39°41' ю.ш. и 100°45' з.д. попали в штиль, который продолжался два дня. В течение этих двух дней экипаж буквально изнывал от нестерпимой жары. Следует отметить, что мы наблюдали во время штиля волнение от юго-западных румбов.

6 марта, воскресенье. Штиль сменился сильным ветром, и мы взяли курс на северо-запад и шли в этом направлении до полудня 8 марта.

8 марта, вторник. В полдень на 27°4' ю.ш. и 103°58' з.д. повернули на запад. Все время нам встречались тропические птицы. Мимо корабля проплыли обрывки морских губок и сухие стебли какой-то травы. Видели также морскую змею. Рыбы мы видели много, но удалось выловить лишь четыре штуки, правда, крупных. Этот улов обрадовал всех и особенно меня, так как свежая рыба была необходима для того, чтобы восстановить мои силы после перенесенной болезни.

Глава седьмая

Пребывание на острове Пасхи. — Путешествие в глубь страны. — Описание удивительных гигантских статуй

В 8 часов утра 11 марта с грот-мачты была замечена на западе земля. В полдень мы приблизились к ней и оказались на расстоянии около 12 лиг от берега. Я не сомневался, что передо мной был остров Пасхи, или земля Дейвиса, так как ее

положение совпадало с данными, приведенными в записках Вафера [84]. Однако я не увидел низкого песчаного островка, который, по словам Дейвиса, лежит у берегов открытой им земли.

В 7 часов вечера мы были в 5 милях от острова и попытались определить глубину моря, но линь, вытравленный на 140 фатомов, не достиг дна.

12 марта, суббота. Всю ночь удерживался штиль, и лишь в 10 часов утра 12-го подул свежий ветер. Прибавив паруса, я пошел прямо к берегу. В подзорную трубу увидел на берегу людей и колоссальные статуи, описанные авторами «Путешествия Роггевена». В 4 часа дня были в 2 1/2 лигах от северо-восточной оконечности острова. До рассвета лавировали короткими галсами у берега.

13 марта, воскресенье. Ветер дул прямо на юго-восточный берег острова, где нет удобных мест для якорной стоянки. Я решил обойти остров и прошел мимо южного мыса, перед которым лежат два небольших островка: один гористый, другой низкий и плоский. Обогнув мыс, я увидел песчаный берег. **[214]**

Здесь нас встретило каное, в котором сидело двое туземцев. Они привезли нам связку бананов и вернулись к берегу. Этот поступок островитян внушил нам мысль, что туземцы здесь гостеприимны, а следовательно, можно будет без труда получить от них припасы, в которых мы испытывали острую нужду.

Я продолжал плавание вдоль берега и дошел до северной оконечности острова, но не нашел удобной для якорной стоянки бухты. Пришлось возвратиться к югу и подвергнуть зондировке полосу моря вдоль берега. На песчаном берегу, о котором я уже упоминал выше, мы бросили якорь на глубине 36 фатомов.

В шлюпку, которая была послана для рекогносцировки, сел один туземец. Он перешел затем на борт «Резолюшн» и пробыл два дня на корабле. Как только островитянин вступил на судно,

он принялся измерять расстояние от кормы до носа. Туземец вел счет на языке, сходном с таитянским. Однако никто из нас не мог понять этого островитянина, когда он вступал с нами в беседу.

14 марта, понедельник. Утром я высадился с группой офицеров на берег, где нас с нетерпением уже ожидала толпа туземцев. Многие из них поплыли навстречу шлюпке и встретили нас в море на довольно значительном расстоянии от берега. Туземцы не имели при себе оружия. Я роздал им различные безделушки и попросил, чтобы они принесли что-либо съедобное. Островитяне тотчас привезли нам картофель, бананы и сахарный тростник в обмен на гвозди, зеркала и ткани.

Мы вскоре убедились, что туземцы опытные и искусные воры. С трудом удалось нам отстоять наши шляпы от посягательств островитян. В карманы они залезали самым беззастенчивым образом и вытаскивали даже те вещи, которые мы у них приобретали. Одни и те же предметы они, таким образом, продавали нам до два или по три раза и, в конце концов, присваивали их себе.

Перед отплытием из Англии я слышал, что в 1769 г. одно испанское судно посетило этот остров [85]. Свидетельства недавнего пребывания европейцев мы видели на каждом шагу. Один туземец щеголял в хорошей широкополой европейской шляпе, а другой — в куртке; у третьего был красный шелковый платок. Им было хорошо известно действие мушкетов, они боялись их, вероятно, еще со времен Роггевена, который (как мы знаем из описания **[215]** его путешествия) запечатлел в памяти островитян смертоносный эффект огнестрельного оружия.

Остров кажется бесплодным и безлесным. Однако картофельные поля, насаждения сахарного тростника и бананов здесь имеются. Попадалась нам домашняя птица. У нас все запасы иссякли, и поэтому я решил остаться здесь несколько дней, приобрести необходимые съестные припасы и взять пресную воду.

15 марта, вторник. Я еще не достаточно оправился после болезни и передвигался с трудом. Поэтому я вынужден был остаться на берегу и послал в глубь острова Пиккерсгила с группой офицеров и матросов.

На берегу завязалась оживленная и небезвыгодная для нас торговля. Островитяне принесли нам много картофеля, который они на наших глазах выкапывали в соседнем поле. Все шло хорошо, пока не явились владельцы **[216]** (так я предполагаю) этого поля и не разогнали предприимчивых торговцев. Мы решили, что туземцы, у которых скрупулезные представления о правах собственности отсутствовали, осчастливили нас краденым добром. Они, не обременяя свою совесть, воруют все, что плохо лежит и у чужих и у своих, и проделывают это с изумительным мастерством.

В 10 часов вечера вернулся с нашими людьми Пиккерсгил. Они отправились в 9 часов утра в глубь острова, сопровождаемые огромной толпой туземцев. Островитяне окружили наших моряков со всех сторон и невольно мешали их продвижению. Вскоре, однако, появился туземец средних лет, разрисованный с ног до головы, с лицом вымазанным белой краской, и, потрясая копьем, заставил своих соплеменников расступиться и дать дорогу нашим путешественникам. Сам он, насадив на копье кусок белой ткани, двинулся впереди, указывая путь.

Вероятно, белый вымпел был эмблемой мира. Местность вдоль дороги была пустынная и безрадостная, выжженная солнцем и усеянная камнями. Лишь в некоторых местах видны были клочки возделанной земли — картофельные поля и небольшие насаждения бананов, но плодов на них не было.

У южной оконечности острова, среди скал и камней, кое-где заметны были ложбины с более плодородной, чем в других местах красной почвой. Там росла высокая и сочная трава. Но в этой наиболее высокой части острова не было полей и хижин.

На восточном берегу моряки увидели остатки трех каменных платформ и на этих платформах гигантские, высеченные из камня статуи. Статуй было четыре. Три из них были повержены и при падении разбились на отдельные куски, одна осталась в

вертикальном положении. М-р Уолс измерил эту статую. Высота ее оказалась 15 футов, ширина в плечах около 6 футов.

Головы статуй были украшены огромными каменными цилиндрами красного цвета. Один из цилиндров, и притом не самый большой, имел высоту в 52 дюйма при диаметре в 66 дюймов. На этом цилиндре в верхней части была сделана глубокая выемка. Подобного рода искусственные углубления отсутствовали на других цилиндрах.

Далее путешественники, которых по-прежнему вел туземец с белым флагом, направились на северо-восток, **[217]** следуя вдоль берега. На протяжении первых трех миль они шли по бесплодным, каменистым землям. Местами они находили обломки горной породы, напоминающей по внешнему облику низкосортную железную руду. Вскоре они вступили в самую плодородную часть острова: на полях рос картофель, бананы, сахарный тростник и почти совсем не было камней. Вода, однако, здесь оказалась прескверной. Путники прошли мимо туземных хижин. Обитатели этих хижин, выстроившись цепочкой вдоль дороги, поднесли каждому из гостей печеный картофель и стебли сахарного тростника. Пока одни угощали путешественников, другие, не теряя времени, приложили руки к походным сумкам гостей. Во избежание неприятностей пришлось выстрелить мелкой дробью по одному, наиболее предприимчивому туземцу.

Дробь угодила ему в спину. Он бросил похищенную сумку, отбежал в сторону и упал, но вскоре поднялся и пошел дальше. При звуках выстрела туземцы сбились в кучу, чинное шествие нарушилось. Островитянин-проводник сделал все возможное, чтобы восстановить мир и согласие, и путники, спустя несколько минут, тронулись в дорогу.

Через некоторое время на вершине одного из холмов, близ тропы, показалась толпа вооруженных копьями туземцев. Они, однако, рассеялись, как только островитянин с белым флагом обратился к ним с непонятным для путешественников призывом.

На холме осталось лишь несколько человек и среди них статный и рослый туземец с мужественным, открытым выражением лица; его лицо было разрисовано, тело татуировано. Одет он был лучше всех других островитян. Спустившись с холма, он приветствовал гостей, высоко подняв руки. Этому человеку, очевидно главному вождю обитателей острова, проводник передал свой белый флаг. Вождь, в свою очередь, вручил флаг другому туземцу, который сопровождал группу моряков до самого вечера.

На восточном берегу острова было много гигантских статуй. Целые группы таких идолов возвышались на каменных платформах — пьедесталах, некоторые же одинокие статуи, особенно значительных размеров, стояли прямо на земле.

Одна из них имела в высоту 27 футов при ширине в плечах около 8 футов. В тени ее в исходе второго **[218]** часа пополудни свободно могло укрыться тридцать человек.

На высочайшем из холмов, с которого открывался вид на весь остров, Уолс нашел несколько цилиндров, подобных тем, что украшают головы статуй, но, пожалуй, еще более широких.

Уолс полагает, что где-то на вершине холма в свое время были каменоломни, откуда огромные скалы — материал для статуй — скатывались вниз к подножью холма. На мой взгляд, мнение Уолса вполне справедливо.

При осмотре острова мои спутники встретили лишь два-три вида кустарников и трав. Листья и семена одного из растений (туземцы называют его торромедо) напоминают вику. Но стручки торромедо по размеру и вкусу имеют большое сходство с тамариндом [86]. Зерна торромедо неприятны на вкус и, видимо, ядовиты. Кусты торромедо редко бывают выше 6 футов. Древесина у них красноватая, твердая и тяжелая.

В юго-западной части острова растет низкий кустарник с листьями типа ясеневых.

В нескольких местах встречались растения, которые используются на Таити для выделки тканей. Здесь они. однако,

имеют жалкий вид и редко подымаются более чем на 2 1/2 фута над землей. Животных на острове мои спутники не видели, птиц здесь немного.

Глава восьмая

Описание острова Пасхи. — Нравы и обычаи жителей. — Предположения об образе правления и религии. — О гигантских каменных статуях

Остров Пасхи открыт был в апреле 1722 г. голландским адмиралом Роггевеном. Вероятно, берега именно этого острова в 1686 г. видел капитан Дейвис. Если же Дейвис видел другую землю, то как могло случиться, что с тех пор никто из мореплавателей не посетил эту землю вновь. Ведь океан между 80 и 110-м меридианами исследован хорошо, так как сюда нередко заходят корабли, которые курсируют вдоль берегов Южной Америки.

Имея на борту запас пресной воды, я потратил бы несколько дней, чтобы попытаться разыскать низкий песчаный остров Дейвиса, но я должен был спешить к берегам более благодатных островов. Малейшее промедление могло иметь гибельные последствия, так как цинга уже появилась у многих моих спутников.

Европейским народам не имеет, однако, смысла оспаривать друг у друга честь открытия острова Пасхи. На берегах его нет безопасных мест для якорных стоянок, нет леса, нет хорошей пресной воды.

Создавая этот остров, природа не была щедрой. Неимоверные усилия приходится затрачивать туземцам для того, чтобы получить скудный урожай. Поэтому немногочисленное население острова возделывает только строго необходимое для пропитания количество земли, и **[220]** чужестранцам почти не на что рассчитывать при посещении этих берегов.

Здесь культивируют сладкий картофель, ямс, бананы, сахарный тростник и тару. Плоды превосходного качества, картофель же поистине изумительный: лучшего мне никогда не приходилось

видеть. Выращиваются на острове тыквы, но, очевидно, тут их немного. Скорлупа кокосовых орехов ценится туземцами дороже, чем гвозди или ткани.

Петухи и куры встречаются редко. Они малорослы, но мясо их очень вкусно и сочно. Имеются здесь крысы и, вероятно, островитяне едят их, по крайней мере я видел мертвых крыс в руках у одного туземца.

Рыбы у берегов острова водится мало. Остров Пасхи, или Земля Дейвиса, расположен на 27°5'30" ю.ш. и 109°46'20" з.д. Он имеет около 10—12 лиг в окружности. Поверхность острова неровная, холмистая. Наиболее высокие пики видны, при приближении к его берегам, на дистанции в 50—60 лиг.

У южного берега лежат два небольших скалистых островка. Круто подымаются прямо из моря высокие берега северной и восточной оконечности острова.

Южнее вдающегося в море восточного мыса имеется неглубокая бухта. Вероятно, ее посетил в 1722 г. Роггевен. Мы же пришвартовались в другом месте, на западном берегу, в трех милях к северу от южной оконечности острова. Это место, однако, не защищено от западных ветров, а бухта на противоположном берегу открыта восточным.

Из всего сказанного ясно, что кораблям без особой нужды незачем посещать остров Пасхи, если только они не следуют курсом, на котором лежит этот остров.

Но мореплаватели, которые по тем или иным причинам будут заброшены к его берегам, не окажутся в убытке. Жители встречают чужеземцев гостеприимно и охотно продают съестные припасы по исключительно низким ценам. Мы, в частности, приобрели здесь немало картофеля, сахарного тростника и бананов и почти ничего не дали взамен островитянам. Но пополнить запасы пресной воды на острове невозможно. Имеющаяся на берегах его вода мутна и солоновата на вкус. Сами туземцы пьют воду из небольшого источника, что находится близ места нашей якорной стоянки,

но и этот источник доступен для пользования лишь в часы отлива. **[221]**

Туземцев на острове не более 600—700. Женщин мы почти не видели. Вероятно, они где-то скрывались в то время, когда мы гостили на острове. Однако те из них, с которыми мы имели удовольствие познакомиться, держали себя весьма развязно, не вызывая чувства ревности у островитян-мужчин.

По языку, цвету кожи, внешнему облику туземцы острова Пасхи сходны с обитателями лежащих далее к западу островов. Несомненно как те, так и другие одинакового происхождения. Поразительно, что эти племена рассеяны на огромном пространстве океанических островов повсеместно от Новой Зеландии до острова Пасхи, т.е. на расстоянии, равном одной четверти длины земной окружности.

Многие из них имеют представление о родственных племенах, основанное лишь на тех сведениях, что сохранились в древних преданиях. Различия в обычаях и нравах возникли с течением времени и способствовали возникновению новых племенных группировок. Тем не менее вдумчивый наблюдатель всегда заметит черты сходства у туземцев, населяющих острова Южных морей. Туземцы на острове Пасхи физически слабы, я не встречал здесь людей ростом в 6 фут., и более чем сомнительны утверждения авторов «Путешествия Роггевена» о том, что они потомки расы гигантов.

Но обитатели острова проворны, деятельны, черты лица их приятны, они гостеприимны и обходительны о чужеземцами. К воровству же так же склонны, как туземцы на островах Общества.

Татуировка — общераспространенный обычай. Мужчины разрисованы с головы до ног. На теле их красуются одни и те же бесконечно повторяющиеся фигуры. Женщины соблюдают в татуировке большую умеренность. Рисунки наносятся белой и красной краской; последняя изготовляется из листьев торромедо (тамаринда). Одежда у туземцев состоит из кусков ткани или плетеной циновки. Один кусок накидывается сзади, другой — спереди, третий обертывается вокруг бедер.

Но чаще всего они носят лишь небольшой передник — лоскут ткани, протянутый между ног и обоими концами прикрепленный к бечевке, повязанной выше бедер.

Ткани они изготовляют из коры и того же самого растения, которое так распространено на Таити. Но они не **[222]** умеют выделывать крупных кусков материи по таитянскому способу, и поэтому ткани, вывезенные нами с Таити, пользовались у них большим успехом.

Волосы у всех туземцев черные, у женщин они длинные и нередко укладываются в виде короны вокруг головы, у мужчин волосы короткие, бороды коротко подстрижены. Носят они соломенные колпаки, подобно шотландцам, и украшают волосы разноцветными перьями.

В ушах у женщин и мужчин проделаны большие отверстия или, точнее, прорезы нередко до 3 дюймов в длину. Иногда они так уродуют нижнюю часть уха, что кажется, будто мочки у них отрублены.

Уши туземцы украшают белыми перьями и вставляют в отверстия (вероятно, чтобы увеличить их) кольца в виде часовой пружины, изготовленные из какого-то эластичного материала.

Других украшений, кроме костяных амулетов, я у них не видел. Несмотря на миролюбивый нрав, островитяне имеют наступательное оружие — короткие копья и короткие палицы. Копья деревянные, изогнутые, длиной около 6 футов с острым наконечником. Есть у них и вид оружия, подобный новозеландскому пату-пату.

Хижины туземцев малы и убоги. Конструкция их очень проста. В землю на расстоянии 6—8 футов друг от друга втыкаются два ряда кольев. Самые длинные колья помещаются в средней части, где расстояние между обоими рядами наибольшее. Затем сгибают колья противоположных рядов и связывают их вершины. Образуется стрельчатый свод наподобие готической арки. К этому остову привязываются горизонтальные ряды кольев, а затем готовый каркас покрывается листьями

сахарного тростника. Хижина довольно просторна и высока в средней части, но значительно сужается в обоих концах. В это жилище ведет низкое и узкое входное отверстие, через которое едва может протиснуться человек.

Самая большая хижина из всех, которые я видел, была около 60 футов длины и около 8—9 футов высоты в средней части. По концам высота была не более 3—4 футов, а ширина примерно равнялась высоте.

Имеются у туземцев и сводчатые каменные дома с подземными помещениями; но жилища этого типа я не посещал. **[224]**

Единственный род туземной посуды — выдолбленные тыквы. Поэтому они очень ценили скорлупу кокосовых орехов, которые мы им давали. Пищу островитяне готовят, подобно таитянам, в ямах, на раскаленных камнях. Таким образом они пекут, например, бананы. Топливом для них служит солома, сухие стебли сахарного тростника.

Мы видели у берегов острова только три или четыре каноэ. Эти каноэ в длину имеют 18—20 футов. Они очень узки, могут вместить не более четырех человек и непригодны для дальних плаваний. Корма и нос приподняты и украшены резьбой. Мне неясно, откуда берут островитяне лес для постройки каноэ. Во всяком случае, на острове нет материала, пригодного для подобной цели. Допытаться об этом у туземцев было невозможно. Точно так же не удалось нам установить местное название острова Пасхи.

Они именуют его по-разному — Тамареки, Виху, Типи. Последнее название я повторяю со слов нашего таитянина, который объяснялся с островитянами лучше всех нас, хотя сам порой не понимал их языка. Обработанные участки земли размежеваны, но ничем не огорожены, вероятно, потому что на острове нельзя найти материал для сооружения изгородей.

Я не сомневаюсь, что все здешние возделанные поля являются собственностью частных лиц — вождей, подобно тому, как это имеет место и на Таити. Кстати, так же, как и таитяне, туземцы острова Пасхи называют своих вождей арике.

Но я не имею представления о том, каким образом эти вожди управляют народом и как велика их власть и влияние.

Немногим больше я могу сказать и о религии островитян. Я думаю, что ни деды нынешних обитателей острова, жившие здесь в те дни, когда на берега его высадились голландцы, ни современное нам поколение не поклонялось и не поклоняется гигантским статуям. Я склонен предположить, что эти колоссальные каменные изваяния отмечают места погребения определенных племенных или родовых групп. Я видел человеческий скелет, засыпанный камнями у подножья одной статуи.

Платформы-пьедесталы статуй имеют 30—40 футов в длину, 12—16 футов в ширину и обычно 3—4 фута в **[226]** высоту. Впрочем, высота платформ меняется в зависимости от места их расположения: на крутых обрывистых берегах она доходит до 11—12 футов. Платформы сложены из огромных, отлично отесанных камней, и искусству кладки могли бы позавидовать лучшие каменщики Англии. Камни не связаны цементом, но очень плотно пригнаны друг к другу. Боковые степы не вертикальны. Они имеют легкий наклон наподобие наших европейских брустверов.

Все мастерство, заботы и ухищрения строителей не в силах, однако, предохранить эти любопытные сооружения от разрушительного действия всепожирающего времени.

Большинство статуй установлено на эти платформы-пьедесталы. Они изображают человеческие головы и торсы, посаженные на округлую колонну из неотесанного камня. Работа грубая, но неплохая. Нос и подбородок высечены особенно хорошо; но уши непропорционально велики, а в контурах туловища трудно уловить сходство с очертаниями человеческого тела.

Я видел лишь две-три небольшие статуи близ якорной стоянки, но мои спутники утверждают, что камень, из которого высечены статуи, не встречается в пределах острова. Некоторые даже утверждали, что гигантские истуканы изваяны из материала, приготовленного искусственным путем. Во всяком

случае трудно допустить, чтобы нынешние островитяне, которым неизвестны никакие механические приспособления, могли поднять на каменные пьедесталы эти огромные статуи, а затем увенчать их большими каменными цилиндрами. Вероятно, статуи подымались следующим образом. Под верхний конец лежащего на земле изваяния подкладывались камни и, мало-помалу в процессе подъема передвигая камни к основанию статуи и подкладывая все новые и новые опоры, гигантскую глыбу воздвигали на пьедестал. Цилиндры же вкатывали по насыпи или подмосткам и водружали на головы истуканов.

В том же случае, если материалом для статуи служил искусственный состав, работа еще более упрощалась, так как приходилось подымать на значительную высоту лишь каменный цилиндр. Но каким бы способом ни воздвигались эти статуи, для выполнения таких работ следовало затратить много времени и труда и проявить изобретательность и сноровку, — качества, которых лишены **[227]** современные обитатели острова Пасхи, не способные даже предохранить от разрушения основания гигантских статуй.

Они называют статуи разными именами: Готомоара, Марапате, Канаро, Говай-ту-гу, Матта-матта и т.д., — и к каждому из этих имен прибавляют приставку «мой» и иногда окончание «арике» (вождь). Если не ошибаюсь, слово «мой» на их языке означает место погребения или помещение для сна.

Помимо многочисленных статуй, мои спутники во многих местах встречали небольшие каменные насыпи. Наверху всегда лежали два или три белых камня. Несомненно, что это искусственные сооружения; возможно, что они, как и статуи, отмечают места древних могил.

Орудия туземцев грубы и делаются, как и на других островах, из камня, кости, раковин и т.п. Железа и железных орудий туземцы не ценят, и это очень странно, так как употребление его островитянам известно. Возможно, что так происходит потому, что они не часто испытывают нужду в железных орудиях [87].

Глава девятая

Переход от острова Пасхи к Маркизским островам. — Пребывание в бухта Мадре-де-Дьос (бухта «Резолюшн») на острове Санта-Кристина

Остров Пасхи я покинул 16 марта и взял курс на северо-запад с тем, чтобы посетить Маркизские острова. Желчная горячка снова одолела меня, на этот раз не в такой жестокой форме. Я думаю, что приступ болезни вызван был моими прогулками на острове Пасхи.

6 апреля, среда. На 9°20' ю.ш. и 138°14' з.д. в 4 часа дня на юго-западе показались на расстоянии 9 лиг берега острова. Двумя часами позже увидели на юго-юго-западе еще один остров, более значительный.

Я направился к этому острову, но не решился приблизиться к его берегам, так как уже стемнело, и с моря дул сильный, порывистый ветер.

7 апреля, четверг. В 6 часов утра первый остров был от нас на северо-западе, второй на юго-западе, и, кроме того, я заметил на западе еще один. Я пошел к проливу, разделяющему два последних острова, и вскоре увидел далее к западу четвертый остров. Теперь уже не оставалось сомнения в том, что я нахожусь в виду Маркизских островов, открытых Менданьей в 1595 г.

Первый остров я назвал островом Худа в честь мидшипмена, который заметил его раньше всех на корабле. Остальные острова были соответственно: Сан-Педро, Доминика и Санта-Кристина. **[229]**

Мы прошли мимо Доминики и не увидели ни одного подходящего места для якорной стоянки. Затем направились к Санта-Кристине в поисках гавани Менданьи на юго-западном берегу этого острова. Вскоре мы, минуя подводные камни, лежащие с подветренной стороны, вошли в большую бухту и бросили якорь на глубине 34 фатомов.

30—40 туземцев на десяти каное приблизились к кораблю. С большим трудом убедили мы их пристать к борту судна. Завязалась бойкая торговля, в ход пошли мелкие гвозди, и матросы с жадностью набросились на плоды хлебного дерева, фрукты и рыбу. Мы заметили, что каждый туземец был вооружен пращой, и в каное был солидный запас увесистых камней.

8 апреля, пятница. Снова нас посетили туземцы. Они привезли плоды хлебного дерева, бананы и свинью. Нельзя сказать, что торговали они с нами честно. Не раз случалось, что, получая от нас товар, они не давали взамен ничего. Пришлось выстрелить в воздух, поверх головы одного туземца, который проявлял особую склонность к коммерческим операциям подобного рода.

После этого островитяне стали вести себя благопристойнее, и через некоторое время несколько туземцев поднялись на борт.

Я решил отправиться на поиски более удобной стоянки и перед тем, как сесть в шлюпку, предупредил офицеров, чтобы они наблюдали за туземцами. Не успел я войти в шлюпку, как островитяне похитили железную стойку со шкафута и спрыгнули за борт. Я приказал дать выстрел поверх каное, к которому подплыли воры, и погнался за ними на шлюпке.

К несчастью, один из похитителей был убит наповал, Двое его спутников прыгнули из каное в воду, но затем снова вошли в лодку и выбросили в море украденную стойку.

С истерическим смехом сидящий в каное туземец вычерпывал воду и кровь. Его спутник, мальчик лет 15, скорбно глядел на бездыханное тело, лежащее в каное. Впоследствии мы узнали, что убитый был отцом юноши.

После этого прискорбного случая туземцы поспешно удалились от корабля. Я последовал за ними в бухту, перехватил по дороге каное с туземцами и одарил их гвоздями и безделушками. Это, в известной мере, **[230]** способствовало успокоению встревоженных и напуганных островитян.

Осмотрев бухту, я нашел пресную воду, а в ней мы испытывали наибольшую нужду и, возвратившись на судно, приказал верповаться к берегу.

Мы думали, что туземцы не окажутся нечувствительными к действию огнестрельного оружия и что нам больше уже не придется прибегать к нему впредь. Но лишь только шлюпка завезла верп, двое островитян устремились к бую и начали вытягивать его, не видя, к чему он прикреплен.

Я приказал открыть по туземцам огонь. Пули не долетели до них, и они, как ни в чем не бывало, продолжали свою работу. Только после второго выстрела они бросили буй и устремились к берегу. В дальнейшем нам уже не приходилось применять огнестрельного оружия. Дальнобойность наших мушкетов испугала туземцев куда больше, чем гибель их соплеменников.

Мир с туземцами установился после того, как на борт прибыл один из местных вождей. Он привез большую свинью и получил топор и разные безделушки. Наш теплый прием способствовал восстановлению дружеских отношений. Туземные каное окружили корабль, и меновой торг снова возобновился.

9 апреля, суббота. Рано утром я отправил людей за пресной водой и спустя некоторое время с отрядом вооруженных матросов съехал на берег. Сперва туземцы держались поодаль, но затем приблизились к нам. Завязалась оживленная торговля. В полдень явился ко мне один из вождей, окруженный значительной свитой, и подарил мне часть своих украшений. После обеда, отправив на берег партии для закупки съестных припасов и набора воды, я поехал на южную оконечность острова, приобрел там пять свиней и посетил хижину убитого вчера туземца. Вероятно, он был человек знатный, потому что возле дома я увидел шесть свиней, принадлежащих покойному.

Сын убитого убежал при нашем приближении. Я сожалел об этом, так как хотел вручить ему ценный подарок и убедить юношу, что отец его был убит не преднамеренно. Оставить же подарок в хижине не имело смысла, так как он был бы

немедленно похищен другими туземцами. В таких случаях на честность островитян полагаться нельзя. Утром я наблюдал, например, такой случай. **[231]**

Двое туземцев привезли в каное свинью. Я взял ее в обмен на шестидюймовый гвоздь. Гвоздь должен был передать владельцу свиньи другой туземец, который сидел ближе к борту каное. Он, однако, ухитрился подменить большой гвоздь малым. Завязалась перебранка. Конца этой истории я не знаю, так как вынужден был покинуть туземцев и заняться другими делами. К вечеру было заготовлено много припасов. День был поистине удачным.

11 апреля, понедельник. Утром я с прискорбием убедился, что цены на местном рынке невероятно возросли. На гвозди туземцы вообще не желали смотреть, а за более ценные металлические изделия давали в десять раз меньше, чем вчера.

Оказалось, что один мидшипмен выменял у островитян свинью на красные перья, которые некоторые из нас приобрели на острове Амстердам. Никто не подозревал, что перья эти здесь так целят. Во всяком случае, торговля наша была подорвана, и мы лишились возможности надлежащим образом пополнить запасы. На корабле было, однако, уже достаточно воды, дров и съестных припасов для перехода к островам Общества.

19 недель беспрерывно находились мы в море, употребляя солонину, и тем не менее только один больной был на борту «Резолюшн» и несколько человек жаловались на легкое недомогание. Я приписываю это применению противоцинготных средств, заботам и настойчивости нашего лекаря.

Глава десятая

«Резолюшн» покидает Маркизские острова. — Описание Маркизских островов. — Их географическое положение. — Размеры, форма и внешний вид различных островов этой группы. — Обитатели Маркизских островов. — Их обычаи, одежда, жилища, пища, оружие и каное.

В 3 часа дня 11 апреля мы подняли якорь и направились к востоку для того, чтобы по пути осмотреть западный берег острова Доминики.

12 апреля, вторник. Утром приблизились к юго-западной оконечности Доминики, откуда берег резко поворачивает к северо-востоку. Вероятно, тут нет удобных мест для якорных стоянок, так как все побережье открыто восточным ветрам.

В 5 часов дня, пройдя в 5 лигах к северо-западу от острова Магдалена, я лег на юго-юго-запад и направился к берегам Таити.

Группа Маркизских островов была открыта испанским мореплавателем Менданьей, который и дал ей сохранившееся и поныне наименование.

Описание, приведенное у Дальримпля в «Сборнике путешествий в южных морях», дает лишь представление о географическом положении этих островов, да и то неверное. Я посетил Маркизские острова для того, чтобы пополнить сведения о них и по пути уточнить, положение других земель, открытых Менданьей.

Маркизский архипелаг состоит из островов Магдалены. Доминики, Санта-Кристины, Сан-Педро и острова Худ. Последний — самый северный в группе — расположен на **[233]** 9°26' ю.ш. и 13° з.д., в 5 лигах от восточной оконечности наиболее крупного острова Доминики.

Доминика находится на 9°44'31" ю.ш. ив окружности имеет 15—16 лиг. Форма этого острова неправильная, протяженность его (с востока на запад) около 6 лиг. Доминика — гористый остров. Покрытые лесом цепи гор разделены глубокими долинами. На вид этот остров кажется бесплодным, но тем не менее он обитаем.

Сан-Педро в окружности имеет около трех лиг. Он расположен в 4 1/2 лигах от восточной оконечности Доминики. Обитаем ли он, я не знаю. Во всяком случае, природа не была к нему слишком благосклонна.

Остров Санта-Кристина лежит на той же параллели в 4 лигах к западу от Сан-Педро. Он протягивается с севера на юг на 9 миль, имея в окружности около 7 лиг. Узкая цепь высоких холмов простирается вдоль всего острова. Другие боковые цепи, постепенно снижаясь, доходят до морского берега. Горы прорезаны глубокими плодородными долинами, в которых растут фруктовые деревья и струятся ручьи с великолепной водой.

Остров Магдалены расположен на 10°25' ю.ш. и 138°50' з.д. Я видел лишь издали его берега.

Залив Мадре-де-Дьос (Богоматери), который я назвал бухтой Резолюшн, врезывается в западный берег Санта-Кристины на 9°55'30" ю.ш. и 139°8'40" з.д. Бухта, которая носит наименование Гавани Менданьи, расположена рядом. Имеется много других бухт на этой стороне острова. Самая северная из них наиболее пригодна для якорной стоянки. На берегу ее есть источник, о котором упоминает пилот Менданьи — Кирос.

Растительность и животный мир на Санта-Кристине представлены теми же видами, что и на Таити. Здесь встречаются бананы, ямс, хлебное дерево, кокосовые пальмы, на острове много свиней и кур.

Все без исключения обитатели этих островов самые красивые люди южных морей. Ни один народ не может похвалиться таким пропорциональным телосложением и столь тонкими и правильными чертами лица.

Сходство их языка с языком Таити и островов Общества свидетельствует, что они принадлежат к одному народу.

Ойдиде беседовал с ними довольно свободно, но мы их не понимали, хотя чувствовали, что их язык близок к таитянскому. **[236]**

Мужчины татуированы с головы до ног различными, порою сложными, узорами. Характер татуировки зависит от фантазии островитян более, чем от местных традиций. Из-за густой татуировки у мужчин кожа кажется темной. Но женщины слабо

татуированы, а юноши и дети, совсем не имеющие татуировки, цветом кожи напоминают европейцев. Туземцы, как правило, высоки (от 5 футов 10 дюймов до 6 футов ростом) и стройны, толстяков, подобных таитянским старейшинам, здесь нет, но я не видел и тощих людей. Зубы их не так хороши, как у таитян, и глаза у них не такие большие и не такие живые, как у других островитян. Так же, как и у европейцев, волосы у них бывают различного цвета, только рыжих я не встречал. Волосы обычно выстрижены на темени и подобраны венчиком вокруг головы, образуя нечто вроде короны. Бороды чаще всего довольно длинные. Иногда их расчесывают двумя пучками. Встречаются и бритые островитяне.

Одежды и способ их изготовления такие же, как и на Таити, но ткани по качеству уступают таитянским. Мужчины носят только повязку вокруг бедер, которая так же, как у таитян, называется марра. Этот кусок ткани, обернутый вокруг бедер и пропущенный между ногами, — простая одежда, отвечающая условиям климата и скромным требованиям местных жителей. Женские одеяния состоят из куска материи, скроенного наподобие короткой юбки и из платка, накинутого на плечи.

Главный головной убор островитян — широкий венец из искусно сплетенных волокон кокосового ореха. Спереди этот венец скреплен жемчужиной-раковиной, величиной с чайное блюдце; над ней — просверленный в нескольких местах обломок черепашьего панциря, в центре которого помещена круглая раковина размером в полукроновую монету; в свою очередь, эта раковина украшена небольшим, величиной с шиллинг, осколком черепашьего панциря. В венец вставляются разноцветные перья. Туземцы носят ожерелья из легкого дерева, украшенные красными горошинами. Нередко они привязывают к ногам и рукам небольшие пучки человеческих волос или птичьих перьев. Впрочем, весь этот набор украшений носят лишь немногие. Серег я у туземцев не видел, хотя почти у всех уши проткнуты.

Жилища островитян располагаются, обычно, в долинах или на склонах холмов близ полей и садов. По **[238]** конструкции хижины ничем не отличаются от таитянских, но кажутся

беднее. Кроются они листьями хлебного дерева и имеют квадратную или прямоугольную форму. Часто хижины воздвигаются на каменных фундаментах. Перед домами я нередко встречал небольшие помосты, сложенные из камня.

Свиней и кур они жарят на раскаленных камнях, в ямах, как и таитяне; плоды пекут, затем очищают с них кожуру и размачивают в воде. Я видел, как туземцы клали очищенные плоды и коренья в корыто, из которого ели свиньи, а затем, как ни т чем не бывало, стали из этого корыта есть сами. Мои замечания вызвали у них лишь недоуменный смех. Впрочем, я не знаю, всегда ли они приготовляют пищу так грязно. Единичные наблюдения недостаточны для того, чтобы судить об обычаях всего народа.

Я не мог установить, едят ли мужчины вместе с женщинами, так как почти не встречался с туземными женщинами.

Мне кажется, что на острове Санта-Кристина имеются на вершинах холмов укрепленные убежища. По крайней мере нечто в этом роде я видел, рассматривая в подзорную трубу внутреннюю часть острова. Быть может, эти сооружения предназначены и для иных целей — трудно допустить, чтобы мирные и покорные островитяне сооружали цитадели и крепости.

Туземцы имеют палицы и копья наподобие таитянских, но изготовленные более искусно. У них есть пращи, из которых можно метать камни на большое расстояние. Однако меткость стрельбы оставляет желать лучшего.

Каное делаются из мягкого дерева и древесной коры. Длина их 16—20 футов, ширина около 3 футов. Корма выше и острее носа. Эти части каное выдалбливаются из двух крупных древесных стволов. На носу вырезывается грубое подобие человеческого лица. Каное приводятся в движение веслами. На некоторых укрепляются латинские паруса из пальмовых матов.

Живописный мир на острове Санта-Кристина беден. Из четвероногих я видел только свиней, из домашних птиц — только кур. В рощах много маленьких певчих тропических птиц

с ярким оперением. Чтобы не беспокоить островитян, я запрещал своим людям стрелять по этим птицам.

Глава одиннадцатая

Острова, открытые на пути от Маркизских островов к Таити. — Смотр таитянского флота

Мы шли при восточном ветре на юго-запад, до 17 апреля не встретив ничего достойного упоминания. Утром 17-го увидели на северо-западе землю. Приблизившись, установили, что то было кольцо низких коралловых островов и рифов, протяженностью около 4 лиг.

Следуя вдоль северо-западного берега, мы обнаружили узкий залив или пролив, казалось, соединяющий внутреннее озеро с морем. Я отправил штурмана на шлюпке к берегу для промера глубин. Возвратившись, он сообщил мне, что в озеро нельзя войти, так как пролив, широкий и глубокий у входа, сужается и мелеет по мере продвижения к озеру и усеян рифами. На берегу показались вооруженные копьями туземцы. Желая вступить с ними в переговоры, я направил на двух шлюпках команду матросов во главе с лейтенантом Купером. К десанту присоединился также Форстер, который пожелал, воспользовавшись случаем, собрать по пути растения.

Мы видели, как они высадились, не встречая сопротивления со стороны немногих собравшихся на берегу туземцев. Однако вскоре мы заметили, что на берег вышло 40—50 вооруженных туземцев, и решили подойти ближе, чтобы быть готовыми поддержать наших людей в случае, если на них будет произведено нападение. Но ничего **[240]** подобного не случилось. Через некоторое время шлюпки вернулись, и Купер сообщил мне, что при высадке его встретило на берегу мало туземцев, но он заметил много вооруженных воинов, спрятавшихся в ближнем лесу. Подарки туземцы приняли очень холодно, и этим дали понять, что мы нежелательные гости. Когда появилось на берегу вооруженное подкрепление, Купер приказал отчаливать, выполняя мои распоряжения о необходимости любым способом избежать столкновения с туземцами. Когда матросы садились в шлюпки, часть туземцев

выражала желание задержать их на берегу, другие же, напротив, радовались уходу гостей. В конце концов, туземцы дали возможность беспрепятственно отойти от берега. Матросы привезли на борт пять собак — кажется, животных этих на острове много.

Кроме кокосовых орехов (их путем обмена было закуплено две дюжины), иных плодов на острове Купер не видел. Один туземец променял собаку на банан — признак, свидетельствующий, что бананов на острове нет. Этот остров на языке его обитателей называется Тиукеа. Он открыт командором Байроном и расположен на 14°27 1/2' ю.ш. и 144°56' з.д. Туземцы темнее жителей высоких островов, и нравы их более суровы. Быть может, все обитатели низких островов таковы из-за бедности их природы. Тем не менее они принадлежат к той же расе, что и таитяне и островитяне архипелага Общества. Мои спутники отметили, что местные жители статны и хорошо сложены, их кожа татуирована. Почти у всех на коже имеются изображения рыбы — эмблемы их основной профессии — рыболовства.

18 апреля, понедельник. На рассвете достигли берегов другого низкого острова, расположенного в 2 лигах от западной оконечности острова Тиукеа (на 14°37' ю.ш. и 145°10' з.д.). Вероятно, это и есть небольшой архипелаг, которому Байрон дал наименование островов Джорджа. Долгота их, определенная по лунным наблюдениям и сверенная, в дальнейшем, по хронометру на 3°54' разнилась от долготы, исчисленной Байроном, который считал, что эти острова находятся несколько западней. Думаю, что поправка на 4 градуса приложима ко всем долготным определениям земель, открытых Байроном (Кук точно установил долготу островов Джорджа. Определения Байрона ошибочны и отклоняются от истинных на 4°. — *Ред.*). **[241]**

Следуя на юго-запад при слабом восточном ветре, по некоторым признакам и, в частности, по отсутствию волнения на море, я пришел к заключению, что где-то вблизи должна быть земля.

19 апреля, вторник. Утром увидели на западе низкий коралловый остров, расположенный на 15°26' ю.ш. и 146°20' з.д. В длину он имел около 5 лиг, в ширину не более 3. На берегах его я заметил глубокую и хорошо защищенную от ветров бухту.

Вскоре с грот-мачты был замечен на юго-востоке второй остров, к которому мы не могли приблизиться, так как он лежал с подветренной стороны, а вслед за этим показался на юго-западе третий, довольно значительный коралловый остров. В 2 часа дня мы приблизились к его восточному выступу, расположенному на 15°47' ю.ш. и 146°30' з.д.

Остров этот вытянут с западо-северо-запада на восток-юго-восток. В самом широком месте он имеет не больше 2 лиг, при длине в 7 лиг. Во всех отношениях он похож на другие низкие острова, только пояс рифов, окружающих внутреннее озеро, более узок.

Мы шли на расстоянии полумили от северного берега и видели там туземцев, хижины, каное и площадки, на которых островитяне сушат рыбу. По внешнему облику туземцы походили на обитателей острова Тиукеа. Продолжая следовать на запад, открыли еще один, четвертый по счету остров, лежащий в шести лигах к западу от первого.

Всю эту группу, состоящую из четырех островов, я назвал островами Пеллизера в честь моего высокочтимого друга, Хью Пеллизера, главного ревизора флота.

20 апреля, среда. Всю ночь лавировали короткими галсами под одними марселями, а на рассвете обошли южную оконечность третьего острова и отметили на юге сильное волнение, свидетельствующее о том, что мы вышли из вод новооткрытого архипелага. Я взял курс на Таити при свежем восточном ветре.

Я не берусь утверждать, что острова Пеллизера не посещались ранее другими мореплавателями, и, в частности, голландцами. Однако установить, какие именно острова были открыты ранее в этих широтах, невозможно, так как географическое положение их определялось весьма неточно. **[242]**

Следует отметить, что в этой части океана, примерно между 20° и 12° ю.ш., 138°—150° з.д., рассеяно такое количество низких островов, что мореплаватели должны здесь соблюдать величайшие меры предосторожности (Кук имеет в виду архипелаг Туамоту, острова которого рассеяны в Тихом океане на пространстве в 1 млн. кв. км. — *Ред.*).

21 апреля, четверг. Утром увидели горы Таити, а в полдень мыс Венеры был всего лишь в 13 лигах к западу от нас.

22 апреля, пятница. К закату солнца приблизились к берегу, убавив паруса. Всю ночь лавировали в открытом море, а утром вошли в бухту Матаваи и бросили якорь на глубине семи фатомов.

Туземцы немедленно прибыли на борт и на все лады выражали удовлетворение и радость при виде нас.

Я намеревался заняться здесь проверкой корабельных приборов и поэтому первым делом велел перевезти на берег все инструменты и имущество Уолса и разбить для него палатку. Больных на борту не было. Свежая пища, приобретенная на Маркизских островах, оказала на моих спутников животворное действие.

23 апреля, суббота. Туземцы, наши добрые друзья, привезли такое количество плодов и рыбы, что обеспечили потребности всего экипажа.

24 апреля, воскресенье. Нас посетил король Оту в сопровождении нескольких вождей и большой свиты. Понимая, насколько важно для моих целей сохранить дружбу с Оту, я выехал ему навстречу, приветствовал короля на берегу и проводил его на борт, где вручил ему богатые подарки. Оту в свою очередь передал мне дюжину больших свиней и много корзин с фруктами.

25 апреля, понедельник. Несмотря на грозу и проливной дождь, Оту нанес мне снова визит. Пошли в ход те красные перья, которые причинили нам такой вред на Маркизских островах. Когда приближенные короля узнали, что у нас есть красные

перья, они предприняли все, что было в их силах, чтобы приобрести это сокровище, и буквально завалили нас свиньями и плодами. Все это было как нельзя более кстати, так как мои запасы гвоздей и бус уже порядком оскудели.

26 апреля, вторник. Утром я отправился с ответным визитом в Опарри. Вблизи королевской резиденции я увидел свыше трехсот каноэ, полностью снаряженных для **[243]** боя. Неожиданное появление этой огромной армады несколько обеспокоило меня и навело на не совсем приятные размышления.

Однако мы высадились на берег. Там толпились туземцы-воины и невооруженные люди. Воины кричали «Тийо но Тоуха!», о стальные потрясали воздух возгласом «Тийо но Оту!» (Тоуха было имя адмирала и командующего флотом). Нас встретил дядя короля Ти, а затем появился и Тоуха. Оба сановника взяли меня за руки и провели через почтительно расступившуюся толпу к обычному месту аудиенции. Здесь Ти усадил меня на циновки и отправился доложить о моем прибытии королю. Между тем Тоуха стал настойчиво просить меня отправиться куда-то вместе с ним. Я не знал этого вождя, и мне неясны были его намерения. Поэтому я не тронулся с места. Появился Ти и выразил желание проводить меня к королю. Но Тоуха резко воспротивился планам Ти, и между ними началась перебранка.

В результате Ти уступил настояниям адмирала, и я вынужден был отправиться в сопровождении Тоухи и его многочисленной свиты к месту, где стоял таитянский флот.

На берегу, возле адмиральского каноэ, шеренги вооруженных туземцев сдерживали натиск огромной толпы. Меня подвели к адмиральскому каноэ, но я категорически отказался переправиться на это каноэ, и Тоуха, видимо, обиженный моим отказом, покинул меня. Ти посоветовал мне возвратиться на «Резолюшн», добавив, что Оту отправился в бухту Матаваи. Я сел в шлюпку и поехал к нашей якорной стоянке. По дороге я подсчитал число каноэ этой огромной флотилии. Тут было 160 двойных каноэ, прекрасно экипированных и вооруженных. Но

я не уверен, что они были полностью укомплектованы воинами и гребцами. Вожди и военачальники были в военных доспехах — широких плащах, тюрбанах, шлемах и нагрудниках. Шлемы поразили меня своими размерами. Вообще эти доспехи скорее были предназначены для парада, чем для битвы. Но они придавали величие и блеск грандиозной эскадре и несомненно наполняли гордостью сердца туземных воителей. Каное были украшены флагами и вымпелами и являли взору зрелище, которое никто из нас не ожидал увидеть в этих морях. Туземные корабли стояли у самого берега, друг возле друга, адмиральское каное находилось в самом центре. **[244]**

Воины были вооружены палицами, копьями и камнями. Помимо военных кораблей, я насчитал не менее 170 двойных каное под парусами. Вероятно, это были транспорты армады. На всех 300 каное было, по моим подсчетам, не менее 7 760 человек.

Эта цифра кажется невероятной, особенно если учесть, что только два округа принимали участие в маневрах таитянского флота; но я исходил при подсчете, что на каждом военном каное было в среднем 40, а на транспортном 8 туземцев.

Тупия говорил мне, что на всем острове насчитывается 6—7 тысяч воинов. Между тем столько же вооруженных туземцев дали для флота только два округа. Очевидно, Тупиа имел в виду только тататоу, т.е. воинов, которых с детства обучали военному делу, и не учитывал гребцов, без помощи которых каное не могут передвигаться. Постоянное войско, разумеется, было меньше, чем все вооруженные силы острова.

Вскоре весь флот вышел из Опарри и проследовал на запад. Прибыв в бухту Матаваи, я узнал, что армада направилась к острову Эймео, вождь которого сбросил таитянское иго и провозгласил свою страну независимой.

Выяснилось, что Оту не появлялся на берегах бухты. Я снова отправился в Опарри и нашел там короля. Он заявил мне, что он не показывался утром, так как боялся, что я буду требовать возмещения за одежду, накануне украденную туземцами у матросов. Несколько раз он спрашивал меня, продолжаю ли я

на него гневаться, и успокоился лишь тогда, когда я заверил его, что прибыл с самыми добрыми намерениями. Вероятно, Тоуха был встревожен по той же причине. Я сожалею, что не принял его приглашения и не посетил его каное. Ведь никогда мне не представится столь удобный случай для ознакомления с морскими силами острова.

Утреннее недоразумение рассеялось бы, если бы меня сопровождал Ойдиде. Дядя же короля Ти, испуганный моим приходом еще больше, чем сам король, только запутал дело. Так или иначе, но все разъяснилось, и, обменявшись подарками с Оту, я вернулся на борт.

Комментарии

81. Это предположение Кука совершенно справедливо: на меридиане Новой Зеландии море Росса глубоко вдается в антарктический материк, и окаймляющий его пояс сплошных льдов отодвигается далеко к югу. Поэтому и плавающие льды встречаются здесь на 10—12 градусов южнее, чем в водах Атлантического океана.

81. *«Земля Девиса»*, подобно острову Пепис, в течение столетия волновала умы географов. В 1686 или 1687 г. пират Девис, плавая у чилийских берегов, отклонился к западу и открыл землю, координаты которой он, однако, не определил. Эту землю тщетно искали различные мореплаватели в XVIII в. По всей вероятности, Девис видел берега острова Пасхи, если только открытие его вообще не было вымыслом.

83. *Острова Хуан Фернандес* — расположены в Тихом океане, на 33°30' ю.ш. и 79—81° з.д. в 565 км от Чилийского берега. Открыты испанскими мореплавателями в XVI в.

На одном из островов жил в 1704—1709 гг. прототип Робинзона Крузо — шотландский матрос Александр Селькирк, высаженный с корсарского корабля. В XVIII в. положение островов было еще установлено неточно, и этим объясняются сомнения Кука в их существовании (при этом Кук говорит не о группе островов, а об одном острове).

84. *Вафер Лионель (1660—1705)* — английский пират, начавший свою карьеру помощником судового лекаря. Бежал с корабля, был участником шайки вестиндских буканьеров (контрабандистов), странствовал в Центральной Америке и долго жил среди индейцев. Впоследствии принимал участие в каперских рейдах английских корсаров. Автор «Нового путешествия», в котором дано было подробное описание индейцев Панамского перешейка.

85. Речь идет об экспедиции Фелипе Гонсалеса (прим. 87).

86. *Тамаринд (Tamarindus indica)* — дерево из семейства бобовых, высотой до 25 м, с перистыми листьями и плодами с темно-бурой вязкой мякотью. Тамаринд широко распространен в тропическом поясе земного шара. Родиной его является Африка.

87. *Остров Пасхи (Рапа-Нуи)*. Остров Пасхи расположен в юго-восточной части Тихого океана на 27°10' ю.ш. и 109°26' з.д., в 3 700 км от берега Чили. Площадь острова 118 кв. км.

С этим одиноким, затерянным в беспредельных просторах южных морей островком вулканического происхождения связаны легенды о народе ваятелей, создателей грандиозных каменных статуй и творцов или хранителей системы иероглифического письма, единственных памятников письменности, когда-либо открытых на островах Тихого океана.

Нигде в пределах Океании не сохранились в таком изобилии воплощенные в камень и дерево свидетельства ушедшей в прошлое культуры, как на острове Пасхи. Здесь, на этом острове-музее, подлинной сокровищнице Южного моря, открыты памятники неоценимого значения, которые, быть может, со временем помогут восстановить отдельные этапы истории народов, населяющих острова южной части Тихого океана.

Остров Пасхи был открыт голландским мореплавателем Якобом Роггевеном 6 апреля 1722 г. В течение последующих 48 лет нога европейца не ступала на берега острова. Лишь в 1770 г.

испанец Фелипе Гонсалес посетил остров Пасхи и объявил его владением испанской короны.

Кук был на острове три с половиной года спустя. Таким образом, всего лишь полстолетия отделяет дату открытия острова Пасхи от времени посещения его Гонсалесом и Куком. Однако при сопоставлении описания Роггевена с материалами дневников испанцев и англичан, невольно кажется, что не 50, а по крайней мере 300 лет минуло в промежуток времени между плаванием Роггевена и путешествиями Гонсалеса и Кука.

Кук, в той главе своих записок, которая посвящена острову Пасхи, рисует безотрадную картину всеобщего запустения: заброшенные поля, печальные и пустынные каменистые берега, жалкие хинины, статуи, поверженные в прах, тронутые разрушительной работой времени.

Примерно в тех же тонах описывает остров французский мореплаватель Лаперуз, посетивший его в 1786 г. И Кук и Форстер не сомневаются в том, что огромные платформы, пьедесталы и каменные колоссы, некогда стоявшие на них, созданы вымершим племенем, значительно более культурным, чем те немногочисленные туземцы, которые населяли остров в дни, когда «Резолюшн» бросил якорь у его берегов.

Но совсем по-иному описывает остров Роггевен и его спутник Беренс. В сухих протокольно-сжатых выдержках из судового дневника Роггевена и в обстоятельных, точных до педантизма, заметках Беренса отмечается, что остров густо заселен, и его почва превосходно возделана. Голландцев изумили возвышающиеся на массивных платформах статуи отличной сохранности. По мнению Беренса, эти грандиозные сооружения целиком соответствовали степени общей культуры обитателей острова.

Когда в конце XIX в. археологи открыли каменоломня на склонах вулкана Рана Рарику, у них создалось впечатление, будто здесь, в этих больших карьерах-мастерских, кипучие работы прекратились внезапно. У незаконченных обтеской каменных глыб в беспорядке валялись рабочие инструменты, многие статуи были закончены целиком. Лишь тонкая

каменная перепонка соединяла их спины со скалой, но эта пуповина, связывающая тела статуй с материнским массивом, так и осталась не обрубленной. Какая-то катастрофа, разразившаяся на острове, быть может, незадолго до появления на нем испанцев и англичан, прервала титаническую работу рапануйских камнетесов.

В памяти туземцев сохранились смутные воспоминания об этой катастрофе. Можно лишь догадываться, что в середине XVIII в. остров стал ареной опустошительной межплеменной усобицы. Несомненно, однако, что еще отцы тех островитян, которых видел Кук, работали в местных каменоломнях. Их имена знали и помнили старики-туземцы еще во второй половине XIX в.

В 1834 г. на острове были открыты деревянные дощечки с иероглифическими письменами. Значение этого открытия было огромно. Расшифровка иероглифов дала бы возможность прочесть подлинные исторические документы жителей Рапа-Нуи. Сделать это в то время было сравнительно не трудно, потому что на острове жили еще туземцы, свободно читавшие эти письмена.

К несчастью, эта исключительная возможность была утрачена... Письмена нашли прибывшие на остров французские миссионеры. Миссионеры, исполненные фанатическим рвением, принялись за уничтожение «языческих» памятников на Рапа-Нуи. Дощечки с письменами были старательно собраны и не менее старательно сожжены. Не ограничившись этими ауто-да-фе, миссионеры сделали все, что было в их силах, чтобы вытравить у своей паствы воспоминания о былых верованиях и традициях, заглушить все отзвуки многовековой культуры в сознании новообращенных.

Европейские ученые, посетившие остров в 80-х годах XIX в., нашли несколько дощечек с письменами. Но они должны были с горечью убедиться, что запуганные миссионерами старики-туземцы — хранители тайны иероглифического письма — уже не в состоянии были оказать им помощь в расшифровке текстов. Следует отметить, что большой вклад в дело расшифровки иероглифического письма обитателей о.

Пасхи внес талантливый, к сожалению, безвременно погибший, советский этнограф Б.Г. Кудрявцев, который пользовался табличками, привезенными некогда в Россию Миклухо-Маклаем.

В результате исследований Томсона (1886), Агасиза (1904) и особенно Кетрин Раутледж (1914) и франко-бельгийской экспедиции, возглавляемой известным этнографом А. Метро, было дано детальное описание памятников острова Пасхи и собран большой этнографический материал.

Черты сходства обитателей Рапа-Нуи с полинезийцами островов Общества и архипелагов Самоа, Дружбы, Паумоту и Токелау отчетливо проявляются и в языке, и во внешнем облике, и в обычаях, и в особенностях материальной культуры. По мнению Раутледж, некоторые признаки свидетельствуют, что современнее население острова произошло в результате смешения двух различных этнических групп — меланезийцев и светлокожих полинезийцев, причем последние явились на остров после того, как там обосновались темнокожие племена, родственные жителям Меланезии.

Исторические связи между Рапа-Нуи и островами Меланезии проявляются в меланезийских мотивах произведений религиозного искусства, и в счете происхождения нынешних обитателей острова Пасхи от «белых» и «черных» предков, и в народных преданиях, которые через века пронесли воспоминания о борьбе светлокожих пришельцев с коренным темноцветным населением острова. В последнее время, однако, Метро, основываясь на своих собственных исследованиях культуры обитателей о. Пасхи, высказал предположение, что ранее меланезийское влияние, быть может, и не имело места. Во всяком случае несомненно, что остров Пасхи был в разные исторические эпохи крайним восточным рубежом двух больших миграционных потоков, очагом которых была юго-восточная Азия.

В эпоху открытия и первых посещений европейцев формы социального уклада Центральной Полинезии господствовали и на острове Пасхи. Однако здесь процессы разложения родового

строя, столь характерные для Таити, проявились куда менее отчетливо. На примитивный характер родовой организации указывают свидетельства о брачных отношениях у островитян. (Здесь не были известны формы парной семьи, которые существовали уже в ту пору в Центральной Полинезии.)

Остров населяло несколько племен, постоянно враждующих между собой. Численность населения была более значительной, чем это указывает Кук. Лаперуз в 1786 г. отмечал, что на острове проживает не менее 2 000 туземцев.

Уровень материального производства на Рапа-Нуи был ниже, чем на островах Центральной Полинезии. Это с очевидностью вытекает из описаний, относящихся к 70—80-м годам XVIII в., но не следует забывать, что в эту эпоху население острова еще не оправилось от последствий тяжёлой катастрофы, о которой упоминалось выше.

На острове обнаружено 460 статуй, из них свыше 200 находится на побережье. Группа колоссальных статуй (высотой до 9 м) была найдена в кратере Рана Рарику, где, вероятно, было главное святилище рапануйцев.

Платформы на берегу острова, на которых некогда стояли увенчанные цилиндрами из розового туфа статуи, носят название «Аху». «Аху» были местами погребения, и Кук правильно предположил, что эти сооружения — памятники заупокойного культа, культа мертвых. По-видимому, близки к истине и остроумные догадки Кука о способе подъема статуй на платформы и цилиндров на статуи. Любопытно, что каменоломни были соединены с побережьем профилированными дорогами, по которым нетрудно было скатывать вниз к морю гигантские статуи.

Дальнейшие судьбы коренного населения острова сложились крайне печально. Со второй половины XIX в., когда остров Пасхи стали часто посещать европейские и американские корабли, идет, прогрессивное уменьшение численности местных жителей. В 1862 г. несколько сот рапануйцев увезли и продали на разработки гуано перуанские работорговцы. Оспа и туберкулез унесли около тысячи туземцев в конце 60-х гг. В

настоящее время сохранилось лишь около 460 рапануйцев по данным на 1937 г. С 1882 г. остров принадлежит Чили. Чилийские скотоводы захватили почти все плодородные земли их острова и обратили их в пастбища. Горсть уцелевших туземцев влачит жалкое существование и в колониальных условиях обречена на медленное вымирание.

Глава двенадцатая

Визиты таитянских вождей. — Кража, учиненная одним из туземцев, и ее последствия

Утром 27 апреля Тоуха прислал мне в подарок две больших свиньи и фрукты. Его слуги отказались принять от меня ответный дар. Вскоре я отправился в Опарри и пригласил к обеду Оту, Тоуху, Ти и младшего брата короля Таревату.

Тоуха внимательно осмотрел «Резолюшн» (ранее он никогда не бывал на корабле) и был поражен размерами судна и его устройством. После обеда он подарил мне еще одну свинью и, не приняв от меня ничего, уехал. За ним последовал и Оту.

Оту не только оказывал знаки видимого уважения адмиралу, но и желал, чтобы и я следовал его примеру. Между тем еще вчера он откровенно признался мне, что Тоуха его недруг.

Оба вождя просили меня принять участие в походе против королевства Тиарабоу. С Тиарабоу лишь недавно был заключен мир; мне даже передавали, будто в союзе с этим королевством Оту собирается выступить против мятежного острова.

Не знаю, каковы были при этом истинные намерения Оту. Во всяком случае, после моего отказа прийти к нему на помощь в осуществлении завоевательных планов, он больше никогда не возвращался к проекту этого союза. **[246]**

28 апреля, четверг. Я получил в подарок свинью от Вахеатоуа, короля Тиарабоу, и послал ему пучок красных перьев. Форстер отправился в экскурсию в глубь острова.

29 апреля, пятница. Сегодня состоялся обмен визитами с Оту и Тоуха. Мне удалось сторицей отплатить адмиралу за его

щедрые дары. Накануне ночью один туземец был схвачен на берегу в тот момент, когда он пытался унести пустую бочку. Вора привели на корабль и заковали в кандалы.

Оту видел узника и просил меня отпустить его на свободу. Я категорически отказался исполнить просьбу короля и сказал ему, что если на «Резолюшн» строго караются матросы, совершившие хотя бы ничтожный поступок по отношению к туземцам, то нет никаких оснований оставлять безнаказанным преступление островитянина, посягнувшего на нашу собственность. Я добавил, что если бы был уверен, что Оту сам накажет вора, я не стал бы судить и карать пойманного злоумышленника. Затем я приказал отправить туземца на берег, где вооруженные матросы в присутствии Оту и всей его свиты привязали вора к столбу. Оту, его сестра и некоторые приближенные короля умоляли меня отпустить узника. Тоуха не проронил ни слова, но внимательно ко всему прислушивался.

Я снова отверг просьбы Оту и привел при этом ряд веских и основательных доводов. Король понял меня, выразил видимое удовлетворение моей аргументацией и пожелал только, чтобы вора не убивали.

Тогда я приказал оттеснить на известное расстояние огромную толпу, которая собралась на берегу, и распорядился дать вору на глазах у всех две дюжины ударов кошкой. Он стойко вытерпел порку и был после этого выпущен на свободу.

Толпа начала уже было расходиться, когда внезапно выступил с получасовой речью Тоуха. Эта речь состояла из наставлений, смысла которых я до конца не понял. Тоуха повторил некоторые мои доводы и перечислил выгоды, которые туземцы получают от нас. Он сурово заклеймил поведение некоторых из них и рекомендовал им в будущем вести себя более достойно. Манеры, интонации, жесты Тоухи, внимание, с которым его все слушали, — все это свидетельствовало о том, что мы видим перед собой подлинно великого оратора. Оту не добавил ничего к речи адмирала. **[247]**

Как только Тоуха кончил говорить, я приказал матросам проделать ружейные приемы, а затем зарядить мушкеты пулями и дать дружный залп. Все это моряки исполнили в мгновение ока и привели в неистовый восторг многочисленных зрителей, которые никогда не видели подобного зрелища.

После этого вожди удалились, вероятно, более напуганные, чем восхищенные искусными маневрами моих матросов.

Вечером вернулся Форстер, который провел ночь в горах. Он принес травы тех же видов, что встречаются в Новой Зеландии. Форстер видел берега острова Хуахейн, лежащего в 40 лигах к западу от Таити. Уже одно это свидетельствует о высоте таитянских гор.

30 апреля, суббота. Видел с десяток военных каное в тот момент, когда они пришвартовывались к берегу. Я был в это время на берегу и попросил м-ра Ходжса зарисовать каное и доспехи воинов.

Я был поражен, когда взял в руки доспехи одного туземца. Своей тяжестью должны они были сковывать все движения воина. Их тюрбаны были не менее увесисты, и, вероятно, предохраняли головы сражающихся от ударов палицей.

3 мая, вторник. Я убедился, что почти все сухари, которые мы оставили на корабле после просушки и сортировки в Новой Зеландии, испортились. Их вновь подвергли длительной сушке под открытым небом, но большую часть пришлось выбросить. Сухари лежали все время в плотно закрывающихся ящиках и хранились в сухом месте. Вероятно, они пришли в негодность во время плавания в полярном море, когда трюмы были забиты льдом.

Я вынужден был сохранить рационы и допустить употребление в пищу попорченных сухарей.

7 мая, суббота. Утром посетил Оту и получил от него разрешение на рубку дров. Я обещал Оту, что не трону ни одного фруктового дерева. Вечером вся королевская семья — отец Оту, его брат и три сестры — посетила корабль.

8 мая, воскресенье. В ночь с 7 на 8-е все наши дружественные связи с туземцами оказались прерванными из-за оплошности одного из часовых на берегу. Он или заснул на посту, или куда-либо отлучился, и этим воспользовались туземцы, которые похитили его мушкет. Новость эту мне сообщил Ти, явившийся от имени Оту на борт. Я не **[248]** понял, что именно обеспокоило короля, но само поведение Ти свидетельствовало о том, что стряслось какое-то несчастье. В сопровождении Ти я отправился на берег, где о случившемся мне доложил сержант — начальник караула.

Туземцы были встревожены, большинство укрылось в лесах. Мне не удалось найти Оту, и Ти дал совет вернуться на корабль. Затем я послал Ойдиде найти и успокоить бежавшего короля, но в то же время приказал потребовать, чтобы король вернул мушкет, ибо это было в его власти.

Вскоре из-за мыса Венеры вышло шесть больших каноэ. Люди, посланные мной на разведки в соседний округ, еще раньше донесли, что эти каноэ следуют в бухту Матаваи и что они гружены фруктами и свиньями.

У меня явилось подозрение, что туземцы, сидящие в этих каноэ, причастны к ночной краже; поэтому я решил задержать их. Как только каноэ подошли ближе, три женщины, находившиеся в одном из них, сообщили мне, что Оту ждет меня на берегу. Эта радостная весть заставила меня отменить только что отданный приказ.

Я поехал на берег, но Оту там не нашел. Вернувшись, я распорядился захватить все шесть каноэ, которые уже в тот момент, когда я от берега направился к кораблю, пустились в бегство. Спущенные на воду шлюпки погнались за туземцами. Удалось задержать пять каноэ, и людей с них доставить на борт. В одном каноэ были захвачены: друг Форстера, который всегда требовал, чтобы его титуловали, как вождя, и оскорблялся, если в беседе с ним этот титул опускался, и три женщины (жена и дочь вождя и старая мать покойного короля Тутахи). Я задержал всех пленников и пленниц на борту, а вождя хотел отправить к Оту, полагая, что оба властителя, действуя

совместно, раздобудут мушкет. Кроме того, я был уверен, что Оту и посланный к нему вождь будут заинтересованы в том, чтобы как можно скорее найти мушкет, так как на корабле как заложники оставались их родственники вместе с имуществом.

Вождь не выразил, однако, особого восторга, когда я возложил на него миссию чрезвычайного посла. Он заявил мне, что занимает не столь высокое положение в обществе, чтобы брать на себя выполнение подобного рода поручений. Тут выяснилось, что он всего лишь **[249]** «манахуна», т.е. вождь низшего ранга. По его мнению, вести переговоры с Оту мог только я.

Все эти доводы не помогли бы ему избавиться от поездки к Оту, но на его счастье прибыл Ойдиде, и все дело приняло иной оборот. Ойдиде сообщил, что мушкет украл туземец из Тиарабоу, и что, следовательно, не во власти Оту было вернуть похищенное.

Эта версия, несмотря на видимое правдоподобие, казалась мне все же сомнительной. Я считал, что нельзя карать целое племя за проступок, который может быть не был совершен представителем этого племени, и решил поэтому разобраться во всех обстоятельствах запутанного дела.

Прежде всего я отпустил друга Форстера. Оставалось в плену еще три каное, принадлежащие одному из вождей королевства Тиарабоу — Маритате. Маритата несколько дней тому назад был в наших палатках на берегу, и поэтому я допускал, что подданные, зная расположение лагеря, легко могли похитить мушкет.

Но Ойдиде и Ти в один голос уверили меня, что люди Маритаты невинны, и я решил отпустить последние три каное.

Затем я послал Ти к Оту передать, что я буду требовать возвращения мушкета, пока не узнаю, что похитители не принадлежат к числу подданных Оту. В тот момент мне казалось, что мушкет потерян безвозвратно. Но вечером трое туземцев принесли к палаткам мушкет и некоторые другие вещи, о краже которых я не имел даже представления. Они

объяснили офицерам, что захватили все это, преследуя вора, и клялись, будто вор был из племени Маритаты. Таким образом я упустил возможность наказать этого вождя, отпустив на свободу его людей.

Уже после того, как мушкет был возвращен, явился вооруженный огромной дубиной туземец и заявил нам, что он убил похитителя. Ловко разыгрывая перед нами последний акт фарса, он потребовал соответствующего вознаграждения за свое более чем сомнительное участие в поимке вора. Это был старый мошенник Нуно, известный мне еще по первому путешествию. Туземцы разоблачили претендента на награду, доказав, что Нуно не покидал своей хижины в течение последних двух дней.

9 мая, понедельник. Утром верный посланец Оту, Ти, явился на корабль и сообщил мне, что король вернулся в Опарри и желает убедиться, что дружба между нами **[250]** не нарушена. Я спросил, почему Оту не явился ко мне сам. Ти в ответ пробормотал нечто невразумительное. Я решил отправиться к Оту, так как надо было спешно налаживать прерванные торговые связи. Пришлось далеко идти и засылать послов в то место, где скрывался Оту. Наконец он появился. Мы сели в тени большого дерева, и после первых приветствий король изъявил готовность выслушать меня.

Я начал с горьких упреков по адресу Оту, обвиняя его в недостойном поведении, но затем заверил короля, что не имею причин гневаться на него, так как считаю, что кражу совершили люди из Тиарабоу. Затем он спросил о судьбе каноe, задержанных во время вчерашней смуты. Я ответил, что каноe эти принадлежали Мариате, человеку из Тиарабоу, чьи подданные похитили мушкет и вызвали такой переполох, и добавил, что если бы каноe Мариаты находились сейчас в моих руках, я велел бы уничтожить их все до одного. Эта декларация понравилась Оту, так как он не питал дружественных чувств ни к королю, ни к обитателям Тиарабоу.

Мое красноречие усиливалось подарками, которые, быть может, имели в глазах Оту больший вес, нежели слова. Мир был восстановлен, и Оту обещал прислать нам свиней и фрукты.

Должен отметить, что туземцы всегда готовы были воспользоваться случаем, чтобы обокрасть нас. Правители либо подстрекали их, либо не властны были помешать этому. Вероятнее всего, что вожди содействовали кражам, так как у них злоумышленники находили приют и поддержку. Дерзость воров изумляла меня. Они рисковали жизнью, зная при этом, что я потребую возврата украденной вещи. Весть о краже немедленно распространялась повсеместно.

По тому, как мы реагировали на то или иное происшествие, туземцы судили о ценности похищенного и намечали линию поведения. Они вели себя спокойно, если разносился слух, что похищена вещь, не имеющая особой ценности. Но когда речь шла о крупной краже, провозглашалась всеобщая тревога, и вождь давал распоряжение о бегстве из селений и о запрете сношений с нами. Приказ этот туземцы исполняли с такой стремительностью, что мы часто узнавали о покраже, обнаружив, что берег острова совершенно опустел. **[251]**

Требовали мы возмещения или нет, но в любом случае распоряжение отменялось только после переговоров с вождем, и пока шли переговоры, туземцам не разрешалось торговать с нами.

Вожди, видимо, не понимали, что если бы мы применили силу, их запреты потеряли бы всякий смысл. Ведь каное, хижины и поля туземцев находились в нашей власти, и мы могли взять то, в чем испытывали нужду, не обращая внимания на приказы вождей.

Я никогда не прибегал к таким мерам, если не принимать во внимание эпизод с пятью задержанными каное. Ничтожный подарок вождю всегда способствовал выполнению задачи, которую я ставил перед собой, и нередко после удачных переговоров с ним мои отношения с туземцами становились более дружественными, чем они были до начала конфликта. То обстоятельство, что островитяне неизменно выступали в роли

зачинщиков смуты, не влияло на мое поведение. Мои люди лишь в очень редких случаях позволяли себе нарушать установленные мною правила. Я сомневаюсь, чтобы мог добиться успеха, применяя грубую силу. Три условия способствовали нашей дружбе: их природная отзывчивость и доброта, наше мягкое обращение и страх, который они испытывали перед огнестрельным оружием.

Если бы не соблюдалось второе условие, они скоро ожесточились бы и потеряли свои превосходные душевные качества, а злоупотребление силой оружия пробудило бы у них дух мести. Кроме того, туземцы вскоре поняли бы, что ружья не такая уже страшная вещь, как это кажется на первый взгляд: ведь они имели над нами огромный перевес в численности, и, кто знает, что бы мы предприняли, если бы сознание этого неоценимого преимущества толкнуло их на враждебные действия.

Глава тринадцатая

Подготовка к отплытию. — Еще один смотр таитянского флота. — Описание острова, морских сил таитян. — Замечания о численности населения.

Утром 11 мая мы приобрели много съестных припасов. Не мало было прислано Тоухой, который, как обычно, не принял за врученные предметы вещи никакой платы. Он передал мне через своих слуг, что желает меня видеть у себя. Я не мог принять этого приглашения и послал к нему Ойдиде с богатыми подарками.

Так как наши запасы были пополнены, я решил в ближайшие дни покинуть остров. Все корабельное имущество, которое было на берегу, я приказал свезти на судно, чтобы туземцы могли убедиться в нашем скором отъезде.

13 мая, пятница. С утра дул восточный ветер, погода благоприятствовала отплытию. Но я задержался, так как желал еще раз повидаться с Оту. Кроме того, Ойдиде до сих пор еще находился на берегу, хотя он должен был вернуться 12-го

вечером. До меня дошли какие-то неопределенные слухи о приключениях на суше.

Вечером я отправился в Опарри, нашел там Ойдиде и встретился с Тоухой, который, несмотря на болезнь, покинул свой дом и поспешил в Опарри, чтобы попрощаться со мной. После захода солнца я в сопровождении Ойдиде возвратился на корабль.

Этот юноша склонен был после того, как я сообщил ему, что мы более не посетим берега Таити, остаться на острове. **[253]**

Я имел с Ойдиде задушевную беседу и сказал ему, что не желаю влиять на его окончательное решение. Я выразил готовность отпустить Ойдиде либо здесь, либо на острове Ульетеа и добавил, что если он решит следовать с нашей экспедицией в Англию, то в моем лице найдет покровителя и друга, способного заменить ему на чужбине родного отца. Ойдиде обнял меня, горько зарыдал и признался, что многие убеждают его не ехать с нами и остаться на Таити. Тогда я попросил Ойдиде еще раз посоветоваться с друзьями-туземцами и уже после этого сообщить мне свое решение.

Нужно сказать, что на судне все в один голос уговаривали юношу отправиться в Англию. Ему описывали чудеса, которые он увидит в этой далекой северной стране. Некоторые говорили Ойдиде, что из Англии он вернется на родину богатым, стараясь при этом, применительно к представлениям юного островитянина, изобразить в наиболее ярких красках это грядущее богатство. Я же полагал, что могу с чистой совестью взять с собой Ойдиде только в том случае, если буду уверен в возможности возвращения юноши на родину; ведь лишить его или любого из островитян надежды вновь увидеть берега своей страны было бы жестоко и несправедливо. К сожалению, у меня не было уверенности в этом.

Находились на Таити юноши, которые просили меня, чтобы я взял их в «Притани» (Англию). Оту предлагал дать мне одного или двух туземцев, чтобы они собрали для него красные перья на острове Амстердам, и он готов был даже пойти на риск, что они навсегда останутся за океаном.

Наконец, и некоторые офицеры просили, чтобы я разрешил взять с собой в качестве слуг молодых островитян. На эти просьбы я ответил самым решительным отказом, зная по опыту, что от туземцев в плавании прок невелик. Кроме того, я не хотел взять на себя заботы о их дальнейшей судьбе.

14 мая, суббота. Ойдиде пробыл по моему совету ночь на берегу и сегодня рано утром вернулся на борт с твердым решением остаться на Таити. Форстер убедил его, однако, отправиться с нами на остров Ульетеа.

Вскоре явились наши друзья туземцы во главе с Тоухой. Тоуха прибыл с женой и привез нам подарки. Я щедро одарил его и вручил ему стенные часы. Они **[254]** произвели на Тоуху очень сильное впечатление, особенно после того, как я объяснил ему, как надо ими пользоваться.

Спустя некоторое время после отъезда гостей я заметил на горизонте у мыса Опарри много каное. Желая ближе рассмотреть их, я с группой офицеров отправился на шлюпке к Опарри и прибыл туда как раз в тот момент, когда флотилия подошла к берегу. Мне таким образом удалось наблюдать все маневры эскадры.

Избрав пункт высадки, флотилия разбилась на группы из трех-четырех каное. Внутри каждого подразделения каное следовали в сомкнутом строю. Все группы по общей команде развернулись вдоль берега в одну линию с равными интервалами между собой. Действиями гребцов четко управляли командиры каное, а эскадрой в целом руководил с высоты палубы — помоста центральной лодки человек с длинным жезлом в руке.

Словами и знаками он давал команды, согласно которым эскадра совершала повороты, ускоряла и замедляла свой ход. Все маневры совершались с безукоризненной четкостью. Чувствовалось, что командиры и гребцы имеют большой опыт в делах подобного рода.

Ходже зарисовал общий вид флотилии, и после этого мы высадились на берег и приступили к осмотру каное. Эскадра

состояла из сорока вымпелов и была снаряжена в другом округе. В Опарри она явилась для того, чтобы показаться королю Оту.

Боевые каное сопровождали небольшие двойные лодки, так называемые «марай». По моей просьбе Оту приказал туземным войскам выстроиться в боевые порядки. Войско разделилось на две партии и вступило в «бой». В момент, когда стороны сошлись, были пущены в ход боевые палицы, затем оба отряда перемешались между собой и началась одиночная турнирная борьба, в которой бойцы проявляли изумительное мастерство. Воины были вооружены палицами, копьями и дротиками. Если удары палицей наносились по ногам, обороняющийся легким прыжком вверх уклонялся от встречи с грозным оружием «врага». Прыжками вбок, быстрыми бросками в сторону бойцы предохраняли себя от ударов в голову.

Копья парировались отводом острия вниз, причем обороняющийся делал разворот копьем вправо и ловким приемом прижимал оружие противника к земле. **[255]**

С необыкновенным искусством уклонялись войны и от дротиков. Мне кажется, что обороняющиеся недостаточно активно переходили в наступление, после того как удары противника были уже отпарированы, и не всегда пользовались преимуществами своего положения. Так, например, когда воин уклонялся от пущенного в него дротика, он слишком долго оставался в бездействии и давал неприятелю возможность изготовиться к метанию следующего дротика.

Всю лишнюю одежду бойцы в разгаре боя сбрасывали с себя и сражались друг с другом почти голыми. После окончания военных игр флот отплыл от мыса Опарри, сохраняя строгий порядок.

Оту повел нас к своим верфям, где строились два больших «пахи» (каное). Каждое из них имело 108 фут. в длину. Собственно две строящиеся лодки были половинками огромного двойного «шахи».

Оту получил от меня якорь с веревкой, стенные часы и английскую куртку. Передавая королю подарки, я попросил его, чтобы он назвал уже почти законченное постройкой «пахи» — «Британией». Оту охотно исполнил мою просьбу. Он подарил мне свинью и большую, весом около 50 фунтов, черепаху и приказал тайком уложить их в нашей шлюпке, так как слишком щедрый дар вызвал бы неудовольствие других вождей. Он хотел подарить мне также большую живую акулу, с подрезанным плавником, которую он держал в заводи, но мы потеряли вкус к такой еде после отличной свинины и хорошей рыбы, какой были избалованы на этом острове. Король и его премьер Ти отобедали с нами на «Резолюшн», а затем состоялась торжественная церемония прощания.

Долго упрашивал меня король снова посетить берега Таити, и в последнюю минуту схватил юношу-воина и подвел его ко мне с настойчивой просьбой взять его с собой на остров Амстердам для сбора красных перьев.

Я отказался взять юношу, но заверил короля, что при первой возможности пришлю ему в изобилии красные перья. Этим обещанием Оту был удовлетворен. Но юноша сам проявил желание остаться с нами и с таким пылом стал об этом просить меня, что я едва не внял его мольбам.

Оту оставался в каное под бортом «Резолюшн» до тех пор, пока мы не подняли паруса. Когда он направился **[256]** к берегу, я велел салютовать королю тремя пушечными залпами.

Нас так хорошо принимали на этом острове, что один из канониров решил навсегда остаться здесь. Он разработал мудрый план побега: понимая, что бежать с корабля во время стоянки трудно, канонир решил покинуть «Резолюшн» в момент выхода из бухты. Он был превосходным пловцом и надеялся, выбросившись за борт, добраться до берега вплавь. Но побег был замечен своевременно, когда ему еще не удалось скрыться из виду. За беглецом погнались на шлюпке, он был пойман и доставлен на корабль. При поимке выяснились некоторые дополнительные обстоятельства: оказывается, на помощь беглецу было послано с берега каное, и оно успело уже

пройти почти половину расстояния, которое отделяло канонира от Матаваи; к побегу были причастны, таким образом, и туземцы, и я полагаю, что не кто иной, как Оту, побуждал канонира оставить корабль.

Разобравшись, однако, во всех обстоятельствах этого дела и приняв во внимание известные мне факты, касающиеся личной жизни беглеца, я пришел к заключению, что ничего необыкновенного в его поступке не было.

Канонир был ирландцем по рождению, моряком голландской службы. Я взял его на борт «Индевора» в Батавии и с тех пор он всегда плавал со мной. Этот человек имел друзей и знакомых во всех уголках мира и чувствовал себя, как дома, на любой земле. Ему были сродни все племена и народы земного шара. А где же может человек вести жизнь более счастливую, чем на этих островах. Где найдет он в таком изобилии все, что требуется для безмятежной и роскошной жизни. Где встретит он климат более благодатный, чем на Таити. Быть может, я и отпустил бы его, если бы о своем желании он мне заявил своевременно...

Как только беглец был привезен на борт, я направился дальше, взяв курс к берегам острова Хуахейн, чтобы нанести визит моим старым друзьям-туземцам.

ОПИСАНИЕ ОСТРОВА ТАИТИ

Я уже имел случай отметить, что после моего первого посещения острова таитяне сделали значительные успехи. Не только в Матаваи или Опарри, но в любой другой части **[257]** острова успехи эти были очевидны. Количество каное и домов, построенных за истекшие восемь месяцев, казались просто невероятным.

Несомненно, металлические орудия и инструменты (которые таитяне получили от англичан и других европейцев, посетивших остров на протяжении последних лет) ускорили в значительной степени выполнение этих больших строительных работ. При этом на острове нет нехватки рабочих рук [88].

Другое, что нас поразило на Таити, — это количество свиней. Выше, описывая прошлогоднее посещение Таити, я отметил, что по сравнению с 1769 г. этих животных стало на острове гораздо меньше. Но выводы мои были не вполне справедливы. На самом деле свиней и сейчас на Таити очень много, но туземцы прячут их от взоров европейских гостей. И доказательством этого служит то, что мы не только ели вдоволь свинину во время пребывания на острове, но взяли немалое количество свиней на борт.

Несправедливо обвинял я по первому впечатлению Оту в бездарности. Все то, что сделано на острове, заставляет меня признать свою ошибку. Оту, несомненно, человек способный, и, кроме того, его окружают сведущие советники, доля которых в управлении страной не мала. Правда, мы не знаем, как велика власть самого Оту, как короля, и в какой степени может он повелевать над другими вождями и контролировать их действия. Бесспорно, однако, что все они — и король и вожди — приложили много усилий, чтобы довести остров до такого поистине цветущего состояния.

Мы не сомневаемся, впрочем, что среди знатных людей Таити, как и других государств, имеются раздоры. В самом деле, в глазах короля адмирал Тоуха и вождь Поатату — его тайные враги. И Тоуха и Поатату — сильные и одаренные вожди, и король ревниво относится к ним, как к людям, наделенным большой властью, пользуясь любым случаем, чтобы ограничить их мощь и влияние.

Я имею основания предполагать, что оба эти вождя организовали большой поход против мятежного острова Эймео, собрав очень много судов и людей, и что именно они командовали морскими силами в экспедиции, которая должна была начаться через пять дней спустя после нашего отплытия. **[258]**

Вахеатоуа, король Тиарабоу, послал свой флот на помощь Оту, чтобы подавить восстание на Эймео, и мне говорили, что Оту примет участие в этом походе. Но я сомневаюсь, чтобы удар соединенных сил обоих королевств был направлен против

незначительного племени, населяющего маленький островок Эймео. Конфликты подобного рода улаживаются путем переговоров, но и о переговорах я ровно ничего не слышал во время пребывания на Таити. Наоборот, все, в том числе и Тоуха, говорили мне о предстоящих битвах, и Ойдиде это подтверждал.

Но в таком случае в бою таитяне должны были встретиться с равным им по силе противником; вероятность же такого события сомнительна. Скорее следует предположить, что флот предназначался для береговой охраны. Гак, по крайней мере, случилось 5—6 лет назад, когда в Опарри флот, обороняющий берега королевства, отразил атаку крупной эскадры, снаряженной в Тиарабоу. Тогда Оту был одним из пяти главных командиров флота.

Я остался бы на Таити еще на пять дней, если бы знал, что готовится крупный морской поход. Впрочем, Оту, вероятно, с нетерпением ждал нашего ухода, чтобы снарядить к выходу в море эскадру.

Одно время, правда, Оту просил меня о помощи в своих военных предприятиях, но прекратил об этом разговоры после того, как я выразил желание сопровождать его, в походе против острова Эймео. Очевидно, король решил что опасно иметь дело с силой, которая в любой момент может перевесить в невыгодную для него сторону чашу весов, или же в лучшем случае претендовать на долю военной добычи. Так или иначе, но Оту ждал нашего отплытия, чтобы начать сборы к походу. Из-за этого мы потеряли возможность увидеть таитянский флот в полной боевой готовности. Быть может, нам удалось бы даже быть свидетелями морского боя и составить ясное представление о маневрах и тактике морских сил острова.

Я не знаю, сколько каное участвовало в походе, предпринятом после нашего ухода с берегов Таити. Во всяком случае, Оту имел не менее 210 военных каное и несколько сот транспортов. Численность судов во флоте Тиарабоу мне неизвестна. Также я не знаю, какое количество людей необходимо для укомплектования флота. Когда я спрашивал об этом таитян,

они неизменно отвечали мне: «Много, много, много человек». Возможно, **[259]** что это количество не может быть выражено на языке островитян, так как их познания в арифметике слабы. Если допустить, что на каждом военном судне команда состоит из сорока человек, а транспортные каное управляются четырьмя туземцами (а я считаю, что эти цифры весьма умеренные и скромные), то общая численность людей превысит 9 000 чел. Но поразительнее всего то, что такое количество воинов и гребцов дают всего лишь четыре округа острова (из сорока трех). Королевство Тиарабоу в этот расчет не входит, и, кроме того, по нашим личным наблюдениям, даже не все селения в округах королевства Опарри выделяют людей для флота. По этим же наблюдениям вождь или вожди каждого округа несут интендантские обязанности при снаряжении экспедиции.

Вожди присутствуют на генеральном смотре флота, где они отчитываются за свою деятельность перед королем. Этим путем король может ясно представить себе реальное состояние флота перед тем, как последний будет введен в бой или начнет те или иные маневры.

Если в среднем принять, что каждый из 43 округов может выставить по сорока судов, то общая численность их для всего острова составит 1 720, а количество воинов и гребцов окажется равным 68 тыс. Если предположить, что они составляют треть всех жителей, то нетрудно исчислить и все население Таити, включая женщин и детей: около 204 000 чел.

Эта цифра на первый взгляд мне показалась невероятной. Но когда я подумал о том, что люди кишат на этом острове в каждой местности, где мы бывали, я пришел к заключению, что приведенный расчет вовсе не преувеличен. И цифра эта сама по себе — наглядное доказательство богатства и плодородия Таити, острова, который имеет в окружности всего лишь 40 лиг и способен прокормить такое огромное население [89].

Некогда вся территория острова была одним королевством. Теперь он разделен на две части, но я не знаю, когда произошел распад единой таитянской державы.

Короли Тиарабоу — ветвь династии Опуреону, обе — и главная и боковая ветви — тесно между собою связаны, и мне кажется, что властители Тиарабоу находятся в зависимости от королей старшей династической линии. **[260]**

Оту титулуется ари де хи всего острова, и мне говори ли, что Вахеатоу — король Тиарабоу в присутствии Оту должен обнажать голову подобно самому последнему подданному, и честь эта оказывается не только Оту, как ари де хи, но и брату и младшей сестре Оту. Первому как наследнику действительному, второй как наследнице возможной. Старшая же замужняя сестра не пользуется подобной привилегией.

Эова и ваное — именитые особы, окружающие короля, как правило (а может быть, и во всех вообще случаях) — его родственники. Я нередко видел, что они не обнажают в присутствии короля голову, но не знаю, чем может быть объяснена эта особенность придворного этикета, — правилами ли церемониала или должностным положением того или иного лица. К числу особ, которым разрешалось находиться в присутствии короля с покрытой головой, был Ти, о котором я так часто упоминал.

Мне говорили, что эова, т.е. персоны первого ранга, дежурят при дворе согласно определенным правилам, сменяя друг друга ежедневно, что дало мне повод назвать их «дежурными лордами».

Ти почти всегда присутствовал при наших встречах с королем — это вызывалось необходимостью, ибо он был в курсе всех переговоров, которые мы вели с Оту. Надо отдать справедливость Ти, вел их он так, что удовлетворял обе стороны.

Сожалею, что немного еще мне известно о системе и способах управления на острове Таити. Мы почти ничего не знаем о порядке управления отдельными частями и территориями острова, о правах и обязанностях должностных лиц и т.д.

Мы, однако, уверены, что система управления островом феодальная и, судя по всему тому, что удалось нам видеть, она достаточно устойчива и отнюдь неплохо организована.

Эова и ваное всегда разделяют трапезу с королем. Мне кажется, что этой привилегии никто из них не лишен, но ею не пользуются тоутоу. Женщины, как бы ни было высоко их положение в обществе, никогда не едят вместе с мужчинами.

Несмотря на все эти монархические установления, чужеземцу трудно отличить короля от его подданных. Я почти всегда видел на Оту одежду, которую носят **[261]** простые люди. Он избегает излишней ненужной помпы и ведет себя как любой другой вождь. Я видел, как он наряду с гребцами сидел на веслах своего каноэ. Доступ к нему открыт и свободен. Каждый может говорить с Оту, без соблюдения правил придворного церемониала. Это одна из разновидностей свободы, которой пользуется любой обитатель счастливого острова Таити.

Я заметил, что народ питает к своим вождям чувство любви, а не страха. Отсюда легко заключить, что правят вожди справедливо и мягко.

Я уже упомянул, что Вахеатоуа, король Тиарабоу, родственник Оту, так же, как и вожди других островов. Существует нерушимое правило, что ари и вожди более высокого ранга не могут породниться с тоутоу и вождями низших степеней. Этот обычай связан с существованием замкнутых общественных групп, которые именуются ариои. Такие группы ограничивают возможность непропорционального роста высших классов и препятствуют внедрению людей, стоящих на низших ступенях островной иерархии, в тесный мирок знатных.

Я не могу привести ни одного примера, который свидетельствовал бы о том, что звание ари может быть доступно тоутоу, и не знаю ни одного случая, когда выходец из класса тоутоу добился бы изменения своего общественного положения [90].

Я уже упоминал о необыкновенной любви таитян к красным перьям. Перья эти носят название «ура» и ценятся здесь, подобно драгоценным камням в Европе.

Особенно дороги перья из хохолка зеленого попугая. Туземцы называют такие перья «уравин». Среди туземцев имеются тонкие знатоки, которые с удивительным искусством разделяют перья по сортам. Матросы нередко пытались обмануть островитян, предлагая им крашеные перья, но эти проделки успеха не имели.

Перья туземцы связывают в небольшие пучки (обычно такой пучок состоит из 8—10 перьев). Затем к концу твердой, как проволока, бичевы, сплетенной из волокон кокосового ореха, привязывают султан из шести маленьких пучков. Бичева служит рукояткой этой связки. Султаны из перьев — неизменные атрибуты религиозных церемоний островитян, символы эатуа — таитянских богов. **[262]**

Я часто видел в руках туземцев эти султаны при выполнении религиозных обрядов. К сожалению, слова туземных молитв оставались мне непонятными.

Советую всем, кто намерен посетить остров Таити, захватить с собой для коммерческих операций как можно больше красных перьев, и при этом наиболее изящных и тонких.

Разумеется, кроме перьев, мореплаватель должен иметь запас топоров, больших гвоздей, ножей, напильников, подзорных труб, бус и т.д.

Следует иметь в виду, что простыни и рубашки всегда найдут большой спрос на Таити, особенно у туземных леди. Наши джентльмены убедились в этом по своему собственному опыту.

Козы, которых несколько месяцев тому назад капитан Фюрно подарил Оту, видимо, отлично прижились на острове. Коза уже принесла двух козлят и в скором времени должна была снова дать приплод. Козам здесь обеспечен превосходный корм, и туземцы относятся к ним весьма заботливо. Я не сомневаюсь, что вскоре на Таити козы дадут многочисленное потомство.

Овцы, оставленные нами на острове, околели, за исключением лишь одной. Следует еще отметить, что на Таити мы оставили 20 кошек, и несколько кошек подарили туземцам на островах Ульетеа и Хуахейн [91].

Глава четырнадцатая

Прибытие «Резолюшн» на остров Хуахейн. — Военный поход против туземцев. — Различные происшествия, которые имели место во время нашего пребывания на острове

В час дня 15 мая мы вошли в северный проход бухты Оварре на острове Хуахейн. Опустив шлюпки, отбуксировали корабль и на расстоянии одного кабельтова от берега бросили якорь. На корабль сразу же прибыли гости и среди них наш старый друг Ори, который с соблюдением обычных правил туземного церемониала вручил мне свинью и иные подарки.

16 мая, понедельник. С утра появились туземные каное, груженные фруктами. Я отдал визит Ори и преподнес ему различные подарки, в том числе красные перья. Вождь зажал два или три пера между большим и указательным пальцем правой руки и произнес какое-то заклинание, выслушанное присутствующими при этой церемонии туземцами крайне невнимательно. Затем в мою шлюпку принесли двух свиней. Ори обедал на корабле. После обеда вождь имел со мной долгую беседу. Ори дал мне понять, что он и друзья его больше всего нуждаются в топорах и гвоздях. Я приказал выдать Ори все то, о чем он просил меня, и при этом выразил желание, чтобы вождь распределил среди присутствующих туземцев мои дары. Эту просьбу Ори поспешил исполнить и роздал полученное от меня таким образом, что все друзья его были вполне удовлетворены. **[264]**

Наибольшую долю получил мальчик лет двенадцати от роду, сын или внук Ори.

Неприятный случай произошел во вторую половину дня на берегу. Туземцы напали на слугу Форстера, сбили его с ног и попытались отобрать сумку с инструментами. Вероятно, они

ограбили бы беднягу дочиста, если бы не подоспел вовремя Спаррман. Воры обратились в бегство, похитив топор.

17 мая, вторник. Утром я отправился на берег с тем, чтобы принести Ори жалобу на недостойное поведение его подданных. Но вождь куда-то удалился, и лишь к вечеру ко мне явился гонец и сообщил, что Ори вернулся и желает видеть меня. В сопровождении этого гонца я направился к Ори. Вождя я нашел в большой хижине. Он окружен был именитыми особами, которые, вероятно, собрались по зову Ори на совет.

В моем присутствии состоялся обмен речами между Ори и одним из его приближенных. Я не понял смысла этих речей, но мне показалось, что обсуждался вопрос о вчерашнем прискорбном происшествии.

Затем Ори обратился ко мне и заверил, что ни он, ни сидящие здесь именитые вожди не причастны к совершенному вчера преступлению. Виновных же он рекомендовал мне расстрелять.

Я заявил, что не обвиняю в грабеже присутствующих на совете вождей и готов поступить с злоумышленниками согласно воле и желанию самого Ори. Затем я потребовал выдачи грабителей. Ори ответил мне, что грабители бежали в горы. Скрылись ли они действительно, я не знаю, но почти уверен в том, что добровольно мне преступники не были бы выданы, а насильственных мер я применять не желал. После того, как дело было к обоюдному удовольствию разрешено, члены совета разошлись.

Вечером некоторые мои спутники посетили театральное представление, разыгранное на весьма злободневный сюжет. На острове Ульетеа мы в свое время захватили с собой молодую девушку. О ее приключениях поведала нам туземная пьеса, поставленная в этот вечер.

Подлинная героиня драмы присутствовала на спектакле и го, что она видела на сцене, произвело на нее потрясающее впечатление. Едва удалось уговорить девушку до конца досмотреть пьесу. Конец этой драмы был, на мой взгляд, не

слишком удачным: девушка-беглянка **[265]** встречается со своим старым другом-туземцем и возвращается на родину.

Небольшие «пьески на случай» туземцы ставят очень часто. У меня явилась мысль, что и эта пьеса была разыграна неспроста. Не желали ли туземцы изобразить в сатирических тонах поступок девушки, которая ушла с нами, чтобы удержать от подобного рода предприятий юных представительниц прекрасного пола острова Хуахейн.

18 мая, среда. Утром явился с обычными подарками Ори. После обеда он обратился ко мне с просьбой дать по береговым холмам залп из пушек, заряженных картечью. О действии наших пушек Ори знал со слов Ойдиде и наших таитянских пассажиров.

Я приказал зарядить пушки и открыть огонь, но не решился навести их на берег, и залп был дан в море.

Снова произошла на берегу неприятность. Наши унтер-офицеры отправились на берег и поручили туземцам нести их сумки, в которых были топоры и гвозди. Шел дождь, а островитяне прекрасно знали, что наши мушкеты плохо действуют, когда подмокает порох. Для того, чтобы в этом окончательно удостовериться, они попросили выстрелить по пролетающим птицам. Мушкеты дали осечку, а это только хитрецам и нужно было. Они мгновенно пустились наутек с сумками, а унтер-офицеры настолько растерялись, что не догадались побежать за ворами вдогонку.

20 мая, пятница. Рано утром трое офицеров, вопреки моим желаниям, отправились на охоту. Я стремился не допускать высадки на берег небольших групп, так как с каждым днем поведение туземцев становилось все более дерзким, и они готовы были воспользоваться любым случаем для того, чтобы ограбить моряков. В три часа дня мне донесли, что охотники были дочиста ограблены туземцами.

Я немедленно отправился с Форстером на берег, захватил одну большую хижину и задержал двух вождей, которые в ней находились. Не желая, однако, тревожить пугливых

островитян, я все эти полувоенные операции провел с величайшей осторожностью. Вскоре я узнал, что офицеры, целые и невредимые, вернулись на корабль, и что им возвращено все похищенное имущество.

Тогда я покинул хижину, отпустил на свободу пленных вождей и велел расставить в хижине все взятые нами в **[266]** залог вещи в том же порядке, в каком они там находились до предпринятого мной похода. О том, что произошло на берегу с офицерами, они мне рассказали сами. Оказывается, легкое оскорбление, нанесенное с их стороны туземцам, побудило последних отобрать у офицеров ружья.

Завязалась драка, которая окончилась благополучно только потому, что в свалку вмешались вожди. Вожди оттеснили раздраженную толпу, а затем заставили туземцев вернуть офицерам ружья и сумки.

Все это произошло в том месте, где, по слухам, небезуспешно действовала шайка грабителей, нападавшая на всех, кто встречался на ее пути. Было ясно, что Ори не может ни предупредить прискорбные события, ни положить конец беспрестанным грабежам. Я не видел в этот вечер старого вождя, но Ойдиде сказал мне, что после моего отъезда на корабль Ори появился на берегу, глубоко опечаленный всем, что произошло днем. Он настолько был потрясен случившимся, что не мог сдержать слез [92].

21 мая, суббота. На рассвете мы увидели флотилию в 60 каноэ, выходившую под парусами из бухты по направлению острова Ульетеа. Туземцы сообщили мне, что люди, которые находились на борту этих каноэ, принадлежали к группе ариои и отправлялись с визитом к своим собратьям на Ульетеа.

Членов этой группы можно сравнить с «вольными каменщиками» (масонами). Подобно масонам, у членов ариои имеются тайные обряды и церемонии, системы приветствий и жестов, непонятные для непосвященных, определенные дни сбора и т.д. [93].

И Тупиа и Ойдиде принадлежали к этой группе, но и от них я не мог получить сколько-нибудь толковых объяснении, проливающих свет на организацию и цели группы. Ойдиде отрицал, что члены ариои убивают детей, рожденных от их наложниц, но Тупия и многие другие островитяне утверждали, что обычай этот действительно существует [94].

Омай также подтвердил в беседах со мной все то, что я писал о ариои в отчете о первом путешествии. Ойдиде, который обычно проводил ночь на берегу, явился сегодня с поручением от Ори. Старый вождь просил меня высадиться с отрядом 22 человека и отправиться с ним в поход **[267]** на разбойников. Для того, чтобы не забыть, что Ори требует именно 22 человек, Ойдиде принес с собой такое же число листьев — способ счета, принятый туземцами. Я принял это необычное послание и отправился для дополнительных переговоров на берег.

Насколько я понял, поход должен был состояться против туземцев, которые подобно итальянским бандитам объединились в шайку и хватали и грабили наших людей, где бы они не появились. Именно поэтому Ори просил меня принять участие в карательной экспедиции.

Я возразил ему, что весть о нашем выступлении заставит разбойников, не принимая боя, бежать в горы.

На это вождь ответил мне, что разбойники собираются напасть на нас сами, а поэтому необходимо как можно скорее отправиться против этой шайки в поход, уничтожить ее и сжечь хижины, принадлежащие ее членам. Но он просил меня пощадить дома и каное туземцев, не повинных в грабежах, и не разрушать находящегося в районе военных действий «венуа», т.е. храма островитян. В знак мирных намерений служителей храма, Ори от их имени вручил мне свинью. Свинья эта была так мала, что только и могла служить для религиозно-дипломатических церемоний.

Эта свинья была преподнесена старым хитрецом неспроста. Он прекрасно понимал, что сила на нашей стороне, что остров может легко оказаться во власти чужеземных гостей и

торжественным приношением желал обезопасить себя и своих поданных от неприятных неожиданностей.

Я рассудил, что предложение Ори о совместном походе следует принять. Во-первых, необходимо было предупредить наступательные действия со стороны разбойников, и, во-вторых, в случае моего бездействия, слухи об успехах смельчаков на Хуахейне, могли дойти до Ульетеа, куда я намерен был вскоре отправиться и побудить жителей этого острова к таким же действиям. А на Ульетеа с ее многочисленным населением дело могло обернуться для нас плохо в случае нападения туземцев. Итак, в соответствии с принятым решением я высадился с отрядом в 48 человек (включая Форстера, Спаррмана и офицеров). Ори присоединился к нам с небольшой группой вооруженных туземцев, и мы тронулись в путь. По дороге войско Ори росло, как лавина. Ойдиде, шедший со мной, **[268]** встревожился, видя, как быстро растут отряды наших союзников, и высказал предположение, что Ори завлекает нас в ловушку, чтобы превосходными силами уничтожить весь мой отряд. Не знаю, были ли это лишь страхи Ойдиде или действительно нам угрожала подобная опасность, но к словам юноши необходимо было прислушиваться внимательно, и мы всегда действовали по отношению к туземцам сообразно тем сведениям, что приносил Ойдиде. И на этот раз я принял меры, чтобы предупредить неожиданное нападение, но продолжал следовать дальше. Мы прошли несколько миль и получили сообщение о том. что разбойники бежали в горы. Преследовать их я не мог; в этом случае необходимо было пройти узким ущельем, с крутыми и обрывистыми склонами, где два-три туземца легко могли отрезать нашему отряду единственный путь к отступлению, если только предположения Ойдиде были справедливы.

Я приказал повернуть к берегу, и отряд двинулся обратно, сохраняя прежний боевой порядок. В тот момент, когда мы отправились к берегу, я увидел на склонах холмов, в кустах вооруженных туземцев, которые, скрываясь от нас, шли вслед за отрядом. Как только они убедились, что их продвижение замечено, все они бросили оружие.

Этот факт подтвердил опасения, высказанные Ойдиде; но мне кажется, что если у туземцев и был разработан какой-нибудь план истребления нашего отряда, то Ори об этом ничего не знал. На обратном пути я остановился в подходящем месте на отдых и приказал туземцам принести нам кокосовые орехи, что и было ими исполнено без малейшего промедления.

Думаю, что больше всего островитянам хотелось видеть нас подальше от берегов своей страны. Но я старался не сделать ничего, что могло бы чрезмерно их обеспокоить.

Два вождя явились с молодыми банановыми ветвями (символ мира) и вручили мне с соблюдением обычного церемониала свинью и собаку. Затем третий вождь преподнес мне огромную свинью, которую он велел своим подчиненным донести до берега и погрузить в шлюпку.

Мы отправились дальше, и, когда отряд дошел до берега, я велел дать ружейный залп в знак того, что порох **[269]** мы держали сухим. После этого мы переправились на корабль.

К обеду явился Ори. Он привез много плодов, а спустя некоторое время туземцы доставили нам двух свиней.

Таким образом предпринятый нами военный поход принес нам больше выгод, чем раздача бесчисленных подарков. Вид вооруженного отряда, продвигающегося в глубь острова, смутил и испугал туземцев и внушил им, вероятно, большее почтение к огнестрельному оружию, чем у них имелось до событий этого дня.

Думаю, что они были ранее невысокого мнения о наших мушкетах, так как видели в действии этот род оружия лишь на охоте. А наши офицеры стреляли не слишком метко: в лучшем случае только одна пуля из трех поражала цель. Кроме того, мушкеты нередко давали осечку, особенно в дождливую погоду. Покидая корабль, вожди обещали доставить на следующее утро много различных припасов.

22 мая, воскресенье. Утром туземцы, действительно, привезли на корабль много плодов, но свиней доставили мало, меньше, чем мы ожидали получить.

Днем я отправился на берег и застал Ори в тот момент, когда он садился обедать. Не знаю, что заставило вождя приступить так рано к трапезе, — обычно он обедал значительно позже. Тут же приближенные Ори приготовили напиток из корней авы, сплевывая жеванные корни в большую чашу; Ори поднес мне чашу, но я отказался отведать это пойло. Я с чувством величайшей брезгливости наблюдал, как Ойдиде, менее щепетильный, чем я, осушил мою чашу. Ори сначала выпил одним духом целую пинту этого напитка, не разбавляя его ничем; затем прополоскал рот кокосовым молоком и приступил к еде. Ори ел бананы, плоды хлебного дерева и т.д. — все это в немалом количестве и закончил обед тем, что съел или, лучше сказать, выпил не менее трех пинт «попойе» — кашицы из различных плодов (хлебного дерева, бананов и т.д.), предварительно измельченных и разбавленных водой. Обедал Ори на открытом воздухе, у порога своей хижины. В хижине в это время разыгрывалась пьеска.

Я заметил, что один из слуг Ори выбрал из его чаши с напитком, приготовленным из авы, изжеванные корни и взял их себе. Я спросил его, что он намерен делать с ними. **[270]**

Туземец ответил, что зальет их водой и приготовит новый напиток, который я бы назвал слабым пивом.

23 мая, понедельник. На рассвете, при восточном ветре (ветер этого направления дул все время с того момента, когда мы покинули Таити) я снялся с якоря и в 8 час. утра вышел в открытое море. Последним с корабля сошел наш добрый друг, старый Ори. Прощаясь, я сказал ему, что больше нам уже не суждено увидеться, и слова мои опечалили Ори. Обливаясь слезами, он проговорил: «Пришли же сюда детей своих, мы примем их хорошо». Ори — прекрасный человек, в полном смысле этого слова. Но далеко не таковы люди, его окружающие, которые пользуются в своих собственных

интересах тем, что вождь их стар и слаб, а его наследник и внук Теродерре еще очень молод.

Чрезмерно мягкое обращение с туземцами с моей стороны и беззаботность и неосторожность, которую проявили наши люди, полагая, что огнестрельное оружие делает их непобедимыми, побудили островитян к совершению таких дерзких поступков, на которые никогда бы не отважились обитатели Таити.

Во время пребывания на острове Хуахейн мы запаслись плодами хлебного дерева, кокосовыми орехами и т.д., но приобрели очень мало свиней. Однако не следует предполагать, что свиней на острове немного. Если бы ассортимент наших товаров был богаче, мы, несомненно, могли бы полностью обеспечить потребности экипажа в свежем мясе. К сожалению, почти все запасы металлических изделий пришли к концу, а красных перьев после посещения Таити осталось совсем мало.

Я отдал приказ корабельным кузнецам изготовить гвозди и топоры, с тем, чтобы можно было пополнить путем меновых операций запасы провианта и поддерживать на должной высоте мое влияние и мой авторитет среди туземцев.

Глава пятнадцатая

Прибытие на остров Ульетеа и прием, оказанный нам туземцами. — О двух кораблях, посетивших остров Хуахейн. — Приготовления к отплытию — Общие замечания об островах Общества

Мы взяли курс на южную оконечность острова Ульетеа. Так как весь день дул слабый ветер, мы лишь с наступлением темноты дошли до западного берега Ульетеа и легли и дрейф. Тихий ветер продолжал удерживаться до 10 часов утра 23 мая и лишь затем сменился восточным пассатом, на котором мы на всех парусах вошли в бухту, предварительно спустив шлюпку, чтобы обследовать вход в нее и место якорной стоянки.

Так всегда следует вступать в гавани, которые лежат под пассатными ветрами. Бухта замыкалась двумя коралловыми

утесами. Мы стали на якорь на расстоянии 2/3 кабельтова от каждого из этих утесов. Волнение было настолько сильным, что могло бы привести в ужас любого моряка, незнакомого с условиями плавания в южных морях. Мы начали завозить верпы и ночью стали окончательно на якорь.

25 мая, среда. Наш приятель Орео прибыл на борт и привез подарки. Утром я отправился на берег для того, чтобы отдать Орео визит и вручить ему обычные подарки.

У входа в его хижину нас встретили четыре или пять старых женщин. Они причитали и плакали, раздирая лица и плечи инструментом, изготовленным, вероятно, специально для этой цели из зубов акулы. И что еще хуже — **[272]** заключили меня и моих спутников в объятия, испятнав нашу одежду кровью. Затем женщины удалились, привели себя в порядок, смыли кровь и предстали перед нашими взорами совершенно спокойными и веселыми. Мы недолго пробыли у Орео и покинули его, получив на прощание свинью и фрукты. И то и другое было доставлено нам в шлюпку.

После полудня корабль окружили каноe. Они прибыли со всех концов острова. Туземцы — владельцы этих каноe — разбили на берегу лагерь и в течение нескольких дней справляли в нем какое-то празднество. Мы узнали, что эти туземцы были членами общества, ариои.

26 мая, четверг. Не произошло ничего достойного упоминания, если не считать любопытного сообщения, которое сделал мне сегодня Форстер. Оказывается, на острове есть кладбище для собак, которое туземцы называют «мараи-но-те-Уре».

Я не думаю, однако, что мы столкнулись с общераспространенным обычаем. Ведь мало собак умирает естественной смертью. Большинство либо съедается, либо приносится в жертву богам. Возможно, что Форстер нашел «марай», т.е. жертвенник, на котором как раз и происходит обряд приношения собак в дар богам. Или, быть может, под этим «марай» покоится прах собаки, которая пользовалась особой любовью у ее владельца.

Во всяком случае об обычае хоронить собак на этих островах я никогда раньше не слышал и не могу допустить, чтобы он имел широкое распространение у туземцев.

27 мая, пятница. Рано утром Орео, его жена, сын, дочь и друзья нанесли нам визит и доставили на борт много различных съестных припасов.

После обеда я вместе с гостями направился на берег, где видел в постановке туземцев пьесу под названием «Мидидиде — харрами» («дитя появляется»). Заканчивалось это занятное представление тем, что женщина на сцене разрешалась от бремени: из группы больших мускулистых парней вышел один, который нес на руках спеленатого младенца ростом в шесть футов; новорожденный затем забегал по сцене, причем за ним волочилась пуповина — толстая веревка, сплетенная из соломы.

Я имел удовольствие дважды смотреть эту пьесу, и на втором ее представлении заметил, что в тот момент, **[273]** когда рождается шестифутовое дитя, актеры сильно сдавливают ему нос. Я заключил, что так действительно поступают при рождении ребенка на островах Общества и что из-за этого у подавляющего большинства островитян плоские, приплюснутые носы.

Пьеса эта имела успех у наших матросов, которые встретили эпилог ее дружным и громким смехом. Вероятно, именно поэтому ее впоследствии так часто разыгрывали перед нами. Надо, однако, признаться, что туземные пьесы нельзя смотреть более одного раза. Кроме того, многое остается для нас непонятным, так как язык туземцев мы знаем плохо.

29 мая, воскресенье. Утром мы обнаружили, что из шлюпок, которые были привязаны к бую и стояли в 50—60 ярдах от корабля, было украдено несколько принадлежностей. Я тотчас поспешил к Орео. Он уже знал об учиненном воровстве и отправился со мной в погоню за ворами. У южной оконечности острова мы высадились на берег, и здесь мне отдали все похищенное, кроме румпеля. По словам туземцев, воры занесли его вглубь острова. Я потребовал, чтобы меня сопровождали дальше до тех пор, пока воры не будут настигнуты. Когда Орео

услышал это, он немедленно куда-то скрылся, а затем вновь появился и преподнес мне двух свиней. Тут же он велел подать нам фрукты и другие угощения, и за общей трапезой мир был восстановлен.

Орео обедал на корабле, а затем я с ним вместе поехал на берег, где видел уже ставшее привычным ежедневное театральное представление. Эти представления разыгрывались не только у Орео, но в домах вождей более низкого ранга. Однако все они были сходны и скоро наскучили нам.

Мы, наш корабль, наша страна часто фигурировали на сцене. Но каким образом изображали нас туземцы, мы далеко не всегда могли понять, не зная языка. Несомненно, нас старались представить в выгодном свете, ибо островитяне вежливы и гостеприимны. Вероятно, когда в театре отсутствовали моряки, ставились пьесы с иным сюжетом. Женские роли в театре Орео исполняла его дочь, хорошенькая смуглая девушка, и ее игра всегда вознаграждалась богатыми дарами благодарных зрителей — моряков. Быть может, Орео, движимый корыстными побуждениями, принуждал свою дочь выступать на сцене. **[274]**

30 мая, понедельник. Рано утром я в сопровождении обоих Форстеров, Ойдиде, вождя и его семейства отправился на северную оконечность острова в «венуа» (поместье) Ойдиде. Ойдиде мне обещал дать свиней и фрукты в любом количестве. Однако, когда мы прибыли в это поместье, то оказалось, что бедный Ойдиде не властен был уделить нам что бы то ни было от щедрот своих. Поместье перешло брату Ойдиде, который с обычными церемониями преподнес еще двух свиней. Я дал брату Ойдиде богатый подарок, а сам Ойдиде поделился с ним всем, что приобрел во время плавания на «Резолюшн».

Затем я приказал заколоть и зажарить свинью и имел таким образом возможность наблюдать во всех подробностях процедуру убоя свиньи и разделки туши. Свинью не закололи, а удавили, причем трое туземцев душили ее в течение, по крайней мере, десяти минут. Тушу приготовили следующим образом. Сперва опалили щетину и извлекли потроха, затем

обмыли пресной водой свинью изнутри и наложили через широкий разрез в брюхе раскаленные камни внутрь туши.

После этого тушу прикрыли листьями и засыпали песком и землей. Через два часа десять минут изжаренная туша была подана на подстилке из зеленых листьев, и мы приступили к трапезе.

Пока приготовлялся обед, я внимательно осмотрел «веноа» Ойдиде. Оно было невелико по размерам. Хижины расположены были на близком расстоянии одна от другой, и все поселение напоминало маленькую деревню — случай, не часто встречающийся на островах Общества.

Вскоре после обеда мы направились в обратный путь и по дороге высадились на берегу у одного дома, в котором нашли четыре деревянных идола. Все они стояли на широкой полке, в одном из углов. Идолы эти имели в высоту около двух футов, и головы их были украшены тюрбанами, увенчанными султанами из петушиных перьев.

Человек, которого мы встретили в доме, сказал нам, что мы видим перед собой эатуа но те тоутоу — богов слуг или рабов.

Впрочем, я сомневаюсь, чтобы туземцы обожествляли эти истуканы, и думаю, что навряд ли рабам или слугам не дозволено поклоняться богам, чей культ существует у людей более высокого ранга. **[276]**

Я никогда не слышал от Тупии, что имеются подобные различия в иерархии богов. Тупиа не упоминал ни единым словом о поклонении идолам. Нигде на островах Общества я не встречал деревянных истуканов. И единственный довод, в какой-то степени подтверждающий идолопоклонство островитян, основывается лишь на словах темного и суеверного человека, которого к тому же мы могли понять не верно.

Должен, впрочем, отметить, что туземцы на Ульетеа очень суеверны. При первом моем свидании с Орео он пожелал, чтобы я запретил моим людям охотиться на цапель и зимородков. К этим птицам островитяне относятся с таким же

благоговением, как наши соотечественницы-старушки к красногрудкам и ласточкам.

Тупиа, родом таитянин, бывший жрец, человек, прекрасно знающий нравы, обряды и традиции туземцев, не обращал на этих птиц никакого внимания. Я подчеркиваю это потому, что многие из нас ошибочно предполагали, будто цапли и зимородки — боги островитян.

В 1769 г. этого и еще более абсурдных мнений и взглядов придерживались мы все и, вероятно, так и остались бы с ложными представлениями о религии туземцев, если бы нас не разубедил Тупиа. Мы до сих пор не встречали островитянина, равного Тупии по уму, опыту и знаниям, а это лишило нас возможности приобрести новые сведения о многих сторонах духовной жизни туземцев.

2 июня, четверг. Мы узнали, что три дня назад два корабля прибыли на остров Хуахейн. Человек, который принес нам эту весть, описал наружность командиров кораблей, и я решил, что к берегам Хуахейна прибыли суда под командой Бенкса и капитана Фюрно. Я решил было отправить на Хуахейн шлюпку с письмом к капитану Фюрно, но явился один из тамошних туземцев, друг Форстера, и заверил нас, что слух о кораблях ложен. К сожалению, туземец, который принес мне сообщение о прибытии двух кораблей, исчез. Я принял решение ждать дополнительных сведений о судах, будто бы появившихся на острове Хуахейн, и не послал туда шлюпку.

Впоследствии уже на мысе Доброй Надежды я узнал, что капитан Фюрно заходил на Хуахейн задолго до того, как мы вторично посетили этот остров, а Бенкс вообще не покидал Англии. **[277]**

Вечером мы развлекали туземцев фейерверками. Ракеты были пущены на одном из маленьких островков, расположенном у входа в бухту.

4 июня, суббота. Рано утром я велел подготовить корабль к выходу в море. Орео со всем своим семейством прибыл с прощальным визитом на судно. С ним приехали Ууру — ари де

хи (главный вождь) этого острова и Боба, вождь острова Отаха, а также много наших приятелей туземцев. Никто из них не явился с пустыми руками, но самые богатые дары привез Ууру. Я роздал туземцам почти все, что имел. Я спрашивал их о кораблях, что прибыли на Хуахейн, и все они в один голос ответили мне, что ни одно европейское судно не появлялось у берегов этого острова.

Орео, его жена и дочь и особенно обе последние умоляли меня остаться подольше на Ульетеа и даже слегка всплакнули на прощание. Не знаю, искренни или притворны были эти слезы, но кажется мне, что лица их все же выражали чувство подлинной печали.

Орео настоятельно требовал, чтобы я еще раз посетил остров, и, когда я ответил ему, что обещать этого не могу, он спросил, как называется мое «марай» (могила). Вопрос был столь неожиданный, что я растерялся и назвал ему имя моего церковного прихода в Лондоне — Степни. Он несколько раз громко повторил это слово, а затем все туземцы хором воскликнули: «Степни — мараи-но-Туте» (Степни — могила Кука).

Впоследствии я узнал, что тот же вопрос был предложен Форстеру на берегу острова. Но он дал иной и более правильный ответ, разъяснив туземцам, что ни один моряк не может заранее знать, где будет погребено его тело.

На острове существует обычай хоронить всех покойников больших семей на кладбищах, принадлежащих этим родам. При этом местам погребения название дается по имени не покойника, а его живого наследника. Пока король Опарри Тоутаха царствовал, его «мараи» носило название «мараи-но-Тоутаха». Как только он умер, оно стало именоваться «мараи-но-Оту».

И то, что островитяне хотели запечатлеть в своей памяти имена наших могил, разве не является наилучшим доказательством дружбы к нам. Ведь им не раз повторяли, что никогда больше не увидят они нас. И тогда они пожелали узнать, где покоится прах наших предков. **[278]**

Я не мог рассчитывать на то, что какой-нибудь английский корабль посетит берега Ульетеа, и поэтому предложил Ойдиде сделать окончательный выбор. Он остался на острове и простился с нами с горячностью уроженца тропиков, выражая чувство печали и скорби. Я думаю, что только мысль о том, что никогда больше не придется увидеть ему берега родины, заставила юношу уйти от нас.

Когда я во время прощального визита туземцев беседовал с Орео, Ойдиде не отходил от меня ни на шаг. Он надеялся, что я дам Орео обещание вернуться на остров — обещание, которое могло бы заставить его принять решение отправиться с нами в Англию.

Я не нахожу слов, чтобы описать горе Ойдиде в момент, когда корабль тронулся в путь. Обливаясь слезами, глядел он нам вслед, а затем упал навзничь на дно каноэ, чтобы не видеть, как удаляется от берега корабль. Поговорка: «Нет пророка в своем отечестве», как нельзя более приложима к этому юноше. На Таити он мог обладать всем, чего бы его душа ни пожелала, но тем не менее он не остался на этом острове.

Ойдиде был способный юноша. Как и большинство своих соплеменников, он был хорошо сложен, ловок, обладал превосходными душевными качествами. Но он проявлял себя круглым невеждой, когда заходила речь о религии, образе правления, обычаях и традициях таитян. Навряд ли удалось бы мне приобрести какие бы то ни было новые сведения об островитянах, если бы я взял с собой Ойдиде. Несомненно, он был во всех отношениях лучшим представителем своего народа, чем Омай.

Ойдиде, прощаясь со мной, попросил, чтобы я дал ему татоу — свидетельство об его пребывании с нами, и я вручил ему документ, в котором указывалось, сколько времени он пробыл на борту «Резолюшн». При этом я рекомендовал Ойдиде показывать эту бумагу тем из европейцев, которые в будущем посетят остров.

Нам удалось к 11 часам избавиться от многочисленных друзей и выйти в море. Ойдиде провожал нас взором до тех пор, пока

корабль не покинул бухту и не скрылся за высокими утесами у ее входа.

Когда я шел к островам Общества, я твердо намеревался посетить родину Тупии — остров Болаболу. Но теперь, когда мы были в избытке снабжены всем необходимым, я не желал уже тратить драгоценное время на посещение **[279]** берегов Болаболы. Я взял курс на запад, оставив позади эти счастливые острова, где благосклонная природа щедрой рукой расточает свои роскошные дары.

Туземцы всем своим образом действий подражают щедрой природе, и это позволяет мореплавателям полностью удовлетворить на берегах островов Общества свои нужды.

На протяжении шести недель мы в изобилии имели свежую свинину и фрукты. На Таити мы вдобавок всегда получали рыбу, а на других островах — курятину. Все это приобреталось в обмен на топоры, гвозди, зубила, ткани, красные перья, бусы, увеличительные стекла, ножи, ножницы и тому подобные товары, очень ценимые здесь.

Должен сказать, что рубашка — вещь совершенно незаменимая для подарков, особенно, если человек имеет дело с прекрасным полом. Рубашки здесь играют такую же роль, как у нас в Англии золотые монеты. Таитянские леди после того, как они отняли все рубашки у своих европейских любовников, стали раздевать чуть ли не до гола своих кавалеров и наряжаться в их одежды. И когда у любовника не оставалось больше собственной одежды, он, будучи на берегу, переодевался в туземное платье, снимая его перед возвращением на корабль. Снова появляясь на берегу в лохмотьях, он получал от женщин туземное платье. Случалось, что одна и та же куртка проходила через двадцать рук, покупалась, перепродавалась и возвращалась обратно к первому владельцу.

Необходимо сказать несколько слов относительно образа правления на островах Ульетеа и Отаха.

Орео, чье имя так часто упоминалось, уроженец Болаболы. Но он владеет «веноа» или землями на Ульетеа. Мне кажется, что

он, подобно многим своим соплеменникам, приобрел эти земли путем завоевания. Он правит ими, как наместник верховного вождя Опуни, и, кажется, облечен королевской властью на острове, являясь в его пределах главным судьей.

Ууру, наследственный вождь, вероятно, лишь обладатель громкого титула, так как вся власть на острове — в руках Орео. Но в пределах своего «веноа», или округа, Ууру — полновластный государь. Орео всегда оказывал знаки внимания и уважения Ууру.

На острове Отаха два вождя: Боба и Ота. Последнего я никогда не встречал, а Бобу видел не раз. Боба — **[280]** дородный, отлично сложенный молодой туземец. Мне говорили, что после смерти Опуни Боба должен будет взять в жены его дочь и таким образом получить право на титул верховного вождя. Отсюда напрашивается законный вывод: женщины могут носить королевский титул, но действительной власти, предоставляемой королям-мужчинам, они не имеют.

При завоевании островов, которыми ныне владеет Опуни, он, вероятно, приобрел для себя не мало (хотя доля его в общей добыче мне не известна) и щедро наградил своих приближенных, захвативших лучшие земли.

Мне кажется, что Опуни не требует от подданных, чтобы они делились с ним всем, что мы подарили или продали.

Ойдиде, правда, не раз перечислял мне несметное количество топоров и гвоздей, которыми владеет Опуни, но я склонен думать, что все эти веще достались ему от моряков «Индевора».

Несмотря на свой преклонный возраст, Опуни деятелен и подвижен. Когда мы прибыли на Ульетеа, он был на острове Маурана, затем вернулся на Болаболу и в момент нашего отъезда отправился на остров Туби.

Перед отплытием Уолс сообщил мне о результатах его многомесячных наблюдений за ходом хронометра. В течение пяти последних месяцев ошибки в исчислении долгот по хронометру заметно возросли, причем особенно быстро

нарастали погрешности за время, которое прошло с тех пор, как мы покинули остров Пасхи. Очевидно, часовой механизм в жарком климате работает не так точно, как в холодном.

Комментарии

88. Об истории внедрения железа в обиход жителей островов Тихого океана Г. Форстер пишет: «С того времени, как у туземцев установились сношения с европейцами, обитатели островов Южного моря узнали цену железным орудиям. Испанцы первые познакомили островитян с железом, и, вероятно, название этого металла на языке таитян «йоре» восходит к испанскому «йерро» (hierro), потому что если не сам остров Таити, то соседние острова, несомненно, были открыты испанцами. После того, как в 1722 г. разбился о скалы один из кораблей эскадры Роггевена, островитяне получили много железных изделий. Таитяне подняли с морского дна якоря, потерянные кораблями Бугенвиля.

Наконец, множество всевозможных железных орудий и инструментов завезли на Таити англичане. От англичан таитяне приобрели топоры, пилы, струги, коловороты, гвозди различных размеров, и пр.

Туземцы заботливо сохраняют самые ничтожные кусочки железа. На острове Амстердам мы приобрели маленький гвоздь, прикрепленный к деревянной рукоятке. Этот гвоздь они, несомненно, получили от моряков экспедиции Тасмана в 1643 г. и, следовательно, хранили его 130 лет».

89. Г. Форстер исчислял население Таити приблизительно в 142 тыс. человек.

90. Г. Форстер следующим образом описывает некоторые особенности социального строя на острове Таити: «Верховный вождь носит название ари де хи. Каждый туземец, принадлежащий к его роду, имеет титул ари и земли в своем собственном владении.

Помимо привилегий, принадлежащих им по праву рождения, ари пользуются рядом иных преимуществ и выгод, поскольку особам этого ранга обычно поручают управление округами.

Отец Оту был ари или вождем в округе Опари. Тоуга и Поатату совместно управляют округом Аттагуру, Топари правит в округе Матаваи, Оамо — в округе Попари. Степенью ниже вождей — ари землевладельцы — монагуны (mon'guna), за ними же следуют тоутоу, слуги. Ари де хи назначает вождей ари правителями округов, а иногда поручает управление округами землевладельцам, не принадлежащим к его роду.

Вожди (ари) имеют тоутоу — слуг, которые используются при обработке земли, ловле рыбы, строительстве домов и каное... Манагуны или землевладельцы со своими детьми, братьями и родственниками образуют большую семью, которая собственными силами, без помощи слуг, обрабатывает землю.

Во время войны ари де хи и совет вождей определяют численность ополчения. Так как большая часть населения сосредоточена вдоль берегов острова, то и военные действия происходят обычно на море. Боевые каное стоят в мирное время под навесами, в бухтах, что врезываются в берега острова, и могут быть по первому требованию приведены в состояние полной готовности. Ари высокого ранга командуют несколькими каное, младшие ари и манагуны одним каное. Тоутоу используются в качестве гребцов. Правители округов имеют большую власть, почти равную власти ари де хи, или короля, но в некоторых случаях действуют лишь по воле последнего».

91. Наблюдая быт, хозяйственную деятельность и общественную жизнь на Таити, Кук собрал исключительно ценный материал, особенно интересный для эргографов и историков, так как данные его дневника относятся к эпохе, когда таитянский социальный строй еще не подвергся разрушительному воздействию европейской колонизации. Однако некоторые и притом весьма существенные стороны общественной жизни таитян получили у Кука неверное истолкование. Это произошло потому, что Кук автоматически

переносил кормы и законы британского общественного уклада в обстановку островов Океании, обитатели которых сочли на иной, гораздо более низкой, ступени исторического развития. Поэтому племенные вожди — «ари» — превращаются у Кука в королей, сородичи «ари» — в лордов, свободные общинники — в землевладельцев.

Кук хоть и замечает, но не может должным образом оценить место и значение родовой организации в системе общественных отношений о. Таити. Он понимает, что на Таити отсутствуют формы моногамной семьи, но необычная для европейца структура матрилинейного рода (рода, где счет происхождения идет не по отцовской, а по материнский линии) остается не разгаданной им. Как известно, подлинно научное представление о структуре семьи в первобытном обществе было дано лишь столетие спустя после Кука, в работах Моргана, высоко оцененных Марксом и Энгельсом.

92. Г. Форстер излагает ход событий этого тревожного дня в ином свете. В передаче Форстера «легкое оскорбление», вызвавшее ссору, кажется далеко не легким:

«Офицеры сами признались, что ссора произошла по их вине. Застрелив двух уток, они потребовали, чтобы сопровождавший их туземец полез за убитыми птицами в воду. Поручения подобного рода туземец исполнял уже неоднократно. На этот раз он, однако, категорически отказался играть роль охотничьей собаки. Офицеры силой заставили его повиноваться. Бедный островитянин вошел в воду и, увязая по колено в топкой тине, добрался до уток. Но тут он вместо того, чтобы вернуться к охотникам, стремительно бросился к другому берегу узкой бухты. Не думаю, чтобы две утки были достойной наградой за его труды.

Поступок туземца привел в бешенство офицеров, и один из них выстрелил по беглецу, но, к счастью, промахнулся. В тот момент, когда он готовился дать второй выстрел, возмущенные туземцы накинулись на офицеров. У наглых чужеземцев было отнято смертоносное оружие, которое они употребляли во зло...».

93. Г. Форстер приводит следующее описание обычаев этого общества: «Члены общества время от времени посещают соседние острова. Визиты эти совершаются большими партиями и сопровождаются всевозможными оргиями.

В то время, когда мы находились на острове Хуахейн, более семисот ариои на семидесяти каное, покинули берега Хуахейна и отправились на остров Ульетеа. Сперва они расположились на восточном берегу Ульетеа, а затем перебрались на западный берег, где мы их и застали.

Мы обратили внимание, что все ариои люди именитые, из рода вождей. Тела их разрисованы красивыми узорами, и Ойдиде утверждал, что пестрота этих узоров зависит от степени родовитости членов общества. Все члены-собратья связаны тесными узами дружбы. Они необыкновенно гостеприимны. Даже если незнакомый ариои переступит порог дома своего собрата, он всегда встретит радушный прием и найдет щедрые и обильные угощения. Мне кажется, что в общество это могут вступать по одному или по два представителя каждого рода. Главное и обязательное условие устава общества состоит в том, что никто из его членов не может иметь детей.

Со слов некоторых островитян можно заключить, что первоначально собратьям запрещалось иметь сношения с женщинами, но тот пункт устава не имел успеха. Однако сохранилось в силе жестокое правило, связанное, вероятно, с первоначальными законоположениями, в силу которого ариои должны убивать своих детей.

Ариои пользуются особыми привилегиями и преимуществами и окружены на острове Таити всеобщим почетом. Ойдиде был глубоко разочарован, когда узнал, что английский король имеет детей. Он признался, что считает себя особой более достойной, чем Георг III, так как многодетность короля свидетельствует о том, что он не является членом общества ариои, к которому принадлежит сам Ойдиде.

Во время торжественных сборищ ариои питаются лучшими сортами плодов и кореньев. Они едят много свинины, собачьего мяса, рыбы и птицы. Всем этим их в изобилии снабжают

туземцы низкого происхождения. Для ариои готовят в огромных количествах напиток из корней авы. Они предаются чувственным наслаждениям, не соблюдая ни меры, ни закона. Некоторые, подобно Ойдиде, имеют жен, но большинство из них либо состоят в связи с наложницами, либо общаются с распутными женщинами, которых на островах великое множество.

Обычай детоубийства совершенно не соответствует нашему представлению о нравах островитян. Лишь предрассудки и долголетняя привычка могли заглушить голос сердца у великодушных, добрых и отзывчивых обитателей островов Общества...».

«... По возвращении в Англию из разговоров с Омайем, я к величайшему своему удовольствию узнал, что детоубийство не является общераспространенным обычаем. Правда, Омай подтвердил, что ариои жертвуют в угоду суровому закону своими сердечными склонностями, ибо, нарушая устав общества, они рискуют потерять преимущества, связанные со своим высоким званием.

Но матери никогда добровольно не соглашаются быть соучастницами омерзительного преступления. Поэтому приходится умерщвлять детей тайно...».

94. *Ариои* — общества или корпорации, назначение которых состояло в организации развлечений и празднеств, подобных греческим вакханалиям или римским сатурналиям. До появления миссионеров ариои насчитывали тысячи членов и имели весьма сложную иерархическую организацию.

Во времена Кука это были общества со строго иерархическим делением на восемь групп. Каждый вступающий в общество принимался в низшую группу и лишь немногие, пройдя все восемь ступеней, могли достичь титулов высшего ранга. Переход члена общества из низшей группы в высшую всегда сопровождался торжественными церемониями. Спорным, однако, представляется утверждение Кука о кастовом, строго замкнутом характере общества. Членство в ариои было почетно, и члены общества, особенно высших его групп,

пользовались правом личной неприкосновенности и считались избранниками богов. Члены ариои странствовали большими партиями по стране, устраивая общественные празднества, на которых они выступали с речами, танцами и ставили пьесы духовного и светского содержания. Детоубийство среди них было действительно узаконено, но обычай этот не всегда распространялся на детей особ, принадлежащих к высшим группам. Верховным покровителем ариои считался Оро — бог войны.

Роль ариои в общественной жизни Таити и сопредельных островов была весьма значительна. Это общество с мощной и стройной организацией и крепкой внутренней дисциплиной было опорой правящей верхушки (жречества и родовой аристократии), своеобразным духовным орденом, призванным поддерживать в умах народа представления о незыблемости освященного богами социального строя.

КНИГА ТРЕТЬЯ

От острова Ульетеа до Новой Зеландии

Глава первая

Переход от острова Ульетеа к островам Дружбы. Описание открытых по пути островов

Шестого июня, через день после того, как мы оставили остров Ульетеа, в 11 часов утра к северо-западу от корабля показалась земля на 16°46' ю.ш. и 154°8' з.д. То было кольцо островков, соединенных между собой цепью рифов и песчаных банок, около 1 1/2 лиг в диаметре. Самый крупный островок находится в северо-восточной части этой группы, открытой капитаном Уоллисом, который назвал его островом Хоу. Туземцы острова Ульетеа называют этот необитаемый архипелаг Мопеха. Порой они переправляются на его берега для ловли черепах. В течение десяти дней шли в юго-западном направлении, не встретив на пути ничего достойного упоминания.

16 июня, четверг. 16-го вскоре после восхода солнца с вершины фок-мачты была замечена на северо-западе земля. Подобно

острову Хоу, это была кольцеобразная группа, состоящая из пяти или шести поросших лесом утесов. Внутри кольца располагалось круглое озеро, видимо, не связанное с морем проливом, достаточно широким для прохода крупного корабля.

Мы прошли около 2 лиг вдоль западных и северо-западных берегов острова, все время держась близ него, но не нашли удобной якорной стоянки и не видели там людей. **[284]**

Координаты острова почти совпадают с координатами, данными Дальримплем для Сагитарии, открытой Киросом. Описание Кироса, однако, совершенно не соответствует тому, что мы увидели собственными глазами. Поэтому я отнес эту группу к числу новооткрытых и в честь одного из лордов Адмиралтейства назвал ее островом Пальмерстона. Расположен остров на 18°4' ю.ш. и 163°10' з.д.

В 4 часа дня мы отправились дальше на юго-запад при свежем восточном ветре.

20 июня, понедельник. 20-го в полдень на 18°50' ю.ш. и 168°52' з.д. нам показалось, что на юго-юго-западе видна земля. Мы отклонились от курса и в течение двух часов следовали в поисках этой земли к юго-юго-западу, но, не обнаружив никаких признаков суши, снова вернулись на старый курс.

В 5 час. был замечен остров в 5 лигах к западу от корабля. Всю ночь лежали в дрейфе под марселями и на рассвете, прибавив паруса, подошли к западному берегу острова. На берегу появились люди, и к тому месту, где они находились, не трудно было переправиться на лодках. Я приказал спустить на воду две шлюпки и в сопровождении офицеров и ученых отправился на берег. Туземцы, заметив, что мы собираемся высаживаться, стремглав бежали в лес. Мы вошли в небольшую бухту, сошли на берег и во избежание неприятных сюрпризов устроились, на открытом возвышенном месте.

Там я водрузил британский флаг. Форстер немедленно приступил к сбору трав, я же начал осмотр берега. Он настолько зарос высокими кустарниками и деревьями, что мы могли обозревать местность лишь в радиусе сорока ярдов. Едва мы

продвинулись на некоторое расстояние вглубь леса, как услышали голоса туземцев.

Я крикнул Форстеру, чтобы он возвращался к берегу и вышел из чащи к тому месту, где стояли шлюпки. Одновременно на берег вышли и туземцы. Мы обратились к ним с приветствием и знаками дали понять, что высадились на остров с дружественными намерениями. Однако туземцы ответили на это угрозами, и один из них, выступив вперед, бросил камень, который угодил в руку доктору Спаррману. Кто-то из моих спутников выстрелил из мушкета. Звук выстрела заставил островитян отступить. Они скрылись в лесу, и мы их потеряли из вида. **[285]**

Мы решили, что не имеет смысла оставаться на этом лесистом берегу, и, отчалив, направились вдоль берега в поисках более удобного места для высадки. Несколько миль мы прошли на шлюпках, не увидев на берегах ни одной живой души и не обнаружив подходящего для стоянки места. Дойдя до небольшой песчаной косы, мы нашли на ее берегу четыре каноэ.

Здесь мы высадились. Я поставил на скале, возвышавшейся над косой, караульных и в сопровождении трех спутников направился к каноэ. В них я оставил, как это делалось всегда в подобных случаях, несколько гвоздей и монет.

В каноэ мы нашли плетеные циновки, удилища, копья и куски дерева, которые, вероятно, туземцы употребляют в качестве светильников во время ночной рыбной ловли. Туземцы появились вскоре после нашей высадки. Мы пытались вступить с ними в переговоры, но успеха не имели. Они шли на нас свирепые, как дикие кабаны, и кидали свои дротики.

Два или три выстрела в воздух не произвели никакого впечатления на них. Один из туземцев опередил своих соплеменников, кинулся вперед и бросил дротик, который едва не задел мое плечо. Храбрость этого воина едва не стоила ему жизни, так как, движимый инстинктом самосохранения, я машинально разрядил ему в лицо свой мушкет, но мушкет, к счастью, дал осечку, и впоследствии я благодарил судьбу за это.

В тот же миг наши караульные на скале открыли огонь, и эффект стрельбы убавил боевой пыл туземцев. Они бежали в лес и больше уже не показывались нам на глаза, хотя мы некоторое время и оставались на берегу, ожидая их вторичного появления. Мы так и не узнали, причинила ли открытая стрельба какой-либо вред островитянам.

Вскоре мы вернулись на корабль. Я забыл упомянуть, что незадолго до нашей высадки на месте боя я отправил на рекогносцировку несколько человек. Они осмотрели берег и не обнаружили ничего, кроме коралловых скал, поросших таким густым кустарником, что почти невозможно было проложить через него путь вглубь острова.

Поведение и внешний вид островитян навели меня на мысль назвать этот остров — Диким. Он расположен на 19°1' ю.ш. и 169°37' з.д. и имеет около 11 лиг в окружности. **[286]**

Дикий остров округлой формы, высокий, всюду у берегов его глубина моря весьма значительна. И берега и все внутренние части острова покрыты кустарником и деревьями.

Я видел на берегу кокосовые пальмы, но не знаю, встречаются ли они в местах, удаленных от моря. Судя по береговой полосе, плодородных земель на острове немного, и почва здесь должна быть каменистой. Происхождение острова неясно. Возможно ли, чтобы мельчайшие животные — творцы коралловых рифов, могли создать этот огромный и столь значительно возвышающийся над морем массив? Или, быть может, остров поднят из морских пучин землетрясением? Или море отступило в этом месте. обнажая участок дна? Многие мыслители пытались дать ответ на вопрос о происхождении низких островов, но никто еще не говорил ни слова о том, как возникли высокие острова.

Эти острова целиком состоят из кораллового камня и волны, которые постоянно бьются о берега, способствуют образованию в скалах пещер, иногда огромного размера. Своды таких пещер поддерживаются массивными столбами — колоннами причудливой формы. В одной пещере я видел в сводовой части огромное отверстие, через которое проникал дневной свет.

Другая после обвала кровли превратилась в глубокую расселину, прорезывающую мощную толщу горных пород.

Население острова невелико. Туземцы все до одного крепкие, стройные, хорошо сложенные. У некоторых лицо и грудь разрисованы черной краской. Каное у них такого же типа, как и у обитателей острова Амстердам. И облик этих островитян, и их каное полностью соответствуют бугенвилевскому описанию туземцев островов Мореплавателей, расположенных на том же меридиане (Острова Мореплавателей Бугенвиля — архипелаг Самоа. — *Ред.*).

24 июня, пятница. Покинув Дикий остров, мы следовали в западно-юго-западном направлении при легком попутном ветре до вечера 24 июня. После заката солнца, полагая, что вблизи должен быть остров Роттердам, я лег в дрейф.

25 июня, суббота. На рассвете мы двинулись далее на запад и вскоре увидели цепь островов, которая протягивалась с юго-юго-запада на северо-северо-восток. **[287]** Пользуясь попутным ветром, мы отошли на северо-запад с тем, чтобы внимательнее рассмотреть острова, лежащие под этим румбом.

26 июня, воскресенье. Острова эти находятся на 20°23' ю.ш. и 174°6' з.д. Спустившись к югу и отыскав удобный проход в длинной цепи островов и рифов, мы легли на прежний курс и вскоре увидели на юго-западе и северо-западе множество мелких островов. Непосредственно на западе открывался проход, который надлежало, однако, хорошенько обследовать. У берегов этих островов глубина доходила до 45—50 фатомов, и дно было чистое, песчаное, что давало возможность выбрать удобное место для якорной стоянки. В полдень к кораблю подошли каное, и островитяне охотно выменивали на мелкие гвозди кокосовые орехи. Они показали нам, в какой стороне расположен был остров Анамока (Роттердам). То обстоятельство, что мы знали некоторые туземные собственные имена, во многом облегчало переговоры с островитянами.

Они назвали нам имена ряда близлежащих островков и усиленно приглашали в гости на свой остров, который называли Корнанго. Однако мы поспешили воспользоваться

попутным ветром и, убедившись, что глубина в проходе превышает 9 фатомов, направились к Анамоке. Когда мы появились у южной оконечности острова Анамока, или Роттердама, нас встретило большое количество каное, груженных фруктами и кореньями.

Туземцы выкрикивали мое имя — непосредственное доказательство их связей с обитателями острова Амстердам. Они приглашали нас пристать к берегу, давая понять, что именно на этом участке удобнее всего бросить якорь. И действительно, юго-западный берег хорошо защищен от южных и юго-восточных ветров. Все же я не решился вести корабль к берегу без предварительной рекогносцировки, тем более, что солнце уже садилось. Поэтому я направился к северному берегу острова и бросил якорь на расстоянии 3/4 мили от него в бухте с песчаным дном.

Глава вторая

Прием на острове Анамока. — Грабеж, учиненный туземцами, и его последствия. — Замечание о навигационной практике островитян. — Описание Роттердама и близлежащих островов

Еще до того, как мы стали на якорь, туземцы съехались на своих каное со всех сторон, предлагая нам плоды и рыбу и охотно обменивая их на гвозди или тряпки. Один туземец попытался отсечь острым камнем кусок линя, и только после того, как был дан выстрел в воздух, он отказался от этой затеи.

Рано утром я отправился на берег с Гилбертом в поисках хорошего источника. Мы высадились в бухте и были гостеприимно встречены туземцами. После раздачи подарков я спросил, где можно найти на острове воду. Островитяне провели нас к небольшому озеру, вероятно, к тому самому, о котором упоминал Тасман.

Одновременно матросы, оставшиеся в шлюпке, усердно меняли гвозди и бусы на фрукты и коренья. Впрочем, возвратившись на корабль, я убедился, что этими торговыми операциями занялась вся команда.

После завтрака я велел отвезти на берег пустые бочки. Туземцы усердно помогали матросам при разгрузке и с благодарностью принимали от них бусинки и гвозди. Матросы приобрели столько фруктов, что пришлось дважды посылать за этим добром шлюпку к берегу. К обеду мы привезли на корабль бочки с водой. Вернулись все отправленные на берег люди, за исключением лекаря. **[289]**

С лекарем произошла неприятная история. Дело в том, что он не поспел к тому моменту, когда шлюпки отвезли на корабль последнюю партию людей, оставшихся на берегу. Желая каким-либо образом попасть на судно, он вступил в переговоры с туземцем, чье каное стояло на берегу, и уговорил его отправиться к кораблю. Но как только врач вошел в лодку, туземец схватил его ружье и убежал в лес.

Офицеры, посланные мною на поиски лекаря, не приняли никаких мер для возвращения ружья. Я также сделал вид, будто ничего не случилось, и допустил большую ошибку.

Легкий способ, посредством которого туземцы завладели этим ружьем, — а они вне всякого сомнения считали его теперь своей неотъемлемой собственностью, — побудил их к еще более дерзким поступкам.

До того, как случилась эта покража, островитяне успели привезти нам такое количество плодов, что мы к вечеру загрузили ими все корабельные шлюпки.

28 июня, вторник. Рано утром лейтенант Клерк с штурманом и 14 или 15 матросами отправился на берег за водой. На берегу их крайне враждебно встретили туземцы. С большим трудом лейтенант смог наполнить бочки водой и погрузить их в шлюпки. Воспользовавшись тем, что все моряки были заняты у источника, туземцы похитили ружье Клерка.

Я прибыл к месту происшествия, когда бочки уже были погружены в шлюпку. Туземцев на берегу было много, но, завидев меня, они разбежались в разные стороны. Уже по их поведению я понял, что случилось что-то неладное. После того,

как Клерк доложил мне о краже ружья, я решил высадить на берег отряд вооруженных матросов.

Так как Форстер со своими помощниками находился где-то на берегу, то я приказал дать знать ему пушечным выстрелом об объявленной тревоге. Поступили так, потому что не знал, с каким количеством туземцев мы имеем дело.

В своей шлюпке я удержал нескольких островитян. Они вели себя со свойственной им учтивостью.

Им я дал так ясно понять, каковы были мои намерения, что ружье Клерка было мне возвращено задолго до того, как прибыл с корабля отряд морской пехоты. Когда же это случилось часть туземцев, задержанных мной, так перепугалась, что пустилась в бегство. Первым делом **[290]** я захватил два больших двойных каноэ, что стояли у берега. Один из островитян пытался оказать сопротивление, но я избавился от этого туземца, разрядив в него заряженный дробью мушкет. Вслед за этим, видя, как я разъярен, бежали и те островитяне, что оставались под моим надзором. Некоторые из них, однако, вернулись по моему зову, а затем другие туземцы принесли украденный у лекаря мушкет и положили его к моим ногам.

Тогда я приказал возвратить каноэ, чтобы туземцам было ясно, по какой причине было задержано их имущества. На возвращении других, не имеющих большой ценности, вещей я не настаивал.

Повторный рейс за водой обошелся без всяких происшествий. Туземцы держались в стороне, и только один из них осмелился подойти к матросам. Впрочем, он еще во время тревоги дал нам понять, что не одобряет поведения своих соплеменников. У заводи, где мы набирали воду, я спустя некоторое время встретил группу туземцев. От них я узнал, что человек, в которого я выстрелил, умер. Я счел это сообщение неправдоподобным и; пропустив его мимо ушей, обратился к одному из островитян, самому важному по виду, потребовав от него, чтобы мне вернули похищенный утром медный плотничный инструмент.

Он немедленно отправил куда-то двух человек. К моему величайшему удивлению, они принесли распростертого на доске раненого туземца. Он лежал совершенно неподвижно, и мне показалось, что человек этот действительно мертв. Это зрелище потрясло меня. Но скоро я убедился в том, что туземец жил и только ранен в руку и бедро. Тогда я распорядился отнести его в тень и послал за лекарем.

Затем я снова потребовал, чтобы туземцы вернули инструмент. Переговоры об этом я вел с одной старухой, которая буквально ошеломила меня своим многословием при первой встрече, во время вчерашней высадки на берег. И на этот раз она дала своему языку волю. Я с трудом мог понять смысл ее пламенных речей.

По всей вероятности, старуха убеждала меня не настаивать на возвращении этого никчемного, по ее мнению, предмета. Убедившись, однако, что я не поддаюсь ее уговорам, она, а с ней вместе еще три или четыре женщины куда-то удалились. Вскоре они принесли мне инструмент. Старуху я с этого момента больше уже не видел. Об этом **[291]** я сожалел, так как хотел наградить ее за то участие, которое она принимала во всех переговорах, тайных и явных. При первой встрече эта почтенная леди представила мне девушку и дала понять, что эта девушка готова к моим услугам. Очаровательная мисс, которая, вероятно, была основательно проинструктирована старой леди, пожелала — и это было ее предварительное условие — получить от меня гвоздь или рубашку прежде, нежели стать моей собственностью.

Тогда я дал понять ей, что я беден. Мне казалось, что после этого я смогу ретироваться с распущенными знаменами. Но я ошибался: мне предложили взять девушку в кредит. Когда я отклонил это предложение, старая леди стала спорить и осыпала меня оскорблениями. Разумеется, мне мало понятна была ее речь, но, судя по достаточно выразительным жестам, старая леди говорила вероятно так: «Что ты за человек, если отвергаешь объятия такой прекрасной и юной женщины».

Хотя девица, несомненно, была хороша собой, я предпочел удалиться, потому что брань достойной матроны достигала ушей моих спутников, сидящих в шлюпке. Они предложили мне взять юную леди на корабль. Но на это я не мог согласиться, так как сам дал перед высадкой на берег строгий приказ — не допускать ни под каким видом женщин на борт судна, по соображениям, о которых я упомяну в другом месте.

Лекарь, прибыв на берег, осмотрел раненого туземца, перевязал его раны и пустил ему кровь. Состояние раненого не внушало опасений, дробь только слегка оцарапала его кожу.

Лекарь потребовал, чтобы туземцы принесли ему листья банана — прекрасное средство для припарок. Они принесли стебли сахарного тростника, извлекли из них мякоть и знаками дали понять, что необходимо ее приложить к ранам. Очевидно, островитяне имеют кое-какие представления об искусстве врачевания.

Раненому я дал подарок, но мне кажется, что хозяин этого туземца или тот островитянин, которому принадлежало каное, присвоил себе мой дар. Дело таким образом было улажено к обоюдному удовольствию, после чего мы вернулись на корабль обедать. Я установил, что запасы плодов и кореньев вполне достаточны, и отдал приказ подготовить все необходимое для скорейшего выхода в море. **[292]**

Мне сообщили любопытную вещь. Когда по сигналу тревога с корабля дали первый залп, все каное, окружавшие судно, немедленно ретировались к берегу. Только один пожилой туземец, вычерпывающий из своего каное воду, остался на месте. Когда раздался первый залп, он спокойно взглянул на пушки и невозмутимо продолжал свою работу. Второй залп не произвел на него никакого впечатления, и он удалился лишь после того, как вычерпал из каное всю воду.

Мы заметили, что этот человек берет плоды и коренья в любой лодке, а затем продает их нам. Если ему не желали добровольно отдавать часть продуктов, он отнимал их насильно. Таким образом он вел себя, как таможенный чиновник.

Однажды, в тот момент, когда этот человек собирал дань, один предприимчивый туземец что-то похитил из его каное и поспешно отплыл. Но тот вовремя заметил покражу, догнал вора и забрал у него не только украденное, но и все, что находилось на дне каное и принадлежало похитителю. Не только во время торга на море, но и на берегу он собирал дань. Следует отметить, что этот туземец не был «арике» (вождем). Волосы его всегда были припудрены каким-то белым порошком.

Штиль не дал нам возможности отплыть вечером. Я снова отправился на берег, где был гостеприимно встречен туземцами. От них я узнал названия ближайших островов. Два наиболее крупных они называют Аматтафоа и Огао.

29 июня, среда. На рассвете вышли в море и взяли курс на север при слабом западном ветре. Скоро, однако, ветер стих, и мы вынуждены были остановиться среди рифов и мелей. Снова появились туземцы и завязалась меновая торговля. Думаю, что матросы променяли островитянам почти все ткани, приобретенные на Таити. Ночью при слабом ветре лавировали среди отмелей короткими галсами.

30 июня, четверг. Рано утром при легком западно-юго-западном ветре направились к острову Аматтафоа, лежащему к западу от Роттердама.

В час полудни прошли между островами Аматтафоа и Огао. Оба расположены в 11—12 лигах от острова Роттердам. Они обитаемы, но неплодородны.

Аматтафоа имеет около 5 миль в окружности, Огао несколько меньше; берега последнего обрывисты и круты. **[293]**

Когда мы шли проливом, отделяющим Аматтафоа от Огао, я видел большие двойные каное с парусами. Они сопровождали нас в течение всего дня, и наряду с парусными лодками за кораблем следовали также каное на веслах.

Я имел возможность убедиться в том, что ранее вызывало у меня некоторые сомнения. Эти каное меняли курс переменой

паруса; при этом передней частью лодки становилась ее корма. Паруса, которыми пользуются туземцы, латинские, прикрепленные к латинскому же рею.

Остров Анамока (Роттердам) расположен на 20°15' ю.ш. и 174°31' з.д. Он впервые был открыт Тасманом, который и назвал его именем великого голландского города.

Остров имеет форму правильного треугольника, каждая сторона которого равна 1/2-милям.

В центральной части острова находится соленое озеро, которое занимает значительную часть территории Анамоки.

Вокруг Анамоки рассеяны десятки мелких островов, рифов и отмелей. Они тянутся к северу на много миль; возможно, что гряда этих островков и рифов доходит на юге до Амстердама. Все эти острова, включая Миддельбург, Эуви и Пильстарт, образуют архипелаг Дружбы, занимающий три градуса по широте и два по долготе.

Названием своим эти острова обязаны тем, что населяющие их туземцы с исключительным радушием встречали, да и встречают теперь мореплавателей чужеземцев.

Быть может к архипелагу Дружбы следует причислить острова Боскавен и Кеппель, открытые капитаном Уоллисом на том же меридиане и на 15°53' ю.ш. Обитатели этих островов, судя по описаниям Уоллиса, так же миролюбивы и гостеприимны.

Остров Анамока по своему положению среди множества более мелких островков и по облику своих обитателей сходен с Амстердамом.

Свиней и кур здесь мало. Нам удалось приобрести только шесть свиней. На острове в изобилии произрастают ямс и шедок (цитрусовое). Других плодовых деревьев здесь немного.

На Анамоке меньше, чем на острове Амстердам, огороженных полей, но почва также плодородна. Однако ни на одном из островов архипелага Дружбы нет таких необработанных пространств, как на Анамоке. **[294]** Население кажется более

бедным, чем на соседних островах. Это заметно по одежде, циновкам, украшениям, домашней утвари.

Нигде я не видел такого количества прокаженных, как здесь. Чаще всего этот недуг поражает лицо. В некоторых случаях оно превращается в сплошную язву, и вид этих безносых физиономий прокаженных ужасен.

На судне моем после посещения островов Общества были отмечены случаи заражения венерическими болезнями. Я предпринял все, что было в моих силах, чтобы воспрепятствовать матросам и офицерам общаться со здешними женщинами. Думаю, что в этом я имел успех.

Мы не могли выделить в массе туземцев ни короля, ни верховного вождя, ни какой-либо иной особы, наделенной властью.

И здесь и на Амстердаме я видел много грубых глиняных горшков. Вероятно, эти гончарные изделия местного производства.

Туземцам я оставил молодого кобеля и суку. О собаках они уже имели некоторые сведения, хотя, по-видимому, раньше никогда не держали у себя этих животных.

Мы стояли на якоре у северного берега острова, в широкой бухте глубиной от 25 до 30 фатомов. Запасы дров и воды были сделаны достаточные. Вода на острове солоновата и может употребляться лишь в случае крайней необходимости.

Глава третья

Переход от островов Дружбы к Новым Гебридам. — Открытие острова Черепах. — Различные происшествия на пути к порту Сандвич на острове Малликолло

На рассвете в северо-восточном направлении еще видны были на расстоянии около 20 лиг берега острова Аматтафоа. Следуя на запад, открыли небольшой остров, к которому пристали на следующий день.

2 июля, суббота. Для осмотра острова я послал на берег штурмана. Когда шлюпка отплыла от корабля, на скале близ берега и на самом берегу показались туземцы, которые вскоре скрылись в лесу.

Вернувшись на корабль, штурман сообщил мне, что он насчитал на берегу не менее двадцати туземцев, и все они были вооружены дубинами и копьями. Он оставил на видном месте монеты, гвозди и нож. Все эти предметы туземцы должны были вскоре обнаружить, так как они, вероятно, внимательно следили из леса за каждым движением штурмана.

Остров имеет около лиги в длину и вытянут в направлении с северо-востока на юго-запад. Он покрыт лесом и окружен поясом коралловых рифов, которые в некоторых местах отстоят от берега на расстоянии 2 миль.

Судя по размерам острова, население его незначительно. Быть может, даже те туземцы, которых мы видели, не являются коренными жителями острова, а прибыли сюда с близлежащих островов для ловли черепах. **[296]** Животные эти водятся у острова в изобилии, именно потому мы назвали его островом Черепах. Он расположен на 19°48' ю.ш. и 178°2' з.д. От острова Черепах я взял курс на юго-юго-запад, чтобы обследовать гряду отмелей, которая протягивается в этом направлении. Я обнаружил, что гряда состоит из множества едва выступающих над поверхностью моря коралловых рифов.

16 июля, суббота. Находились в полдень на 15°9' ю.ш. и 171° 16' в.д. С самого утра мы шли в пелене тумана при сильном порывистом ветре, который сопровождался дождем. В тропиках все эти признаки указывают на близость высокого берега. И действительно, часа в три дня мы увидели на юго-востоке землю и направились прямо к ней, убавив паруса.

17 июля, воскресенье. Всю ночь лавировали близ берега короткими галсами, утром вынуждены были отойти мористее, так как плохое состояние парусов не позволяло при сильном ветре менять курс корабля вблизи отмелей и рифов.

Земля перед нами была Tierra Austral del Espiritu Santo (Южная земля — Духа Святого) Кироса; Бугенвиль назвал ее Большими Кикладами. Мы находились у восточного берега острова Авроры, входящего в архипелаг Большие Киклады на 168°30' в.д.

18 июля, понедельник. Ветер все время усиливался, и мы вынуждены были убавить нижние паруса и, изменив курс, идти к северной оконечности острова Авроры.

Приблизившись к ней, я лег бейдевинд к острову Прокаженных при свежем северо-восточном ветре.

Так как ветер дул от острова, на море не было волнения. В полдень северная оконечность острова Авроры оставалась от нас на северо-восток, на расстоянии 4 лиг.

В два часа дня мы были в двух милях от острова Прокаженных. На берегу острова ясно видны были величественные водопады и холмы, на которых росли прекрасные пальмы.

В полутора милях от острова глубина оказалась 70 фатомов при песчаном дне.

К кораблю подошли два каное. В одном было три туземца, в другом, меньшем, — только один. Несмотря на то, что знаками мы пытались продемонстрировать свои дружественные намерения, они не решились вплотную приблизиться к судну.

Вскоре каное направились к берегу. Там же собралась толпа чернокожих голых туземцев. Все они были **[297]** вооружены луками. Я взял курс на юг и подошел к широкому проливу между островами Аврора и Троицы. На берегу острова Троицы мы видели жителей, обработанные поля и дымки во многих местах.

21 июля, четверг. На рассвете находились у входа в пролив, отделяющий остров Троицы от другого острова, лежащего от него в двух милях к югу. Берега последнего тянулись на много лиг к востоку. В той части острова, мимо которой мы

проходили, видны были два огромных столба дыма. Думаю, что дым этот подымался из вулканов.

Мы шли к юго-юго-западу при легком ветре и подошли довольно близко к берегу. Этот большой остров туземцы называют Амбрим. Вскоре за южной оконечностью острова Амбрим показался крутой высокий берег, а за ним острая вершина горной гряды.

Продолжая идти прежним курсом, мы подошли после полудня 16°17' ю.ш к берегу нового острова, где обнаружили прикрытую далеко вдающимся в море мысом бухту, в которую впадала небольшая река. Мы заметили на берегу кучку туземцев, которые знаками приглашали нас к себе. Но вид у них был воинственный, и все они имели луки и пучки стрел.

Якорная стоянка выбрана была в другой бухте, расположенной лигой южнее, после того как вернулись две шлюпки с людьми, посланными мною для промера глубин. Якорь был брошен на глубине 11 фатомов в двух кабельтовых от берега и в одной миле от входа в бухту. Я назвал эту бухту, хорошо защищенную от ветров достаточно глубокую, «Порт Сандвич» (16°25' ю.ш. 167°57' в.д.).

Не успели мы стать на якорь, как у борта появились каное туземцев. Сперва они держались поодаль, но затем подошли вплотную к кораблю и принялись менять на разные тряпки свои стрелы. Стрелы эти имели костяные наконечники, густо покрытые липкой зеленой жидкостью, — вероятно, ядовитой.

Двое туземцев рискнули подняться на борт корабля и вскоре удалились, получив от меня подарки.

22 июля, пятница. Рано утром множество туземцев появилось у корабля. Они добирались до нас на каное и вплавь и плотным кольцом окружили судно. Я пригласил на борт одного из них. Однако за ним последовали многие из его соплеменников, и вскоре они заполнили палубу и усеяли снасти. **[298]**

Четверых туземцев я проводил в каюту и одарил их разными безделушками. Вернувшись на палубу, они показывали тем, что

остались в каноэ, полученные подарки и. казалось, были очень довольны ими.

В то время, когда я таким образом крепил дружбу с этой четверкой, произошел инцидент, который сперва крайне обеспокоил нас, но в конце концов послужил нам на пользу. У корабля стояли спущенные на воду шлюпки с матросами. Один туземец попытался забраться в шлюпку, но его туда не допустили. Тогда он натянул тетиву лука и едва не выпустил в гребца, сидевшего в шлюпке, отравленную стрелу. Другие туземцы вовремя удержали его. Я кинулся на палубу, а один из моих гостей-островитян выпрыгнул из окна каюты и мгновенно присоединился к тем туземцам, которые пытались унять стрелка. Однако он вырвался и снова направил свой лук на матроса, но, услышав мой голос, резко повернулся и прицелился в меня. В руках у меня был заряженный дробью мушкет, и я выстрелил в воздух. На мгновение туземец пришел в замешательство, но затем снова начал в меня целиться. Второй выстрел заставил его бросить лук; остальные туземцы, бывшие вместе с ним, стали изо всех сил грести к берегу.

В это время в нас пустили несколько стрел с другой стороны, и мушкетный выстрел в воздух не успокоил туземцев. Но после того, как пушечное ядро просвистело над их головами, среди них началась паника. Те, что находились в каноэ, кинулись в воду и поплыли к берегу. Их примеру последовали наши гости; из окон кают-компании и с палубы они бросились за борт.

Сразу же после того, как был дан выстрел из пушки, на берегу раздался барабанный бой. Вероятно, то был сигнал для сбора всех воинов племени.

Вскоре после этого происшествия мы начали готовиться к высадке на берег. Нужно было заготовить дрова и пополнить наши запасы продовольствия.

Около 9 часов утра мы отправились к берегу на двух лодках и высадились на глазах огромной толпы туземцев. Их было не менее 400 или 500, и почти все имели луки, дубины и копья. Однако никакого сопротивления нам не было оказано. Напротив, когда я приблизился к берегу, без оружия с зеленой

ветвью в руках, один из них, видимо вождь передал свой лук другому туземцу, сорвал [300] пальмовую ветку и двинулся мне навстречу. Мы обменялись ветками мира, а затем он взял меня за руку и подвел к толпе туземцев.

Я тут же роздал подарки, а матросы тем временем вышли из лодок на берег. Знаками (языка этих туземцев я не понимал) я объяснил островитянам, что мы желаем нарубить дров. Они отлично поняли меня, в чем я убедился по их жестам. Один туземец принес мне небольшую свинью, и я дал в обмен кусок ткани. Мы полагали, что вслед за этим начнется оживленная меновая торговля, но, как оказалось, мы неправильно истолковали случай со свиньей. Ее преподнесли нам не ради корысти, а в знак установления мира и дружбы.

Гвозди и железные изделия мало интересовали туземцев. С большим трудом удалось нам приобрести полдюжины кокосовых орехов и немного пресной воды.

Они давали за ткани стрелы, но неохотно расставались с луками. Всем своим поведением они стремились показать, что проникновение чужеземцев в глубь острова им крайне нежелательно,

После обеда я с Форстером и отрядом матросов снова поехал на берег. Мы высадились у небольшого селения, расположенного на опушке леса. Туземцы пропустили к своим хижинам только меня и Форстера.

Жилища их так же, как и других островитян, низкие, крытые пальмовыми листьями. Входом в хижины служит неширокая прорезь в стенах, прикрытая доской.

Когда мы осматривали селение, входные отверстия были наглухо закрыты. Очевидно, туземцы не желали, чтобы мы заглядывали внутрь хижин.

В этом селении было шесть хижин и участок возделанной земли, огороженный изгородью из тростника. Такие же изгороди видели мы и на островах Дружбы. Неподалеку росли кокосовые пальмы, банановые и хлебные деревья, но плодов на

них было мало. Штук 20 свиней и несколько кур свободно бродили между деревьями.

Осмотрев это селение, мы направились к юго-восточной оконечности острова.

Туземцы называют свой остров Малликолло (Маникола записок Кироса); остров, лежащий к югу от Амбрима, они называли Апи, а лежащий еще южнее, холмистый, Поум. На берегу мы видели какой-то гнилой плод, похожий на апельсин (туземцы называют его абби-мора). **[301]**

23 июля, суббота. В 7 часов утра снялись с якоря и на буксире вышли из бухты. В полдень южная оконечность Малликолло была от нас на расстоянии двух миль.

Местные жители, увидев нас под парусами, поспешили за кораблем и открыли меновой торг. При этом нас поразила их необыкновенная честность. Случалось так, что они не успевали передать нам в обмен на уже полученные предметы свои товары, так как корабль шел очень быстро.

Наши друзья с островов Общества, разумеется, воспользовались бы этим, но туземцы Малликолло вели себя иначе: они делали все, что было в их силах, для того, чтобы догнать судно и отдать приобретенные нами вещи.

Мы выходили из бухты, где была наша якорная стоянка в час отлива. На отмелях островитяне собирали крабов, не обращая на нас никакого внимания. Я думаю, что к моменту нашего отплытия они убедились, что мы не причиним им никакого вреда. Таким образом, если бы мы остались в Малликолло еще некоторое время, можно было бы установить с этими обезьяноподобными добрососедские отношения.

Я называю их обезьяноподобными не случайно. Никогда мне еще не приходилось видеть столь безобразных и так плохо сложенных людей, как здесь, на Малликолло. Они малы ростом и темнокожи. Волосы у них черные, курчавые, гораздо более жесткие, чем у негров. Их плоские лица обрамлены густой, курчавой бородой. Особую уродливость им придают невероятно

туго затянутые пояса, которые настолько врезываются в тело, что издали кажется, будто туловище туземца состоит из двух неравных частей. Мужчины почти обнажены, лишь легкая повязка прикрывает их бедра. Мы почти не видели женщин, так как ни одна из них не осмелилась подняться на борт. Они так же безобразны, как и мужчины, их лица и плечи разрисованы красной краской. Я не уверен, что зеленая жидкость, которой они смазывают наконечники стрел, действительно ядовита. По крайней мере, когда наш лекарь ввел эту жидкость в глубокий надрез, сделанный на боку у собаки, животное не околело. Рана быстро зажила, и собака эта благополучно добралась с нами до Англии. Но если жидкость эта не ядовита, то трудно объяснить, с какой целью туземцы мажут ею свои стрелы.

Наконечники у стрел длинны и остры, делаются они либо из твердого дерева, либо из кости. **[302]**

Глава четвертая

Открытие новых островов. — Встречи и схватки с туземцами. — Прибытие на остров Танна

При выходе 23 июня в море мы взяли курс на остров Амбрим и шли этим курсом до 3 часов дня. Затем повернули к юго-востоку, обошли юго-восточную оконечность острова Малликолло и открыли три или четыре небольших островка. Издали казалось, что все они соединены между собой.

Вечером они оставались от нас на юго-востоке, на расстоянии 3 лиг. Остров Амбрим в это время лежал на северо-востоке, острова Поум и Апи — на юго-востоке.

Мы взяли курс к берегам острова Апи и к полуночи подошли к острову так близко, что вынуждены были до рассвета лечь в дрейф.

24 июня, воскресенье. На рассвете, следуя на юго-восток, обогнули восточную оконечность острова Апи и пошли дальше вдоль его берега. К восходу солнца открыли цепь мелких островов, которая протягивалась к югу от острова Апи. К ближайшему из них дошли в 10 час. утра. Остров в окружности

был не менее 4 лиг. Он приметен даже на значительном расстоянии, так как высоко подымается над морем. Три островерхих горных вершины — его отличительная особенность.

В полдень мы легли на восточный курс, и, обойдя остро в Трех Холмов, стали держать на группу островков, что была расположена далее к югу от Апи. **[303]**

Этот маленький архипелаг я назвал островами Шеферда, в честь моего глубокоуважаемого друга, д-ра Шеферда, профессора астрономии в Кембридже.

Я хотел пройти между островами, но пролив, к которому мы подошли, оказался очень узким, что заставило нас спуститься к югу, чтобы обойти этот архипелаг.

Наступивший штиль отдал нас во власть течения, и мы шли у самого берега. К счастью, глубина моря была под берегами островов весьма значительна (более 180 фатомов). Невозможно было подсчитать количество окружающих нас островов. Куда бы ни обратились наши взоры, повсюду находили мы рифы и мелкие островки.

Легкий юго-восточный ветер избавил нас от опасностей, связанных со штилем, и мы провели ночь у берега архипелага, лавируя короткими галсами. Накануне отплытия из порта Сандвич мы выловили крючком, привязанным к линю, двух красноватых рыб, по виду и по величине напоминающих лещей. Все, кто ел эту рыбу (а она подавалась на обед в течение двух дней), сегодня почувствовали себя очень плохо. Симптомами болезни были резкая головная боль, жар, онемение конечностей, ломота в костях. Несомненно, недуг вызван был отравлением рыбой. Собаки и свиньи, отведавшие остатков рыбы, страдали не меньше, чем люди. Одна свинья и одна собака околели в страшных муках. У людей болезнь продолжалась 7—10 дней.

Возможно, что нам попались рыбы того вида, о котором упоминает Кирос. Кирос отмечал, что рыбой «паргос» была отравлена почти вся команда на его корабле, и болезнь

протекала в тяжелых формах. Мы в тех же условиях поступили подобно испанским морякам, причем съели этой рыбы больше, чем люди Кироса.

25 июня, понедельник. На рассвете мы легли в бейдевинд к востоку от островов Шеферда и шли, таким образом, до восхода солнца. Так как на ветре не было видно земли, я взял курс на юг к берегам острова, который мы увидели в этом направлении. Мы прошли вдоль восточного берега острова Трех Холмов и лежащего к юго-востоку от него низкого острова через пролив между высоким утесом, который я назвал «Монументом» и островом с двумя вершинами. Пролив этот был около мили шириной при глубине в 24 фатома. **[304]**

Только на крутых склонах «Монумента», доступных лишь для птиц, мы не видели людей. На всех же прочих островах толпы туземцев с любопытством созерцали наш корабль.

Продолжая продвигаться к югу, мы в 5 часов пополудни подошли к крупному острову, у северного берега которого я заметил три или четыре небольших островка. Большой остров я назвал в честь графа Сандвич островом Сандвич, двум же малым дал наименования Монтегю и Хинчинбрук. Мы не вышли в пролив между этими островами, так как дно его было усеяно подводными камнями, и лавировали у берегов до тех пор, пока не наступил штиль, который продолжался до 7 часов утра следующего дня.

Во время штиля течение отнесло нас на 4 лиги к западу-северо-западу: мы прошли мимо острова Хинчинбрук и открыли еще далее к западу небольшой остров.

26 июня, вторник. Утром подул западный ветер, и я взял курс на юго-восток с тем, чтобы пройти между островами Сандвич и Монтегю. В полдень мы были в средней части пролива на 17°31' ю.ш. Ширина пролива доходит до 4—5 лиг, но местами он более чем на половину сужен отмелями. Там, где мы шли, глубина пролива везде была более 40 фатомов.

Когда мы проходили мимо острова Монтегю, туземцы на берегу знаками приглашали нас пристать к берегу. На берегах острова

Сандвич мы также видели туземцев. Этот остров радует взор живописными лесными лужайками. Невысокие гряды холмов тянутся вдоль берега, склоны их пологи. Везде вдоль берега рассеяны отмели и рифы, которые не дают возможности приблизиться к острову. Единственная бухта на северном берегу острова Сандвич расположена у его западной оконечности, за островом Хинчинбрук. Я, однако, отказался от мысли детально обследовать побережье, так как стремился, следуя в юго-юго-восточном направлении, установить, насколько далеко простирается архипелаг к югу.

Но когда мы находились у выхода из пролива, ветер стих, и положение наше стало весьма неприятным, потому что течение могло отнести нас назад и бросить на береговые рифы, а стать на якорь в водах пролива было невозможно, поскольку в этой части глубина его превышала 160 фатомов. К счастью, скоро подул слабый юго-западный ветер, и мы пошли на юго-восток. На закате солнца остров **[305]** Монтегю находился в 3 лигах от нас. На юго-востоке показалась южная оконечность острова Сандвич.

27 июня, среда. До 4 часов утра шли на юго-восток, а затем свернули к западу. На восходе солнца, когда остров Монтегю был в тринадцати лигах от нас, я увидел на юге три высоких холма. В полдень мы приблизились к холмам настолько, что могли установить, что все они соединены между собой, образуя довольно значительный остров. Мы находились на 18°1' ю.ш. на расстоянии 1°23' к востоку от порта Сандвич.

28 июня, четверг. До рассвета шли к юго-востоку на слабом юго-западом ветре, а затем, когда ветер подул с юга, взяли курс на запад. Остров с тремя вершинами оставался в 10—12 лигах к юго-западу от нас. В течение трех последующих дней противные ветры и течения относили нас к северо-западу. На юге мы открыли высокий остров. Сперва нам показалось, что на этом румбе расположена целая группа холмистых островков, но вскоре мы убедились, что то был не архипелаг, а большой остров.

1 августа, понедельник. На северо-восточном ветре подошли в 10 часов утра к северо-западной стороне этого острова. Приблизившись к 2 часам дня к западному берегу, следовали далее на расстоянии одной мили от него. Туземцы большими толпами высыпали на берег и знаками призывали нас к себе.

Мы все время вели промеры глубин, но не доставали дна, пока не приблизились к небольшой бухте, глубина которой была 20—30 фатомов. Я хотел стать здесь на якорь, но ветер все время дул с северо-запада к берегу, и поэтому пришлось отказываться от этого намерения и направиться далее на юго-восток. Следуя на дистанции мили от берега, я открыл еще одну более значительную бухту, но не успел промерить в ней глубину, так как ветер стих. До 8 часов вечера при слабом ветре я продолжал идти к югу и около этого времени увидел впереди яркий свет. В темноте опасно было продвигаться вперед, и всю ночь мы лавировали короткими галсами при малом ветре.

2 августа, вторник. Утром мы по-прежнему находились недалеко от большого острова. За ночь течение отнесло нас к северу, и мы до полудня делали все возможное, чтобы выиграть потерянную из-за противного течения дистанцию. **[306]**

В полдень были на расстоянии одной лиги от берега. В этот момент мы находились на 18°46' ю.ш. Течение все время относило нас к северу, и я решил стать на якорь. Однако попытка отбуксировать судно к берегу не увенчалась успехом, так как пока Гилберт занимался промерами глубины моря у предполагаемой стоянки, течение относило корабль все дальше и дальше к северу. Пришлось поднять на борт шлюпки и взять курс к северной оконечности острова с тем, чтобы обойти его не с юга, а с северо-востока.

Гилберт сообщил мне, что в то время, когда он занимался промером глубин, на берегу показались туземцы. Выстрел сигнальной пушки их совершенно не испугал, хотя, несомненно, им никогда не приходилось видеть европейские корабли и огнестрельное оружие.

3 августа, среда. Островитяне держались, однако, на почтительном расстоянии от шлюпки. На рассвете мы

находились в трех лигах от большого мыса на северо-восточной оконечности острова. Слабый ветер дул с юга, и я имел возможность спустить на воду две шлюпки и послать на небольшой островок, лежащий неподалеку от мыса, команду матросов для рубки дров.

Мы продолжали оставаться под парусами, но не продвигались ни на один дюйм вперед, так как течение все время относило нас в противоположном направлении.

Матросы скоро вернулись на корабль. Им не удалось пристать к острову из-за сильного волнения у берега. К 6 часам вечера я стал на якорь у северо-западного берега мыса в обширной бухте, на расстоянии полумили от берега.

На берегу показалось много туземцев. Некоторые из них бросились в воду, чтобы добраться до корабля вплавь. Однако они повернули назад к берегу, когда увидели, что мы спускаем шлюпку. Все же у нас сложилось благоприятное мнение об обитателях острова.

4 августа, четверг. На рассвете я с группой матросов на двух шлюпках отправился на берег для выбора удобного места высадки. Когда я шел вдоль берега, туземцы знаками приглашали меня к себе. Я осмотрел песчаный пляж у оконечности мыса, но этот участок берега показался мне неудобным, так как везде вдоль него рассеяны были крупные подводные камни. Все же я решил причалить здесь и тут же роздал куски тканей и медали окружавшим меня туземцам. Они предложили мне перетащить через **[307]** отмель на берег шлюпки. Мне сперва по казалось, что островитяне сделали это предложение, желая нам помочь, но вскоре я убедился, что намерения их были отнюдь не дружественные.

Когда я не допустил туземцев к шлюпкам, они дали нам понять знаками, что в глубине залива имеется более благоприятный для высадки пункт.

Мы последовали на шлюпках в указанном направлении, а островитяне во всю прыть пустились бежать вслед за нами вдоль берега. При этом с каждой минутой число их возрастало,

и все новые и новые группы туземцев присоединялись к бегущей и возбужденной толпе.

Я безуспешно пытался пристать в двух или трех местах к берегу и, наконец, обогнув высокий утес, увидел песчаный пляж. К этому берегу мы подвели шлюпки. Я вышел на берег, к которому моя шлюпка пристала вплотную, перед лицом огромной толпы туземцев, с зеленой ветвью в руках. Я взял с собой только одного матроса и велел шлюпкам отойти на небольшие расстояние от берега. Туземцы встретили меня очень любезно и отошли от лодок при первом же моем требовании. Туземец, которого я, судя по его действиям, принял за вождя, велел островитянам выстроиться полукругом и избил двух-трех своих подчиненных, которые недостаточно быстро выполнили его приказ.

Я вручил вождю подарки и знаками объяснил ему, что мы ищем пресную воду. Вождь послал куда-то человека, который принес в бамбуковой чаше немного воды. Очевидно, моя просьба была понята неправильно.

Знаками я дал понять вождю, что мы нуждаемся в провизии. Мне принесли плоды ямса и кокосовые орехи. Одним словом, я был бы совершенно очарован приемом, оказанным мне на острове, если бы меня не наводил на некоторые размышления воинственный вид туземцев. Все островитяне были вооружены копьями, дубинами, дротиками и луками.

Я не спускал глаз с вождя и следил за каждым его движением. Несколько раз он делал мне знаки, убеждая дать матросам распоряжение подвести к берегу шлюпку. При этом он все время о чем-то совещался со своими приближенными. Когда я предложил вождю горсть мелких гвоздей, он долго колебался, прежде чем принять от меня подарок. **[308]**

Все это казалось мне настолько подозрительным, что я направился к шлюпке, заверив вождя, что мы через некоторое время вернемся к нему. Но туземцы не имели желания отпустить нас так скоро и сделали попытку силой добиться того, чего не удалось им достичь хитростью.

К несчастью, матросы спустили сходни для того, чтобы облегчить мне посадку в шлюпку. Слова «к несчастью» — не простая обмолвка. Если бы не сходни и допущенное нами промедление в момент, когда надо было отчалить от берега, мы не были бы свидетелями и участниками прискорбных событий, которые произошли именно потому, что туземцы получили несколько драгоценных секунд для исполнения своих злонамеренных планов.

Когда мы оттолкнули от берега шлюпку, островитяне схватили сходни и отцепили их от борта. Так как они не сделали попытки унести сходни, я подумал, что произошло какое-то недоразумение и распорядился вновь причалить к берегу.

Тогда туземцы закинули на корму крючья и стали тащить на берег шлюпку. Одновременно они накинулись на гребцов и пытались вырвать у них из рук весла.

Я навел на туземцев мушкет. На мгновение у нападающих охладел боевой пыл, но затем они снова принялись втаскивать на берег шлюпку. Во главе этой шайки был вождь.

Туземцы, толпившиеся поодаль, готовы были прийти на помощь вождю и угрожали нам копьями и дротиками. Слова, знаки, предупреждения нам не могли помочь. Оставался лишь один исход — применить оружие.

Я не желал стрелять по толпе и избрал в качестве жертвы вождя, зачинщика предательского нападения. Но в этот критический момент я, выстрелив из мушкета, промахнулся. Мой промах внушил им уверенность, что наше оружие никому не может причинить ни малейшего вреда, и островитяне атаковали нас со всех сторон, пустив в ход камни, дротики и стрелы.

Я вынужден был открыть по туземцам огонь. Первый залп вызвал в их рядах замешательство, второй обратил всю орду в бегство. Но из-за деревьев и кустов туземцы продолжали бомбардировать нас камнями. Сперва мне показалось, что убито четверо туземцев — четыре тела лежали на песке после второго залпа. Но спустя некоторое **[309]** время двое

островитян, видима, тяжело раненые, отползли в кусты. Туземцам посчастливилось — половина наших мушкетов дала осечку при стрельбе. Если бы ружья действовали исправно, нападающие понесли бы значительно большие потери.

У нас лишь один матрос был ранен в щеку дротиком. Наконечник дротика, толщиной в палец, вонзился в тело на два дюйма, что показывает, с какой силой был пущен этот дротик, хотя, разумеется, следует принять во внимание, что туземцы пользовались своим метательным оружием на близком расстоянии. Стрела с наконечником из твердого дерева слегка оцарапала грудь Гилберта.

По прибытии на корабль я приказал сняться с якоря и подвести судно ближе к месту нашей высадки. Мы перешли на новую стоянку и в тот момент, когда опускали якорь, увидели на скале туземцев, которые потрясали двумя веслами — трофеями, захваченными в битве с нами. Я решил, что туземцы этим способом изъявляют нам покорность и желают возвратить весла.

На всякий случай я велел разрядить по туземцам четырехфунтовый фальконет и дать им тем самым представление о действии «больших ружей». Ядро не долетело до берега, но напуганные туземцы бежали, оставив весла в кустах.

Все утро удерживался штиль, но как только мы бросили якорь на новом месте, подул северный ветер, и мы, поставив паруса, вышли из бухты, так и не осуществив намерения пополнить на ее берегах запасы воды и дров.

Обитатели этого острова по виду отличаются от туземцев Малликолло и говорят на другом языке. Они среднего роста, хорошо сложены, черты лица их довольно сносны. Цвет кожи у них темный, лица выкрашены либо красной, либо черной краской. Волосы у этих туземцев курчавые и жесткие, как шерсть. Женщины все до одной безобразны. Они носят нечто вроде короткой юбки из пальмовых листьев. Мужчины почти совершенно обнажены. Единственное их одеяние — лоскут материи, привязанный к опоясывающей бедра бечеве.

Я не видел у туземцев каноe. Живут они в хижинах, крытых тростником. Поля на острове разбросаны беспорядочно и огорожены плетнями. Земля на низких берегах бухты кажется плодородной. **[310]**

В два часа дня вышли из бухты, обогнув мыс, названный мысом Предателей за вероломство, проявленное его обитателями, и двинулись к южной оконечности острова при слабом ветре.

Продолжая плыть тем же курсом, мы скоро увидели в 10—12 лигах на юге новый остров и к ночи подошли к его восточной оконечности. В качестве маяка нам служили отсветы яркого племени.

5 мая, пятница. Всю ночь лавировали короткими галсами, на рассвете увидели на юге и востоке остров с плоской горной вершиной, а на северо-востоке — низкий островок, у берегов которого мы, сами того не подозревая, крейсировали в ночной темноте.

Мыс Предателей еще был виден на расстоянии 15 лиг, а остров, расположенный на юге, был в 3—4 милях от нас.

Мы обнаружили, что пламя, замеченное вчера вечером, извергал вулкан. Из жерла его с грохотом вырывались клубы дыма и снопы огня.

Я взял курс на этот вулкан и вскоре подошел к небольшому островку, расположенному у входа в глубокую бухту. Я отправил для обследования бухты команду вооруженных матросов на двух шлюпках, поручив рекогносцировку лейтенанту Куперу. «Резолюшн» последовал до входа в бухту за шлюпками с тем, чтобы в случае необходимости можно было оказать помощь отряду Купера.

На берегах мыса, лежащего с восточной стороны пролива, ведущего в бухту, мы увидели туземцев, хижины и спущенные на воду каноe, которые последовали за шлюпками, но держались от них на значительном расстоянии. Вскоре Купер просигнализировал мне, что место для якорной стоянки найдено, и мы вошли в пролив. Когда мы дошли примерно до

середины пролива, ветер стих, и мы вынуждены были стать на якорь при глубине всего лишь 4 фатома. Я снова послал шлюпки для промера дна.

Одновременно был спущен на воду баркас для того, чтобы по первому же сигналу Купера можно было забросить верпы и на буксире войти в бухту.

Туземцы в то время, когда мы продвигались через проход в бухту, толпами выходили на берег. Они были вооружены луками, дубинами и копьями. Как только мы бросили якорь, они на каное и вплавь кинулись к кораблю. **[311]**

Сперва они боялись приблизиться к нам и держались на дистанции пущенного из пращи камня, но затем, когда число их возросло, многие из островитян осмелились подойти к самой корме. Туземцы бросали нам кокосовые орехи и взамен получали куски ткани и некоторые другие вещи.

Примеру наиболее смелых островитян последовали остальные, и скоро корабль со всех сторон окружен был туземцами, которые начали вести себя вызывающе и дерзко. Они пытались утащить все, к чему могли дотянуться их руки. Одни едва не сорвали с древка флаг, другие хотели оторвать петли от руля, третьи (и это было хуже всего) возились у якорных буев, пытаясь отрубить их. Мушкетные выстрелы в воздух не произвели на островитян ни малейшего впечатления. Но гром корабельного фальконета испугал их до такой степени, что они бросились из своих каное в воду. Однако как только туземцы убедились, что выстрел не причинил им вреда, они снова сели в каное и огласили воздух дикими, воинственными воплями. Угрожая нам копьями, островитяне вернулись к буям. Мы вынуждены были разрядить по ним мушкеты, заряженные дробью, и только тогда добились желаемого результата, хотя некоторые смельчаки даже после ружейного залпа отваживались еще приближаться к буям.

Скоро все островитяне отплыли к берегу, что позволило нам спокойно сесть за обеденный стол.

Во время этой неудачной атаки один дружелюбный старый туземец привез нам кокосовые орехи и ямс и менял свои товары на любую из вещей, которую ему предлагали.

Вечером после того, как мы твердо стали на якорь, я отправился на берег, в юго-восточную часть бухты с командой вооруженных матросов. Туземцы встретили меня, не оказывая сопротивления. При моем появлении большая толпа островитян разбилась на две партии, давая мне и моей свите возможность пройти дальше в глубь острова. Туземцы были вооружены, но настроены мирно.

Я дал старикам-островитянам и некоторым другим туземцам куски материи и медали. Затем у источника, расположенного шагах в двухстах от места высадки, мы наполнили водой две бочки. **[312]**

Ничего, кроме кокосовых орехов, туземцы нам не продавали. Все время они были в состоянии боевой готовности; напасть на нас они могли в любой момент. Во избежание столкновения, я приказал своим людям вернуться на корабль, хотя, по причинам, которые остались для нас непонятными, туземцы предлагали нам остаться на берегу. Думаю, что наше своевременное отплытие расстроило их планы. Наш друг-старик был в толпе и, судя по его поведению, настроен был мирно. Туземцы рассеялись, как только мы отвалили от берега.

Глава пятая

Торговля с туземцами. Описание острова. — Различные происшествия во время нашего пребывания на этом острове

Так как мы испытывали большую нужду в пресной воде и топливе, я распорядился подвести корабль как можно ближе к берегу. Под защитой судовых пушек матросы могли спокойно работать на берегу, не опасаясь внезапного нападения туземцев.

1774 г., 6 августа, суббота. Утром были спущены шлюпки, и мы начали подводить корабль к берегу. Туземцы собрались на берегу, разделившись, как вчера, на две группы. Было их несколько тысяч, и все они были хорошо вооружены.

Время от времени к кораблю подходили каное, и туземцы в обмен на ткани и безделушки давали нам кокосовые орехи и бананы. Они предлагали нам плоды, не требуя никакого возмещения, но я приказал ничего не брать у них без оплаты.

Кажется, главный их замысел состоял в том, чтобы заманить нас на берег.

Среди островитян, подходивших на каное к борту, был наш приятель-старик, который завоевал у всех доверие и симпатию. Знаками я дал ему понять, что было бы хорошо, если бы они бросили оружие. Старик выбросил в воду свою палицу и в награду получил большой кусок материи. Он понял, чего я от него требую, немедленно отправился **[314]** на берег и вел там какие-то переговоры, приближаясь то к одной, то к другой группе туземцев.

Затем трое туземцев подошли на каное к корме. Один из них ударил дубиной по обшивке корабля и проделал ряд других телодвижений, ясно свидетельствующих о том, что он вызывает нас на бой. Внезапно он предложил обменять на нитку бисера свою дубину. Когда ему на веревке опустили в каное бусы, он схватил их и приказал своим спутникам налечь на весла. Каное отплыло к берегу, а дубина осталась в руках у туземца. Признаться, этот случай меня обрадовал: теперь у меня был благовидный предлог для демонстрации мощи нашего огнестрельного оружия.

Сперва я наказал наглого туземца и его сообщников, разрядив им вслед ружье, заряженное мелкой дробью. А затем я приказал (когда каное отошло на расстояние, превышающее дальность боя наших мушкетов) дать по туземной лодке несколько залпов.

Все трое островитян прыгнули за борт и поплыли к берегу. Однако наши ружейные залпы произвели на собравшихся на берегу туземцев совсем не то впечатление, на какое мы рассчитывали: они подняли страшный вопль и стали открыто над нами издеваться.

Мы стали на якорь таким образом, чтобы огнем из бортовых орудий можно было простреливать всю полосу берега. После этого я с отрядом морской пехоты и частью матросов отправился на трех шлюпках к берегу. Туземцы расступились так, что между двумя их группами образовался проход шириной 30—40 ярдов. Сюда они принесли несколько маленьких связок бананов, ямс и коренья. Между толпой туземцев и берегом под прямым углом к последнему воткнуты были, неизвестно для какой цели, четыре тростинки длиной около двух футов каждая. Эти тростинки оставались на берегу в течение двух или трех дней после описанных событий.

Наш друг-старик и еще два туземца, стоя у этих тростинок, настойчиво приглашали нас сойти на берег. Но в моей памяти достаточно хорошо запечатлелись вчерашние события; все то, что мы видели на берегу, не внушало нам желания повторить ошибку, допущенную накануне.

Поэтому я сделал достаточно выразительный знак, предлагая туземцам отступить подальше от берега. **[315]** Старый островитянин попытался растолковать им мою просьбу, но толпа, не обращая внимания ни на мои жесты, ни на слова старца, — теснее сплотилась и подошла еще ближе к берегу.

Мне стало ясно, что туземцы атакуют нас в тот момент, когда мы высадимся из шлюпок. Последствия схватки можно было предвидеть заранее: было бы убито и ранено много туземцев, да и сами мы навряд ли вышли бы из боя целыми и невредимыми. А я в равной степени желал избежать напрасного кровопролития и ущерба, который мог быть причинен моим людям в жестокой стычке.

Для того, чтобы заставить островитян потесниться и очистить место близ пункта высадки, я решил попугать их выстрелами в воздух. Но испуг туземцев был мгновенным. Они быстро оправились и начали кидать в сторону шлюпок камни и дротики. Один туземец показал нам свой зад, недвусмысленно выражая этим свое презрение к пришельцам.

Тогда я дал два-три мушкетных выстрела, и по этому сигналу канониры на корабле разрядили большие пушки. Туземцы

рассеялись, а мы вышли на берег и наметили на песке границы, которые не должны были впредь переступать островитяне. Только старый туземец и два его приятеля остались на прежнем месте. Я вознаградил их за доверие, оказанное нам.

Туземцы постепенно начали стекаться к берегу и на этот раз держались они далеко не так воинственно. Некоторые вернулись даже без оружия, но большинство явилось с копьями, дротиками, палицами и луками. Когда мы предложили им сложить оружие, они дали нам понять, что сделают это лишь в том случае, если мы первые подадим пример. Поступить так я не мог, и поэтому обе стороны вели дальнейшие переговоры, вооруженные до зубов.

Розданные подарки не произвели на туземцев должного впечатления. Некоторые из них влезли на кокосовые пальмы и начали сбрасывать нам орехи, не требуя ничего взамен. Я по-прежнему старался не оставлять без возмещения дары островитян. Мы заметили, что они боятся брать предметы, которые им предлагались. Думаю, что они вообще не имеют представления о том, что можно одну вещь обменять на другую. **[316]**

Я прошел в лес со старым туземцем (его звали Паованг) и объяснил ему, что мы нуждаемся в дровах и поэтому желаем срубить несколько деревьев. Паованг охотно разрешил нам заготовить топливо, но попросил меня, чтобы матросы не трогали кокосовых пальм.

После того, как дела на берегу были улажены, я вернулся на борт. Мне так и не удалось узнать, какой ущерб причинили туземцам наши выстрелы.

После обеда баркас сделал несколько рейсов на берег за пресной водой. Матросы тремя неводами выловили 300 фунтов рыбы.

Островитяне долго не появлялись, и лишь к вечеру к нам приплыло человек тридцать во главе с моим верным другом Паовангом. Он преподнес мне небольшую свинью, единственную, которую нам удалось добыть на этом острове.

Ночью вулкан, расположенный в 4 милях к западу от нашей стоянки, извергал дым и огонь. Пламя подымалось выше гряды холмов, которая скрывала от нашего взора вершину вулкана. Извержение сопровождалось грохотом, подобным громовым ударам или пороховым взрывам в рудниках. Ветер приносил тучи пепла, и вся палуба была к утру покрыта им толстым слоем. Пепел по виду напоминал мелкий песок или растолченный обожженный камень. От него особенно доставалось глазам.

7 августа, воскресенье. Утром на месте нашей высадки появились вооруженные туземцы, но было их значительно меньше, чем вчера.

После завтрака мы отправились на берег за дровами и водой. Островитяне, особенно старики, сегодня вели себя не так вызывающе, но находились среди них люди, настроенные к нам враждебно.

Приходилось поэтому смотреть в оба и ни на минуту не расставаться с мушкетами. Я вскоре возвратился на борт, поручив наблюдение за всеми работами на берегу лейтенантам Клерку и Эджкомблу. Явившись к обеду, они сообщили мне, что туземцы ведут себя неспокойно. Особенно много хлопот доставил им один смутьян. Эджкомбл вынужден был в него выстрелить мелкой дробью. После этого туземцы несколько утихомирились.

Вечером к месту высадки явилась только небольшая группа туземцев, живущих поблизости. С ними пришел и Паованг. Он принес нам топор, который наши матросы **[317]** забыли в лесу. Островитяне вернули мне все, что было утеряно на берегу моряками, и вели себя мирно и дружелюбно.

8 августа, понедельник. Рано утром я отправил за балластом катер в сопровождении шлюпки с вооруженными матросами. После завтрака продолжались работы в лесу.

Туземцы были настолько умиротворены, что совершенно не беспокоили моряков. Многие приглашали офицеров и матросов

в свей хижины, но настоятельно требовали, чтобы предварительно гости разделись до нага.

9 августа, вторник. Утром продолжались обычные работы на берегу. Островитяне вели себя мирно. Они не решались переступить намеченных мной в месте высадки границ и принимали нас всех любезно и вежливо, хотя по-прежнему не расставались с оружием.

Уолс проверял на берегу астрономические приборы, и поэтому я на время обеда, вопреки обыкновению, не отозвал на корабль вооруженный караульный наряд.

Со мной приехал к обеду на корабль юноша по имени Ва-а-гу. Я ему показал все помещения на судне, он вел себя настолько невозмутимо, что трудно было понять, какое впечатление на него произвело все то, что он видел. При этом внимание юноши не задерживалось ни на один миг на каком-нибудь определенном предмете. Он не имел никакого представления о козах, кошках и собаках и называл всех этих животных «буга» (свинья). Я подарил ему кобеля и суку, так как собаки ему особенно понравились. Спустя некоторое время после того, как юный туземец прибыл на корабль, к судну подошло каное, в котором сидели друзья нашего гостя. Вероятно, они, обеспокоенные долгим отсутствием юноши, решили лично убедиться, что он находится в безопасности. Молодой туземец вышел на шканцы и успокоил своих приятелей, после чего они возвратились на берег. Вскоре они вернулись и привезли петуха, стебли сахарного тростника и кокосовые орехи. Ва-а-гу обедал со мной. Ему не понравилась солонина, но он с удовольствием отведал плоды ямса и выпил рюмку вина.

Когда после обеда я высадился на берегу, Ва-а-гу и его друзья взяли меня за руки и пытались куда-то повести. Насколько я понял, юноша хотел показать мне свою хижину. Однако мы не ушли далеко, потому что между туземцами, которые меня сопровождали, завязалась **[318]** перебранка. Видимо, некоторые аз них не желали, что бы я заходил в глубь острова. Вся компания остановилась.

Вскоре подошли наши офицеры. При виде их туземцы проявили беспокойство и стали просить меня, чтобы я заставил моих людей вернуться к берегу. Я внял их просьбам, так как мне было ясно, что островитяне не желают допускать в глубь своей страны чужестранцев и делают исключение лишь для меня. задержка на пути к цели объяснялась, вероятно, тем, что мои спутники-туземцы ждали прихода значительного лица, от которого им нужно было получить дополнительные указания или разрешение на мой допуск в поселение островитян.

В то время, когда я ждал исхода переговоров, появился Паованг. Он принес мне плоды и коренья. Их несли двадцать человек, но, вероятно, такое количество носильщиков не вызывалось необходимостью, ибо каждый из них был обременен лишь крохотной связкой бананов или двумя-тремя плодами ямса. Все эти дары мне с успехом могли бы доставить два человека. Но я счел своим долгом щедро наградить носильщиков.

Паованг удалился, а Ва-а-гу и его друзья по-прежнему чего-то ждали, проявляя при этом видимое нетерпение. Кажется, они были пристыжены тем, что увели двух подаренных мной собак, ничем не отдарив меня. Темнело, и я вынужден был направиться на корабль, на что они довольно охотно согласились.

Сегодня Форстер узнал, что туземцы называют свой остров Танна. Я уже установил местные названия соседних островов. Тот остров, что мы посетили перед тем, как отплыть к берегам Танна, именуется Эрроманго; маленький островок, открытый нами одновременно с Танна, носит название Иммер; остров к востоку от Танна называется Эронан, или Футуна, и, наконец, остров к юго-востоку от Танна они именуют Аннаттом. Все острова видны с берегов Танна.

Туземцы дали нам повод думать, что у них существует обычай людоедства. Они спрашивали меня, едим ли мы человеческое мясо. Я не пытался задавать им встречных вопросов, но думаю, что они неспроста интересовались, принадлежим ли мы к числу каннибалов.

У них много свиней, кур и различных плодов и, таким образом, если следовать распространенному воззрению, **[319]** у них не может быть людоедства, так как потребление человеческого мяса не вызывается необходимостью. Так или иначе, но назвать туземцев Танна каннибалами, мы могли бы лишь в том случае, если бы собственными глазами убедились, что они едят человеческое мясо.

Мне доложили, что один из матросов, посланный для заготовления балласта на западный берег бухты обварил себе пальцы, извлекая из источника камень. Этот случай позволил обнаружить у подошвы скалы несколько горячих источников.

Уолс с двумя или тремя офицерами, углубившись внутрь острова, набрел на небольшое разбросанное селение. Жители этого селения встретили гостей тепло и любезно.

10 августа, среда. Форстер совершил прогулку в другой части острова и видел насаждения бананов, сахарного тростника, ямса и др. Туземцы встречали его весьма приветливо.

Вообще островитяне за последние два дня привыкли к нам и не препятствуют экскурсиям в глубь острова. Их уже не беспокоят и не тревожат наши работы на опушке леса.

Днем двое мальчишек стали швырять камни в наших лесорубов. Караульные унтер-офицеры открыли огонь. Я был в этот момент на берегу и обеспокоился, когда услышал звуки выстрелов, а вслед за этим увидел двух мальчиков, которые в ужасе выбежали из леса. Когда я узнал, что послужило причиной стрельбы, я строго осудил поведение охраны и принял меры, чтобы такие бессмысленные поступки не повторялись в будущем.

11 августа, четверг. Почти весь день шел проливной дождь при южном ветре. В ночь с 10 на 11-е вулкан усилил свою деятельность. Из жерла его вырывались с страшным гулом колоссальные столбы дыма и огня.

Извержения следовали одно за другим с короткими интервалами в 3—4 минуты. На огромную высоту

выбрасывались большие камни. Форстер осматривал сегодня холм на западней берегу бухты. В трех местах он обнаружил выходы дыма с серным запахом. Дым этот вызывался через трещины в горных породах. Земля вокруг была горяча и казалась совершенно выжженной. Вероятно, эти выходы связаны с вулканом. При каждом извержении последнего количество дыма или пара возрастало. Дым **[320]** подымался столбами. Мы видели его с корабля и раньше, но думали, что это дым от костров. У подножья холма расположены горячие источники, о которых я упоминал раньше.

Форстер во время ботанической экскурсии на восточном берегу бухты набрел на хижину нашего друга Паованга. Все вещи, которые Паованг получил от меня, висели на деревьях и кустах близ хижины, как будто они недостойны были находиться под кровлей его жилища.

13 августа, суббота. Форстер снова побывал на огне дышащем холме на западном берегу бухты. В месте выхода серного дыма он вставил термометр в трещину. Ртуть мгновенно поднялась до 77°. Температура воздуха была 27°.

Дым вырывался из трещин и расселин во многих местах на склонах холма, а вулкан был бешено активен. Тучи пепла весь день носились в воздухе. Когда шел дождь, на нас лились потоки воды, смешанной с землей и песком. Воистину то был грязевой ливень. Пепел приносили нам ветры любых направлений и он причинял нам большие страдания.

Туземцы все еще неохотно допускают нас внутрь острова. Сегодня группа островитян вызвалась проводить одного нашего ученого к месту, где он мог бы увидеть жерло вулкана. Но вместо того, чтобы сопровождать его в нужном направлении, они привели обманутого джентльмена обратно к берегу бухты.

14 августа, воскресенье. После завтрака я с группой офицеров и ученых направился в глубь острова, чтобы найти кратчайший и наиболее удобный путь к вулкану. По дороге мы осмотрели холм с выходами горячего серного дыма. Термометр, опущенный в одну из трещин, показал 37,8°. Почва в этом месте была подобна белой глине и издавала серный запах. С

поверхности она была покрыта тонкой сухой корочкой, под которой шел слой мягкой и влажной земли, а еще ниже мы обнаружили серу и стекловидное вещество, едкое на вкус.

Площадь участка, где земля была сильно нагрета, не превышала 10—12 квадратных ярдов. У самых границ этого горячего пятна росли фиговые деревья, тень которых падала на выжженную землю. По всему видно было, что деревья эти чувствуют себя превосходно в близком соседстве с выходами зловонного дыма. Я полагаю, что причиной сильного нагрева почвы являются пары **[321]** кипящей воды, насыщенной серой. Мне говорили, что на склонах этого холма есть большие участки с горячей почвой, но мы решили не осматривать их и направились дальше. Мы шли через местность, где росли кустарники и деревья, в том числе кокосовые пальмы и хлебные деревья, казалось, посаженные здесь самой природой.

Кое-где встречались хижины и поля. Поля эти были различного вида — старые, не раз уже засеянные участки, и делянки, лишь недавно расчищенные от леса. Расчистка полей, видимо, сопряжена с большими трудностями, так как сельскохозяйственные орудия, которыми располагают туземцы на острове Танна, еще более примитивны, чем на Таити. Способ расчистки очень прост: мелкий кустарник подсекается или выжигается; у больших деревьев предварительно обрубают ветки и сучья, подкапывают корни, а затем в подкоп закладывают хворост и сухую траву и этот участок старательно выжигают.

Почва почти везде темная, плодородная, состоящая из перегнивших растительных остатков и вулканического пепла.

Мы свернули на довольно широкую дорогу и вскоре вышли к засеянному полю. Туземец, работавший здесь, то ли движимый любопытством, то ли желая нас поскорее выпроводить за пределы своей земли, предложил нам свои услуги в качестве проводника. Он привел нас к скрещению двух троп. На одной из них в вызывающей позе стоял человек с пращой и камнями в руках. Он предпочел, однако, положить свое оружие на землю, когда на него было наведено дуло мушкета. Гневные взгляды,

жесты, поведение туземца свидетельствовали, что он не, намерен пропустить нас на тропу, отходящую влево от перекрестка.

Наш проводник повел было нас по другой дороге, но воинственный островитянин поднял дикий вопль, и на помощь к нему явилось двое или трое мужчин и вооруженная дубиной молодая женщина. Они окружили нас, провели к вершинам холма и там указали дорогу, ведущую к берегу бухты.

Мы сделали вид, что путь этот нас вполне устраивает, отделались от назойливых провожатых и в сопровождении нашего добровольного гида вернулись на старую дорогу. Но здесь островитянин нас покинул. Мы шли этой тропой вверх по склону горы и, когда добрались до ее вершины, **[322]** с прискорбием убедились, что вулкан был от нас так же далеко, как и в тот момент, когда мы начали свое путешествие в глубь острова.

Это нас крайне обескуражило, тем более, что без проводника мы чувствовали себя совершенно беспомощными. Пришлось возвратиться к берегу. Когда мы тронулись в обратный путь, нам встретились 30—40 вооруженных островитян под предводительством уже знакомого мне упрямого сердитого туземца. Вероятно, они желали преградить нам доступ внутрь острова, потому что как только удостоверились, что мы возвращаемся к бухте, они стали вести себя более спокойно. Некоторые из них проводили нас до самого берега, угощая по пути кокосовыми орехами, бананами и сахарным тростником.

Мне кажется, что по природе своей островитяне Танны гостеприимны и приветливы. Не следует только поступать вопреки их желаниям и возбуждать, таким образом, у них подозрительность и враждебные чувства. Их поведение после того, как они узнали нас ближе, не заслуживает порицания.

Неприязненные действия в первые дни нашего пребывания в бухте вызваны были тем, что туземцы не представляли себе, какие могут быть подлинные намерения у пришельцев. Ведь мы явились на их землю без приглашения и высадились, применяя огнестрельное оружие. При этих обстоятельствах какое мнение

они должны были составить о нас. Разве не могло показаться островитянам, что мы явились к ним как завоеватели. На каком основании они могли предполагать, что чужестранцы пришли к ним как друзья. Только близкое знакомство с нами способно было рассеять эти подозрения.

Кроме того, следует принять во внимание, что народ этот пребывает еще в дикости и, судя по некоторым признакам, часто ведет войны с соседями. Естественно, что каждое новое лицо на острове они встречают с недоверием. Я охотно допускаю, что это последнее правило не приложимо ко всем без исключения островитянам. Но, несомненно, мало найдется туземных племен, которые допустили бы по собственной воле, чтобы посетители, подобные нам, проникали к сердцу их страны.

Вечером я с одним нашим ученым отправился на другой берег бухты, где туземцы встретили нас исключительно тепло и радостно. Островитяне, и в числе их наш друг **[323]** Паованг, проявляли готовность всем, чем возможно, помочь нам и сделать приятным наше пребывание на их земле.

Мы посетили деревню, где 9 августа побывал Уолс. В ней было около 20 хижин. По конструкции хижины напоминали крытые камышом английские дома. Некоторые из этих хижин имели до 30—40 фут. в длину и до 50—60 фут. в ширину. Хижины обычно имели два входа — широкие прорези в стенах, забранные матами из пальмовых листьев. Помимо хижин в селении было много низких тростниковых шалашей. Туземцы сказали нам, что в одном из таких шалашей лежит покойник. Я попросил древнего старца проводить меня к этому месту. Шалаш, расположенный несколько поодаль от селения, был огорожен вокруг тростниковой изгородью. Вход был плотно закрыт матом. Старик не позволил мне отдернуть этот мат и пристально следил за каждым моим движением.

У входа висела плетеная корзинка, на дне которой я заметил связку листьев и печеный плод ямса. У старика на шее было нечто вроде ожерелья из туго сплетенных пучков человеческих волос. Я предложил ему обменять на кусок ткани волосяное

ожерелье, но он дал мне понять, что не может расстаться с этой реликвией, так как она сделана из волос того, чье тело покоится в шалаше. Очевидно, некоторые погребальные обычаи на Танна такие же, как на Таити и в Новой Зеландии. Таитяне носят пучки волос («тама») своих умерших друзей, новозеландцы подобного же рода косички употребляют в качестве серег и ожерелий.

На лужайке у больших хижин я заметил четыре столба, врытых в землю по углам квадратной площадки, каждая сторона которой равна была 3 фут. Мои спутники высказали предположение, что столбы установлены для каких-то религиозных церемоний. Я же склонен был думать, что все это сооружение предназначено для сушки кокосовых орехов. Действительно, когда я спросил одного туземца, для какой цели служат эти столбы, он показал мне на вершине одного из них связку кокосовых орехов.

Место для селения выбрано превосходно, на открытой площадке, под сенью могучих деревьев. Вся эта часть острова заботливо возделана и занята плантациями сахарного тростника, банановых деревьев и ямса. **[324]**

15 августа, понедельник. Мы запаслись в достаточном количестве топливом и пресной водой. На берегу почти все работы были закончены, лишь небольшая партия вязала на опушке леса метлы. Все остальные люди заняты были на корабле окончательными приготовлениями для выхода в море.

Вечером я с группой офицеров отправился на восточный берег бухты для того, чтобы определить положение островов Аннатом, Эрронан и Футуна. Но туман помешал моим наблюдениям, и я лишь приблизительно нанес на карту эти острова, воспользовавшись указаниями одного туземца.

Мы заметили что повсеместно на сахарных плантациях вырыты ямы-ловушки глубиной до 4 фут. и футов пяти в диаметре. Эти ловушки предназначены для крыс, которые причиняют огромный ущерб полям островитян и особенный вред приносят плантациям сахарного тростника.

16 августа, вторник. Утром мы обнаружили, что румпель в голове руля сломан. По непростительной оплошности я не захватил запасной комплект частей рулевого управления. На берегу было лишь одно дерево, пригоднее для изготовления нового румпеля, и я немедленно послал корабельного плотника с отрядом вооруженных матросов на остров.

При этом я предупредил начальника отряда, чтобы он не приступал к работам, не предупредив предварительно о своих намерениях туземцев, и велел известить меня в случае, если возникнут недоразумения с островитянами.

Туземцы не чинили матросам никаких препятствий, когда плотник начал пилить дерево. Но вскоре явился Паованг и выразил матросам в довольно резкой форме неудовольствие их действиями.

К этому времени нам удалось, укоротив сломанный румпель, прикрепить его к голове руля. Но я желал иметь запасный румпель и поэтому, получив известие о поведении Паованга, отправился на берег и подарил ему собаку и лоскут материи. Затем я втолковал Паовангу, что у нас сломалось «большое весло», и мы остро нуждаемся в материале, чтобы без малейшего промедления изготовить новое.

Я не знал, насколько велик был авторитет и влияние Паованга, и вручил поэтому подарки и некоторым другим **[325]** туземцам. В результате после моих объяснений все островитяне в один голос дали мне согласие на рубку дерева. Затем я взял с собой Паованга на корабль, пригласил его к обеду и после обеда поехал вместе с ним на берег, чтобы нанести визит старому вождю, который, по слухам, был королем острова.

Паованг к этому вождю относился без всякого почтения, я же оказал королю знаки внимания, приличествующие его высокому рангу и вручил ему подарки. Вождя звали Геги, и он носил титул «арике». Он был очень стар, но держался с достоинством. Его красно-белая набедренная повязка была несколько шире, чем у остальных туземцев. Мне показалось, что она скроена из ткани таитянской выделки. Думаю, что отличия в форме и цвете повязки не были признаком высокого

сана вождя. Сын вождя, 45 или 50 лет, присутствовал на приеме.

На берегу, когда я возвращался на корабль, толпилось множество туземцев; некоторые из них вели себя вызывающе и дерзко. Я смотрел сквозь пальцы на их выходки, потому что не считал нужным накануне отъезда ссориться с обитателями острова.

17 августа, среда. В 10 часов утра я отправился на берег и встретился там с Геги и его сыном. Они выразили желание сопровождать меня на борт корабля, и я внял их просьбе. Геги с сыном и двое других туземцев отобедали у меня и пребыли некоторое время на судне.

Вождя и его сына туземцы называли «арике» (королями), но я сомневаюсь, чтобы власть этих «королей» распространялась на всю территорию острова. Островитяне относились к ним, подобно Паовангу, непочтительна и дерзко. Авторитет Геги был настолько невелик, что когда он приказал туземцам принести ему из леса кокосовые орехи, никто из них не пошевельнул пальцем, чтобы выполнить веление вождя. Старый «король» сам полез на высокую пальму и обобрал ее дочиста.

Я показал вождям все помещения на корабле, и они с невыразимым удивлением осматривали европейские диковинки. Им очень понравился банановый пудинг и десертные блюда, но к солонине никто из них не притронулся. Вечером, вручив гостям топоры, гвозди и медали, я проводил их на берег.

18 августа, четверг. Форстер отправился со мной к горячим источникам. Мы измерило температуру одного из **[326]** лоточников. Она оказалась равной 88°. Как раз в это время был прилив, и источник лишь на два-три фута возвышался над уровнем моря.

Я высказал предположение, что воздействие прилива может сказываться на температуре воды в источнике., вызывая некоторое охлаждение ее. Однако предположение это оказалось ошибочным. Мы повторили эксперимент в часы отлива и

убедились, что температура ключа была даже ниже, чем вчера, — всего лишь 87°. В другом ключе, который бил из-под скалы в юго-западной части бухты, температура была 90°, т.е. немногим ниже точки кипения.

Выходы горячего пара расположены на склонах того же холма на 300—400 фут. выше источников. В свою очередь и ключи и упомянутые выходы приурочены к той же горной гряде, что и вулкан.

Следует отметить, что на острове Танна огнедышащая гора лежит в центральной части гряды, юго-западный гребень которой более чем вдвое выше вершины вулкана. Таким образом ошибаются те ученые, которые считают, что кратеры вулканов должны обязательно находиться на высочайших горных вершинах. Кроме того, я наблюдал, что вулкан действует более активно в сырую, дождливую погоду. Вероятно, мое наблюдение послужит материалом для философских рассуждений об этом явлении природы. Для подобных рассуждений мой ум недостаточно приспособлен, и я должен удовлетвориться лишь описанием наблюдаемых фактов, и предоставить на долю более одаренных людей разбор причин, вызывающих те или ,иные явления.

19 августа, пятница. Румпель к утру был исправлен, но из-за противного ветра пришлось отложить выход в море. Я послал на берег людей, чтобы перевезти остатки срубленного накануне дерева и направил несколько вооруженных матросов к месту высадки.

Как обычно, я после завтрака поехал на берег и роздал собравшимся там туземцам подарки.

Около часа дня матросы приступили к погрузке на баркас бревен и сучьев, принесенных из леса. Несколько туземцев, движимые любопытством, приблизились к лодке. Так как они при этом переступили запретную линию, намеченную на берегу, то часовой приказал им отойти назад и навел на туземцев мушкет. **[327]**

Я направился к часовому, чтобы как следует отругать его за подобные демонстрации и вдруг, к величайшему своему удивлению, увидел, что он выстрелил. Большинство толпившихся на берегу туземцев бежало в лес, и я с большим трудом убедил нескольких островитян о статься на берегу. Когда туземцы убегали, я заметил, что один из них, видимо тяжело раненый, упал на песок. К нему подскочили двое островитян, поднесли его к воде, промыли рану и унесли пострадавшего в лес.

Вскоре ко мне подошли туземцы и сказали, что раненый находится в очень тяжелом состоянии. Я немедленно послал за лекарем. Он установил, что пуля задела левую руку и прошла в грудь, раздробив ребро. Раненый был уже при последнем издыхании.

Часовой оправдывался, уверяя, что он выстрелил только, когда заметил, что один туземец целится в него из лука. Но так поступали островитяне часто, никогда не осмеливаясь спустить тетиву. Я уверен, что и на этот раз туземец только пугал часового, не имея намерения поразить его стрелой. Печальнее всего то, что ранен был вовсе не тот туземец, который целился в часового.

Этот случай привел в ужас островитян. Те, что после выстрела остались на берегу, убежали в лес и, спустя некоторое время, принесли и сложили к нашим ногам кокосовые орехи и бананы. Так унижено было это дерзкое племя [96].

Когда я вечером отправился на берег, лишь небольшая кучка островитян встретила меня у места высадки. Среди них были Паованг и Ва-а-гу.

Глава шестая

Описание обитателей острова Танна, их обычаев, нравов и занятий

На рассвете до нас донеслось с восточного берега бухты молитвенное песнопение туземцев. Мне говорили, что островитяне собираются там каждое утро для исполнения

каких-то религиозных обрядов. Мои спутники предполагают, что на восточной оконечности бухты (там, где мы видели, когда шли через пролив, соединяющий бухту с морем, хижины и лодки) расположен туземный храм. Это предположение подтверждается тем, что островитяне никому не разрешали заходить в эту часть бухты.

Думаю, однако, что нежелание туземцев допускать туда гостей с корабля может вызываться и иными причинами. Ведь они чинили нам препятствия всякий раз, когда мы пытались углубиться внутрь острова, в каком бы направлении мы не шли. Я не могу объяснить подлинных причин, которыми туземцы при этом руководствовались. Возможно, что они поступали так либо в силу природной недоверчивости, либо потому, что им не раз приходилось иметь дело с непрошенными гостями — враждебными племенами с соседних островов. Наконец, на поведение туземцев могли влиять и внутренние раздоры в их собственной среде. **[329]**

Две последние причины кажутся наиболее основательными. Мы редко видели островитян без оружия и убедились, что все они мастерски владеют луком, палицами и копьями. Нельзя отнести на наш счет их воинственное поведение. Ведь мы не посягали на собственность туземцев, не тревожили и не беспокоили их, и даже дрова и воду брали не прежде, чем получали от них на это согласие.

Мы пополнили во время пребывания на острове наши запасы. Было выловлено много рыбы и получено немало плодов и кореньев от туземцев, хотя поставки этого рода далеко не удовлетворяли насущных потребностей экипажа. Произошло так вовсе не потому, что остров был беден. Беда заключалась в том, что вещи, которые мы предлагали туземцам в обмен на их товары, не имели в их глазах цены. Островитяне не употребляли железа, и гвозди и металлические изделия, находившие всегда спрос на восточных островах, не пользовались успехом на Танне.

Ткани же не находили сбыта, так как потребность в них у совершенно нагих туземцев была, разумеется, ничтожной.

На острове выращиваются плоды хлебного дерева, бананы, кокосовые орехи, ямс, тара, сахарный тростник, фрукты типа персиков и апельсинов (последние не съедобны), картофель и иные культуры, названия которых я не знаю. Есть дикая винная ягода. Хлебных деревьев, кокосовых пальм и бананов здесь меньше, чем на Таити, да и плоды их хуже. Зато сахарный тростник и ямс произрастают на острове в изобилии, и качество их изумительно. Мы видели куст ямса с клубнями весом в 56 фунтов.

Свиней на острове много, куры же здесь довольно редки. Других домашних животных островитяне не имеют.

Лесные птицы здесь столь же многочисленны, как на других островах. Водятся на Танна мелкие птички с красивым оперением, которых я раньше никогда не встречал.

Растительный мир на Танна богаче видами, чем на любом другом острове. Наши ботаники собрали тут обильный материал для гербария.

Рыба почти не употребляется туземцами в пищу. Не знаю, чем это объяснить. Возможно, что она не водится в изобилии у берегов острова, но вероятнее всего, что туземцы плохие рыболовы. Я не видел у них сетей и неводов. Они бьют рыбу дротиками и поражают ее этим способом с необыкновенной ловкостью. Наши приемы рыбной **[330]** ловли вызывали у туземцев удивление и, кажется, не очень им нравились.

Зато все обитатели соседнего небольшого острова Иммер — рыболовы. Я нередко видел их каное у входа в бухту. Эти каное имеют странную форму. В длину они достигают 30 фут. ширина же их не более 2 фут., а высота всего 3 фута. Каное делаются из деревянных брусьев, которые грубо связываются кокосовыми волокнами. Ходят они на веслах и под латинским парусом; мачты короткие. Часто встречаются каное с двумя парусами и аутриггерами.

Сперва мне казалось, что туземцы на Эрроманго и на Танне в своем внешнем облике имеют черты сходства с островитянами Малликолло и с обитателями островов Дружбы. Но после более

близкого знакомства со здешними островитянами, я убедился, что они не похожи ни на тех, ни на других, хотя волосы у жителей Танна так же жестки и курчавы, как и у туземцев Малликолло. Они заплетают волосы тонкими косичками и обвивают эти косички гибкими и прочными стеблями особой травы. Косички (каждая из них не толще бечевы кнута) свисают вокруг головы.

Бороды у островитян жесткие, густые и короткие. У женщин и детей волосы коротко острижены. Я встречал туземцев, у которых волосы были подобны нашим, но люди эти, насколько я мог понять их, были выходцами с острова Эрронан, где говорят на том же языке, что и на островах Дружбы. Этот же (или близкий к нему) язык распространен и на Танна. Но есть у жителей Танна и свой собственный язык, на котором говорят также на островах Эрроманго и Аннатом, отличный и от языка жителей островов Дружбы и от языка Малликолло. По всей вероятности туземцы Танна, Эрроманго и Аннатом составляют особый народ, отличный от других островитян.

Любопытно, что они не только не имеют никакого представления об островах Малликолло и Апи, но и не знают о существовании расположенного совсем недалеко от них острова Сандвич.

Я потратил немало усилий, чтоб уяснить себе их географические представления, и твердо убедился, что границы вселенной замыкаются для них линией горизонта. **[332]**

Туземцы Танна среднего роста, довольно хорошо сложены и имеют приятные черты лица. Подобно всем обитателям тропических стран они деятельны и подвижны. Забавы с оружием они предпочитают труду. Я заметил, что ни один из них не сделал даже попытки оказать нам помощь в работах по рубке леса или переноске дров, тогда как туземцы на других островах облегчали наш труд всем, чем было в их силах. Но с другой стороны, они трудятся, как рабочие лошади, чтобы отвоевать у леса лишний клочок земли для своих полей.

Самый тяжкий труд выпадает на долю женщин. Нередко я видел, как вслед за крепким мужчиной, вооруженным дубиной

или копьем, плелась женщина с тяжелой ношей на спине или с ребенком за спиной и с ношей в руках. Видел я также, как группы вооруженных мужчин сопровождали вдоль берега женщины, нагруженные плодами.

Я не могу сказать, что местные женщины красивы. Но я думаю, что они достаточно хороши для таких мужчин и слишком хороши для той жизни, на которую обречены.

И мужчины и женщины темнокожи, но не черны, и тип их отнюдь не негритянский. Кожа их кажется еще более темной, потому что они щедро разрисовывают ее черной краской. Помимо черной употребляется еще красная и коричневая краски. Разрисовывается не только лицо, но и шея, плечи, грудь.

Мужчины носят только пояс вокруг бедер, как на острове Малликолло, женщины — короткий передник из банановых листьев.

Излюбленные украшения — ожерелья из волос, серьги, браслеты, амулеты. Браслеты носят, главным образом, мужчины, и делаются они из скорлупы кокосовых орехов или панцирей крабов. Для амулетов употребляется тот самый зеленый камень, который пользовался таким успехом у наших матросов в Новой Зеландии.

Серьги носят женщины и мужчины. Материалом для них служат обломки черепашьего панциря. Эти панцири мы вывезли в изобилии с островов Дружбы, и матросы бойко обменивали их на различные местные диковинки. Вероятно, черепах на берегах Танна немного, и поэтому спрос на панцири здесь так велик.

Топоры и гвозди сперва не пользовались популярностью у островитян, но в последние дни вашего пребывания **[334]** на Танна туземцы проявили значительный интерес к металлическим орудиям, видимо, оценив их достоинства.

Островитяне пользуются каменными топорами, насаженными на прямые рукоятки. Камень вставляется в прорезь, просверленную в верхней части топорища.

Помимо обработки земли, туземцам известны также и способы изготовления из древесной коры грубых тканой употребляемых для набедренных повязок.

Каное, как я уже отмечал, весьма примитивного устройства, и оружие, хотя туземцы и уделяют ему много внимания, значительно уступает по совершенству отделки тем образцам, что мы видели у других островитян. Обычные виды оружия — палицы, копья или дротики луки и стрелы, пращи и камни. Боевые палицы бывают трех или четырех типов. Длина их обычно от трех до пяти футов. Дротики снабжены зубчатым наконечником и являются излюбленным оружием островитян. Бросаются дротики с помощью веревки, длиной около шести дюймов. Спуская дротик с туго натянутой веревки, туземцы придают ему большую начальную скорость. Дротиками туземцы метко поражают птиц и рыб. На расстоянии 8—10 ярдов они легко попадают в тулью шляпы, а на вдвое большей дистанции попадают в предметы, по величине равные человеческому телу. Предельная дальность метания 60—70 ярдов.

Стрелы делаются из тростника и снабжаются наконечниками из твердого дерева. Иногда стрелы делаются с двумя-тремя наконечниками. Такие стрелы употребляются при охоте на птиц.

Боевые палицы есть у всех туземцев, но стрелки из лука не имеют копий и дротиков. Камни, запасный род оружия — обломки коралловой породы длиной в 8—14 дюймов, островитяне держат обычно за поясом.

Уолс, почти все время находившийся на берегу, специально занялся изучением туземного оружия и посвятил описанию его несколько страниц своего дневника. Выдержку из его записей я привожу ниже:

«... Должен признаться, что все, что я встречал у Гомера относительно удивительного искусства греков в метании копий, казалось мне до сих пор поэтическим вымыслом. И мнение мое находило подтверждение в высказываниях Аристотеля. Более того, даже такой страстный **[336]** апологет Гомера, как Поп, полагал, что описывая непревзойденную ловкость копьеносцев, великий бард допустил преувеличение.

Но когда я увидел, с каким мастерством бросают свои деревянные грубые копья туземцы Танна, я пришел к заключению, что все, что говорил Гомер о копьеносцах Эллады, истинно от первого до последнего слова...».

Туземцы не имеют сосудов для кипячения воды. Они не знают поэтому вареной пищи, хотя употребляют печеные плоды и мясо, поджаренное на раскаленных углях.

Вода и сок кокосовых орехов — их единственные напитки. О религии островитян мы не имеем ни малейшего представления и немногим больше нам известно о системе управления на острове Танна. Видимо, там имеются вожди, но власть их ничтожна. К старикам туземцы относятся с уважением и подчиняются им. Но я не слышал, чтобы Паованга или других островитян преклонного возраста они называли вождями.

Паованг ничем не отличался от прочих своих соплеменников, и туземцы в окрестностях нашей стоянки обращались с ним как равные с равным [96].

Я назвал бухту, где мы стояли, Порт-Резолюшн, так как мой корабль был первым судном, которое вошло в эти воды. Порт-Резолюшн расположен у восточной оконечности острова Танна, к востоку-северо-востоку от вулкана, на 19°32'25" ю.ш. и 169°44'35" в.д.

Бухта эта невелика, длиной в 3/4 и шириной 1/2 мили. Она сужается за счет отмелей и подводных камней вдоль ее восточного берега. Глубина бухты от 3 до 6 фатомов, дно илистое. Пресная вода и топливо имеются в изобилии почти на самом берегу.

Глава седьмая

Географическое положение островов, расположенных близ берегов Танна, и их подробное описание

Мы на буксире вышли из бухты и при свежем юго-восточном ветре взяли курс на восток с тем, чтобы осмотреть берега острова Эрронан и обследовать в поисках новых земель участок моря вблизи этого острова. К полночи 20 августа прошли мимо Эрронана.

21 августа, воскресенье. На рассвете взяли курс на юго-запад, чтобы пройти мимо южной оконечности острова Танна, к берегам Аннатома. В полдень остров Аннатом находился к югу от корабля на дистанции в десять лиг.

Мы продолжали идти к югу до двух часов дня и, не обнаружив новых островов, обогнули юго-восточную оконечность Танна, следуя вдоль южного берега этого острова.

В 6 часов вечера мы были у западной оконечности Танна и увидели пики острова Эрроманго. В 8 часов миновали северную оконечность Эрроманго и направились к берегам острова Сандвич, чтобы нанести их на карту.

22 августа, понедельник. В 4 часа дня обогнули южную оконечность острова Сандвич и установили, что этот остров простирается с юго-востока на северо-запад на протяжении около 9 лиг.

На расстоянии около 3 лиг против южной оконечности острова мы обнаружили три или четыре небольших **[338]** островка, на побережье которых я заметил удобные для якорных стоянок места.

23 августа, вторник. Следуя на северо-запад, подошли в половине шестого утра к юго-восточной оконечности острова Малликолло и вскоре увидели острова Апи, Поум и Амбрим. Мы приблизились к юго-западному берегу острова Малликолло и прошли вдоль него на расстоянии полулиги. От крайней юго-восточной оконечности берега острова протягиваются на

6—7 лиг к западо-юго-западу вплоть до возвышенности, далеко вдающейся в муре на 16°29' ю.ш. От этой возвышенности, которую я назвал Юго-Западным мысом, берег круто поворачивает на северо-запад.

Береговая линия извилистая, бухты чередуются с резко очерченными мысами и, кроме того, почти повсеместно вдоль берега рассеяны мелкие острова, рифы, подводные камни и отмели. Под Юго-Западным мысом врезывается в берег бухта, защищенная небольшим островком от господствующих ветров.

В полдень мы были на 16°22'30" ю.ш., в семи милях к северо-западу от упомянутого мыса. На этой параллели лежит расположенный на противоположном берегу Малликолло Порт-Сандвич.

Продолжая плыть в северо-западном направлении, мы только с наступлением темноты дошли до северной оконечности острова. Хотя в этом месте можно было выбрать удобный пункт для якорной стоянки, я решил следовать далее к северу, и ночью вошел в пролив Бугенвиля, отделяющий Малликолло от расположенной севернее земли.

Южные берега острова Малликолло сплошь покрыты великолепными лесами. Далее к северу появляются прогалины и лужайки; некоторые из них возделаны рукой человека. Горные вершины обнажены, высочайшая из них находится в южной части острова между Порт-Сандвич и Юго-Западным мысом; к северу местность понижается. Вероятно, остров плотно заселен: всюду, на берегах и на склонах гор мы видели дымки костров.

24 августа, среда. Утром мы находились в центральной части пролива Бугенвиля. Я взял курс на север, слегка склоняясь к востоку, чтобы пройти вдоль восточного берега земли, лежащей перед нами. У ее юго-восточной оконечности я открыл много мелких островов и один из **[339]** них, наиболее значительный, расположенный в восточной части пролива Бугенвиля, я назвал островом Сант-Бартолемью. Этот остров имеет в окружности около семи лиг.

В полдень мы были на 15°23' ю.ш. Остров Прокаженных лежал к востоку от нас, на расстоянии семи лиг. За ним еще далее на востоке с высоты грот-мачты видны были берега другого острова.

25 августа, четверг. До 15° ю.ш. я шел на север, вдоль крутого, обрывистого берега уже упомянутой земли, а затем свернул к северо-северо-западу, следуя изгибу берега, и вошел в большой залив. Ряд признаков свидетельствовало том, что залив этот — бухта Сан-Фелипе и Сантьяго, открытая Киросом в 1606 г.

Чтобы окончательно в этом удостовериться, я решил обследовать берега залива. В полдень мы находились в трех милях от его западного берега, на 14°55'30" ю.ш. и 167°3' в.д. Продвинувшись на восточно-юго-восточном ветре в глубь залива, мы увидели внутреннюю его излучину. К трем часам дня ветер стих, и течение стало относить нас к западному берегу залива. В половине четвертого мы были от него на расстоянии не более двух миль.

Течение влекло нас к берегу, на котором собралось несметное множество туземцев. Некоторые из них, спустив на воду каное, вышли нам навстречу, но не осмеливались приблизиться к кораблю, несмотря на все наши призывы.

Туземцы были обнажены, лишь короткие передники прикрывали их бедра и ноги до колен. Кожа у них была темная, волосы курчавые, жесткие, как шерсть, и коротко остриженные.

Штиль удерживался до 8 часов вечера. В это время мы были гак близко от берега, что собирались уже бросить якорь на глубине 85 фатомов. К счастью, задул легкий ветер, и, с трудом повернув от берега, я пошел бейдевинд курсом на северо-восток. Тем самым я избежал опасности лечь на якорь на большой глубине, имея берег под ветром.

26 августа, пятница. Мы плыли вдоль берега залива. За узкой песчаной полосой простиралась плоская, покрытая лесом равнина, а за ней подымались крутые склоны горной цепи.

В полдень мы были на 15°5' ю.ш. Здесь нас снова задержал штиль. В час дня на легком северо-западном **[340]** ветре мы направились дальше и вскоре находились лишь в двух милях от самой глубокой части залива.

Я послал Купера и Гилберта обследовать берег и, ожидая их возвращения, лавировал короткими галсами. В это время прибыли на трех каное десятка полтора туземцев. Хотя они не решились подойти к само лгу борту, но все же приблизились к нам на такое расстояние, что мы имели возможность перебросить им различные безделушки.

Эти туземцы были высокорослы, хорошо сложены и по внешнему виду отличались от обитателей Малликолло. У многих в отличие от островитян Малликолло были длинные волосы, украшенные по новозеландскому обычаю яркими птичьими перьями.

Счет они вели на языке туземцев острова Анамока и прекрасно поняли нас, когда на этом наречии мы назвали им имена близлежащих островов. Украшениями им служили браслеты и ожерелья. У одного туземца на лбу была укреплена большая белая раковина. Лица были разрисованы черной краской. Туземцы не имели другого оружия, кроме дротиков, вероятно, предназначенных для рыбной ловли.

Каное их были такого же типа, как и лодки островитян на Танне. Они назвали нам все части своих каное, но мы не могли установить в беседе с ними, как называется их родной остров. Поэтому я оставил за островом данное Киросом название — Земля Духа Святого (Тьерра-дель-Эспириту-Санто). При виде приближающихся шлюпок Купера, туземцы направились к берегу.

Купер сообщил мне, что он пристал к берегу в устье реки, достаточно глубокой, чтобы в нее могли в час прилива войти наши шлюпки. У берега глубина моря была три фатома, а на расстоянии двух кабельтовых от него линь достиг дна на 55 фатомах.

И было уже готовился спустить шлюпки для буксировки к берегу, но подул попутный юго-юго-восточный ветер, и я принял решение следовать дальше. На корабле было достаточно воды и свежей провизии, и не имело поэтому никакого смысла терять время у берегов Земли Духа Святого.

Ночью вся полоса западного берега залива вплоть до подошвы горной цепи была освещена многочисленными огнями. Вероятно, туземцы выжигали лес, расчищая землю под поля и плантации. **[341]**

27 августа, суббота. На рассвете мы еще не вышли из залива, хотя плыли всю ночь на северо-северо-запад при слабом попутном ветре. Лишь в полдень мы были на траверзе северо-западной оконечности залива на 14°39'30" ю.ш.

Некоторые мои спутники уверяли меня, что этот залив не похож на бухту Сан-Фелипе и Сантьяго, поскольку на берегах его нет гавани, подобной описанной Киросом под именем Пуэрто-де-ла-Вера-Крус (Порт Истинного креста). Я не сомневаюсь, однако, в том, что излучина в глубине залива и есть место якорной стоянки, которая была названа Киросом Пуэрто-де-ла-Вера-Крус.

Ничто в описании Кироса не противоречит моим предположениям. Правда, место это не соответствует нашим представлениям о гавани, но термин «порт» подобно многим другим географическим понятиям, достаточно расплывчат и неясен.

Мне кажется естественным, что месту долгой стоянки спутники Кироса решили дать особое наименование, тем более, что залив Сан-Фелипе и Сантьяго очень велик, и для уточнения отдельных его пунктов могла возникнуть необходимость в дополнительных названиях.

Наши офицеры заметили, что трава росла на берегу на отметке высоких вод. Подобное явление может иметь место только в тех случаях, когда море у берегов спокойно, и всегда служит надежным свидетельством безопасности якорной стоянки. Высота прилива, судя по нижней границе травяного покрова,

достигает здесь 4—5 фут. Следовательно, шлюпки свободно могут заходить в устье реки, где побывал Купер. А в таком случае вполне вероятно, что река эта именно та, о которой упоминает Кирос.

Длина береговой линии залива около 20 лиг: 6 лиг вдоль восточной стороны, протягивающейся почти в меридиональном направлении, 2 лиги вдоль излучины во внутренней части и 12 лиг вдоль западной стороны. Два мыса, лежащие у входа в залив на юго-восточном и западном берегах, находятся друг от друга на расстоянии 10 лиг.

Глубина залива неизмерима (за исключением узкой полосы вдоль побережья), а воды его спокойны и сулят безопасное пристанище для кораблей.

Вдоль западного берега залива, за плоской террасой простирается высокая, двойная гряда гор, Терраса **[342]** достигает наибольшей ширины во внутренней части залива.

И горы и равнинные участки покрыты пышной и роскошной растительностью. Стремительные ручьи и реки стекают с гор, ложа их стеснены крутыми склонами живописных долин. Повсеместно подымаются к небу вершины величественных и стройных кокосовых пальм, густые заросли чередуются с тщательно возделанными полями.

Страна эта плодородна, богата и густо заселена. Расположенный на 14°56' ю.ш. и 167°13' в.д. мыс на восточном берегу залива в честь того, кто первый открыл эту землю, я назвал мысом Кироса. Северо-западной оконечности залива я дал наименование мыс Камберленд. Этот мыс лежит на 14°38'45" ю.ш. и 166°49 1/2' в.д. и является крайним северо-западным пунктом всего архипелага.

Обогнув мыс Камберленд, мы установили, что берега Земли Духа Святого протягиваются далее к юго-юго-востоку.

28 августа, воскресенье. В эти дни дул слабый ветер, порой переходивший в штиль, и мы почти не продвинулись вперед. Горизонт был чист, и небо ясно, море можно было обозревать

на много лиг вокруг, но я не видел ни малейших признаков новых земель.

Судя по курсу, которым шел Кирос, ближайший от Земли Духа Святого остров, расположенный к северу от нее, — это остров Королевы Шарлотты (наименование, данное капитаном Картеретом, Кирос назвал этот остров Санта-Крус), лежащий в 90 лигах к северо-северо-западу от мыса Камберленд.

31 августа, среда. Плаванием вокруг земли Духа Святого 31 августа я завершил работы по обследованию архипелага. Приближение весны позволяло вновь вернуться в более высокие широты и осмотреть по пути часть океана между архипелагом и Новой Зеландией.

На берегах Новой Зеландии я намерен был пополнить запасы, необходимые для дальнейшего плавания и дать отдых команде. Поэтому вскоре после полудня при свежем юго-восточном ветре я взял курс на юг. Юго-западная оконечность Земли Духа Святого, которую я назвал мысом Лизберн, была на северо-западе от нас на расстоянии трех лиг.

Теперь было уж несомненно, что весь «Южный материк» Кироса сводился лишь к группе сравнительно небольших **[343]** островов, и самой северной частью этого архипелага была Земля Духа Святого.

Мыс Лизберн расположен на 15°40' ю.ш. и 165°59 в.д. Для того, чтобы дать яснее представление о посещенном мной архипелаге, я привожу следующее описание островов, входящих в него.

Северные острова впервые были открыты великим мореплавателем Киросом в 1606 г. Кирос имел некоторые основания считать их частью южного материка: и тогда и в наше время предполагалось, что такой материк действительно существует в южной части Тихого океана. В 1768 г. воды архипелага посетил Бугенвиль. Он высадился на острове Прокаженных и обследовал его, но не совершил новых, открытий, хоть и доказал, что так называемый «Южный материк» есть не что иное как группа островов. Эту группу он

назвал Большими Кикладами. Так как мы не только уточнили положение островов указанной группы, но и к числу уже открытых ранее добавили ряд до сих пор неизвестных, а также обследовали весь архипелаг в целом, то я считаю, что мы вправе дать ему имя. И в будущем пусть будут называться острова, входящие в архипелаг — Новыми Гебридами.

Ново-Гебридские острова расположены между 14°29' и 20°4' ю.ш. и 166°41' и 170°21' в.д. и протягиваются с северо-северо-запада на юго-юго-восток на расстоянии 125 лиг.

Самый северный остров, расположенный, по данным Бугенвиля, на 14°29' ю.ш. и 168°9' в.д., назван им Пиком Звезды (Пик-Этуаль) и находится в 8 лигах к северу от острова Аврора.

Насколько южнее лежит Земля Духа Святого — самый крупный и самый западный остров Ново-Гебридского архипелага. Длина его 22 лиги, ширина около 12 лиг, в окружности он имеет 60 лиг. Мы точно нанесли на карту этот остров, вытянутый с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Остров весьма горист, особенно в западной части, где прямо из меря подымаются крутые обрывы высоких береговых цепей. За исключением узкой береговой полосы, весь остров покрыт лесом и плантациями туземцев. Наиболее надежной гаванью является залив Сан-Фелипе и Сантьяго.

Второе место по величине занимает остров Малликолло. Он вытянут с северо-запада на юго-восток на **[344]** 12 лиг. В центральной части там, где в западный берег Малликолло врезывается глубокий залив, ширина острова не более 3 лиг. Он расширяется и к северу и к югу и достигает наибольшей ширины (8 лиг) в крайней юго-восточной части. Остров Малликолло плодороден и густо заселен. Берега его относительно низкие; гряда холмов протягивается через весь остров и полого спускается к морю. Восточный берег наносился на карту с значительной дистанции, и поэтому очертания его даны, быть может, не вполне точно.

Остров Сант-Бартолемью расположен между юго-восточной оконечностью Земли Духа Святого и северной оконечностью острова Малликолло, на расстоянии 8 миль от последнего в

проливе, через который прошел Бугенвиль. Средняя часть пролива находится на 15°48' ю.ш.

Остров Прокаженных лежит между Землей Духа Святого и островом Авророй, в 8 лигах от первого и в 3 лигах от Авроры, на 15°22', т.е. на меридиане готово с точной оконечности Малликолло. Остров Прокаженных имеет яйцевидную форму, берега его высоки. Остров нанесен на карту по нескольким пеленгам; менее точно показан северо-восточный берег, где есть удобное место для якорной стоянки в полумиле от берега.

Острова Аврора, Троицы, Амбрим, Поум, Апи, Трех Холмов и Сандвич лежат все приблизительно у 167°30' в.д., между 14°51'30" и 27°53'30" ю.ш.

Остров Аврора вытянут с северо-запада на юго-восток и имеет в длину 11 лиг. Ширина его навряд ли превышает 2— 2 1/2 лиги. Поверхность острова холмистая. Весь он покрыт густыми лесами.

Лежащий в полулиге к югу остров Троицы равен по длине острову Авроре, но несколько шире последнего. Берега его довольно высоки и круты. Большая часть острова занята лесами. Однако площадь полей и плантаций на острове весьма значительна.

В 2 1/2 лигах к югу от острова Троицы расположен остров Амбрим, имеющий в окружности около 17 лиг. Центральная часть острова гориста. Гряда неравной высоты тянется с севера на юг и кое-где над горными вершинами курится дым. Подобно соседним островам, Амбрим покрыт лесами, местами расчищенными под плантации. **[345]**

Остров Поум, подобный огромному стогу сена, мм не успели как следует осмотреть. Быть может, он разделен узким проливом па две части. Во всяком случае длина его в любом направлении не превышает 3—4 лиг.

Расположенный в 5 лигах к югу остров Апи имеет в окружности около 20 лиг. С северо-запада на юго-восток он вытянут на 9

лиг. Апи гористый и лесистый остров; особенно высок он в южной и западной частях.

К юго-востоку от Апи рассеяны мелкие островки, названные мною островами Шеферда. Эта группа с северо-запада на юго-восток протягивается на расстояние 5 лиг.

В 4 лигах к югу от Апи лежит высокий остров Трех Холмов, а еще далее на юг, в 13 лигах от Апи, расположен остров Сандвич с прилегающими к нему островками Двух Холмов, Монтегю, Монумент и Хинчинбрук.

Остров Монумент находится в средний части пролива, отделяющего острова Сандвич от Трех Холмов, а Хинчинбрук и Монтегю лежат близ северо-восточного берега острова Сандвич и соединены с ним цепью рифов, подводных камней и отмелей.

Остров Сандвич в окружности имеет 25 лиг и в длину 10 лиг. Он вытянут с северо-запада на юго-восток и расположен в 22 лигах к юго-юго-востоку от южной оконечности Малликолло. Северо-восточные берега острова мы видели лишь на значительном расстоянии и поэтому нанесли их не точно.

Далее к юго-юго-востоку расположены острова Эрроманго, Танна и Аннатом. Первый из них. отстоит в 18 лигах от острова Сандвичи имеет в окружности 24—25 лиг. Центр его лежит на 18°54 ю.ш. и 169°19' в.д. Высокие горы острова Эрроманго видны на значительном расстоянии.

Остров Танна отделен от Эрроманго проливом шириной около 6 лиг. Длина его (с северо-запада на юго-восток) 8 лиг, ширина 3—4 лиги.

В 4 лигах к северу от Танна расположен небольшой остров Иммер, а в 11 лигах к востоку — гористый остров Эрронан или Футуна, самый восточный в Ново-Гебридском архипелаге. Эрронан имеет в окружности около 5 лиг. Возможно, что пик, который возвышается на северо-восточной оконечности острова, отделен от него узким проливом. Скорее всего, однако, что вершина эта **[346]** соединяется с берегом острова Эрронан низким перешейком — отмелью.

На 20°3' ю.ш. и 170°4' в.д. расположен наиболее южный остров Новых Гебрид — Аннатом, который находится в 12 лигах к юго-юго-востоку от Порт-Резолюшн. Аннатом — небольшой гористый остров. Берега его нанесены на карту эскизно, так как мы прошли мимо этого острова на довольно значительном расстоянии.

По данным лунных обсерваций Уолс исчислил долготу Порт-Сандвич и Порт-Резолюшн. Для Порт-Сандвич среднее значение (по 32 наблюдениям) равно 167°57'22 3/4", для Порт-Резолюшн (по 45 наблюдениям) — 169°44'35".

Каждое исчисление производилось на основе 6—10 расчетов, солнечных и лунных или лунных и звездных расстояний, и поэтому истинное число всех наблюдений доходит до нескольких сотен. С относительно большей точностью определялись долготы островов Ново-Гебридского архипелага, поскольку данные наблюдений по хронометру и по лунным обсервациям расходятся весьма незначительно, и разница между ними не превышает двух миль.

Должен заметить, что погрешности при определении долгот уменьшаются пропорционально числу наблюдений. Кроме того, на корабле необходимо иметь несколько секстантов и хронометров и хорошо обученный персонал наблюдателей. Это условие было соблюдено на Резолюшн, где офицеры проводили астрономические наблюдения с не меньшей точностью, чем астроном экспедиции Уолс.

Величина склонения магнитной стрелки колебалась иногда на 2—3 градуса в течение дня, хотя дистанция, пройденная судном за это время и была незначительной.

Склонение (восточное) у берегов Земли Духа Святого было 10°5'30", а у острова Эрроманго — 10°5'48".

Комментарии

95. Г. Форстер комментирует это событие в иных тонах. Он говорит, что после гибели несчастного туземца у островитян,

несомненно, должно было появиться чувство законной и лютой ненависти к европейцам, и отмечает, что часовой-убийца не был наказан Куком. Дело окончилось лишь тем, что офицер, который командовал караульной командой, получил выговор.

96. Г. Форстер указывает, что на острове Танна было около 20 000 жителей и отмечает, что нигде он не встречал такой плодородной почвы. Плодородие в известной степени даже препятствовало туземцам должным образом использовать земельные угодья, так как быстро растущие сорняки заглушали посевы.

Островитяне жили в небольших селениях (в каждом из селений обитало, по словам Форстера, несколько семейств) и подчинялись «старейшинам или сильным людям».

Форстер полагает, что верховного вождя на острове не было. Кук упоминает о том, что обитатели Танны говорили на двух языках, Форстер добавляет, что на восточном берегу бухты он встретил туземцев, которые изъяснялись на диалекте, отличном от двух общераспространенных на острове. Этот диалект изобиловал согласными и по звуковому составу не был сходен с говорами туземцев Южных морей.

Глава восьмая

Открытие Новой Каледонии.

Всю ночь шли на юго-запад и продолжали следовать этим курсом до утра 4 сентября, когда находились на 19°49' ю.ш. и 164°53' в.д.

В 8 часов утра на юго-юго-западе показалась земля. В полдень мы были от ее берегов на расстоянии 6 лиг, а в 5 часов дня па расстоянии 3 лиг. Трудно было установить, находимся ли мы в виду крупного острова или группы мелких островов, потому что во многих местах видны были проходы или глубокие бухты.

Высокую юго-восточную оконечность новооткрытой земли я назвал мысом Колнет по имени мидшипмена, который первый увидел эту землю. Полоса отмелей и рифов тянулась вдоль

берега. Вдали белели паруса нескольких каноe, которые, по-видимому, шли к берегу, так как вскоре мы потеряли их из вида.

Всю ночь мы при юго-восточном бризе лавировали короткими галсами на расстоянии 3—4 лиг от берега.

5 сентября, понедельник. На рассвете открылся на горизонте берег, простирающийся с северо-запада на юго-восток.

На западе ясно различимы были разрывы береговой линии. Я решил плыть к северо-западу и, пройдя в этом направлении две лиги, оказался у входа в пролив, **[348]** разделяющий два небольших острова. За этими островами видны были берега земли, к которой можно было проникнуть через этот пролив. Для промера глубины в проливе я направил команду вооруженных людей на двух шлюпках.

Много больших каноe под парусами то появлялись, то вновь исчезали, но ни одна туземная лодка не осмеливалась приблизиться к кораблю.

После того, как со шлюпок был дан сигнал, мы вошли в пролив. Глубина его была от 12 до 15 фатомов, дно песчаное. К востоку тянулась узкая полоса отмелей, к западу возвышались берега длинного острова, который, как впоследствии мы узнали, носил имя Баладе. Берег большой земли оставался к югу от нас и протягивался с северо-запада на юго-восток. Таким образом низкая отмель и остров Баладе простирались параллельно этому берегу, подобно барьеру.

Во время промеров глубин пролива туземцы на двух каноe подошли к нашим шлюпкам. Матросы дали им медали и разные безделушки и приобрели немного рыбы. На одном из каноe находился высокий, крепкий юноша, который, по всей вероятности, был вождем, так как туземцы подчинялись всем его приказам.

Мы прошли через пролив и бросили якорь в одной миле от берега большой земли на глубине трех фатомов. Остров Баладе был от нас на северо-западе, на расстоянии 4 лиг. От ветров

господствующего направления мы были надежно защищены грядой низких песчаных островов.

Как только мы стали на якорь, нас со всех сторон окружили туземные каное. Большая часть островитян была без оружия. Держались они сперва с некоторой робостью, но затем осмелели и подошли совсем близко к кораблю. Мы на веревках спускали в каное различные безделушки и получали в обмен основательно протухшую рыбу.

Вскоре двое туземцев осмелились подняться на борт. За ними последовали и другие островитяне. Мы пригласили их к обеду. Они отказались от горохового супа и солонины, но охотно отведали ямс, называя его «уби». Хотя слово это звучало почти так же, как «уфи» у туземцев Малликолло, язык их резко отличался от того, на котором говорили обитатели этого острова. Подобно туземцам Новых Гебрид наши гости носили только повязку на бедрах. **[349]**

Они с любопытством осматривали корабль. Им в диковинку были свиньи, козы, собаки и кошки. Гвозди и ткани, особенно красные, они принимали от нас весьма охотно.

После обеда я с отрядом вооруженных матросов отправился на берег. Меня сопровождал туземец, который с первого же взгляда почувствовал ко мне большую симпатию. Мы вышли на песчаный берег, где нас любезно приняли островитяне. При встрече с нами они проявляли любопытство, естественное в их положении. Никогда раньше не приходилось им видеть столь удивительных чужестранцев. Я роздал подарки туземцам, с которыми меня знакомил мой новый друг, а представлял он мне либо стариков, либо людей именитых.

Но когда я захотел вручить безделушки женщинам, он удержал мою руку. Здесь же мы увидели и молодого туземца-вождя, с которым утром познакомились мои люди на берегах пролива. Звали его Тебума. Он появился среди туземцев и потребовал, чтобы все умолкли. Приказ его был мгновенно исполнен, и он обратился к толпе с короткой речью. Вслед за ним выступал еще один вождь. Островитяне выслушали обоих вождей с большим вниманием. Речи их состояли из коротких сентенций. На

каждую из них отвечали кивками головы и утвердительными жестами двое или трое стариков-туземцев. Содержание этих речей осталось для мне непонятным. Во всяком случае они не были направлены против нас. Я внимательно наблюдал за толпой в то время, когда Тебума ораторствовал, и видел, что островитяне настроены к нам весьма благожелательно.

Затем мы отправились на поиски источника. Мой друг-островитянин вызвался быть нашим проводником и жестами дал понять, что пресная вода есть где-то к востоку от места высадки. Мы отправились в этом направлении на шлюпках, и вскоре среди мангровых зарослей открыли ручей, на берегах которого раскинулось небольшое селение. Селение было окружено плантациями сахарного тростника, ямса, бананов и пр. На опушке леса росли не слишком обремененные плодами кокосовые пальмы.

От реки шла сеть каналов, орошающих поля. У одной из хижин на очаге в глиняном горшке вместимостью в 6—8 галонов варились какие-то коренья. Где-то голосили петухи, но ни одного из них нам не удалось увидеть. **[350]**

Форстер застрелил пролетающую над нашими головами утку, и туземцы впервые познакомились с действием огнестрельного оружия. Мой друг-туземец выпросил подстреленную утку и при встрече со своими соплеменниками с жаром объяснял, каким образом была эта утка убита.

Так как начинался отлив, я вынужден был возвратиться на корабль. После этой небольшой экскурсии я убедился, что от туземцев ничего нельзя ожидать, кроме разрешения свободно осматривать их страну. Несомненно, обитатели этой земли по своим душевным качествам были лучше всех островитян, с которыми я до сих пор встречался, но страна их была бедна.

6 сентября, вторник. Утром нас посетило несколько сот туземцев. На каноэ и вплавь они добирались до корабля, и скоро вся палуба буквально кишела ими. Только мой друг принес мне немного кореньев. Остальные явились с пустыми руками. Мало у кого из них было оружие, а тот, кто имел

дубины или дротики, охотно меняли их на гвозди и куски ткани.

После завтрака я отправил за водой лейтенанта Пиккерсгила, а сам занялся вместе с Уолсом подготовкой к наблюдению за солнечным затмением, которое должно было быть сегодня после полудня. Затмение мы наблюдали при неблагоприятных обстоятельствах, и начальный момент был упущен из-за облачности.

Время окончания затмения было определено по данным наблюдений тремя телескопами (3 1/2 -футовым и 18-дюймовым рефракторами и 2-футовым рефлектором):

широта места наблюдений ..... 20°17'39" ю.

долгота по астрономическим данным ..... 164°41'21" в.

» » по хронометру ..... 163°58' в.

Вечером я осмотрел ручей, о котором уже упоминалось ранее, и установил, что лишь небольшая лодка может войти в него, да и то в часы прилива. Лес для топлива был на берегах ручья превосходный, но в дровах мы совершенно не нуждались.

В 7 часов вечера скончался мясник Симон Монк, человек, к которому с уважением относилась вся команда. Смерть последовала от тяжелых ушибов, полученных им вчера ночью при падении в люк. **[351]**

7 сентября, среда. Рано утром я направился с партией офицеров и ученых на берег для осмотра внутренней части страны. Туземцы охотно вызвались быть нашими проводниками, и мы по неплохой дороге двинулись в путь. Шли мы по населенным местам и по мере продвижения вглубь, свита наша возрастала все больше и больше, так как много туземцев присоединялось к экспедиции.

Мы поднялись на вершину высокого холма и увидели на противоположной юго-западной стороне земли в разрыве между параллельными грядами гор море. Таким образом я мог теперь с уверенностью сказать, что ширина новооткрытой

земли не превышала десяти лиг. Цепи гор разделяла широкая долина, на дне которой протекала извилистая река.

На берегах ее видны были поля, сады и селения. Далее за вторым горным кряжем простиралась до самого моря широкая и плодородная равнина. Там и сям на берегах ручьев и рек рассеяны были, среди великолепных лесов и тщательно возделанных полей, живописные туземные деревни.

Горы лишь близ подошвы были покрыты лесом. На крутых обрывистых склонах росли только низкие кустарники и одиночные деревья.

Страна напоминала ту часть Новой Голландии, которая расположена на той же широте. Не только в характере растительности, но и в очертании берегов и в изобилии отмелей и рифов, вдоль них проявлялись черты сходства с Новой Голландией. И так же, как в Новой Голландии, леса этой земли были лишены подлеска.

Пояс рифов тянулся к северу параллельно северо-восточному берегу между нашей землей и островом Баладе насколько хватал глаз. Мы спустились другой дорогой и на прибрежной равнине обнаружили новые селения и прекрасно возделанные, хорошо распланированные поля. Некоторые из них лежали под паром, иные не распахивались уже в течение некоторого времени.

Я видел выжженные участки на невспаханных полях — туземцы огнем боролись с сорными травами. Я не раз замечал на островах южных морей, что туземцы часть своих земель оставляют на несколько лет нетронутой. Но нигде, и здесь в частности, я не видел, чтобы почва на полях унаваживалась. **[352]**

В полдень мы закончили нашу экскурсию и вернулись на корабль. На обеде присутствовал наш верный друг и гид, чью преданность мы вознаграждали с небольшими издержками для себя.

После обеда я с Уолсом совершил непродолжительную прогулку вдоль берега. Помимо различных наблюдений по пути, мы узнали от туземцев названия некоторых местностей. Сперва я думал, что речь идет о близлежащих островах, и только в ходе дальнейших расспросов установил, что туземцы имеют в виду не острова, а округа своей страны.

Один из моих спутников приобрел у туземцев рыбу неизвестного вида и подарил ее мне. Она имела огромную длину и уродливую голову. Я не подозревал, что рыба эта может оказаться ядовитой, и распорядился приготовить ее к ужину. Но зарисовка и описание ее заняли, к счастью, столько времени, что к назначенному часу удалось зажарить лишь одну печень. Попробовать ее удалось только мне и Форстеру. В три часа ночи оба мы почувствовали себя очень плохо. Симптомами отравления была почти полная потеря чувствительности и онемение конечностей. Я потерял способность ощущать вес вещей — горшок емкостью в кварту, наполненный до края водой, и перо казались мне одинаковыми по весу. Своевременно принятое рвотное помогло нам. Утром околела одна из свиней, которая съела внутренности рыбы. Когда туземцы увидели у нас на борту эту рыбу, они знаками дали понять, что она не годится в пищу.

8 сентября, четверг. После полудня Тебума прислал мне в подарок через дежурного офицера, командовавшего береговым караулом, ямс и сахарный тростник. Я отослал вождю двух щенков — кобеля и суку. Кобель был рыжевато-белый, сука рыжая, лисьей масти. Я упоминаю об этом потому, что для этой страны обе собаки были Адамом и Евой песьего рода.

Вечером дежурный офицер доложил нам, что вождь в сопровождении двадцати туземцев явился к нему, когда узнал о присланных с корабля подарках. Вероятно, это был визит вежливости. Тебума не помнил себя от радости, когда получил собак. Он немедленно отправил их к себе.

9 сентября, пятница. Утром я отправил Пиккерсгила и Гилберта к западным берегам нашей земли. **[353]** Обследовать труднодоступное побережье на корабле не было возможности,

шлюпки же могли пройти почти везде. Ни я, ни Форстер не успели еще как следует оправиться после позавчерашнего ужина, и оба мы предпочли остаться на судне.

После обеда мне сказали, что на берегу и у борта корабля появился человек с белой кожей, как у европейца. Я не видел этого туземца, но полагаю, что белизна его — следствие болезни или явление случайное. Островитяне с кожей такого цвета встречались не раз на Таити.

Интерес к кораблю был так велик у добродушных туземцев, что ни восточный ветер, ни дальность нашей стоянки не могли помешать им партиями в 20—30 человек вплавь добираться до судна и таким же образом возвращаться на прибрежные отмели.

10 сентября, суббота. Только сегодня мы с Форстером почувствовали себя достаточно крепко. Форстер смог даже отправиться в обычную ботаническую экскурсию.

11 сентября, воскресенье. Вечером вернулись шлюпки, посланные для обследования западного берега. Пиккерсгил и Гилберт сообщили мне, что с вершины холма им удалось обозреть почти весь берег, лежащий к западу от нашей стоянки. Гилберт считал, что они видели на западе оконечность земли, но Пиккерсгил оспаривал его мнение. Оба они полагали, что на западе нет удобного прохода в открытое море.

От подошвы холма они в сопровождении двух туземцев отправились на остров Баладе и достигли берегов его на закате 9 сентября. На следующее утро экспедиция отправилась в обратный путь. Моряки видели на песчаных отмелях множество черепах и приобрели у туземцев свежую рыбу.

На острове Баладе они были приняты местным вождем Теби. И вождь и туземцы встретили их гостеприимно и любезно.

Для того, чтобы избежать скопления большой толпы, мои люди провели на берегу демаркационную линию и объяснили островитянам, что никто из них не должен ее переступать.

Туземцы подчинились этому требованию. Один из них обратил в свою пользу европейское нововведение. Этот островитянин имел кокосовые орехи, которые пожелал приобрести наш матрос. Разграничительная линия **[354]** лежала между продавцом и покупателем, и последний, перейдя ее, направился к туземцу. Но владелец орехов сел на песок и, подражая нашим людям, очертил вокруг себя круг и заставил его держаться вне запретной сферы. Подлинность этого происшествия хорошо засвидетельствована, и поэтому я занес его на страницы дневника.

12 сентября, понедельник. Я решил положить начало разведению домашних животных на берегах этой земли и взял с собой на берег борова и свинью. С тех пор, как Тебуме были подарены собаки, он больше не появлялся вблизи нашей стоянки. Я же считал необходимым вручить ему и свиней и отправился на поиски вождя к устью ручья, что впадал в море в мангровых зарослях.

Но Тебуму мне найти не удалось, и я попытался отдать свиней старику-туземцу, который с группой островитян сопровождал нас во время поисков вождя. Он, однако, отказался принять мой дар. Проводник-туземец объяснил мне, что свиней необходимо отнести в дом вождя. Я поступил согласно его совету и был введен вместе со свиньями в хижину, где меня церемонно и вежливо приняли сидящие плотным кружком 8 или 10 островитян.

Я пытался (и кажется не безуспешно) объяснить им, сколько поросят может при заботливом уходе дать свиная матка. Превозносил я своих свиней только для того, чтобы побудить туземцев заботливо относиться к этим животным.

В то время, когда я держал речь, двое островитян покинули хижину и вскоре вернулись с шестью плодами ямса и подарили их мне. Я уже упоминал, что на берегах ручья расположено небольшое селение. Ныне я обнаружил, что это селение гораздо больше по размерам, чем можно было предполагать на первый взгляд.

Селение было окружено правильно распланированными плантациями тары, ямса, сахарного тростника и бананов. Участки, засеянные тарой, искусственно орошались сетью канав, отходящих от магистрального канала, который в свою очередь брал начало из реки у подножья гор.

Тара культивируется двумя способами: либо ее сажают на квадратных или прямоугольных делянках, либо вдоль высоких грядок. В первом случае делянки располагаются ниже уровня прилегающих участков, и вода, свободно стекая на эти низкие поля, покрывает **[355]** их сплошным слоем глубиной 2—3 дюйма. При посадке вдоль грядок (высота их 2— 2 1/2 фута, ширина 3—4 фута) на поверхности грядок проводятся борозды, куда поступает вода из каналов. Растения же располагаются на скатах насыпи — грядки и орошаются за счет воды, которая просачивается сверху. Иногда высокие грядки ограничивают заливные делянки, и в этом случае буквально не один дюйм земли не пропадает даром.

Быть может туземцы имеют различные сорта и виды тары, и каждый из этих сортов требует особых методов культивирования. И по качеству и по цвету одни виды этих корнеплодов заметно отличаются от других. Но все без исключения сорта тары весьма полезны и питательны и являются излюбленной пищей туземцев.

На полях работают мужчины, женщины и дети. После обеда я вырезал на коре гигантского дерева близ нашего постоянного места высадки надпись — название корабля, дату и т.д., как свидетельство, что именно мы впервые открыли эту страну. Рядом вырезали свои имена мои спутники. Вернувшись на корабль, я дал приказ готовиться к выходу в море.

Глава девятая

Описание Новой Каледонии и ее обитателей

Туземцы новооткрытой земли хорошо сложенные, сильные, стройные люди. Они деятельны, гостеприимны, вежливы и отличаются от обитателей прочих островов Южного моря тем, что не имеют склонности к воровству.

Цветом кожи они напоминают туземцев Танна, но черты лица их тоньше и приятней, а ростом они выше последних. Не раз я встречал среди здешних обитателей людей, чей рост достигал 6 футов 4 дюйма.

Некоторые имеют толстые губы, приплюснутые носы и полные щеки и, в известной степени, черты и внешность негров. Сходство с неграми им придают черные, косматые волосы и лица, измазанные жирной черной краской. Тем не менее волосы у туземцев только на первый взгляд кажутся таким же, как у негров, на самом деле они не столь жесткие и курчавые, хотя и значительно отличаются от волос европейцев. У некоторых островитян длинные волосы связываются пучком на затылке. Часто туземцы выстригают наголо темя, оставляя лишь два клочка волос на висках. И мужчины и женщины тщательно расчесывают волосы деревянными гребнями. Эти гребни имеют вид веера и состоят из 15—20 острых и тонких зубцов, насаженных на общую колодку на расстоянии 1/10 дюйма друг от друга. Обычно туземцы украшают ими голову и в этом **[357]** отношении напоминают обитателей острова Танна. Но на Танна гребни меньше и имеют лишь 3—4 зубца. Бороды у туземцев короткие и жесткие.

У большинства островитян-мужчин опухшие изъязвленные ноги. Я думаю, что эта болезнь появляется в результате ношения набедренных повязок, которые здесь такого же типа, как и на островах Танна и Малликолло.

На туземцах нет ничего, кроме набедренных повязок, делаются они из древесной коры, иногда из листьев. На эти повязки шли также лоскуты ткани и листы бумаги, которые они получали от нас. Мы видели у них грубую одежду, изготовленную из пальмовых листьев, таким же способом, как и циновки, но, кажется, надевается она туземцами лишь во время плаванья в каное.

Некоторые островитяне носят высокие и жесткие цилиндрические головные уборы черного цвета. По-видимому, шляпы эти главное украшение знатных людей и воинов.

Большой лист крепкой бумаги, полученный от нас, был сразу использован для такой шляпы.

Женщины прикрывают наготу очень короткой юбкой, 6—8 дюймов длиной, изготовленной из волокон банана и скрепленных в верхней части бечевой, которая обвязывается вокруг бедер. Наружная сторона юбки окрашивается черной краской и, кроме того, с правой стороны прикрепляются ради украшения раковины.

И мужчины и женщины носят серьги, ожерелья, амулеты, браслеты (последние стягивают руки выше локтей) из обломков черепашьего панциря, раковин, камней. Кожа у туземцев покрыта яркими рисунками, причем они подбирают для этого более светлые краски, чем обитатели восточных островов. Думаю, что, разрисовывая тело, туземцы здесь, как и на Танна, желают лишь более украсить себя и не имеют в виду никаких иных целей, не связанных с этим намерением.

По происхождению эта народность может рассматриваться как переходная ступень между обитателями островов Дружбы и Танна или между последними и новозеландцами, или, наконец, между всеми тремя перечисленными группами. Их говор в некоторых отношениях представляет смесь языков островов Тайна, Дружбы и Новой Зеландии. По своему нраву они во многом напоминают туземцев островов Дружбы, но значительно превосходят последних радушием и благородством. **[358]**

Несмотря на мирный нрав, они, вероятно, иногда воюют, так как имеют наступательное оружие: дротики, палицы, копья, пращи. Палицы достигают 2— 2 1/2 футов длины и по форме напоминают косы и кирки. Изгиб в верхней части либо имеет плавные округлые очертания, либо заостренную форму наподобие ястребиного клюва.

Копья часто украшены резьбой. Пращи по своему устройству весьма просты, но камни для метания иногда имеют причудливую форму.

Дротики они бросают так же, как и туземцы Танна, с помощью бечевы, и в метании этого оружия они не менее искусны. Дротиками туземцы поражают рыбу, и этот способ лова у них, вероятно, единственный, — удилищ у них я не встречал.

Хозяйственные орудия у туземцев такие же, как и у обитателей других островов. Некоторые несущественные отличия вызываются, видимо, стремлением к красоте отделки, а не иными навыками.

Хижины (по крайней мере большинство из них) круглые, похожие на ульи, очень тесные и душные. Взрослому человеку для того, чтобы пройти в узкую квадратную прорежь, ведущую в хижину, нужно согнуться вдвое. Высота стен 4—4 1/2 фута, крыша крутая, с острой верхушкой. Обычно на ней укрепляется украшенный резьбой или раковинами шест. Каркас хижин делается из тонких кольев. И стены и крыша кроются толстым слоем настилочного материала, изготовляемого из жесткой и прочной травы. Трава эта накладывается плотно, без зазоров, старательно и аккуратно.

Внутри хижин к вертикально установленным жердям прикрепляются перекладины и полки для различной хозяйственной утвари. Перегородок никогда не бывает. Есть хижины с двойным полом. Полы застилаются сухой травой. Именитые туземцы сидят и спят на циновках. В большей части хижин имеется два очага, в которых огонь постоянно поддерживается. Дым выходит в дверь, и поэтому внутри хижин настолько дымно и жарко, что нам с непривычки трудно было пробыть здесь хотя бы самое короткое время.

Быть может именно поэтому туземцы так зябнут на открытом воздухе. Где бы ни собирались островитяне, они разводят небольшие костры и стараются сгрудиться вокруг них, чтобы согреться. Я полагаю, что дым в **[360]** хижинах — зло неизбежное: это единственное спасение от москитов, которых здесь великое множество. В общем, однако, жилища туземцев довольно чисты. Их хижины приспособлены скорее для холодного, чем для жаркого климата.

Домашняя утварь бедна и однообразна. Заслуживают упоминания лишь глиняные горшки, неизменное достояние каждой семьи. В этих горшках варят коренья и рыбу. При этом варка пищи всегда происходит вне хижины, на особых очагах, устроенных следующим образом: в землю зарывают заостренные камни высотой около шести дюймов. Для одного горшка служит очаг из трех камней, для двух горшков из пяти камней. Горшки устанавливаются наклонно, а не вертикально. На этих же камнях островитяне обжигают глиняную посуду.

Питаются туземцы корнеплодами и рыбой. Употребляют они в пищу обожженную кору дерева, которое, насколько мне известно, произрастает также в Вест-Индии. Кору эту островитяне жуют непрерывно. Она имеет сладковатый вкус. Некоторые наши моряки к ней успели основательно пристраститься. Никаких напитков туземцы не употребляют.

Бананов и сахарного тростника здесь немного; хлебные деревья встречаются очень редко, а кокосовые пальмы низкорослы и дают мало плодов.

На первый взгляд численность туземцев казалась значительной. Однако это впечатление было обманчиво. Мы видели множество островитян на берегу, но скопились они тут, чтобы посмотреть на чужестранцев; приходили обитатели далеких округов. Пиккерсгил отметил, что западная часть берега заселена слабо. Но вообще побережье, равнины и долины, годные для обработки, заселены не так уж редко, зато горные районы почти необитаемы.

Навряд ли страна эта способна прокормить много жителей. Природа к ней оказалась далеко не такой щедрой, как к другим тропическим островам в этих морях.

Большая часть территории занята скалистыми горными кряжами, и трава, которая растет на их склонах, не может принести никакой пользы народу, который не занимается скотоводством.

Бесплодие этой страны отягощает жизнь ее обитателей и не сулит особых благ мореплавателям. Море в **[362]** известной

степени возмещает то, чего не может дать земля. Близ берега, у песчаных отмелей и рифов водится много рыбы.

Я уже отметил черты сходства у новооткрытой земли с Новым Южным Уэльсом или Новой Голландией. В частности и здесь встречается дерево с мягкой, белой шероховатой корой, которая легко отделяется от древесины. Подобного типа кора употребляется в Ост-Индии вместо пакли для конопатки судов.

Древесина этого дерева очень твердая, листья узкие и длинные, бледно-зеленые с тонким и приятным запахом. Я думаю, что можно с полным основанием утверждать, что дерево с белой корой является характерным для новооткрытой земли и Новой Голландии.

Но имеются здесь также растения, подобные тем, что встречаются на островах, расположенных к северу и к востоку. Есть также вид пассифлоры (страстоцвета), встречающийся в диком состоянии лишь в Америке. Наши ботаники ежедневно находили растения, до сих пор не известные натуралистам.

Птиц здесь немного, но имеются некоторые новые, редкие виды. Нам встретилась птица, несколько похожая на ворону с синеватыми перьями. Мы назвали ее вороной не совсем справедливо, так как она, по крайней мере вдвое, уступала по величине этой птице. Встречались также очень красивые горлицы и другие маленькие птички, которых никто из нас нигде не видел до посещения этих берегов.

Наши попытки узнать название острова у туземцев не увенчались успехом. Возможно, что остров настолько велик, что обитатели его знают только имена отдельных местностей. По крайней мере туземцы в ответ на наши вопросы неизменно сообщали нам лишь названия отдельных округов или местностей, на которые мы им указывали. Я уже упоминал, что названия некоторых округов я узнал от местных вождей. Отсюда я заключаю, что остров разделен на ряд округов, каждый из которых управляется своим королем или вождем. Однако я не знаю, как велика власть этих вождей. Округ, которым управляет Тебума, называется Баладе. Тебума живет по ту сторону горной цепи, что протягивается параллельно

берегу, и поэтому мы не часто видели его в кругу соплеменников и не могли установить объем его власти. [364]

По-видимому, приставка Те предшествует именам вождей и значительных персон. Мой друг-туземец величал меня Те-Кук.

Покойников островитяне хоронят в земле. Я не видел их кладбищ, но мои спутники имели возможность осмотреть одно из мест погребения, где покоились останки вождя, павшего в битве. Могила вождя, напоминающая большую насыпь перед кротовьей норой, была украшена дротиками, копьями и веслами, воткнутыми вокруг искусственного холма, под которым лежал прах покойного воина.

Здешние каное отчасти сходны с теми, что я видел на островах Дружбы; но они так грубы и неуклюжи, как нигде в другом месте. Это двойные каное, сделанные из двух выдолбленных древесных стволов. Спереди и сзади, фута на полтора с каждой стороны, остаются невыдолбленные части, и поэтому внутренняя часть каное напоминает квадратное корыто и на три фута короче тела лодки.

Челны двойного каное, отстоящие друг от друга на три фута, соединены перекладинами, на которых настилается помост из круглых балок или брусьев. На этой палубе устраиваются очаги для варки пищи. С каждой стороны палубы вдоль ее борта воткнут ряд изогнутых колышков, на которые кладутся весла и съемные мачты.

Каное приводятся в движение веслами и латинскими парусами. Последние изготовляются из пальмовых матов, а веревки толщиной с палец, которыми крепят паруса, свиты из волокон бананов. Я полагаю, что каное хорошо ходят под парусами, но нельзя сказать, чтобы было удобно плавать на них на веслах. Туземцы используют парные весла, которые пропускаются через прорези в палубе — помосте. Когда лопасть весла погружена в воду, верхняя его часть возвышается на 4—5 футов над поверхностью помоста. Передвигаются каное на веслах очень медленно и поэтому мало приспособлены для рыбной ловли и для охоты за черепахами.

Каное имеют в длину 30 футов, а помосты вытянуты на 24 фута при ширине в 10 футов.

Трудно сказать, откуда туземцы берут материал для постройки каное — таких крупных, толстых деревьев мы нигде не видели на берегу.

Стволы, предназначенные для каное, видимо, выжигаются, но каким образом делают это туземцы, я не знаю. **[365]**

Возможно, что углубления и сквозные дыры в дереве они выжигают раскаленными камнями. Во всяком случае большие гвозди, которые мы давали островитянам, имели большой спрос. Для прожигания отверстий эти гвозди могли оказаться незаменимым инструментом.

Большие гвозди туземцы брали охотнее, чем топоры, а бусы, увеличительные стекла и иные безделушки не приводили их в восторг.

Для ловли черепах они употребляли сети из крученых волокон бананов. Рыбу туземцы бьют близ отмелей дротиками.

Женщины этой земли, подобно женщинам Танна, гораздо более целомудренны, чем обитательницы островов, лежащих далее к востоку. Я не слышал, что хотя бы один из моих людей добился у них успеха. Правда, развлечения ради местные леди отвлекали в сторону наших джентльменов, но затем со смехом убегали прочь.

Я не могу доподлинно утверждать, вызывается ли поведение здешних женщин целомудрием или страстью к кокетству, но каковы бы ни были причины, последствия и в том и в другом случае оказываются одинаковыми.

Глава десятая

Плавание вдоль берегов Новой Каледонии и навигационные наблюдения

На рассвете 13 сентября мы снялись с якоря и при свежем юго-восточном ветре вошли в пролив, через который мы в свое

время добрались до места якорной стоянки. В половине седьмого мы были в средней части пролива. Остров Обсерватории (на восточном берегу пролива) находился на расстоянии 4 миль, а остров Баладе — на западе.

Покинув зону рифов и отмелей, мы взяли курс на юго-восток. Но так как Гилберт утверждал, что он видел северо-западную оконечность открытой нами земли сравнительно недалеко от якорной стоянки, я решил пройти к северо-западу для того, чтобы обогнуть эту землю.

В полдень остров Баладе был к югу и к западу от нас на расстоянии 13 миль. Предполагаемая западная оконечность земли была на юго-западе. Вдоль берега простирался пояс отмелей и рифов.

В три часа дня мы, продолжая идти на северо-северо-запад, увидели нечто вроде прохода в цепи прибрежных рифов. Следуя далее, мы отметили, что полоса отмелей отходит к северо-западу. Отмели тянулись беспрерывно, проходов не было. Несомненно Гилберт ошибался — он не мог видеть западной оконечности земли.

14 сентября, среда. Продолжая плыть на северо-запад, мы в полдень были на 19°28' ю.ш., в 27 милях к западу **[367]** от острова Обсерватории. На западе и северо-западе тянулись отмели и рифы, к которым приближаться было опасно.

15 сентября, четверг. Продолжая продвигаться на северо-запад, мы утром 15-го убедились, что далее в этом направлении отмели и рифы тянутся насколько хватает глаз. Пробиться через них к югу не было возможности. Нельзя было также установить, где кончается на западе открытая нами земля. Возможно, что мы уже миновали ее оконечность, следуя вдоль широкого барьера рифов, так как за полосой их я уже не видел берега суши.

Терять время на дальнейшее продвижение вдоль пояса отмелей к северо-западу я не мог. Кроме того, плавание среди рифов было сопряжено с большим риском, так как мест для якорных стоянок нигде не было.

Учитывая все это, я решил отказаться от мысли обогнуть землю с северо-запада и на 19°7' ю.ш. 163°37' в.д. повернул к юго-востоку.

В три часа дня ветер стих, и течение понесло нас на отмели. Между тем, глубина моря в этом месте была значительная. Линем в 200 фатомов мы не могли достать дна. Пришлось отбуксировать корабль подальше от отмелей. В 7 часов вечера подул легкий ветер, и мы отошли мористее. Вскоре, однако, опять начался мертвый штиль.

16 сентября, пятница. На легком ветре мы шли на юго-восток на значительном расстоянии от пояса рифов. В полдень были на 19°35' ю.ш., т.е. значительно южнее, чем это можно было ожидать. Оказывается, течение за ночь отнесло нас в нужном направлении далеко за пределы полосы отмелей.

17 сентября, суббота. В полдень были на 19°54' ю.ш. Остров Баладе был в 10 1/2 лигах от нас.

20 сентября, вторник. В полдень мы были в 6 лигах от мыса Колнет; берег земли, насколько хватал глаз, шел к юго-востоку. Перед заходом солнца находились в 2—3 лигах от этого берега. На северо-западе видны были у берега мелкие островки на расстоянии 4—5 миль от нас. Гряды высоких гор шли вдоль побережья, местность напоминала окрестности нашей якорной стоянки. На одном из островков я заметил нечто вроде высокой башни, а за низкой косой, что примыкала к островку, целый лес каких-то странных шестов, — казалось будто там виднеются мачты большой флотилии кораблей. **[368]**

22 сентября, четверг. На рассвете берег был скрыт в тумане. Вскоре туман рассеялся, и мы убедились, что значительно продвинулись вперед. В полдень были на траверзе высокого мыса, от которого берег поворачивал к югу. Этот мыс, расположенный на 22°2' ю.ш. и 167°67' в.д., я назвал мысом Коронации. У берегов мыса тянулась полоса отмелей.

23 сентября, пятница. За ночь мы прошли на юго-восток две лиги и на рассвете увидели за мысом Коронации высокий мыс, который, видимо, был юго-восточной оконечностью

новооткрытой земли. Мыс этот, лежащий на 22°16' ю.ш. и 167°14' в.д., я назвал именем Королевы Шарлотты.

Около полудня в долине между мысами Коронации и Королевы Шарлотты я снова увидел лес мачтоподобных шестов. Вероятно, то были либо особого вида деревья, либо базальтовые столбы, подобные ирландской «Мостовой гигантов» [97]. В долине весь день клубились дымки костров.

24 сентября, суббота. В полдень мыс Коронации был на юго-западе, на расстоянии 10 лиг. Мы отклонились к юго-юго-западу и отметили, что за мысом Королевы Шарлотты берег тянется в этом направлении. На заходе солнца открыли низкий остров в 10 милях к юго-юго-востоку. В 12 лигах от этого острова видны были круглые, довольно высокие, холмы.

25 сентября, воскресенье. Продолжали идти к юго-юго-западу для того, чтобы обогнуть мыс Королевы Шарлотты. Вскоре, однако, вступили в полосу рифов и отмелей, которые тянулись от мыса в восточном направлении, преграждая нам путь. До вечера пытались отыскать проход через эти отмели, но, не обнаружив его, взяли курс на юго-восток к круглым холмам, замеченным вчера, чтобы обойти открытые нами земли с юга.

На низких островах, что встречались нам по пути, опять видны были мачтообразные возвышенности. Только наши натуралисты продолжали утверждать, что эти странные возвышенности — базальтовые столбы. Остальные все больше и больше склонялись к мнению, что видят перед собой деревья.

26 сентября, понедельник. В полдень, подойдя на расстояние 10 лиг к круглым холмам, которые мы видели 24 и 25 сентября, мы убедились, что эти холмы возвышаются на острове. **[369]**

27 сентября, вторник. В 2 часа ночи повернули на юго-запад, чтобы обойти остров с юга. На расстоянии одной мили от его восточного берега мы встретили большую отмель и вынуждены были повернуть на юго-восток.

Берега острова простирались от севера и северо-запада к югу, а затем отходили на юго-запад. Круглая вершина была

расположена в западной части острова. Мачтоподобные деревья, напоминающие высокие, голые сосны, росли повсеместно на побережья, и я поэтому назвал этот остров, лежащий на 22°38' ю.ш. и 167°40' в.д. — островом Сосен. Попытки обойти его, предпринятые после полудня, снова не увенчались успехом.

Сегодня ртуть в термометре стояла на 19°,1 С; такой низкой температуры мы не наблюдали с 27 февраля.

28 сентября, среда. Ночью шли к юго-востоку, а на рассвете я решил обойти остров Сосен с юга на более значительном расстоянии от берега. У юго-восточной оконечности острова были рассеяны бесчисленные мелкие островки, рифы и отмели. На берегах наиболее крупных островков мы видели высокие деревья.

Островок за островком вырастали на нашем пути, и цепь их тянулась к северу и северо-западу до мыса Королевы Шарлотты.

В полдень мы были на 22°44'36" ю.ш.; берега острова Сосен лежали на северо-востоке, а мыс Коронации находился в 17 лигах от нас.

После полудня мы взяли курс к северо-западу, вдоль западной границы пояса отмелей, чтобы подойти к острову, расположенному несколько юго-восточнее мыса Королевы Шарлотты. Но вскоре перед нами появились берега двух низких песчаных островков, соединенных цепью рифов, и мы повернули к юго-западу, чтобы выйти в открытое море.

К 3 часам дня мы увидели, что отмели и рифы непрерывной цепью протягиваются на севере и на востоке. В то же время мы убедились, что юго-западный и юго-восточный берега большой новооткрытой земли параллельны. Остаток дня лавировали среди отмелей, подвергаясь опасности натолкнуться на подводные камни.

29 сентября, четверг. При дневном свете убедились, что ночью подвергались большой опасности. Мы лавировали в темноте на ничтожном расстоянии от рифов и обязаны были спасением

вмешательству провидения, [370] бдительности и ловкости, с которой команда управляла судном. Продвигаясь на север, мы избегали столкновения с подводными камнями и рифами только быстрыми и своевременными поворотами корабля, а сигналы о приближающейся опасности своевременно подавали наблюдатели, стоящие на подветренном борту.

Я не мог продолжать плавание вдоль этих берегов, не рискуя потерей корабля и успехом всей экспедиции. Но прежде чем взять курс к югу, я решил пристать к берегу, чтобы осмотреть странные деревья, о которых уже упоминалось ранее. Поэтому я направился к северу, имея в виду стать на якорь у одного из островов, на котором росли эти деревья.

В 8 часов мы дошли до отмели, лежащей между островом Сосен и мысом Королевы Шарлотты. Глубина моря была здесь от 33 до 55 фатомов, дно песчаное. Чем ближе мы подходили к этой отмели, тем больше убеждались, что путь на север становится все более и более затруднительным.

Мы находились в 5 милях от низких островов, лежащих на ветре, близ мыса Королевы Шарлотты, тех самых островов, которые видны были 24—26 сентября. У одного из них, окруженного рифами, мы бросили якорь на 39 фатомах глубины, в одной миле от берега. В сопровождении наших ботаников я отправился на берег.

Странные мачтоподобные столбы оказались особого вида елями или соснами, прекрасным материалом для рангоута; и так как в нем на корабле ощущалась большая нужда, я послал на берег команду во главе с корабельным мастером.

Крайняя западная оконечность большой земли, названная мною мысом Принца Уэльского, расположена на 22°29' ю.ш. и 166°57' в.д. Мыс очень высок и издали (мы были в 6—7 лигах к юго-востоку от него) кажется островом. Я уточнил также, что между мысами Королевы Шарлотты и Принца Уэльского берег следует в юго-западном направлении, а далее поворачивает на северо-запад. Мысленно продолжая береговую линию в этом направлении, можно соединить ее с той частью берега, в северной части большой земли, что мы видели с вершины

холма в Баладе. Возможно, что за высоким берегом, который открылся нам за мысом Принца Уэльского тянется параллельно ему полоса низких террас, как это имеет место на северо-восточном побережье. **[371]**

Таким образом мы довольно хорошо установили размеры этой земли и уточнили ее границы. Однако я надеялся увидеть больше и был несколько разочарован.

Маленький остров, на который мы высадились, не более как песчаная отмель, имеющая около мили по окружности. Помимо сосен, здесь растут деревья, известные на Таити под названием «это», и различные кустарники и травы. Наши натуралисты нашли здесь обильный материал для своих исследований, и я назвал поэтому эту отмель Ботаническим островом. Я видел здесь голубей, отличных по виду от всех тех, которые встречались мне ранее. Один офицер подстрелил здесь ястреба, похожего на нашего английского ястреба-рыболова. Зола костров, помятая трава, сломанные ветки свидетельствовали о том, что на острове недавно побывали люди. Остов разбитого каноe, по типу напоминающего туземные лодки, которые мы видели в Баладе. лежал на берегу.

Теперь мы убедились, что каноe делаются из стволов высоких сосен, некоторые из них достигают 60—70 футов в высоту при толщине в двадцать дюймов. Такой ствол можно было, если бы в этом ощущалась необходимость, использовать для изготовления грот-мачты на «Резолюшн».

Возможно, что еще более крупные деревья этого вида можно встретить на берегах большой земли.

За исключением Новой Зеландии, ни на одном из островов Тихого океана, я не встречал деревьев, которые могли бы быть использованы для корабельных мачт. Поэтому такого рода открытие представляется мне весьма ценным.

Мой корабельный мастер, опытный кораблестроитель и мачтовик, дал высокую оценку этим деревьям. Древесина их белая, плотная, упругая и легкая, выделяющая скипидар. Обильные натеки смолы покрывают кору от вершины до корня.

Ветви расположены у этих деревьев как у сосен, с той только разницей, что они коротки. Вершина увенчана широко раскинутыми, наподобие куста, ветками. Именно верхушки сосен ввели в заблуждение некоторых моих спутников, которые склонны были считать эти деревья базальтовыми столбами. Впрочем, никто не мог предполагать, что в этих местах могут встретиться такие сосны.

Семена их содержатся в шишках. Кроме этих сосен мы встретили здесь другие хвойные деревья и **[372]** кустарники, но все они были низкорослы. Мы нашли здесь траву, которую употребляют как противоцинготное средство, и растение, которое мы назвали «бараньей четвертью». В вареном виде оно по вкусу напоминает шпинат.

Срубив несколько деревьев для шлюпочных мачт и рангоута, мы вернулись на борт. Цель, ради которой я стал на якорь у этого острова, была достигнута, и нам больше нечего было делать в здешних водах.

С грот-мачты мы видели, что на западе все море усеяно мелкими островами, песчаными банками и рифами до самого горизонта. Они не были соединены между собой, кое-где имели проходы, но так как я полагал, что очертание юго-западных берегов установлено довольно точно, можно было не пытаться проникнуть через эти проходы далее на запад и на север и не подвергать напрасному риску корабль.

Наступающее лето настоятельно требовало продолжения плавания на юг. Кроме того, я хотел закончить постройку небольшого судна, остов которого уже был собран на борту. На Таити мне не удалось завершить постройку из-за нехватки некоторых необходимых материалов. Такое судно было необходимо для обследования берегов, к которым трудно было подойти на «Резолюшн». Оно могло оказаться очень полезным при плавании на высоких широтах. Все это требовало от меня как можно скорее выйти из полосы отмелей; удобнее всего можно было это сделать, обогнув их с юга.

30 сентября, пятница. На рассвете, снявшись с якоря, при слабом ветре мы стали лавировать, чтобы обойти подводные

камни, лежащие на ветре у берегов Ботанического острова; но как только мы обошли их, наступил штиль, и течение начало относить нас к юго-западу на подводные камни. Вплоть до 10 часов вечера мы боролись с течением, а затем при легком ветре направились к востоку-юго-востоку, не осмеливаясь до рассвета взять курс к югу.

1 октября, суббота. Порывистый юго-западный ветер заставил нас пролежать до утра в дрейфе под нижними парусами. Утром, имея круглый холм острова Сосен на севере в 4 лигах, я взял курс на юго-восток. С рассвета дул сильный юго-юго-западный ветер, вызвавший волнение на море. К счастью, мы уже вышли в **[373]** открытое море, оставив позади отмели, подводные камни и рифы.

Хотя многое говорило за то, что ветер этот был западным муссоном, я все же не считаю возможным называть его так по многим причинам: во-первых, октябрь месяц слишком ранний для муссона; во-вторых, я не знал, наблюдаются ли эти ветры на этих широтах и, наконец, еще и потому, что западные, не муссонные ветры — обычное явление в тропиках. Однако я никогда не думал, что они могут дуть с такой силой на этих широтах.

2 октября. Весь день продолжали идти на юго-восток. В полдень были на 23°18' ю.ш., в 114 милях к востоку от острова Сосен. Около этого времени юго-юго-западный ветер сменился южным, и под южным румбом я отметил сильнее волнение. Мы видели глупышей и фрегатов. В 8 часов вечера взяли курс на юг. В этот момент находились в 42 лигах к югу от Новых Гебрид.

3 октября. В 8 часов утра подул сильный юго-западный ветер с дождем. Я окончательно отказался от мысли возвратиться к берегам новооткрытой земли. Это решение вызывалось необходимостью как можно скорее спуститься к югу и, учитывая состояние корабля и трудности плавания, во что бы то ни стало обследовать часть необозримого океана летом текущего года. Задерживаться еще на один год в этих морях я не мог, а лето — благоприятный сезон для плавания на высоких широтах — приближалось.

Таким образом, в силу необходимости я должен был покинуть открытую мной землю прежде, чем удалось полностью обследовать ее берега. Землю эту я назвал Новой Каледонией. После Новой Зеландии она — крупнейший остров в Тихом океане.

Новая Каледония расположена между 19°37' и 22° 30' ю.ш. и 163°37' и 167°14' в.д. Она протягивается с северо-запада на юго-восток на 87 лиг в длину. Ширина же острова навряд ли превышает 10 лиг. Это гористая страна с высокими горными кряжами и глубокими долинами. Со склонов гор стекают к морю многочисленные ручьи, в значительной степени обусловливающие плодородие низменных частей острова. Вершины гор за малыми исключениями кажутся бесплодными. Напротив, долины и береговые низменности покрыты лесом.

Издали порой кажется, что линия берега прерывиста, во это обман зрения: вызывается он тем, что на **[374]** значительном расстоянии низкие участки суши между грядами холмов невидимы. Приближаясь к берегу, мы всегда обнаруживали эту полосу низких земель между берегом и грядами холмов.

Весь остров окружен поясом рифов и отмелей, из-за которых плавание у берегов сопряжено с большими опасностями. Но, с другой стороны, этот барьер защищает побережье острова от ветров и создает близ него большие тихие заводи, в которых много безопасных якорных стоянок. Туземным же лодкам отмели и рифы, тянущиеся параллельно берегу, облегчают плавание и рыбную ловлю в спокойных прибрежных водах. Берега Новой Каледонии почти повсеместно обитаемы. Населен также и остров Сосен — на нем по ночам мы видели огни, а в дневное время дымки костров.

Я включаю в границы острова Сосен, когда говорю о его размерах, и низкие земли, что протягиваются к северо-западу от него. Быть может, они соединяются с берегами Новой Каледонии, быть может, и отделены от нее. Каково бы ни было положение этих низких земель у берегов Новой Каледонии, несомненно только, что мы не видели, где они кончаются на западе. К северо-западу они тянутся на весьма значительнее

расстояние, возможно пересекая путь Бугенвиля, который шел в этих водах между 15 и 15 1/2° ю.ш.

Не исключена возможность, что непосредственно к западу цепь песчаных банок, островов и рифов доходит до берегов Нового Южного Уэльса.

Восточная же граница этих отмелей и островков между 15° и 23° ю.ш. еще неизвестна. Быть может, в этой полосе имеются два крупных острова. Наблюдения Бугенвиля, который отметил признаки земли на юго-востоке и открыл отмель Дианы в 60 лигах от берега, подтверждают вероятность этого предположения. Впрочем, это предположение еще мало обосновано, ибо речь идет о неизученном пространстве протяженностью в 200 лиг. Но необходимо это мнение высказать хотя бы потому, что оно заставит будущих мореплавателей приложить усилия для отыскания пока еще неизвестных земель.

Долготы Новой Каледонии Уолс определил по данным 96 наблюдений; каждое из них сверено с показаниями нашего верного путеводителя — хронометра. Склонение магнитной стрелки 10°24' восточное, и значительных **[375]** колебаний магнитных вариаций у берегов Новой Каледонии не наблюдалось. Только в Баладе склонение было меньше 10°.

У северо-восточных берегов, как мне кажется, течения идут от северо-запада. На противоположной стороне острова направление их обратное. Но необходимо иметь в виду, что в узких каналах между отмелями сильнее ощущаются влияния приливов, и в ряде случаев имеют место мощные приливные течения. Во время приливов уровень моря у берегов повышается на 3—3 1/2 фута.

Глава одиннадцатая

Поиски прохода между Новой Каледонией и Новой Зеландией. — Открытие острова Норфольк. — События, которые имели место во время стоянки «Резолюшн» у берегов Новой Зеландии в проливе Королевы Шарлотты.

При сильных ветрах западных румбов мы шли на юго-юго-восток, не встретив до полудня 6 октября ничего достойного упоминания. В полдень на 27°50' ю.ш. и 171°49' в.д. начался штиль, который продолжался целые сутки.

Я распорядился проконопатить палубу. За отсутствием смолы был применен сосновый лак, посыпанный коралловым песком; сверх всякого ожидания, он превосходно связывал паклю, заполняющую щели.

После полудня подстрелили двух альбатросов. Эти птицы появились впервые с той поры, когда мы вышли из тропиков.

8 октября, суббота. Охотились за морскими свиньями на двух шлюпках. Купер ранил свинью гарпуном, но понадобилось потратить немало времени и сил прежде, чем она была убита и доставлена на борт. В длину туша имела около 6 футов. Это была самка того вида, который натуралисты называют «дельфином древних», и резко отличается от всех других морских свиней по форме головы и челюстей. Голова животного была длинная и заостренная. В каждой челюсти было по 88 зубов. Мясо его было несколько жестковато, но вкусно и не имело рыбного привкуса. Мы варили, жарили и тушили это мясо и ели его с наслаждением. Впрочем, как бы ни было **[377]** приготовлено свежее мясо, оно все равно было бы встречено с радостью людьми, вынужденными в течение столь долгого времени питаться солониной.

10 октября, понедельник. С 8-го числа шли на запад-юго-запад и на рассвете 10-го увидели на юге-западе землю. Подойдя ближе, обнаружили, что земля эта была берегом гористого острова, имеющего в окружности пять лиг. Я назвал его островом Норфольк. Он расположен на 29°2'30" ю.ш. и 168°16' в.д.

После обеда я отправился с группой моряков на двух шлюпках к острову и высадился на его северо-восточной стороне, у гряды больших утесов. Остров оказался необитаемым. Вероятно, до нас на берега его никогда не ступала нога человека. На нем росли деревья, кустарники и травы, сходные с новозеландскими. Особенного внимания заслуживает лен,

который здесь произрастает в изобилии, и сосна, сходная с новокаледонской и с новозеландской. В толщину она достигает двух обхватов. Древесина ее не так тяжела, как у новозеландской сосны, но и не столь легкая и плотная, как у новокаледонской. По форме хвои норфолькская сосна отличается от всех других, которые мне встречались ранее. Это дерево напоминает квебекскую сосну.

На расстоянии 200 ярдов от берега мы вступили в непроходимые заросли кустарников и трав. Лес на острове лишен подлеска. Почва здесь тучная и мощная.

Наземные птицы на острове такие же, как и в Новой Зеландии. На береговых скалах гнездятся стаи морских птиц: белых, глупышей, чаек, ласточек.

Мы собрали довольно много пальмовой капусты, морского укропа, трилистника. Капустная пальма [98] достигает толщины человеческой ноги и имеет в высоту 20 футов. Она сходна с кокосовой пальмой и, подобно ей, обладает большими перистыми листьями.

Такая же капустная пальма была найдена нами в северной части Нового Южного Уэльса. Пальмовая капуста есть не что иное как почка (бутон), которую выпускает дерево. Каждое дерево дает лишь одну почку, венчающую его вершину. Если срезать эту почку, дерево погибает. Не всем нравится пальмовая капуста, но она очень вкусная. В наш пищевой рацион она внесла большее разнообразие. **[378]**

Берега острова богаты рыбой. Матросы наловили ее немало во время нашей стоянки. Высота прилива у берегов острова 4—5 футов.

Наступление темноты заставило нас вернуться на корабль. Я взял курс на восток-северо-восток и шел так до полуночи. Остаток ночи лавировал короткими галсами близ берега.

11 октября, вторник. Утром направились на юго-юго-запад с тем, чтобы обойти остров Норфольк. У южного берега открыли два небольших скалистых острова, на которых гнездились

массы морских птиц. Вдоль южного и юго-восточного берега везде тянулись полосы пест алого пляжа. В других же местах на берегах возвышались скалистые утесы. Непосредственно под ними глубина моря достигала 18—20 фатомов. На северо-восточном берегу, в пункте, где мы вчера высаживались, была неплохая якорная стоянка.

Полоса подводного продолжения берега, сложенная коралловыми песками и обломками раковин, с глубинами от 19 до 35—40 фатомов окружает весь остров. Особенно широка она на юге, где вдается в открытое море на 7 лиг. От острова Норфольк я направился к Новой Зеландии, намереваясь бросить якорь на берегах пролива Королевы Шарлотты и подготовить там корабль к плаванию на высоких широтах.

17 октября, понедельник. На рассвете увидели пик Эгмонт, покрытый вечными снегами. Берег был в 8 лигах от нас, и я взял курс на юго-юго-восток к мысу Стивн.

18 октября, вторник. В 11 часов вечера обошли этот мыс, а в 9 часов утра 18 октября вступили в пролив Королевы Шарлотты.

Волнение на море было жестоким, но это не внушало нам тревоги, так как берега пролива были уже достаточно хорошо известны. Обойдя мыс Джексон, мы в 12 часов утра бросили якорь у входа в корабельную бухту. Войти в бухту мы не могли, так как от берега дул сильный, порывистый ветер.

После полудня я отправился на берег, захватив с собой рыболовные сети. Первым делом я решил отыскать бутылку, в которой была вложена инструкция капитану Фюрно. Бутылки не оказалось на том месте, где я ее зарыл и, разумеется, невозможно было установить, кто именно откопал и взял ее. **[379]**

Рыбы мы выловили немного, но зато подстрелили несколько птиц и извлекли немало птенцов из гнезд.

19 октября, среда. Утром при слабом ветре ввели корабль в бухту. Я велел снять все паруса, реи и стеньги для надлежащей починки. Паруса были повреждены во время долгого плавания

до такой степени, что многие из них пришли в полную негодность. Кроме того, я приказал снять и перекрепить мачту и изготовить для ремонтных работ болты, гвозди и различные иные железные изделия. На берегу были разбиты палатки для бондарей, парусников, кузнецов и охраны. Я дал приказ примешивать к овсянке и гороху свежую зелень и в изобилии **[380]** выдавать ее в таком виде к завтраку и к обеду, сверх обычного рациона.

После полудня Уолс съехал на берег и увидел несколько срубленных и спиленных деревьев, а спустя несколько дней обнаружил на значительном расстоянии от места, где проводились наши астрономические наблюдения, следы временной обсерватории. Несомненно, «Адвенчур» заходил в бухту после нашего ухода отсюда.

29 октября, суббота. В сопровождении наших ботаников я отправился на остров Мотуару, где мы оставили туземцам огороды. Несмотря на то, что никто из них не приложил труда для сохранения этих огородов, многие культуры оказались в прекрасном состоянии, свидетельствуя о высоком плодородии новозеландской почвы.

Туземцы не появлялись, и для того, чтобы привлечь их внимание, мы развели на одной из вершин большой костер.

24 октября, понедельник. Утром показались и быстро скрылись из вида за небольшим мысом на западном берегу пролива два каноэ. После завтрака я на шлюпках отправился на поиски этих каноэ.

О своем приближении мы дали знать выстрелами и вскоре увидели туземцев в бухте Бакланов. Они встретили наше появление воплями и, покинув хижины, бежали в лес. На берегу осталось только несколько вооруженных островитян. Когда мы высадились, они узнали нас, и страх их сменился радостью.

Мгновенно выбежали из леса остальные туземцы; они обнимали нас, скакали, прыгали, резвились, бесновались, как

безумные. Но женщин они не подпускали на близкое расстояние к месту нашей высадки.

В обмен на гвозди и топоры туземцы дали нам ирного свежевыловленной рыбы. Среди островитян было мало наших старых знакомых. Мы не могли добиться у них ответа, когда спрашивали, почему все они так испугались, завидя нашу шлюпку. Можно было только догадаться, что туземцы много говорят о каких-то убийствах, но никто из нас не мог понять, о чем именно идет речь.

25 октября, вторник. Туземцы отдали нам визит и принесли много свежей рыбы, которую они охотно обменивали на таитянские ткани.

26 октября, среда. Мы выбросили из трюма часть балласта и спустили в него шесть пушек, оставив таксе же число их на борту. **[381]**

Наши друзья-островитяне снова принесли рыбу, а затем на берегу рассказали моим спутникам, что некоторое время тому назад на подводных камнях разбился в проливе Королевы Шарлотты, корабль подобный нашему. Команда высадилась на берег и встретилась с туземцами. Островитяне совершили какие-то кражи, и за это моряки расстреляли несколько туземцев. Вскоре у потерпевших кораблекрушение вышел весь запас пороха, и тогда островитяне перебили их своими «пату-пату» и съели. Все это случилось в Ванна-Ароа близ мыса Теравити на другом берегу пролива.

Наши друзья заверяли моих спутников, что они не принимали никакого участия в этих событиях. Трудно было понять, когда произошло кораблекрушение. Один утверждал, что это случилось две луны тому назад, другой, возражая ему, по пальцам насчитывал не то двадцать, не то тридцать дней.

27 октября, четверг. Сегодня эту же историю рассказали другие туземцы, но они уверяли, что корабль разбился о камни на восточном берегу пролива в Восточной бухте.

Я опасался, что все это произошло с «Адвенчур» и распорядился присылать ко мне всех туземцев, которые будут рассказывать о кораблекрушении. До сих пор я слышал об этом из вторых уст. Уолс направил ко мне несколько человек, но когда я начал их расспрашивать, во что бы то ни стало стараясь установить истину, они на все мои вопросы отвечали категорически «кури» (нет).

История начинала представляться в ином свете. Вероятно, мои спутники были введены в заблуждение и события, которые имели место на берегу, произошли не с европейским кораблем, а с иноплеменными туземными лодками.

28 октября, пятница. Я побывал в западной бухте, где мы оставили свиней и кур, но не нашел и следов их. На обратном пути мы посетили туземцев и приобрели у них немного рыбы.

Форстер слышал в лесу, вблизи хижин, хрюканье свиньи. Возможно, что это была одна из свиней, оставленных мной на острове.

31 октября, понедельник. Погода стояла прекрасная, и наши ботаники отправились на Долгий остров. Там **[382]** они видели черного борова. Судя по описанию, это была свинья, которую оставил капитан Фюрно.

1 ноября, вторник. Нас посетили туземцы другого племени. Они принесли рыбу и зеленые камни, которые пользовались неизменным успехом у матросов.

3 ноября, четверг. Пиккерсгил встретил туземцев, которые рассказали ему историю гибели корабля и избиения экипажа. При этом они с жаром заверяли Пиккерсгила, что не принимали никакого участия в событиях.

4 ноября, пятница. Погода по-прежнему стояла превосходная. Большинство туземцев куда-то исчезло, и мы лишились свежей рыбы.

5 ноября, суббота. Рано утром наши старые приятели принесли нам рыбу. Я отправился на шлюпке с Форстером и

Спаррманом вдоль берегов пролива, чтобы установить, имеется ли в его юго-восточной части еще один выход в мэре. По дороге мы встретили туземцев-рыболовов, которые уверили нас, что действительно на юго-востоке имеется проход. Вскоре мы вступили в него, миновав остров Мотуару.

На берегу этого прохода мы нашли большое туземное селение Котьегенуи. Вождь этого селения Тринго-Буги и его соплеменники (многие из них приезжали к нам на корабль) приняли нас весьма любезно. Мы недолго пробыли у туземцев, так как получили от них сведения, которые побудили нас с удвоенной энергией продолжать плавание в проливе.

Мы вошли в рукав, на берегах его нашли много прекрасных бухт и в конце концов обнаружили, что он соединяется каналом шириной в две мили с проливом Королевы Шарлотты. Место впадения рукава в пролив лежит неподалеку от мыса Теравити. Глубина здесь 13 фатомов, грунт песчаный.

Мы не успели посетить туземное «хиппа» — укрепление на северном берегу рукава, хотя туземцы, которые толпились на суше, приглашали нас к себе, и в 10 часов вечера вернулись на корабль с некоторым количеством рыбы, по виду совершенно сходной с той, что мы видели в бухте Дюски.

Видимо, и рыба и птицы одних и тех же видов водятся повсеместно в Новой Зеландии. Туземцы, рассматривая рисунки, сделанные в бухте Дюски, каждую птицу и рыбу **[383]** называли особым именем, обнаруживая этим свое знакомство с зарисованными видами.

6 ноября, воскресенье. Наши старые друзья расположились близ корабля, и один из них по имени Педеро (вероятно, человек именитый) подарил мне знак достоинства вождя — почетный жезл.

Я нарядил его в старый камзол, и он был в восторге от моего дара. Педеро имел тонкие черты лица и гордую осанку и лишь цветом кожи отличался от европейца.

Я стал расспрашивать его об «Адвенчур», и Педеро и его спутники дали мне понять, и притом самым положительным образом, что вскоре после ухода «Резолюшн» «Адвенчур» появился в бухте. Корабль простоял здесь около 15 дней и вышел из бухт десять месяцев тому назад. Педеро отрицал, что на берегах Новой Зеландии разбилось судно чужестранцев. Я поверил его сообщению относительно «Адвенчур», но судьба судна, потерпевшего кораблекрушение, осталась для меня все же неясной.

Педеро сказал мне, что недавно у северных берегов пролива близ пункта, который он называл Терато, появлялся какой-то корабль.

Вообще туземцы стали категорически отрицать версию о корабле, разбившемся у берегов пролива. Один из них получил от своего соплеменника оплеуху, когда попытался в нашем присутствии заговорить на эту тему.

8 ноября, вторник. Мы выпустили на берег залива, расположенного близ бухты Каннибалов, двух свиней и борова. Таким образом я сделал все возможнее, чтобы развести на острове домашних животных. Я предполагаю, что по крайней мере часть петухов и кур сохранилась на острове. Недавно мои спутники нашли в лесу куриное яйцо.

9 ноября, среда. Утром снялись с якоря и отошли ближе к выходу в бухту, имея в виду назавтра отправиться в путь. Все ремонтные работы закончены, осталось только проконопатить борта судна, без чего нельзя выйти в дальнее плавание.

Наши друзья принесли много свежей рыбы. Я вручил Педеро кувшин из-под масла, и этот подарок сделал его счастливее принца. Вскоре Педеро и его соплеменники покинули лагерь, разбитый на берегу и унесли с собой все полученные от нас сокровища. **[386]**

Мне кажется, что подарки наши не удерживаются у туземцев. Островитяне отдают их соседям и друзьям или ценой их покупают мир у враждебных племен. По крайней мере мы никогда не видели, чтобы во владении туземцев оставалась в

течение долгого времени какая-нибудь вещь. Топоры и гвозди исчезали бесследно, и сколько бы ни раздавали их, результат получался один и тот же.

Я удостоверился, что население на берегах пролива довольно многочисленно, но не имеет твердых форм правления и не объединено какой бы то ни было общественной организацией. Почитается у них глава племени или семьи, и чувство уважения может заставить островитян в тех или иных случаях подчиняться этому главе. Но вожди не имеют ни права, ни власти для того, чтобы обеспечить послушание соплеменников.

Когда мы были в гостях у Тринго-Буги, много туземцев явилось в селение, чтобы посмотреть на нас. Вождь хотел предупредить скопление народа, но все его усилия (а он дошел до того, что стал кидать в некоторых туземцев камни) успеха не имели. На вождя островитяне не обращали никакого внимания, и даже тот туземец, в которого Тринго-Буги бросал камни, держался совершенно независимо, как будто он был столь же значительной персоной, как и сам вождь.

Я уже отмечал, что отсутствие единения причиняет этим туземцам неисчислимые беды. Чем больше я знакомился с ними, тем больше я в этом убеждался. Тем не менее, я должен сказать, что островитяне, хотя они, несомненно, и каннибалы, обладают от природы добрым нравом и человечностью.

После полудня я посетил в одной из бухт две семьи островитян. Все туземцы в момент моего визита были заняты на различных работах: одни изготовляли мачты для каное, другие жарили рыбу, а молодая девушка раскаляла на огне камни. Желая узнать, для чего она это делает, я задержался в хижине, где жила эта девушка. Когда камни достаточно раскалились, она извлекла их из огня и передала старухе, которая сложила их в кучу, бросила на камни пучки зеленого сельдерея, покрыла циновкой камни и села на кучу. Думаю, что этим способом старуха лечилась от какой-то болезни. Быть может горячие пары сельдерея имеют целительное действие. **[387]**

Уолс время от времени сообщал мне о результатах своих долготных определений. По его данным внутренняя часть

Корабельной бухты расположена на 174°25'7 1/2" в.д. и 41°5'60 1/2" ю.ш. По данным моих определений, сделанных во время первого путешествия, долгота была 175°5'30". Ошибка оказалась равной всего лишь 40 минутам. На эту величину расходились и определения 1769 и 1773 гг. в бухте Дюски. Следовательно, можно считать, что на карте, составленной во время первого путешествия, остров Тавай-Пунаму показан 40 минутами восточнее своего истинного положения. Северный остров, однако, нанесен с меньшей погрешностью, равной половине градуса (30 минут). Я упоминаю об этих ошибках не из опасения, что они могут ввести в заблуждение мореплавателей и географов, а потому, что уверен в том, что они действительно были допущены, в точности наблюдений Уолса я не сомневаюсь. Немного найдется на земном шаре мест, географическое положение которых было бы установлено так тщательно, как координаты пролива Королевы Шарлотты. И то же самое могу сказать о любом пункте, долготу и широту которого определял Уолс.

Даже положение берегов, мимо которых мы проходили, не останавливаясь близ них, определялось Уолсом с помощью хронометра Кендаля с исключительной точностью. Ошибка в долготных определениях по хронометру на участке от берегов Таити до пролива Королевы Шарлотты составила только 43'39 1/4".

За год со времени первого посещения пролива хронометр отстал всего лишь на 19 минут и 31 1/4 секунды (4°52'48 3/4" по долготе). Эта ошибка не может считаться значительной, если учесть, что за это время мы прошли путь, равный трем четвертям длины экватора, и побывали во всех климатических областях южного полушария от 9° до 71° ю.ш.

Комментарии

97. *Мостовая Гигантов* — базальтовые столбы, обязанные своим происхождением выветриванию; расположены в Северной Ирландии (графство Антрим). Эти столбы по виду

действительно напоминают высокие мачтообразные деревья, достигая 10—15 м в высоту при толщине 0,3—0,4 м.

98. *Капустная пальма* — под этим именем известно несколько видов пальм, листья которых идут в пищу сырыми или вареными наподобие салата или капусты. В Новой Зеландии, Австралии и на островах Океании распространены виды Kentia с перистыми листьями.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Плавание от берегов Новой Зеландии до берегов Англии

Глава первая

Плавание от Новой Зеландии к Огненной Земле. — Переход от мыса Десеадо к проливу Рождества. — Описание берегов Огненной Земли

На рассвете 10 ноября, в четверг, при легком ветре мы снялись с якоря и пошли к югу. Обогнув две скалы, названные мной «Два брата», я взял курс на мыс Кемпбел, расположенный у входа в пролив с юго-запада.

В 4 часа дня мы прошли мимо этого мыса на расстоянии 4—5 лиг и следовали далее к юго-юго-востоку при слабом ветре и туманной погоде.

12 ноября, суббота. Утром ветер усилился. В полдень мы были на 43°13'30" ю.ш. и 176°41' в.д. Мои спутники видели похожую на кита рыбу, которую некоторые называют морским чудищем. Вечером появились наши старые знакомые буревестники-пинтадо.

13 ноября, воскресенье. Утром дул западно-юго-западный ветер. В 7 часов утра на юго-западе заметили неясные контуры берега. Оказалось, однако, что за землю мы приняли густое облако. В полдень были на 44°25' ю.ш. и 177°31' в.д. Все время шли в пелене тумана. Видели тюленя.

15 ноября вторник. Утром дул западный ветер, туман рассеялся, но погода была пасмурная.

В полдень находились на 47°30' ю.ш. и 178° 19' з.д. Перейдя вскоре 180-й меридиан, стал вести счет долготам от Гринвичского меридиана к западу. Вечером слышали крики пингвинов и заметили камнеломок. **[392]**

22 ноября, вторник. В полдень были на 55°48' ю.ш. и 156°56' з.д. Ночью видны были слабые отблески полярного сияния.

23 ноября, среда. Вчера и сегодня часами удерживался штиль. Только в 6 часов вечера подул западный ветер. Мы теперь шли на северо-восток.

25 ноября, пятница. Утром свежий северо-западный ветер рассеял туман. Установилась ясная погода. Продолжая идти на северо-восток, находились вечером на 55°8' ю.ш. и 148°10' з.д.

27 ноября, воскресенье. В полдень, продолжая идти к востоку, были на 55°6' ю.ш. и 138°56' з.д.

Я теперь оставил надежды на возможность открытия какой бы то ни было земли в южной части этого океана, и решил следовать прямо на восток к западному входу в Магелланов пролив, намереваясь далее обойти с юга Огненную землю, миновать мыс Горн и через пролив Лемэра вступить в Атлантический океан.

Так как до сих пор еще мало известны берега Огненной земли, я желал обследовать их, полагая, что новые сведения о них принесут большую пользу мореплаванию и географии, чем любая новая земля, которую я мог бы найти на высоких широтах.

После полудня подул сильный шквал, который причинил нам ущерб: сломалась грот-брам-стеньга.

28 ноября, понедельник. Сильный и холодный ветер заставил нас убавить паруса. В полдень находились на 55°20' ю.ш. 134°16' з.д. Сильное волнение замечалось на северо-западе. Видели альбатросов и синих буревестников.

1 декабря, четверг. Погода стояла пасмурная и дождливая, дул слабый ветер, который с 3 часа дня совершенно стих. Лишь в 8

часов вечера штиль прекратился, и при юго-восточном ветре я пошел к северо-востоку.

5 декабря, понедельник. В 5 часов дня были на 53°8' ю.ш. и 115°58' з.д. Уже в течение 24 часов дул свежий южный ветер, и мы вынуждены были взять курс на восток с легким отклонением к северу. Вечером при юго-западном ветре продолжали идти к востоку, чуть склоняясь на юг.

6 декабря, вторник. Днем шел снег. Шли тем же курсом.

10 декабря, суббота. На 54° ю.ш. и 102°7' з.д. видели пучок камнеломок. **[393]**

14 декабря, среда. С 12-го шли при переменном ветре к востоку и 14-го в полдень находились на 53°25' ю.ш. и 87°53' з.д. Отметили значительные колебания величины склонения магнитной стрелки (на 5 с лишним градусов при переходе от 88 до 79-го меридианов).

15 декабря, четверг. Вечером 15-го были на 53°25' ю.ш. и 78°40' з.д. Видели пингвинов и пучки камнеломок. В течение трех последних дней все время шел мокрый снег, погода была пасмурная, дул свежий западный ветер.

17 декабря, суббота. В полдень находились на 53°16' ю.ш. и 75°9' з.д. При свежем северо-западном ветре шел весь день на северо-восток под всеми парусами, надеясь вскоре увидеть берег. В 10 часов вечера показалась земля, и я, убавив паруса, лег на восток-северо-восток.

Через 2 часа земля была в 6 лигах от нас на востоке. То были западные берега Огненной Земли у входа в Магелланов пролив.

Я совершил первым переход через Тихий океан на столь высоких широтах, но не встретил на пути почти ничего, что было бы достойно упоминания. Вообще мне еще никогда не приходилось совершать столь значительный переход, во время которого случилось бы так мало интересного. Пожалуй, помимо значительных колебаний магнитной стрелки, никаких иных событий и происшествий не было. Погода стояла все время

пасмурная, штормов не было, значительных холодов не наблюдалось. Ртуть не опускалась ниже 6—7°

Я покинул воды южной части Тихого океана. И я уверен, что никто не сможет поставить мне в упрек, что обследовал я эти моря недостаточно. Не может быть в течение одного путешествия сделано больше, чем сделал я.

Вскоре после отплытия нашего из Новой Зеландии Уолс изобрел и соорудил прибор, с помощью которого можно было точно измерить угол наклона судна при любом курсе. Он установил, что наибольший наклон корпуса корабля был 38° (измерение сделано 6 декабря во время сильного волнения). При курсе бейдевинд под нижними парусами и рифленными марселями угол наклона не превышал 18°.

18 декабря, воскресенье. В 3 часа утра мы установили, что глубина моря равна 110 фатомов. Все утро шли при **[394]** свежем северо-западном ветре к юго-востоку вдоль берега. В 4 часа дня мы были в 9 лигах от мыса Десеадо, расположенного на 53° ю.ш. и 74°40' з.д.

Продолжая идти вдоль берега на расстоянии 2 лиг от него, в 11 час. вечера были на траверзе, смутно различимой возвышенности, которую я назвал мысом Глостер. Трудно сказать был ли то остров или часть Огненной Земли.

Берег между мысами Десеадо и Глостер образовывал два залива, окаймленных полосой отмелей, подводных камней и мелких островков. За этим поясом прибрежных утесов подымались высокие, скалистые и бесплодные горы, кое-где покрытые снегом. Местами мы видели на склонах темные пятна кустарников.

В полдень мы были на широте 54°13' в 8 милях к югу от мыса Глостер. Наиболее возвышенная часть берега к юго-востоку от нас (возможно, это был мыс Нуар) находилась на расстоянии 7—8 лиг. От мыса Глостер берег протягивается в юго-восточном направлении, но Нуар расположен к юго-юго-востоку от этого мыса, на расстоянии 10 лиг от него.

В 3 часа дня мы прошли мимо мыса Нуар — двух обрывистых скал значительной высоты на юго-западной оконечности большого острова, который, как кажется, лежит в 1—1 1/2 лигах от Огненной Земли [99]. Сама оконечность этого острова связана с ним лишь узким и низким перешейком, неприметным на значительном расстоянии. Один из утесов мыса Нуар по форме напоминает сахарную голову, другой несколько меньший, имеет округлую вершину и более пологие склоны.

Мыс Нуар расположен на 54°30' ю.ш. и 73°33' з.д. Мы прошли мимо двух маленьких островков к юго-востоку от мыса Нуар и вступили в воды большого залива Санта-Барбара. В глубине залива на расстоянии 7 или 8 лиг от нас виднелся берег.

К востоку-северо-востоку от мыса Нуар, на берегу залива Санта-Барбара виднелся просвет — возможно, то был вход в канал Санта-Барбара, узкий проход которого, по словам Фрезье, сообщается с Магеллановым проливом. К 10 часов вечера мы достигли юго-восточной оконечности залива, лежащей на дистанции 18 лиг от мыса Нуар. Убавив паруса, лавировала всю ночь короткими галсами в открытом море. **[395]**

19 декабря, понедельник. В 2 часа утра под всеми парусами пошли к юго-востоку, вдоль берега и вскоре прошли мимо юго-восточной оконечности залива Санта-Барбара, которую я назвал мысом Запустения; действительно, более унылой в бесплодной местности мне еще не приходилось видеть. Мыс этот расположен на 54°55' ю.ш. и 72°12' з.д. В 4 лигах к востоку от мыса Запустения лежит глубокая бухта, вход в которую замыкает довольно значительный остров. Вблизи этой бухты на некоторых картах показывается западный конец прохода, будто бы ведущего к Магелланову проливу — так называемый пролив Желузеля.

В 10 часов утра мы были на расстоянии 1—1 1/2 лиг от берега. В полдень на 55°20' ю.ш. в 3°24' к востоку от мыса Десеадо мы оказались в 3 лигах от острова, который я назвал островом Гилберта, по имени моего штурмана. Утесы и пики различной высоты возвышались на его поверхности. К юго-востоку тянулась цепь мелких островков и отмелей.

Берега здесь были пустынные и печальные. Горы бесплодные, скалистые, лишенные растительности, круто обрывались к морю. Над бездонными пропастями подымались отвесные вершины. Навряд ли что-либо, созданное природой, может иметь более унылый и дикий вид, чем эти берега. Снегом были покрыты только горы, далеко отстоящие от берега.

После трех часов штиля мы на юго-восточном ветре прошли к югу и вскоре оказались на траверзе высокого горного массива, вдающегося в море и расположенного на 55°26' ю.ш. и 70°25' з.д. Мы ясно различали в пределах этого массива два пика, подобных башням, а за ними гору, по форме напоминающую сахарную голову. Этот мыс я назвал Йорк-Минстер (Йоркский Собор). В двух лигах к западу от этого массива виднелась группа островков, к которым мы подошли к 9 часам вечера.

20 декабря, вторник. Ночью дул слабый восточный ветер, к утру наступил штиль. Течение все время относило нас в открытое море. В полдень мы были на 55°39'30" ю.ш. в 5 лигах к юго-западу от мыса Йорк-Минстер. На юге показалась на расстоянии 11 лиг округлая вершина острова Сан-Ильдефонсо.

В 10 часов подул юго-восточный ветер, на котором мы могли приблизиться к берегу. Я решил стать на якорь в одной из бухт и пополнить запасы топлива и пресной воды. **[396]**

К востоку от мыса Йорк-Минстер мы обнаружили удобную бухту, в которую вел неширокий пролив, разделенный на два рукава скалистым островком. Мы, все время промеряя глубины, вошли в восточный рукав и были неприятно удивлены, когда убедились, что глубина здесь достигает 170 фатомов. К тому же ветер стих, и мы очутились в весьма скверном положении. Вскоре, однако, штиль прекратился, и я мог либо выйти в море, либо продолжать продвигаться в глубь пролива. Осторожности ради следовало бы избрать первый вариант. Но движимый желанием найти якорную стоянку и высадиться на берег, я предпочел пройти дальше в воды пролива.

Я решил отыскать подходящую для стоянки бухту на восточной стороне островка, что разделял пролив на два рукава, и с этой

целью направил для рекогносцировки шлюпку в одну небольшую бухту.

Скоро шлюпка вернулась, и мне было доложено, что в этой бухте в одном кабельтове от берега глубина не превышает 25—30 фатомов. Мы вошли в бухту и стали на якорь на глубине 30 фатомов, для безопасности забросив также верпы. Дно на месте кашей стоянки было песчаное, усеянное обломками раковин.

Глава вторая

Пребывание на берегах пролива Рождества. — Описание страны и ее обитателей

Утро выдалось тихое и ясное. После завтрака я с командой матросов на двух шлюпках отправился на поиски более удобной якорной стоянки.

Обогнув мыс, возле которого стояло судно, мы сразу же вошли в бухту, в которой можно было стать на якорь на глубине 15—20 фатомов. Во внутренней части бухты мы обнаружили каменистый берег и поросшую лесом долину, на дне которой струился небольшой ручей. Здесь таким образом мы могли найти все то, в чем испытывали нужду.

Мои спутники подстрелили трех гусей и поймали птенца, которого затем отпустили на волю.

Обследовав бухту, я направил на корабль Клерка с тем, чтобы он ввел судно в этот залив. Сам же я продолжал плавание вдоль берега. Я убедился, что за северной оконечностью острова, разделявшего пролив на два рукава, оба эти прохода сходились снова.

Когда я вернулся на борт, все уже было там подготовлено к переходу в бухту. Мы спустили все шлюпки и двинулись на буксире в обход мыса. Как раз в этот момент подул легкий бриз и наполнил паруса. Пришлось вновь бросить якорь (так как ветер относил нас к мысу) и завести верп на наветренную сторону. Затем якорь был поднят и мы, подтянувшись на верпе,

обошли мыс. В бухте **[398]** мы стали на якорь на глубине 13 фатомов. Мыс, замыкающий бухту с юга, защищал нас от ветров, дующих со стороны моря. От северо-западных ветров корабль предохраняла группа островков, лежащих у оконечности мыса. Наша стоянка была на расстоянии 1/3 мили от берега.

После того, как корабль был введен в бухту, я послал людей на берег за водой и за дровами. Кроме того, я направил на берег караульный отряд. Эта мера предосторожности была не напрасной: как ни бесплодна казалась страна, но некоторые косвенные признаки указывали на то, что она обитаема.

Уолс долго искал подходящее место для временной обсерватории. Он нигде не мог выбрать удобную площадку, не заслоненную горами и достаточно устойчивую и широкую, и в результате должен был удовольствоваться вершиной утеса.

22 декабря, четверг. Я отправил на съемку берегов пролива по ту сторону острова Клерка и Пиккерсгила с группой офицеров и матросов и после этого вышел на другой шлюпке в сопровождении наших ботаников для осмотра северной части пролива.

По пути я высадился на одном низком мысе и обнаружил, что в некоторых местах трава на нем была выжжена. Мы видели также туземную хижину. Таким образе м, все говорило за то что где-то поблизости были люди. Взяв несколько пеленгов, мы обошли восточную оконечность «Горелого острова» и вступили в бухту, по всей вероятности, расположенную в пределах самой Огненной Земли. Бухта окружена была обрывистыми утесами значительной высоты. С крутых гор сбегали прозрачные, кристально чистые ручьи. У подошвы гор, на берегу, росли низкие и чахлые деревья, пригодные только на топливо.

Бухту эту я назвал «Бассейном Дьявола». Она разделяется на две части: внешнюю и внутреннюю, соединенные узким проливом глубиной около 5 фатомов. Глубина внешнего бассейна была от 13 до 17 футов, внутреннего от 17 до 23 футов. Внутренняя часть «Бассейна Дьявола» — безопаснейшая из всех возможных якорных стоянок, но я никогда еще не встречал

более темных уголков, чем эта бухточка. Она окружена со всех сторон высокими обрывистыми скалами, которые нависая над водой, **[399]** лишают ее солнечного света. Внешняя часть бухты несколько светлее и также вполне безопасна.

Бассейн Дьявола расположен на расстоянии 1 1/2 мили севернее восточной оконечности Горелого острова. Несколько западнее я в устье ручья, берущего начало в довольно большом озере, нашел еще одно место, вполне благоприятное для стоянки.

Следуя вдоль берега пролива далее к западу, я открыл немало гаваней, но не успел их осмотреть. Во всех этих гаванях имеется пресная вода и лес для топлива. Однако кроме низкорослых деревьев на берегах пролива нет никакой иной растительности. Земля эта, пустынная и скалистая, обречена природой на вечное бесплодие.

Островки, рассеянные в проливе, несколько больше радуют глаз. Кое-где попадаются на них пятна травы и кустарников, растущих на черной торфянистой почве, которая состоит, главным образом, из перегнивших остатков стеблей, листьев и веток.

Теперь я мог окончательно убедиться, что побережье пролива — это цепь больших и малых островов, разделенных многочисленными проходами. На одном островке мы нашли несколько недавно покинутых хижин; около них росло много сельдерея. Нагрузив им шлюпку, мы вернулись в 7 часов вечера на корабль. Из этой экспедиции мои спутники возвратились с довольно скудными охотничьими трофеями: удалось подстрелить лишь одну утку, четырех бакланов и несколько мелких морских птиц.

Партия Пиккерсгила открыла две безопасных и удобных бухты на западном берегу пролива.

Должен отметить, что на корабле случилось прискорбное происшествие: в 11 часов вечера 21-го числа исчез один солдат морской пехоты. Около этого времени его видели в последний раз на носу. Видимо, он упал за борт и утонул.

23 декабря, пятница. Пользуясь ясной погодой, я отправил Пиккерсгила на восточный берег пролива, а сам поехал осматривать западный берег и обошел кругом остров, названный мной островом Бакланов, с тем чтобы обследовать проход в открытую вчера Пиккерсгилом бухту.

Мои наблюдения на берегах пролива за эти дни позволили мне придти к следующим выводам: утесы и острова, **[400]** лежащие близ мыса Йорк-Минстер, следует оставлять с левого борта, а черную скалу к югу от острова Бакланов — с правого борта.

Приближаясь к южной оконечности этого острова, надлежит держаться западного берега и обходить места, где видны водоросли, потому что они растут обычно на подводных камнях.

Вход в большую бухту, или Порт-Клерк, расположен прямо к северу от низких утесов, что находятся близ западной оконечности острова Бакланов.

На расстоянии одной мили к югу от Порт-Клерка имеется или, точнее, должна быть (в этом месте я не был), другая бухта, защищенная большим островом от восточных и южных ветров. Далее к югу, вплоть до мыса Йорк-Минстер, вдоль берега рассеяны острова, отмели и скалы. На южной оконечности острова Бакланов огромными стаями гнездятся птицы, по имени которых этот остров назван. На восточном берегу острова Бакланов мы видели гусей и убили трех — немалая добыча, если учесть нехватку свежего мяса, которую мы испытали. Мы подстрелили также несколько старых бакланов, но не могли подбить детенышей, чье мясо гораздо более вкусно.

В 7 часов вечера я вернулся на борт почти одновременно с Пиккерсгилом. Он сообщил мне, что на противоположном берегу пролива расположен большой остров и к северу от него лежит еще один, на котором были найдены яйца чаек. В заливе на берегу Огненной Земли, лежащем к юго-востоку от Южного острова, водится много гусей. Гусыня и выводок птенцов были охотничьими трофеями Пиккерсгила.

24 декабря, понедельник. Сообщения Пиккерсгила побудили меня направить на охоту две шлюпки. На одной из них поехал Пиккерсгил со своими обычными спутниками, на другой же отправились вместе со мной ботаники.

Пиккерсгил должен был посетить северо-восточный берег ранее упомянутого большого острова, который был назван Гусиным, я же решил осмотреть юго-западную сторону этого острова.

Подойдя к берегу, мы увидели на скалах множество бакланов, но не стали здесь задерживаться и вскоре на южном берегу острова встретили огромное количество гусей. Это время года — сезон, когда гуси линяют. Поэтому большинство гусей не может летать и находится на берегу. **[401]**

Из-за сильного прибоя мы с большим трудом, затратив много времени на обход подводных камней, пристали к берегу. Сотни гусей при нашем медленном приближении поднялись в воздух. Часть из них улетела в открытое море, часть в глубь острова.

Нам удалось, однако, подстрелить 62 гуся, и, нагруженные этой добычей, мы вернулись на борт чрезвычайно усталые. Однако плоды охоты перевесили невзгоды, которые пришлось претерпеть, и мы с большим аппетитом поужинали гусятиной.

Пиккерсгил и сопровождающие его охотники принесли 14 гусей. Таким образом я получил возможность в канун наступающего праздника раздать гусей всему экипажу. Если бы не эти дары провидения, мы вынуждены были бы встретить Рождество солониной.

Днем к кораблю подошли 9 туземных каноэ. Не стоило труда убедить туземцев подняться на борт. По всем признакам они достаточно хорошо знают европейцев; у многих имеются металлические ножи европейской выделки.

25 декабря, воскресенье. Утром туземцы вновь нанесли нам визит. По типу они ничем не отличались от тех островитян, что я видел во время первого путешествия в Бухте Успеха. Этих

туземцев Бугенвиль назвал «пешера», ибо слово это они повторяют беспрестанно при всех обстоятельствах.

Туземцы малы ростом, уродливы, тощи, безбороды. Я не видел среди них ни одного высокого человека. Тело их почти обнажено, тюленья шкура обычно лишь прикрывает плечи. Только у немногих несколько сшитых шкур спускаются в виде плаща почти до колен. Нижняя часть тела ничем не прикрыта.

Говорят, что женщины прикрывают наготу чем-то вроде передника из тюленьей кожи, но во всем остальном одежда их ничем не отличается от мужской. Лично я женщин не видел, они оставались в каное вместе с детьми.

Я обратил внимание на то, что двое грудных детей были совершенно голы. С младенчества туземцы приучаются, таким образом, к холоду и привыкают стойко переносить трудности.

Туземцы были вооружены луками, стрелами и дротиками, последние по виду напоминают гарпуны и состоят **[402]** из костяного наконечника, насаженного на палку. Вероятно, этими гарпунами они бьют тюленей и рыбу и могут, подобно эскимосам, бить с помощью этого оружия китов. Не знаю, разделяют ли они эскимосскую любовь к тюленьему жиру, — во всяком случае и сами туземцы и все принадлежащие им вещи невыносимо смердят. Я дал им сухари, но оказалось, что островитяне отнюдь не проявляют к ним, как это принято думать, чрезмерной склонности. Им гораздо больше понравились ножи и медали.

Женщины и дети, как я уже говорил, оставались в каноe. На каждом каноe горел костер, вокруг которого эти несчастные создания сидели, плотно прижавшись друг к другу. Не думаю, чтобы костры в лодках предназначались только для того, чтобы обогревать туземцев. Скорее всего они вынуждены поддерживать неугасимый огонь, чтобы в любой момент можно было перенести горящие головни на берег. При крайне несовершенном способе разжигания огня туземцы никогда не могут быть уверены, что им удастся найти сухое топливо, чтобы запалить новый костер на берегу. В лодках я видел тюленьи шкуры, которые, вероятно, служат для разнообразных целей: в

море — как одеяла и паруса, на суше — в качестве настила поверх каркаса хижин.

Туземцы отбыли от нас сразу же после обеда и не остались на рождественскую трапезу. Впрочем, я по весьма резонным причинам воздержался от приглашений. Запах, который издают туземцы, способен отравить аппетит европейцам. За время их пребывания на корабле мы немало настрадались от этого запаха и не желали терпеть его впредь.

Мы уже почти отвыкли от таких блюд, как жареная и вареная гусятина. У нас еще оставалась мадера — единственный вид корабельной провизии, который улучшается при долгом хранении. Вероятно, наши друзья в Англии не справляли это Рождество более весело, чем мы.

26 декабря, понедельник. 26-го дул слабый ветер, погода была ясная, лишь утром шел дождь. Вечером стало холодно и, когда туземцы посетили нас, было жалко смотреть, как дрожали они от стужи. Я распорядился дать им старое белье и куски негодной парусины. **[403]**

27 декабря, вторник. Пополнив запасы воды, я отдал приказ перенести с берега на борт палатки, заготовленное топливо, приборы и инструменты обсерватории. Тем временем я с группой моряков отправился, пользуясь хорошей погодой, на двух шлюпках за гусями.

Мы обогнули южную оконечность Гусиного острова и подстрелила по дороге тридцать одну штуку. На восточном берегу острова, севернее его восточной оконечности, мы нашли место для якорной стоянки с глубиной около 17 фатомов. Для судов, идущих к западу, эта гавань особенно удобна.

На северном берегу острова мы обнаружили три прекрасные бухты, в которых была и пресная вода и топливо. Однако осмотреть их не удалось ввиду наступления темноты. Думаю, что они удобны для якорных стоянок. Путь к ним лежит у западной оконечности острова.

Когда я вернулся на борт, все имущество уже было свезено с берега, и оставалось только дождаться попутного ветра, чтобы покинуть место нашей стоянки и выйти в море.

Пролив, на берегах которого мы встретили Рождество, я назвал проливом Рождества (Крисмас-саунд). Вход в него шириной в три лиги расположен на 55°24' ю.ш. и 70°16' з.д. в десяти лигах к северо-западу от островов Сан-Ильдефонсо. Эти острова — наилучшая примета при поисках пролива.

Мыс Йорк-Минстер — единственный примечательный пункт у входа в пролив — не может быть путеводным признаком для вступающих в эти воды. Самые точные описания его бесполезны, так как очертания этого массива меняются в зависимости от места наблюдения. Кроме черной скалы, лежащей близ острова Бакланов, есть еще одна скала между восточным берегом пролива и этим островом.

Подробное описание навряд ли необходимо, ибо мало кто вынужден будет воспользоваться им. Набросок карты, прилагаемый к этому дневнику, может явиться достаточным путеводным материалом для кораблей, которых судьба занесет в эти места.

Удобные пункты для стоянок, топливо и вода имеются во всех бухтах на берегах пролива. Не рекомендую становиться на якорь близ берега — глубины здесь невелики, а дно скалистое. [404]

Пополнение запасов свежей провизией сопряжено со случайными промыслами, и на берегах пролива можно добыть лишь рыбу и птицу в количестве, недостаточном для пропитания экипажа. Впрочем, мы имели столько птицы, что почти не занимались рыбной ловлей. Гуси здесь мясистые и очень вкусные.

На низких островках, где расположены хижины туземцев, растет очень хороший сельдерей. На берегах пролива встречаются гуси, утки, бакланы, морские сороки и чайки, которые часто упоминаются в нашем дневнике под именем порт-эгмонтских курочек.

Имеется здесь вид уток, которых матросы прозвали «рысаками», так как они с невероятной быстротой скользят над поверхностью воды. Крылья у них настолько коротки, что не могут вынести в воздухе груз тела. Такие утки встречаются и на Фолклендских островах.

Гуси, которые встречаются здесь, меньше наших английских домашних гусей, но гораздо вкуснее их. Лапки у них желтые, клюв короткий и черный. Самцы белые, у самок преобладают в окраске черные и серые тона и имеются большие белые пятна на крыльях.

Кроме упомянутых выше птиц, встречаются еще некоторые морские и наземные разновидности, но число последних весьма невелико.

Судя по тому, что туземцам хорошо известны европейцы, можно предположить, что островитяне не живут постоянно в этих местах, а зимой перебираются к северу.

Меня удивляет, что несмотря на то, что природа дает им обильный материал для одежды, все они ходят обнаженными. Туземцы могут подбить свои плащи из тюленьих шкур мехами и птичьим пухом. Они с успехом могли бы удлинить свои «плащи» и сшить другие одежды для того, чтобы прикрыть наготу.

Туземцы не слишком ценили и то платье, которое мы им дали. Короче говоря, из всех народов, что я видел, пешера — самые жалкие. Они обречены жить в стране с одним из самых неприветливых климатов на свете; вдобавок они лишены смекалки, достаточной для того, чтобы собственными силами сделать жизнь более удобной и обеспеченной.

Как ни бесплодна эта земля, но на берегах ее имеется все же много видов неизвестных растений. У Форстера **[405]** и его группы работы здесь было немало. Встречается тут дерево, которое дает ценную кору, есть разновидность барбариса и некоторых иных растений, которых я не знаю, кажется, обычных для берегов Магелланова пролива.

Мы нашли здесь много ягод, которые назвали клюквой, так как они напоминают ее по цвету, вкусу и величине, а также кустарниковое растение с горьковатыми плодами. Туземцы употребляют их, однако, в пищу в сыром и вареном виде.

Глава третья

Плавание от пролива Рождества, вокруг мыса Горн, через пролив Лемэра и вокруг Земли Штатов. — Открытие гавани у берегов этого острова. — Описание берегов

В среду 28 декабря, в 4 часа утра мы приступили к подъему якоря и в 8 часов вышли в море при легком северо-западном ветре, который немного спустя усилился.

В полдень восточная оконечность пролива — мыс Рождества — была на северо-западе от нас в 1 1/2 лигах, а остров Сан-Ильдефонсо на юго-востоке, в 7 лигах. В сгустившемся тумане очертания земли были едва видны, но казалось, что берег продолжается в юго-восточном направлении.

Мы шли в юго-восточном направлении при свежем западном ветре до 4 часов дня, а затем свернули к югу, чтобы приблизиться к островам Сан-Ильдефонсо. В это время мы увидели на востоко-юго-востоке, в 7 лигах от пролива Рождества, группу островов. В западной части этой группы возвышалось два довольно высоких пика или острова, восточнее виднелись две круглые вершины. Несколько мелких островков лежали близ этих высоких островов.

В половине шестого прояснилось, и мы увидели всю группу островов Сан-Ильдефонсо — архипелаг, расположенный в 6 лигах от Огненной земли, на 55°53' ю.ш. и 69°41' з.д.

Мы направились к востоку, и на закате пункт у западного входа в бухту Нассау, открытую в 1624 г. **[407]** голландской эскадрой под командой адмирала Хермита, лежал в 6 лигах от нас. На некоторых картах этот пункт обозначается, как «Ложный мыс Горн». Он является самым южным пунктом Огненной земли, расположенным на 55°39' ю.ш. От группы вышеупомянутых островов до этого Ложного мыса берег следует на восток,

склоняясь к югу, на расстоянии 14 или 15 лиг. В 10 часов вечера убавили паруса и всю ночь лавировали короткими галсами.

29 декабря, четверг. В 3 часа утра, подняв паруса, направились на юго-восток при свежем западно-юго-западном ветре. Временами над морем сгущался туман.

В 4 часа показался мыс Горн. Он приметен на далеком расстоянии по круглой и высокой горе. В половине восьмого мы прошли мимо знаменитого мыса и вступили в воды Атлантического океана.

Именно этот пункт я обогнул в 1769 г., но тогда у меня не было твердой уверенности, что я видел мыс Горн. Мыс этот лежит на крайнем юге группы островов различной величины, расположенных перед бухтой Нассау. Эта группа носит название островов Хермита.

У северо-западного берега мыса расположены две скалы, по форме напоминающие сахарные головы. Лежат они одна по отношению к другой от северо-запада к юго-востоку. Под западным и южным берегами расположено несколько хорошо заметных скал.

От пролива Рождества до мыса Горна по восточно-юго-восточному курсу расстояние — 31 лига.

В трех лигах к востоку-северо-востоку от мыса Горн лежит скалистый островок, который я назвал Ложным мысом. Он является южной оконечностью самого восточного острова в группе островов Хермита. Между этими мысами, вероятно, есть проход прямо в бухту Нассау. В проходе этом рассеяны мелкие островки. На его западном берегу имеются, судя по очертаниям этого берега, хорошие гавани.

На некоторых картах мыс Горн показан как маленький остров. Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть это, так как мыс видел в тумане, и очертания его установить было трудно, тем более что к востоку и к западу от него тянутся отмели. Вершины пиков кажутся голыми, но склоны и долины, должно быть, покрыты зеленым торфом и кустарником. **[408]**

От мыса Горн мы направились к северо-востоку в обход Ложного мыса и скал, лежащих близ него. На этих скалах мы видели большие стаи птиц.

Продолжая идти курсом на северо-восток, но более склоняясь к востоку, я решил зайти в пролив Лемэра, в бухту Успеха, чтобы отыскать здесь следы возможного пребывания «Адвенчур», так как именно эта бухта была одним из пунктов установленных встреч кораблей экспедиции. В 8 часов вечера у входа в пролив мы убавили паруса и стали держать ближе к ветру. Вскоре ветер стих, и вплоть до полудня следующего дня удерживался штиль. Течение несло нас к Земле Штатов.

30 декабря, пятница. Штиль сменился свежим северо-северо-западным ветром, и мы направились к бухте Успеха. Течение все время относило нас к северу.

Я приказал поднять флаги и дать два пушечных залпа. Через некоторое время мы увидели клубы дыма на берегу за полосой леса. Вероятно, то были костры туземцев. Именно на этом месте я застал их в 1769 г.

Войдя в залив, я направил на берег Пиккерсгила на поиски следов пребывания «Адвенчур» и, пока отсутствовала шлюпка, лавировал короткими галсами.

В 2 часа дня я заметил, что направление течения изменилось — теперь оно относило нас к югу.

Пиккерсгил сообщил мне по возвращении, что у берега он наблюдал отлив. Это противоречило моим прежним наблюдениям, и я заключил, что прилив идет с севера.

Никаких следов «Адвенчур» не было обнаружено. Пиккерсгил прибил доску, на которой было написано название нашего корабля, к дереву, что росло близ места стоянки «Индевора». Этот знак мог дать некоторые указания о нашем курсе капитану Фюрно в том случае если бы он посетил эти берега.

Пиккерсгила весьма любезно встретили туземцы, одетые в шкуры гуанако [100] и тюленей. Они носили браслеты из

серебряной проволоки и имели мечи европейской работы. То были туземцы того же типа, что и обитатели берегов пролива Рождества. Они также беспрестанно повторяли слово «пешера».

Один из них знаками дал понять Пиккерсгилу, что они желают видеть корабль у берегов их земли. В бухте было много тюленей в китов. Последние очень часто **[409]** встречаются в Магеллановом проливе, в особенности близ берега Огненной Земли.

В 6 часов вечера мы взяли курс на восток при северном ветре. Поскольку южные берега Огненной Земли были уже обследованы, я решил осмотреть побережье Земли Штатов, менее известное мореплавателям.

В 9 часов ветер усилился и стал дуть с северо-запада, и мы повернули на юго-запад с тем, чтобы провести ночь в открытом море. Ночью шел сильный дождь, и было туманно.

31 декабря, суббота. В 3 часа утра увидели восточную оконечность Земли Штатов. Вскоре сгустился туман, и берег скрылся из виду. Продолжая идти вперед, мы проследовали мимо островков различной величины, лежащих у берегов Земли Штатов. Между одним из них и восточной оконечностью этой земли я увидел проход. Как я ни желал войти в него и бросить якорь у одного из островов, чтобы выждать наступления более ясной погоды, но туман все же заставил меня отойти от берега и взять курс к северу.

В 8 часов утра мы были на траверзе самого восточного острова на расстоянии 2 миль от него. Глубина дна была 29 фатомов. Пелена тумана была настолько густой, что ничего, кроме берегов этого острова, не было видно, и я приказал убавить паруса и идти самым тихим ходом в ожидании прояснения. Однако туман не рассеивался, и я решил обогнуть остров с востока и отыскать спокойное место, где можно было бы в случае необходимости стать на якорь.

Вскоре мы встретили сильное течение. На берегах острова видны были тюлени и птицы. Это было зрелище, вводившее нас

в искушение, ибо потребность в свежей пище ощущалась очень остро. Я принял решение стать на якорь, чтобы захватить в свои руки то, что глаза наши видели на таком близком расстоянии.

Мы бросили якорь на глубине в 21 фатом, на каменистом дне в одной миле от берега. Вскоре туман рассеялся, и я увидел мыс Св. Иоанна, или восточную оконечность Земли Штатов на расстоянии 4 лиг. От южных ветров нас защищала Земля Штатов, а от северных — остров, близ которого мы стали на якорь.

Островки, расположенные на западе, защищали место нашей стоянки от западных ветров. Но оно было открыто **[410]** ветрам северных румбов. Избежать их можно было, положив якорь несколько западнее, но я предпочел остаться на прежнем месте, так как отсюда близки были берега острова и удобнее было при любом ветре вступить под паруса. После обеда мы на трех шлюпках отправились к берегу на охоту с тем, чтобы подбить побольше тюленей и птицы и наловить рыбы. Тюлени не встречались в море, пока мы шли от корабля, но берег был сплошь покрыт ими. Судя по звукам, которые издавали эти стада, я пришел к заключению, что здесь преобладали самки и детеныши.

Когда мы высадились, то убедились, что кроме тюленей на острове было множество им подобных животных, которых мы назвали «львами», так как самцы были очень похожи на львов [101].

Здесь были тюлени того же вида, что водится в Новой Зеландии. Таких тюленей называют обычно «морскими медведями», и это имя мы им и дали. Все они были небоязливые или, точнее говоря, глупые, так как подпускали охотников так близко, что их можно было убивать палками. Но крупных особей приходилось поражать ружейным огнем — они не позволяли приблизиться к ним. На острове было также множество пингвинов и бакланов, последние преимущественно молодые, что вполне отвечало нашим вкусам.

Уток и гусей здесь было немного, так же как и мелких птиц. Вечером мы вернулись на борт, перегруженные добычей.

1775 г., 1 января, воскресенье. Утром я направил Гилберта к берегам Земли Штатов на поиски якорной стоянки, в которой мы испытывали большую нужду.

По некоторым признакам удобная стоянка была на берегу, что лежал как раз напротив корабля. Я послал также две шлюпки за «львами», которые были убиты во время вчерашней охоты. Сам я отправился на берег, на северо-восточную оконечность острова, для определения его широты, и установил, что он лежит на 54°40'5" ю.ш.

Мы подстрелили много гусей, молодых бакланов и других птиц, а также подобрали большее количество морских львов и морских медведей. Старых «львов» мы убивали для того, чтобы вытопить из них ворвань и сало. Мясо их невкусно, в пищу можно употреблять лишь жареные потроха этих животных, но молодые «львы» имеют **[411]** очень приятный вкус. Иногда пригодно в пищу мясо старых самок, но мясо самцов обладает омерзительным вкусом После обеда я послал на берег людей за шкурами и жиром уже убитых и оставленных на острове тюленей — в тушах мы уже больше не нуждались.

Около 10 часов утра Гилберт вернулся и доложил, что он нашел хорошие якорные стоянки на берегу Земли Штатов; одну — в трех лигах к западу от мыса Св. Иоанна, другую — на северо-восточном берегу Восточного острова. Последняя была приметна по мелким островкам рассеянным у входа в бухту. К ней вел канал, шириной около полумили. Глубина этой бухты от 10 до 50 фатомов, ширина местами достигает одной мили при длине около 2 миль. Берега ее поросли пригодным для топлива лесом и изобилуют ручьями с хорошей водой. На острове много тюленей, а чаек здесь таксе количество, что небо темнеет, когда они подымаются в воздух.

Невыносимую вонь от их испражнений (вероятно, отвратительный запах — одно из средств защиты у этих птиц) матросы едва могли стерпеть. Наши люди видели также гусей, уток и «рысаков».

В честь дня открытия бухты я назад ее «Новогодней». Эта бухта весьма удобна для кораблей, что идут к западу в обход мыса

Горн, но положение ее не всегда позволяет судам выйти в открытое море при восточных и северных ветрах. Впрочем, ветры эти здесь непродолжительны, поскольку господствующими являются те, что дуют с юга и с запада. Таким образом, корабли не могут быть надолго задержаны в Новогодней бухте.

2 января, понедельник. Мы не могли выйти в море, и в ожидании попутного ветра я послал небольшую группу людей на берег на охоту.

Около полудня подул свежий западный ветер, но я решил выждать до завтра и лишь в 4 часа утра 3 января мы подняли якорь. При свежем северо-западном ветре вышли в море и в половине седьмого утра были на траверзе мыса Св. Иоанна, восточной оконечности Земли Штатов.

Мыс этот вдается в море на 54°46' ю.ш. и 64°7' з.д. и может быть опознан по высокой скале, к северу от которой лежит утесистый островок.

К западу от мыса Св. Иоанна, на расстоянии 5 миль от него, видел пролив, который, по всей вероятности, на **[412]** юге сообщается с морем. Между входом в этот пролив и мысом имеется залив, глубину которого нам не удалось определить. Огибая мыс, мы встретили сильное течение, которое шло с юга.

После того, как мыс Св. Иоанна остался позади, я следовал вдоль южного берега Земли Штатов. Ветер значительной силы, порой переходящий в шквал, заставил нас взять по два рифа у марселей. К полудню ветер стих, и установился штиль. В это время мы находились на 54°56' ю.ш. Глубина моря была в этом .месте весьма значительна: линем длиной 120 фатомов не удалось достать дно. Вскоре подул легкий северо-западный ветер, но течение было настолько сильным, что нас все время относило к северо-северо-востоку. В 4 часа подул юго-восточный ветер с дождем. Вплоть до 8 часов вечера мы продолжали следовать к северу по воле течения и находились в это время в 7 лигах к западо-северо-западу от мыса Св. Иоанна.

Я решил взять курс на юго-восток с тем, чтобы удалиться от берегов этой земли, поскольку я достаточно обследовал их в навигационных и географических целях.

Глава четвертая

Навигационные и географические наблюдения. — Описание островов, расположенных близ Земли Штатов. — Животные, которые были встречены на этой земле

Прилагаемая карта дает очень точное представление о направлении, протяженности и положении берегов, вдоль которых я проследовал во время моего первого и нынешнего путешествия.

Широты ежедневно в полдень определялись по высоте солнца. Лишь в тот день, когда мы покинули берега пролива Рождества, не удалось определить широту из-за пасмурной погоды. Однако положение места, где мы стояли на якоре, известно по наблюдениям, которые были сделаны ранее. Долготы определялись по лунным обсервациям, и долгота мыса Горн была установлена в 67°46' от Гринвичского меридиана. Исчисления долготы производились по хронометру, и я думаю, что ошибка в определениях координат отдельных пунктов не превосходит нескольких миль, что вполне нормально при подобного рода расчетах.

Таким образом протяженность Огненной Земли с востока на запад и соответственно длина Магелланова пролива определены не менее точно, чем это было сделано другими мореплавателями.

Для того, чтобы лучше показать положение исследованного архипелага и прилегающих стран и сделать карту удобной для общего пользования, я захватил на **[414]** прилагаемой карте пространство, ограниченное на севере 47-й параллелью. Но я, конечно, могу ручаться лишь за ту часть карт, которая составлена по моим собственным наблюдениям.

Долгота мыса Девы Марии — важнейшего пункта у восточного входа в Магелланов пролив — показана по данным лорда

Ансона — 67°52' в.д. Магелланов пролив и восточный берег Патагонии нанесен по последним данным французских и английских мореплавателей.

Положение западного берега Америки, севернее мыса Виктории, я нанес согласно сообщениям испанского мореплавателя Сармьенто, а Фолклендские острова по эскизной карте капитана Мак-Брайда, который обогнул их несколько лет назад на корабле «Язон». Расстояние от Фолклендских островов до материка исчислено согласно данным командора Байрона, который в течение нескольких дней прошел это расстояние на судне «Дельфин» в двух направлениях: от мыса Девы Марии до Порт-Эгмонта на Фолклендских островах, и от Порт-Эгмонта до Порт-Дизайр (Десеадо) в Патагонии [102].

Юго-западный берег Огненной Земли по своим очертаниям и обилию близ него островков и отмелей подобен берегам Норвегии.

Я не сомневаюсь, что через каждые три лиги мореплаватель может встретить здесь бухту, удобную для стоянки. Хоть у берегов и имеются подводные камни, но обычно они лежат в узкой прибрежной полосе и, следовательно, легко могут быть обнаружены при промерах, если погода настолько мрачна, что их нельзя видеть. Вообще следует отметить, что берега Огненной Земли менее опасны, чем это принято думать.

Земля Штатов вытянута в почти широтном направлении и в длину имеет 10 лиг при ширине от 3 до 4 лиг. Берега ее скалисты и изрезаны многочисленными бухтами. Остров гористый, цепь обрывистых гор достигает особенно значительной высоты близ западной оконечности острова. Почти весь остров, исключая высочайших вершин, покрыт лесами, кустарниками, травами. Вершины почти бесснежны.

Слабое течение между мысом Десеадо (близ западного выхода из Магелланова пролива) и мысом Горн следует с запада на восток, параллельно берегу. К востоку от мыса Горн оно усиливается и направляется к **[415]** северо-востоку, к Земле Штатов. Течение становится быстрый в проливе Лемэра и у южных берегов Земли Штатов и стремительным — у мыса Св.

Иоанна; там оно меняет направление на северо-западное и с той же силой устремляется к Новогодним островам. Я отметил во время стоянки у этих островов, что течение более быстро в часы прилива. При отливе оно значительно слабее, и корабли при ветрах западных румбов легко могут продвигаться против течения.

Подобные явления я наблюдал близ Новогодних островов. Но одновременно Гилберт обнаружил близ берегов Земли Штатов сильнее течение восточного направления. Возможно, что это течение приливное.

Для того, чтобы дать мореплавателям полное представление о приливах и течениях, следует провести наблюдения во многих пунктах и в разное время; мы же этой возможности были лишены. Во всяком случае в тех данных, которые я сообщаю, не может быть серьезных погрешностей.

Не следует, если к этому не вынуждает необходимость в воде и топливе, держаться при плавании на запад вокруг мыса Горн близ берегов Огненной Земли. Чтобы избежать встречных течений, необходимо плыть в 10—12 лигах от берега. На таком расстоянии от земли они слабы, на большей дистанции влияние их становится совершенно неощутимым.

Когда мы плавали у берегов Огненной Земли, штиль бывал чаще, чем шторм, а ветры беспрестанно меняли направление. Поэтому трудно сказать, нужно ли затратить больше времени на переход с запада на восток или с востока на запад. Сильных холодов не было, температура не падала ниже 7° С.

Тот из Новогодних островов, на котором мы побывали, так не похож на Землю Штатов, что заслуживает особого описания. Берега этого острова крутые, высотой 30—40 фут., поверхность же во внутренней части ровная, поросшая высокой ярко-зеленой осокой. Эта трава растет на небольших холмиках высотой в 2—3 фута, покрытых мощным слоем торфянистой почвы, состоящей из перегнивших остатков корней, листьев и стеблей. Между этими холмиками заметны тропинки, проложенные морскими медведями и пингвинами к центру острова. Эти тропки настолько грязны, что порой увязаешь на

них по колено. Попадается здесь вереск и дикорастущий сельдерей. Вся местность [416] очень сырая, влажность здесь велика, бросается в глаза обилие ручьев. Трава, которую я назвал осокой, здесь такого же вида, что и на Фолклендских островах. Бугенвиль описал ее как вид злака; есть также мнение, что это — вид ирисовых.

На этом маленьком клочке земли встречаются морские львы, морские медведи и морские и наземные птицы. Морские львы довольно обстоятельно описаны Пернети. Те, что встречаются здесь, несколько отличаются по форме передних лап от описанных Пернети, и могут быть скорее названы морскими волками. Они значительно меньше животных, о которых говорит этот автор. Самые крупные из них в длину имеют 12—14 фут. и около 8—10 фут. в обхвате.

Лорд Ансон [103] описал другой вид этих животных. Но кличку свою они вполне заслуживают, так как действительно имеют на шее гриву, подобную львиной. Тело их покрыто шерстью, более длинной, чем у коров и лошадей, темно-бурого цвета. Самки вдвое меньше самцов, окраска их более светлая, пепельно-серая. Они обитают на скалах близ берега и держатся большими стадами. Мы наблюдали их во время случки и заметили, что обычно 20—30 самок окружает одного самца. Самцы ревнивы и отгоняют соперников, которые приближаются к их свите. Некоторые самцы были окружены меньшим числом самок, иные же, вероятно, самые старые и дряхлые, лежали в уединенных местах, вдали от стада.

Морские медведи меньше морских львов, но крупнее тюленей. У них нет гривы, они менее массивны, чем морские львы, и имеют чугунно-серую окраску. Французы называют этих животных морскими волками, англичане — тюленями. Но они отличаются от европейских и североамериканских тюленей.

Морских львов можно без особой натяжки назвать большими тюленями, так как оба эти вида весьма сходны. Приближаться к ним можно без всякого риска. Нельзя лишь заходить к стаду со стороны моря — при опасности животные эти устремляются в воду, могут сбить с ног и задавить человека. Нередко мы

подбирались к стаду, когда морские львы спали. При пробуждении они подымали голову, гневно мычали и ревели и смотрели на нас так злобно, как будто хотели уничтожить и сожрать пришельцев, потревоживших их покой. Но когда мы подходили ближе, они пускались наутек. **[417]**

Пингвины так хорошо известны по описаниям, что мне остается только сказать, что здесь они встречаются в огромном количестве. Бить их палками не составляло никакого труда. Нельзя сказать, чтобы мясо их было превосходно, хотя иногда попадаются довольно вкусные особи. Вообще есть пингвинов можно лишь в том случае, если нет ничего лучшего. Либо они плодятся в другом месте, либо в инее время: ни птенцов, ни яиц мы на этих берегах не встречали.

Бакланов здесь очень много, и мы подстрелили немало этих птиц, так как мясо их весьма вкусно. Они обычно гнездятся стаями на обрывистых берегах или на вершинах поросших осокой холмиков. Яйца они откладывают в расселинах и трещинах. Бакланы, обитающие на скалах, более крупные.

Гуси здесь такие же, как на берегах пролива Рождества, но встречаются они реже, чем в этом проливе. Форстер подстрелил одного гуся, по виду отличного от остальных: у него был серый хохолок и черные лапки и по величине он превосходил своих собратьев. Некоторые гуси издают звуки, подобные утиному кряканью.

Уток на Новогодних островах мало. Некоторые из них относятся к виду, который мы называли «рысаками». Попадаются утки весом в 29—30 фунтов. Мясо их, судя по отзывам матросов, довольно вкусно.

Из морских птиц водятся здесь различные виды чаек, порт-эгмонтская курочка и бурая птица, величиной с альбатроса, которую Пернети называет по-испански «Кебрантауэсес». Мы дали ей название «гусь матушки Кэрри» и нашли, что она очень вкусна.

Из наземных птиц встречаются орлы или ястребы, лысые грифы (наши матросы назвали их турецкими сарпчами), дрозды и изредка иные мелкие птицы.

Наши натуралисты открыли здесь два новых вида птиц. Один из них размером с голубя, с белым оперением; питаются они на берегу, вероятно, ракушками и падалью, и издают очень дурной запах. Сперва мы приняли их за снежных буревестников, на которых они похожи величиной и окраской, но потом убедились в своей сшибке. Лапки у них без перепонок.

Второй вид — пестрые птицы, похожие на кроншнепов, величиной с цаплю. У них длинный изогнутый клюв; преобладающая окраска перьев — светло-серая. Кроме того **[418]** здесь изредка встречаются морские сороки, подобные тем, что водятся на Новой Зеландии, где мы прозвали их кроншнепами.

Следует упомянуть, что Бугенвиль ошибается, когда говорит, что бакланы враждуют с «гусями матушки Кэри» — последние принадлежат к семейству буревестников и питаются рыбой и встречаются везде в высоких широтах южного полушария.

Удивительно, что различные животные, которых мы видели на этом небольшом острове, живут в мире и не трогают друг друга. Так и кажется, что между ними заключен союз, главная цель которого — сохранение всеобщего спокойствия.

Морские львы обитают на побережье, морские медведи — в глубине острова; бакланы гнездятся на высочайших утесах; пингвины предпочитают более низкие места с удобными подходами со стороны моря, а остальные птицы избирают отдаленные и уединенные пункты. Мы видели всех этих животных друг возле дружки, как будто дело происходило на ферме, и вместо тюленей и пингвинов здесь были стада коров и выводки домашней птицы. При этом никто из них не покушался на покой соседа. Часто я видел орлов и грифов, сидящих на холмиках и окруженных бакланами, и бакланы — старые и молодые — чувствовали себя в полной безопасности.

Меня могут спросить — чем питаются эти птицы. Вероятнее всего — падалью: тюленьих туш на берегах острова множество.

Это весьма несовершенное описание предназначено скорее для того, чтобы закрепить в моей памяти все, что я видел, чем на пользу другим. Я не натуралист и не ботаник, и у меня не хватает слов, чтобы описать животных и растения.

Глава пятая

Плавание от берегов Земли Штатов. — Открытие острова Георгии и его описание

Мы покинули берега земли вечером 3 января и снова увидели их на западе на следующее утро в 3 часа. В 6 часов вечера внезапно налетел шквал, и случилось это так неожиданно, что мы не успели убрать паруса и лишились из-за этого брам-стеньги и одного рея. Шквал скоро прекратился, но продолжал удерживаться сильный юго-западный ветер с дождем.

Мы шли на юго-восток, чтобы дойти до берега большой протяженности, показанного на карте Дальримпля, на которой нанесен залив Св. Себастьяна. Я решил выйти к западному берегу этого залива и по пути обследовать другие части моря. Впрочем, я сильно сомневался в существовании этого берега. Но и в этом случае, следуя курсом -на юго-восток, я имел возможность установить ошибочность упомянутой карты и исследовать южную часть Атлантического океана.

5 января, четверг. 5 января погода была сырая и пасмурная, все время дул свежий ветер.

6 января, пятница. В 8 часов вечера на 58°9' ю.ш. и 53°14' з.д., взяв все рифы у марселей, при сильном западном ветре, густом тумане и мокром снеге мы пошли на север.

На этой широте и долготе Дальримпль помещает юго-западную оконечность залива Св. Себастьяна. Но мы не **[420]** видели ни малейших признаков земли, что еще больше убедило меня в том, что существование ее весьма сомнительно. Была еще

возможность при следовании к югу встретить землю, открытую Ларошем в 1675 г. Дальримпль, посетивший ее в 1756 г. на корабле «Лайон», указывает, что она расположена на 54°30' ю.ш. и 45° з.д. Однако на карте Д'Анвиля [104] земля эта показана на 9 градусов западнее. Уже это расхождение и определение координат свидетельствует о недостоверности обоих описаний. Ввиду изложенного, я решил придерживаться, насколько это было возможно, 54-й широты и взял поэтому курс на север.

7 января, суббота. Утром ветер стих, погода прояснилась. В полночь были на 56°4' ю.ш. и 53°36' з.д. Линем длиной 130 фатомов не достали дна.

8 января, воскресенье. В полдень видели пучок камнеломок на 55°4' ю.ш. и 51°45' з.д.

9 января, понедельник. Дул свежий северо-восточный ветер, погода была туманная. Видели тюленя и камнеломки. В полдень находились на 55°12' ю.ш. и 50°15' з.д.

10 января, вторник. В 2 часа утра на 54°35' ю.ш. и 47°56' з.д. видели множество альбатросов и синих буревестников.

11 января, среда. Взял курс к востоку и 11-го утром находился на 54°38' ю.ш. и 45°10' з.д. После обеда видели пингвинов и пучки камнеломок.

12 января, четверг. Ночь провели, лавируя короткими галсами, а на рассвете взяли курс к северо-востоку при легком западно-юго-западном ветре. В полдень находились на 54°28' ю.ш. и 42°8' з.д., в 3 градусах к востоку от пункта, который на карте Дальримпля отмечен как северо-восточная оконечность залива Св. Себастьяна. Никаких признаков земли не было, однако, обнаружено, если не считать тюленя и нескольких пингвинов. Напротив, мы наблюдали волнение на востоке-юго-востоке, которое едва ли имело место, если бы на этом румбе лежала земля значительных размеров. К полночи ветер стих, установился штиль.

13 января, пятница. Штиль и густой туман удерживались до 6 часов утра, когда подул восточный ветер. Туман окончательно

не рассеялся. До полудня шли на юг. В полдень были на 55°7' ю.ш., и от этого пункта повернули на север при свежем восточно-юго-восточном ветре. **[421]**

Видели пингвинов и снежных буревестников — признак близости льдов. Температура снизилась. Стало холоднее, чем когда бы то ни было на пути от Новой Зеландии к этим местам. Ночью мы шли на северо-восток.

14 января, суббота. В 9 часов утра нам показалось, что мы увидели ледяной остров в 13 лигах к юго-востоку от корабля. Мы находились в этот момент на 53°56 1/2' ю.ш. и 39°21' з.д. Наблюдали близ судна пингвинов, синих буревестников и различных морских птиц. С утра дул слабый ветер, в 2 часа пополудни настал штиль. Но то, что мы приняли за ледяной остров, оказалось берегом земли, покрытой снегом. О близости земли свидетельствовали и промеры глубины моря. Дно было на 175 фатомах. В 6 часов вечера подул легкий северо-восточный ветер, и мы направились на юго-восток. Вскоре ветер усилился, пошел снег. Мы взяли по два рифа у марселей и продолжали идти прежним курсом.

15 января, воскресенье. До 7 час. утра шли на юго-восток, а затем юго-восточный ветер заставил нас повернуть к северу. Перед этим земля была к северо-востоку от нас.

Днем температура была 1,5° С. Дул шквалистый ветер со снегом и дождем при сильном волнении. Крен судна доходил по наблюдениям Уолса до 42°.

В половине шестого вечера мы под нижними парусами легли на юго-западный курс. В полночь шторм стих, и мы опять поставили рифленные марсели.

16 января, понедельник. В 4 часа утра мы пошли к востоку при юго-юго-восточном ветре умеренной силы и небольшом волнении.

В 8 часов утра увидели на северо-востоке землю. В полдень былина 54°25 1/2' ю.ш. и 38°18' з.д. Глубина моря была 110 фатомов; земля находилась в 10 лигах от нас. Мы открыли

сперва ее северную оконечность; против нее лежал небольшой остров, названный мною островом Уиллиса по имени того матроса, который первый его увидел.

На юге отмечалось сильнее волнение — признак отсутствия земли в этом направлении. Но видимый нами берег, весь покрытый снегом, казался имеющим значительную протяженность, и я решил обследовать его северную часть и под всеми парусами пошел к острову Уиллиса при юго-юго-западном ветре.. По пути к северу мы открыли еще **[422]** один маленький остров, лежащий к востоку от острова Уиллиса, между ним и большой землей.

Я направился через пролив между этими двумя небольшими островами, и в 5 часов дня был в середине его. Ширина пролива доходила до 2 миль.

Остров Уиллиса — высокая скала, вокруг которой рассеяны мелкие скалистые островки. Он расположен на 54° ю.ш. и 38°23' з.д. Другой остров мы назвали Птичьим (так как на нем было множество птиц). Он ниже и меньше острова Уиллиса и расположен вблизи северо-восточной оконечности большой земли. Эту оконечность я назвал Северным мысом.

Южный берег этой земли протягивался в юго-восточном направлении. Издали казалось, что он изрезан бухтами и заливами. В глубине этих бухт виднелись огромные массы льда и снега, особенно в одной из них, лежащей в 10 милях к юго-востоку от Птичьего острова.

Пройдя через пролив, мы обнаружили, что северный берег земли тянется на северо-восток на расстоянии около 9 миль, а затем поворачивает на восток и юго-восток и следует в этом направлении на протяжении 11 миль до мыса, который я назвал мысом Буллера.

Мы шли вдоль берега на расстоянии одной лиги от него до 10 часов вечера, когда легли в дрейф в пункте, где глубина моря была 50 фатомов.

17 января, вторник. В 2 часа утра при легком юго-западном ветре мы пошли вдоль берега на расстоянии 4—5 миль от него и в 7 часов утра находились близ входа в бухту, которую я решил обследовать. Вместе с Форстером и его сотрудниками я отплыл к ее берегам на шлюпке. Корабль находился в 4 милях от берега, дно было на 40 фатомах. Дальнейшие промеры в шлюпке оказались безуспешными: короткий линь (в 34 фатома), который был в нашем распоряжении, нигде не достиг дна. Бухта шириной около 2 миль казалась удобной якорной стоянкой, так как берега ее были песчаные. В глубине ее виднелся островок. Я не намерен был вводить в нее судно, а поэтому не обследовал эту бухту подробно: не думаю, чтобы кому-нибудь пришлось воспользоваться ею в будущем.

Я высаживался на берег в трех местах, водрузил там британские флаги и под ружейный залп провозгласил эту землю владением его величества. **[423]**

В глубине залива и по обоим его берегам возвышаются ледяные горы значительной высоты. Обломки льда все время отламываются от этих гор под ударами волн. На наших глазах в море сорвалась огромная глыба льда, и шум от ее падения был подобен пушечному выстрелу.

Внутренняя часть острова дика и скромна. Обрывистые скалы громоздятся там, подымаясь к облакам, глубокие долины покрыты вечными снегами. Ни деревья, ни кустарники не растут здесь. Лишь кое-где на скалах видели мы жесткую стелющуюся траву и мхи.

Тюлени или морские медведи здесь довольно многочисленны. Они уступают по величине тем, которых мы видели на берегах Земли Штатов; возможно, однако, что большинство их было самками; стада их лежали на берегах с детенышами.

Настоящих морских львов на берегах бухты не было. Но я заметил других животных, описанных лордом Ансоном под этим именем. Думаю, что названы они так без достаточных оснований и на львов похожи мало.

Здесь были небольшие стаи пингвинов. Таких крупных пингвинов я еще никогда не видел: некоторые из тех, что мы привезли на корабль, весили от 29 до 38 фунтов. Бугенвиль утверждает, что большие пингвины встречаются на Фолклендских островах. Полагаю, что Бугенвиль весьма удачно назвал их «пингвинами первого класса». Из морских птиц встречаются здесь альбатросы, обыкновенные чайки, порт-эгмонтские курочки, морские ласточки, бакланы, недавно открытые нами белые птицы и маленькие птицы, которые водятся у мыса Доброй Надежды и называются там «желтыми». Мы подстрелили двух таких птиц и нашли, что они очень вкусны.

Из наземных птиц встречаются здесь в небольшом количестве маленькие жаворонки. Четвероногих мы не видели, хотя Форстер обнаружил нечто вроде помета лисы или какого-нибудь другого животного.

Скалы вдоль побережья не покрыты снегом. Но никакой растительности, кроме уже упомянутых трав и мхов, на них нет. По внешнему виду скал не исключена возможность, что в них содержится железо.

Около полудня мы вернулись на борт и в подарок экипажу привезли тюленей и пингвинов.

Нельзя сказать, чтобы мы испытывали недостаток провизии: солонины разного сорта было на корабле **[424]** вдоволь, сверх того ежедневно на завтрак выдавалась пшеничная каша. Но свежее мясо было, разумеется, предпочтительнее.

Я со своей стороны впервые за все время почувствовал отвращение к солонине, и хотя мясо пингвинов навряд ли можно сравнить по вкусу с бычьей печенкой, свежесть его весьма привлекала меня.

Я назвал эту бухту Позешн [Владения]. Она расположена на 54°5' ю.ш. и 37°18' з.д. в 11 лигах к востоку от Северного мыса. В нескольких милях к западу от нее (восточнее мыса Буллера) лежит другая бухта, которую я назвал Островной, так как в ней расположена группа мелких островков.

Как только вернулась шлюпка, мы отправились в путь, взяв курс к востоку и следуя вдоль берега при западно-юго-западном ветре.

От мыса Буллера берег шел в юго-восточном направлении на протяжении 10—12 лиг, вплоть до мыса, названного нами Сондерс. За ним в берег врезывалась довольно значительная бухта, названная мною Камберлендской. Во многих местах ее, а также в других маленьких бухтах я видел массы мерзлого снега и еще невзломанного льда.

В 8 часов вечера, пройдя Камберлендскую бухту, мы были на расстоянии около 4 миль от берега. Глубина моря оказалась 110 фатомов.

18 января, среда. Вплоть до 6 час. утра слабые ветра чередовались со штилем, а затем с севера подул легкий бриз. В 10 часов утра снова наступил штиль. В полдень на 54°30' ю.ш. в 2—3 лигах от берега на юге увидели небольшой остров, возможно, восточную оконечность земли. Ближайшим ее пунктом был выдающийся в море мыс, увенчанный круглой вершиной, который я назвал мысом Шарлотты. К северо-западу от него открылась бухта, названная Королевской, а северный пункт этой бухты получил наименование мыса Георга. Он лежит в 7 лигах к юго-востоку от мыса Сондерс и в 6 лигах к северо-востоку от мыса Шарлотты.

Уже упомянутый небольшой остров, который я назвал по имени моего первого помощника островом Купера, расположен был в 8 лигах к юго-востоку от мыса Шарлотты. Берег между этими пунктами был вогнут, образуя большой залив, которому я дал имя Сандвич. **[425]**

При переменных ветрах мы после полудня лишь немного продвинулись вперед. Ночью дул южный ветер со снегом. На море отмечалось слабое волнение.

19 января, четверг. 19-го шли в бейдевинд при южном ветре и ясной, но холодной погоде.

На рассвете на юго-юго-востоке показались новые берега. Сперва мы видели лишь одинокую вершину, по форме напоминающую сахарную голову, но вскоре заметили за этой вершиной новые пики. В полдень были на 54°42'30" ю.ш. в 4 лигах от мыса Шарлотты, а одинокая скала, окруженная отмелями, находилась на северо-западе, в одной миле от нас. После полудня за берегом залива Сандвич показались очертания высокой горной цепи. Покрытые льдом вершины огромных пиков достигали облаков.

В 10 часов вечера подул легкий северный ветер, и до полуночи мы шли на юг. В полночь легли в дрейф.

20 января, пятница. В 2 часа утра мы взяли курс на юго-запад, чтобы обогнуть остров Купера. Этот остров — утес значительной высоты, пяти миль в окружности, расположенный в одной миле от большой земли. Берег ее от пункта, лежащего против острова Купера, поворачивает к юго-западу и следует в этом направлении, на расстоянии около 4—5 лиг вплоть до выступа, который я назвал мысом Дизэпойнтмент [Разочарования]. У берегов этого мыса лежали три островка. Самый южный из них, маленький, низкий, зеленый, находился в одной лиге от берегов мыса.

В 9 лигах к юго-западу от мыса мы увидели землю, которая вскоре приняла ясные очертания небольшого острова. По имени моего третьего помощника я назвал его островом Пиккерсгила.

Через некоторое время на северо-западе показался мыс, расположенный как раз в том месте, откуда мы в свое время начали осмотр берегов этой земли. Таким образом было установлено, что земля эта, которую мы считали частью большого материка, была не более как островом, имевшим в окружности свыше 70 лиг.

Кто бы мог подумать, что этот небольшой остров, лежащий между 54 и 55-й параллелями, почти весь некрыт в разгаре лета слоем смерзшегося снега, толщиной в десятки фатомов. Особенно много снега было на юго-западном берегу. Снег и лед покрывали склоны и **[426]** обрывистые вершины гор

огромными массами, лежали в межгорных долинах. Во внутренней части бухт возвышались вдоль берегов высокие ледяные стены.

Несомненно, значительная часть льда, который образуется здесь в зимнее время, весной отрывается от главных массивов и попадает в открытое море. Но остров этот не может дать и одной десятитысячной части тех льдов, что плавают в океане. Должны быть еще большие земли в этих широтах, или льды образуются не на суше. В связи с этим предположением у меня явилась мысль, что берег, который мы видели вчера, мог оказаться частью большой земли. Надежда на открытие материка еще не покидала меня. Должен при этом отметить, что разочарования, которые мне пришлось претерпеть в поисках материка, на меня мало повлияли. Все, что было найдено до сих пор в этих морях, еще недостойно называться открытием.

Я назвал эту землю островом Георгия в честь английского короля, ныне царствующего. Остров расположен между 53°57' и 54°57' ю.ш. и 38°13' и 35°34' з.д.; вытянут с северо-запада на юго-восток и имеет в длину около 31 лиги. Наибольшая ширина его около 10 лиг. Берега его изрезаны многочисленными бухтами. Их особенно много на северо-восточном берегу. Колоссальные нагромождения льда в этих бухтах делают невозможным вход в них в течение большей части года. Пребывание в бухтах опасно из-за постоянно отрывающихся от ледяных массивов крупных глыб льда.

Любопытно, что нигде на острове мы не видели ни единого ручья или источника. Вероятно, льды во внутренней части острова никогда не тают, а если даже и слегка подтаивают с поверхности, то не дают такого количества воды, которое необходимо для образования ручьев и рек.

Более теплым представляется северо-восточный берег. Остальные берега открыты холодным южным ветрам, и солнечные лучи не пробиваются к ним через барьер высоких горных цепей. До сих пор мне казалось, что на 54° широты земля не может быть в течение всего лета покрыта льдом и

снегом. Поэтому я и предполагал, что Буве открыл лишь крупный ледяной остров.

Но отныне я не сомневаюсь в том, что мыс Сирконсинсьон действительно существует. И не сомневаюсь я так же и в том, что смогу открыть в этих широтах столько земель, что у меня не хватит времени для их обследования. **[427]**

С такими мыслями я покинул эти берега и взял курс на восток-юго-восток к земле, что мы видели на горизонте вчера.

Переменный ветер удерживался до полудня. С полудня стал дуть северо-северо-восточный ветер, который к трем часам дня усилился настолько, что мы вынуждены были остаться под одними нижними парусами. К счастью, к этому времени мы отошли на значительное расстояние от берега; трудно сказать, какова была бы наша участь, если бы этот ветер застал нас у северных берегов острова Георгии. Шторм длился лишь несколько часов; к 8 часам вечера ветер начал утихать и почти прекратился к полуночи. Глубина была свыше 180 фатомов.

21 января, суббота. Весь день стоял густой туман и шел дождь; легкий ветер часто стихал совершенно. До 3 часов дня шли к востоку. Между тремя и пятью часами туман немного рассеялся, но затем стал еще гуще. Всю ночь лавировали короткими галсами.

22 января, воскресенье. До 7 часов вечера удерживалась безветренная туманная погода. В 7 часов подул северный ветер, и туман рассеялся настолько, что мы могли видеть окружающее нас море на 2—3 лиги кругом.

Воспользовавшись прояснением, мы прошли к западу 10 миль, пока снова не пал туман.

23 января, понедельник. В 6 часов утра видимость улучшилась, и мы могли обозревать море в радиусе 3—4 миль. При свежем восточном ветре я направился к западу. Вскоре туман опять сгустился, и мы с попутным ветром пошли к югу.

В 8 часов в момент, когда немного прояснилось, мы увидели три или четыре скалистых островка на расстоянии 2—3 миль к юго-востоку и к северо-востоку от нас. Однако вершины в виде сахарной головы, которую мы впервые заметили несколько дней назад, мы не нашли на горизонте. Впрочем, и видимость была ограничена 2—3 милями.

Мы установили, что раньше мы видели именно эти островки; они находились на расстоянии 12 лиг от острова Купера, на 55° ю.ш. То были одинокие скалы, на которых гнездилось множество птиц, главным образом бакланов. Этих птиц мы увидели раньше, чем островки, и они возвестили нам о близости земли. Мы почти все время продвигались к северу, в густой пелене тумана, **[428]** рискуя натолкнуться на подводные камни. Нашими лучшими лоцманами были бакланы, которые дополняли данные промеров глубин.

Обойдя несколько миль к северу, мы потеряли из виду бакланов, и одновременно возросла глубина моря настолько, что нашим линем нельзя было достать дно. Ночь провели, лавируя в открытом море короткими галсами.

24 января, вторник. В 8 часов утра появление одиночных бакланов навело нас на мысль о близости берега. Глубина оказалась около 60 фатомов, дно каменистое, усеянное обломками раковин. Вскоре мы увидели на юго-юго-западе в 4 милях от корабля какие-то скалы. Пика в виде сахарной головы снова не было заметно: вероятно, он лежал вне пределов нашей, крайне ограниченной видимости.

При слабом северном ветре и значительном волнении от северо-востока мы вышли в открытое море, оставив скалы к востоку от себя, и в 4 часа дня, когда эти скалы были в 3—4 лигах от нас, повернули на юг, все время продвигаясь в виду одиночных скал в густом тумане. В 7 часов вечера туман несколько рассеялся, и мы увидели горы острова Георгии на западе-северо-западе на расстоянии 8 лиг. В 8 часов повернули к юго-востоку при слабом северном ветре и плотном, густом тумане. Однако мы уже освоились с этим туманным морем и шли вперед без опасений.

Скалы, о которых я выше упоминал, были названы по имени моего второго помощника, который первый их увидел, — скалами Клерка.

Комментарии

99. *Огненная земля* — архипелаг у южной оконечности Южной Америки, от которой отделяется Магеллановым проливом. Во времена Кука название Огненная земля часто относилось не ко всему архипелагу, а лишь к главному острову. Самый южный остров архипелага — Горн под 55°59' ю.ш. принимается за крайнюю южную оконечность Америки.

100. *Гуанако (Lama guanachi)* — вид лам, распространенный в Андах. Прекрасно лазающее по горам пугливое животное. Шерсть гуанако тонкая и мягкая, идет для выделки одеял и плащей.

101. *Морские львы* — ластоногие животные из семейства нерпух или сивучей (Otaridae). Вид, встречающийся в южном полушарии — южный морской лев, или гривастый тюлень. Южные морские львы — крупные (до 3 м от конца ластов до морды) животные, обитающие в антарктических морях на Фолклендских островах и на берегах Огненной земли, Чили и Патагонии. Ко времени размножения морские льны собираются иногда огромными стадами, на «лежбищах».

102. *Порт Дизайр (Desire*) — правильное название Пуэрто Десеадо (испанское). Бухта на берегах Патагонии, в которой нередко останавливались корабли на пути из Европы к Магелланову проливу и мысу Горну.

103. *Ансон Джордж (1697—1762)* — английский мореплаватель, участник ряда каперских экспедиций. За успешные действия против испанских и французских кораблей получил звание адмирала. В 1740—1744 гг. в погоне за испанскими судами совершил кругосветное путешествие и разграбил и опустошил Марианские острова.

104. *Д'Анвиль Жан Батист Бургиньон (1697—1782)* — французский географ, составитель «Всеобщего атласа» (1737—1780), автор ряда работ по математической географии, картографии и метеорологии.

Глава шестая

Плавание от острова Георгии. — Открытие земли Сандвича. — Доводы в пользу существования земли близ южного полюса

Мы шли к востоку-юго-востоку, отмечая сильное волнение на северо-северо-востоке. Погода была туманная вплоть до самого вечера. Вечером 25 января, в среду, небо несколько прояснилось. Мы находились на 56°16' ю.ш. и 32°9' з.д.

26 января, четверг. Продолжая идти к востоко-юго-востоку, при слабом волнении от северо-северо-запада вплоть до рассвета, мы не видели на востоке земли. Поэтому я взял курс к югу. Погода была довольно ясная, что позволило уточнить определение долготы. В полдень были на 57°38' ю.ш. и 31°4' з.д.

27 января, пятница. До полудня шли на юг. В полдень находились на 59°46' ю.ш. Туман настолько сгустился, что с носа мы не могли видеть, что делалось на корме. Учитывая возможность столкновения с прибрежными льдами, я взял курс к востоку при северо-северо-восточном ветре. Вскоре туман рассеялся, и до 4 часов дня мы шли к югу, когда снова вынуждены были переменить направление.

По счислению мы находились уже на 60° ю.ш., и я решил не продвигаться к югу, пока не увижу ясных признаков близости земли. С моей стороны было бы неблагоразумно тратить время на продвижение к югу, когда было вероятно, что значительная по размерам земля может **[430]** быть встречена близ мыса Сирконсинсьон. Кроме того, мне надоели эти высокие широты, где не было ничего, кроме льдов и густых туманов. Волнение шло с запада — убедительный признак отсутствия земли на этом румбе. Таким образом я решаюсь утверждать, что берег значительней протяженности, показанный Дальримплем на его карте между Африкой и Америкой, и залив Св. Себастьяна не существуют.

В 7 часов туман слегка рассеялся, и мы увидели ледяной остров, нескольких пингвинов и снежных буревестников. Глубина моря была велика — линем длиной 140 фатомов мы не доставали дна. Ночью в тумане лавировали короткими галсами в тон части моря, что была хорошо обследована днем.

28 января, суббота. В 8 часов утра направились к востоку при легком волнении на севере. Погода улучшилась. Море было усеяно большими и малыми глыбами льда. Мы видели китов, пингвинов и снежных буревестников. Вскоре показалось солнце, но температура была не выше 1,5—3° С. Мы находились на 60°4' ю.ш. и 29°23' з.д. До половины третьего дня шли на восток, пока не встретили большее число ледяных островов. Плавающие льды видны были повсюду. Снова стало туманно, пошел мокрый снег, оставаться вблизи льдов было опасно, поэтому при северном ветре мы повернули к западу.

Все ледяные острова были одинаковой высоты и имели плоские вершины. Однако они отличались один от другого размерами. Попадались острова до двух-трех миль в окружности. Мелкие глыбы были обломками, отколовшимися от этих островов.

29 января, воскресенье. Мы шли к северо-западу при юго-западном ветре до тех пор, пока на нашем пути не встретились многочисленные ледяные острова. При малом ветре попытались отойти возможно дальше ото льдов и, лавируя среди ледяных глыб, за весь день почти не продвинулись вперед. Попадались киты и пингвины; погода была довольно пасмурная.

30 января, понедельник. До 6 часов утра шли при свежем ветре к северо-западу, а затем повернули на северо-восток. Вскоре увидели множество плавающих льдин и прошли мимо двух больших ледяных островов. Почти все время стоял густой туман, шел снег. В полдень были на 59°30' ю.ш. и 29°24' з.д. **[431]**

31 января, вторник. В половине шестого утра в момент, когда на наше счастье рассеялся туман, увидели в трех-четырех милях землю. Я пошел на север на расстоянии 1 1/2, лиг от отмелей, что шли параллельно берегу. Видимость была довольно

сносная. На берегу видны были три скалы значительной высоты, вероятно, три отдельных острова.

Самый дальний мы назвали пиком Фризленда по имени матроса, который заметил его первым. Пик этот лежал на 59° ю.ш. и 27° з.д. К востоку от него вырисовывались очертания высокого берега. Гигантские вершины, покрытые снегом, терялись в облаках. Берег шел к востоко-юго-востоку. Я назвал этот выступ мысом Бристоль в честь Хервея, графа Бристольского.

Одновременно показались высокие берега на юге на расстоянии 4—8 лиг от нас. Мы находились в этот момент на 59°13'30" ю.ш. и 27°45' з.д. Я назвал эту землю Южным Туле, так как это — самая южная из всех когда-либо открытых земель. То была высокая покрытая снегом страна.

Некоторым казалось, что между Туле и мысом Бристоль лежит еще какая-то земля. Вероятнее всего, что Туле соединяется с мысом Бристоль, и берег между ними образует глубокий залив, который я назвал бухтой Форстера.

В час дня, убедившись, что Туле обойти нельзя, мы пошли на север и в 4 часа дня были в 3—4 лигах к западу от пика Фризленда. Вскоре ветер стих, и мы оказались отданными на милость сильного западного течения, которое несло нас прямо к берегу. Линем длиной 200 фатомов мы не достали дна.

В 8 часов туман несколько рассеялся, и на востоке-юго-востоке мы увидели мыс Бристоль и далее к северу еще один выступ, за которым не было заметно земли. Это открытие обрадовало нас — опасность быть выброшенными на берег самой ужасной земли в мире больше нам не могла угрожать. При легком западном ветре всю ночь мы шли на север.

1 февраля, среда. В 4 часа утра увидели новый берег: то был высокий мыс, который я назвал мысом Монтегю. Он расположен был на 58°27' ю.ш. и 26°44' з.д. в 7 лигах к северу от мыса Бристоль.

Между этими мысами мы видели землю, и можно было предположить, что они соединяются между собой. Я **[432]** сожалею, что не мог установить это точно; но благоразумие не позволяло мне приближаться к берегу на небольшое расстояние в туманную погоду и при отсутствии удобных якорных стоянок. К тому же все подступы к берегу были преграждены льдами, которые покрывали также мощным слоем береговые утесы и горы.

Ледяные острова плавали близ берега. Один из них привлек мое внимание. Он имел отвесные края, недоступные воздействию волн, и плоскую поверхность. Размеры его и высота были весьма значительны. Очертания и ферма этого ледяного острова свидетельствовали о том, что он лишь недавно оторвался от крупных массивов, что возвышались на берегу.

В полдень мы были в 5 лигах к западу от мыса Монтегю. Пик Фризленда находился в 12 лигах от нас. В 2 часа дня, продолжая продвигаться к северу при легком юго-западном ветре, мы заметили землю на северо-востоке, в 14 лигах от корабля. Мыс Монтегю был от нас на юго-востоке. Новый берег простирался в северо-восточном направлении. Далее к востоку за этим берегом не видно было земли.

2 февраля, четверг. Всю ночь шли на север, а в 6 часов утра увидели новую землю на северо-востоке на расстоянии 10 лиг. То были две вершины, четко вырисовывающиеся на горизонте. Скоро мы потеряли их из вида. Мы пошли к той расположенной на севере земле, что впервые заметили вчера. Теперь она видна была на востоке-юго-востоке. Мы приблизились к ней, но не могли обойти ее и вынуждены были повернуть обратно в трех милях от берега. У нас сложилось впечатление, что это остров, имеющий около 8—10 лиг в окружности; он очень высок, с вершиной, скрытой в облаках, и покрыт льдом и снегом, как и соседние острова. Только самая северная оконечность и две вершины за ней, вероятно — два островка, свободны ото льда: их поверхность казалась зеленой, как будто покрытой дерном. У берегов плавали огромные льдины.

Мы шли вдоль берега до полудня а затем снова повернули к нему, чтобы взглянуть на близком расстоянии и установить, остров ли это. Погода была туманная; туман продолжал сгущаться, и мы вскоре вынуждены были взять мористее на северо-запад к земле, которую видели утром.

Предполагая, что земля, от которой мы удалились, была островом, я назвал ее островом Сондерс, в честь **[433]** моего уважаемого друга Чарлза Сондерс. Широта его 57°49', долгота — 26°44'. Он расположен в 13 лигах от мыса Монтегю.

В 8 часов вечера туман несколько рассеялся, и мы увидели остров Сондерс на юго-востоке. Далее к юго-востоку от него заметна была земля, с которой, возможно, этот остров был соединен.

3 февраля, пятница. Необходимо было осмотреть землю на севере и на востоке, и мы взяли курс к северу при легком юго-западном ветре. В 8 часов утра подошли ближе к двум холмам и убедились, что перед нами два острова.

Я назвал их Кандлмас (островами Сретенья). Они расположены на 57°11' ю.ш. и 27°6' з.д., невелики, но довольно высоки и покрыты снегом. Между островами рассеяны утесы и подводные камни. Скоро туман скрыл от нас эти острова, и мы увидели их только в полдень, когда находились на расстоянии 3—4 лиг.

Южный ветер принудил нас взять курс к северо-востоку. Следуя в этом направлении, мы встретили много ледяных островов, мелких льдин и увидели немало пингвинов.

В полночь мы внезапно вступили в полосу необычайно белой воды. Вахтенный офицер, встревоженный этим, резко повернул корабль. Мы так и не узнали, чем была вызвана окраска воды. Некоторые предполагали, что судно встретилось с мелким битым льдом, другие считали, что то было мелководье. Я склонен думать, что мы встретили большой косяк рыбы.

4 февраля, суббота. Мы шли на юг до 1 часа утра, а затем повернули на восток. К рассвету ветер стих, и я спустил шлюпку,

чтобы установить, имеется ли в этих водах течение. Наблюдения дали отрицательный ответ. Встретили китов и подстрелили несколько пингвинов. Они были того же вида, что и пингвины, которых мы видели накануне во льдах, и значительно отличались от пингвинов Земли Штатов и острова Георгии.

Любопытно, что с тех пор, как мы покинули Георгию, тюлени больше нам не попадались.

В полдень были на 56°44' ю.ш. и 25°33' з.д. Попытка свернуть к югу, чтобы осмотреть вновь берега земли, открытой нами, не увенчалась успехом, и мы направились к востоку, встретив по пути льдины и ледяные острова. Погода была туманная с дождем и снегом. **[434]**

5 февраля, суббота. Пингвины больше не встречались, и это заставляло меня предположить, что земля осталась позади нас, и та часть ее, которую мы видели в последний раз, была ее северной оконечностью.

В полдень мы были на 57°8' ю.ш. и 23°34' з.д., в трех градусах к востоку от острова Сондерс. После полудня мы повернули на юг , чтобы на этом меридиане подняться до широты открытой земли и выяснить, как далеко простирается она на восток.

6 февраля, воскресенье. Продолжая идти на юг и юго-восток, до полудня, когда были на 58°15' ю.ш. и 21°34' з.д. Земли не было видно. Я решил, что открытые нами берега были либо группой островов, либо оконечностью материка, и назвал их Землей Сандвича.

Я думаю, что земля вдается довольно далеко на север в южной части Атлантического и Индийского океанов, так как в этих океанах льды встречаются севернее, чем где бы то ни было. Явление подобного рода вряд ли могло наблюдаться, если бы на юге не было обширной земли.

Если предположить, что такой земли не существует, и льды образуются вне ее, непосредственно в море, то тогда следовало бы допустить, что на 60 или 70° широты холода так же сильны,

как и близ полюса; кроме того, в этом случае льды встречались бы повсеместно вплоть до тех же широт. На самом же деле мы наблюдаем противоположное: корабли, что идут в обход мыса Горн, редко встречают на своем пути льды. Мы также не видели льдов на 60-й параллели в южной части Тихого океана. В то же время в Атлантическом океане льды встречаются между 40° з.д. и 50 или 60° в.д. — значительно севернее, вплоть до 52-й параллели. Бувэ видел их на 48° ю.ш., а многим льды попадались и на более низких широтах. Однако большая часть южного материка (если предположить, что он существует) должна лежать в пределах полярной области выше южного полярного круга, а там море так густо усеяно льдами, что доступ к земле становится невозможным. Риск, связанный с плаванием в этих необследованных и покрытых льдами морях в поисках южного материка настолько велик, что я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы. Густые **[435]** туманы, снежные бури, сильная стужа и другие опасные для плавания препятствия неизбежны в этих водах. И эти трудности еще более возрастают вследствие ужасающего вида страны. Эта страна обречена природой на вечный холод: она лишена теплых солнечных лучей и погребена под мощным слоем никогда нетающего льда и снега. Гавани, которые могут быть на этих берегах, недоступны для кораблей из-за заполняющего их льда и смерзшегося снега; а если в одну из них и войдет корабль, он рискует остаться там навсегда или вмерзнуть в ледяной остров. Ледяные острова и плавающие льды у берегов, огромные ледяные глыбы, низвергающиеся со скал в бухты, яростные снежные бури, сопровождаемые сильными морозами, могут оказаться одинаково роковыми для кораблей.

После такого объяснения читатель уже не будет ожидать моего продвижения далее на юг. И это вызвано не недостатком решимости, а совершенно иными причинами. Было бы безрассудно с моей стороны рисковать всеми результатами экспедиции ради открытия и обследования берега, который, будучи открытым и обследованным, все равно не принес бы пользы ни мореплаванию, ни географии, ни другим отраслям науки.

Необходимо еще было установить, истинно ли открытие Бувэ. Помимо всего этого, мы находились в таком положении, когда великие предприятия оказывались невозможными; но даже если бы мы были обеспечены всем необходимым для их свершения, у нас не хватило бы времени, чтобы выполнить задуманное.

Все эти соображения заставили меня изменить курс и направиться к востоку при сильном северном ветре. Шел густой снег, который настолько утяжелял паруса, что время от времени приходилось ставить корабль против ветра. При этом положении снег сдувался в море. Думаю, что при безветрии ни паруса, ни корабль не выдержали бы тяжести снега.

Вечером снегопад прекратился, небо прояснилось. Ветер отклонился к западу, и мы всю ночь круто лавировали под рифленными марселями и фоком.

7 февраля, вторник. При сильном юго-западном и западном ветрах шли на восток. После полудня были на 58°24' ю.ш. и 16°19' з.д. Видели только три ледяных острова. С 8 часов вечера, убавив паруса, **[436]** шли в бейдевинд на юго-восток всю ночь при мокром снеге.

8 февраля, среда. Продолжая идти на восток, были на рассвете на 58°30' ю.ш. и 15°14' з.д. Видели три ледяных острова. Ночь прошла подобно предыдущей.

9 февраля, четверг. В 6 часов утра находились на 58°27' ю.ш. а 13°4' з.д. Склонение 26 минут восточнее, а в полдень, когда мы на той же широте продвинулись на 1/2 градуса к востоку, склонение было уже 2 минуты западнее. Таким образом мы пересекли линию, на которой склонение отсутствовало.

Большую часть дня удерживался штиль, погода была ясная, термометр днем показывал 4°,5 С; в течение минувших дней температура была на 1—1 1/5 ° ниже. Видели ледяные острова, но не отмечали никаких признаков близости земли. В 8 часов вечера при юго-восточном ветре пошли на северо-восток.

10 февраля, пятница. Ночью ветер отклонился к югу и усилился, что заставило нас взять курс на восток. Ветер сопровождался снегом вплоть до рассвета, когда снегопад прекратился, и небо стало ясным. Однако сильно похолодало, и вода на палубе замерзла. В полдень термометр показывал 1°С. В 6 часов утра были на 58°15' ю.ш. и 11°41' з.д. Ветер к ночи стих. Все время видели ледяные острова.

11 февраля, суббота. В полдень находились на 58°11' ю.ш. и 7° 55' з.д. Температура была 1°,6 С. Штиль чередовался с легким ветром юго-восточного и северо-восточного направлений.

12 февраля, воскресенье. В 6 часов утра были на 58°23' ю.ш. и 6° 54 з.д. По-прежнему видели ледяные острова и мелкие льдины.

13 февраля, понедельник. В полдень ветер усилился, небо заволокло тучами, и вскоре начался обильный снегопад, который продолжался до 9 часов вечера, когда ветер стих, и погода прояснилась. Стало очень холодно, вода на палубе замерзла, ртуть упала до — 3°С.

14 февраля, вторник. Продолжали идти к востоку при сильном порывистом ветре и снегопаде. В короткие интервалы между шквалами температура неизменно понижалась.

В полдень пересекли гринвичский меридиан на 57°50' ю.ш. В 8 часов вечера при ясной погоде пошли на восток **[437]** при сильном юго-юго-западном ветре и волнении того же направления.

15 февраля, среда. На рассвете при сильном юго-западном ветре и ясной погоде пошли на восток-северо-восток. В полдень были на 56°37' ю.ш. и 4°11' в.д. После полудня взяли курс на северо-восток, чтобы достичь широты мыса Сирконсинсьон. Видели крупные ледяные острова. Удерживались сильные холода. Ночь была туманная, шел снег, сильно морозило.

16 февраля, четверг. На рассвете при легком западном ветре пошли на северо-восток. В полдень ветер стих. В это время находились на 55°26' ю.ш. и 5°52' з.д. и наблюдали сильнее волнение на юге. В час дня подул слабый

восточно-северо-восточный ветер, и до 6 часов мы следовали на юго-восток, а затем повернули на север. Шел мокрый снег, снасти и паруса покрылись корочкой льда.

17 февраля, пятница. Весь день дул южный ветер, к полуночи сменившийся юго-западным. В это время были на 54°20' ю.ш. и 6°33' в.д. и повернули к востоку. На юге отмечалось исключительно сильнее волнение, которое свидетельствовало об отсутствии земли на близком расстоянии под этим румбом.

18 февраля, суббота. Утром снегопад прекратился, погода стала ясней. В полдень находились на 54°25' ю.ш. и 8°46' в.д. Широта, которой мы достигли, была, по моему мнению, как раз той, на которой следовало искать мыс Сирконсинсьон, ибо если земля эта невелика и не простирается далеко на юг и на север, то для поисков ее необходимо придерживаться широты, близкой к отмеченной Бувэ для ее северной оконечности, т.е. 54-й.

Все время наблюдалось сильнее волнение на юге, что окончательно убедило меня в том, что земля, открытая Бувэ, была лишь островом.

Вечером Уолс произвел астрономические наблюдения по луне и звездам и установил, что долгота наша была 9°15'20" восточная. Склонение 13°20' западнее. Между тем у Бувэ примерно для этого же пункта склонение было 1° восточнее. Я не могу согласиться с тем, чтобы величина склонения могла столь значительно измениться за 37 лет; скорее всего Бувэ допустил ошибку при определении склонения. Точность наших наблюдений вне всякого сомнения, потому что значения величин склонения, установленные в предыдущие дни для близ расположенных пунктов, **[438]** были того же порядка, что и сегодняшнее определение. Кроме того, почти на том же меридиане мы установили в 1773 г., что склонение было 12°8' западнее. Ночью ветер пошел к северо-северо-востоку и дул с большей силой.

19 февраля, воскресенье. В 8 часов утра нам почудилась земля на востоке и юге на принятом нами курсе. Однако, когда мы подошли ближе, то убедились, что это было лишь облако

тумана, которое к полудню рассеялось. До 7 часов продолжали идти на юго-восток. В 7 часов находились на 54°42' ю.ш. и 13°3' в.д. и повернули на северо-запад. Погода была ветреная, шел сильный снег.

20 февраля, понедельник. В 4 часа утра были на 54°30' ю.ш. и 12°33' в.д. Отсюда пошли при свежем юго-западном ветре к северо-востоку, а после полудня склонялись к востоку и шли так до 10 часов вечера. С наступлением темноты легли в дрейф, чтобы ночью не пройти мимо какой-нибудь земли. Впрочем, никаких признаков ее не было.

21 февраля, вторник. В полдень находились на 54°16' ю.ш. и 16°13' в.д. в 5 градусах к востоку от меридиана, на котором, по данным Бувэ, должен находиться мыс Сирконсинсьон.

Я начинал приходить к заключению, что земли этой не существует, но продолжал идти к востоку, слегка склоняясь на юг до 4 часов дня 22 февраля, когда мы были на 54°24' ю.ш. и 19°18' в.д.

Пройдя, придерживаясь широты, указанной Бувэ, расстояние в 13 градусов, я окончательно теперь был убежден, что он принял за берега земли ледяной остров. Трудно допустить, что мы могли пройти мимо земли, якобы открытой Бувэ, как бы незначительна она ни была в том случае, если бы она действительно существовала. Кроме того, с момента, когда мы покинули берега Земли Сандвича, нам не встречались ни малейшие признаки других близких земель. Но даже если бы эти признаки встречались, они все же не являлись бы непреложным свидетельством близости мыса Сирконсинсьон; я убежден, что ни тюлени, ни пингвины, ни другие океанские животные не являются безусловными признаками близости земли. Я допускаю, что они могут быть встречены у берегов южных земель, но разве не видели мы их также и в других частях южного океана.

Имеются, однако, морские птицы, которые явно указывают на близость берега; это, главным образом, бакланы, **[439]** которых мы не видали вдали от земли, глупыши и фрегаты которые также редко далеко залетают в открытое море.

Мы находились всего лишь в двух градусах по долготе от трассы нашего плавания на юг от мыса Доброй Надежды; не имело смысла продолжать путь далее на восток на 54-й параллели, заранее зная, что землю на этих широтах мы не встретим. Но так как обстоятельства позволяли нам рассеять последние ее мления и пройти в поисках земли несколько к югу, я взял курс на юго-восток, предполагая, что она может находиться на этом румбе.

23 февраля, четверг. В 4 часа утра мы были на 55°25' ю.ш. и 23°22' в.д. Определения эти были произведены в ясную погоду по лунным и солнечным обсервациям — возможность, которой из-за туманов и облачности мы были лишены долгое время.

Пройдя ныне места, где, по моим предположениям, можно было еще встретить землю, я уж не мог сомневаться в том, что Бувэ видел лишь ледяной остров.

Ветер отошел к северу и усиливался; начался шторм; как обычно, он сопровождался мокрым снегом. Под нижними парусами мы пошлина восток-северо-восток. Ночью ветер несколько стих и стал дуть с северо-запада, что позволило нам держать ближе к северу; продвигаться далее к югу уже не было нужды.

Глава седьмая

Основные результаты этого путешествия. — Предположение относительно образования ледяных островов. — Дальнейшее плавание до мыса Доброй Надежды

Я обошел океан южного полушария на высоких широтах и совершил это таким образом, что неоспоримо отверг возможность существования материка, который если и может быть обнаружен, то лишь близ полюса, в местах, не доступных для плавания.

Я дважды посетил тропические моря и не только уточнил положение ранее открытых земель, но и открыл много новых. Полагаю, что теперь очень мало остаемся неизведанного в той части океана, где я побывал.

Я льщу себя надеждой, что задачи моего путешествия во всех отношениях выполнены полностью; южнее полушарие достаточно обследовано; положен конец дальнейшим поискам южного материка, который на протяжении двух столетий неизменно привлекал внимание некоторых морских держав и был излюбленным предметом рассуждений для географов всех времен.

Я не стану отрицать, что близ полюса может находиться континент или значительная земля. Напротив, я убежден, что такая земля там есть, и возможно, что мы видели часть ее. Великие холода, огромнее число ледяных островов и плавающих льдов, все это доказывает, что земля на юге должна быть. Я уже привел выше некоторые доводы в пользу того, что южная земля должна лежать к югу **[441]** от Атлантического и Индийского океанов или даже заходить сравнительно далеко на север. К этому я должен еще добавить, что на одних и тех же широтах в этих океанах мы испытывали значительно большие холода, чем в южной. части Тихого океана.

В Тихом океане ртуть редко опускалась ниже точки замерзания, когда мы были на 60-й параллели и на более высоких широтах. В Атлантическом океане она падала ниже этой точки уже на 54-м градусе ю.ш.

Это вызывалось тем, что в Индийском и Атлантическом океанах плавает больше льдов, чем в Тихом, и льды эти заходят значительно дальше к северу, чем в южной части Тихого океана. И если предположить, что льды образуются на суше или в непосредственной близости от нее, в чем я нимало не сомневаюсь, то тогда станет ясным, что и берега южной земли должны простираться в обоих океанах, Атлантическом и Индийском, дальше к северу, чем в Тихом [105].

Образование или сгущение ледяных островов, на мой взгляд, изучено еще очень неполно. Имеются различные точки зрения по этому поводу. Некоторые предполагают, что льды образуются в устьях больших рек или на крупных водопадах, где огромные глыбы льда могут отламываться из-за собственной тяжести. Мои наблюдения не позволяют мне

принять это предположение: никогда не встречали мы в плавающих льдах минералы или другие признаки, позволяющие предположить, что лед образовался в речных водах. Я, кроме того, сомневаюсь, есть ли вообще в полярных землях реки. Мы не видели ни одного ручья ни на берегах острова Георгии, ни на Земле Сандвича. Мы не наблюдали также потоков воды на поверхности ледяных островов. Так что же может заставить нас склониться к мнению о наличии больших рек в южных полярных землях. Все долины там заполнены вечным снегом, толща которого достигает многих фатомов; и в устьевых частях этих долин обычно встречаются ледянке пики большей высоты. Здесь и образуются ледянке острова, но не из открытых, свободных водотоков, а из уплотненного слежавшегося снега, который постоянно накапливается в глубине долин, особенно в зимнее время, не только за счет снегопадов, но и вследствие обвалов огромных масс снега со склонов гор. Зимой путем непрерывного увеличения и уплотнения снеговых, языков в долинах происходит **[442]** выпирание льда в бухты и заливы, что лежат вдоль берега. При этом некоторые бухты сплошь заполняются льдом. Это факт, в котором нельзя сомневаться, так как я наблюдал нечто подобнее даже летом. Ледяные массы до тех пор держатся близ склонов гор и берегов бухт, пока сила сцепления их с поверхностью скал превышает собственный вес этих огромных массивов.

Но по мере накопления льда вес их возрастает, в результате обламываются в море глыбы, порой достигающие колоссальных размеров. Плоская поверхность этих островов свидетельствует, что они образовались в обширных бухтах или просторных долинах.

Ледяные острова с острыми вершинами неравной высоты образуются, вероятно, в узких расселинах или в той части берега, где много утесов и скал, и, следовательно, смерзание снега и накопление его идет на крайне неровной поверхности. Трудно предположить, что снег, если он падает на плоскую поверхность, подобную поверхности моря, может сам по себе образовать ледяные острова с пикообразными вершинами.

Скорее всего такие острова обязаны своей формой очертанию поверхности.

Я отметил в своих наблюдениях, что все острова, вне зависимости от их размера, заканчиваются отвесными утесами из прозрачного льда или смерзшегося снега, которые либо находятся на одной из сторон острова, либо, и это бывает чаще всего, окружают его сплошным кольцом. Часто я наблюдал, что эти утесы имеют неровную поверхность, но гладкую сторону, которая круто обрывается к морю.

Вполне вероятно, что край этот отмечает место отрыва ледяного острова от значительно более крупных ледяных массивов. Когда я принимаю во внимание огромнее количество льдов, которые я видел в этих широтах, и близость к полюсу мест, где они образуются, я не нахожу ничего удивительного в том, что льды, особенно если они не подвергаются воздействию ветров, проникают так далеко на север. Ветры в высоких широтах редко достигают значительной силы. А поэтому и море в некоторых частях южного полушария может замерзать в зимнее время подобно тему, как это имеет место в северном полушарии. На севере зимой покрываются льдом Балтийское море, залив Св. Лаврентия, пролив Бель-Иль и ряд других заливов и больших морей. На юге — даже на сравнительно **[443]** низких широтах — температура летом опускается до 2 градусов ниже нуля, и только высокое содержание солей и сильное волнение препятствуют замерзанию моря. Зимой же, когда холод сковывает море, поверхность его покрывается слоем льда, а за счет снегопадов толщина этих льдов увеличивается в значительной степени. Даже тонкая корочка льда может достичь таким путем большой мощности за очень короткое время.

Таким образом образуются низкие льдины, которые появляются во множестве весной, когда разламываются и распадаются большие ледяные поля. Течение относит эти льдины далеко на север. Должен отметить, что преобладающие направления течений на высоких широтах — северное, северо-восточное и северо-западное. Однако сила их и скорость не очень велики.

Если этот несовершенный рассказ о возникновении удивительных плавающих ледяных островов — плод моих собственных наблюдений — даст мало материала для опытного писателя, то во всяком случае он даст некоторое представление о землях, где образуются льды. Это земли, обреченные природой на вечную стужу, лишенные теплоты солнечных лучей; у меня нет слов для описания их ужасного и дикого вида. Таковы земли, которые мы открыли; но каковы же должны быть страны, расположенные еще дальше к югу. Я с полным основанием предполагаю, что мы видели лучшие из них, самые северные и теплые. Если кто-либо обнаружит решимость и упорство, чтобы разрешить этот вопрос, и проникнет дальше меня на юг, я не буду завидовать славе его открытий. Но должен сказать, что миру его открытия принесут немного пользы.

Я намеревался посетить место недавних французских открытий, но рассудил, что если французы действительно сделали какое-нибудь открытие, то их выводы ничем не могли отличаться от моих. Мы знаем, что они могли открыть лишь остров и, судя по тому, какие холода бывают на широте, где он расположен, остров этот не должен быть плодородным. Кроме того, состояние корабля не позволяло продлить на два месяца плавание в этих бурных морях. Наши паруса и снасти так износились, что рвались чуть ли не ежечасно; а у нас не было материала, чтобы чинить или заменять их. Провизия истощилась, а пополнения вал асов продовольствия нельзя было ожидать. **[444]**

Но люди мои были здоровы и бодры и с радостью изъявили бы готовность идти за мной, куда бы я их ни повел. Я же опасался, что при отсутствии свежей пищи на корабле может вспыхнуть эпидемия цинги. Кроме того, было бы с моей стороны жестокостью подвергать без настоятельной необходимости новым лишениям и трудностям людей, которые столько перенесли во время путешествия. Их поведение заслуживало награды, и я готов был сделать для них все, что было в моей власти.

Воодушевленные примером офицеров, матросы проявили способность стойко переносить любые трудности и опасности,

которые возникали на нашем пути. И эта стойкость не только не ослабела, но возросла после того, как мы остались одни, потеряв из вида «Адвенчур» [106].

Поэтому я решил взять курс к мысу Доброй Надежды и по дороге осмотреть острова Дения и Марсевен, которые показаны на 41 1/2° ю.ш. и в 4 градусах к востоку от мыса Доброй Надежды на карте д-ра Галлея [107].

Я направился на северо-восток при сильном северо-западном ветре и пасмурной погоде. В полдень 25-го видели последние ледяные острова на 52°52' ю.ш. и 26°31' в.д.

1 марта, среда. Ветер стих и отошел к югу, и для того, чтобы не идти курсом Бувэ, я направился на запад на 43°44' ю.ш. и 23°20' в.д.

Необходимо отметить, что в течение всего этого времени дули устойчивые северные ветра, которые сопровождались пасмурной и холодной погодой. Но когда на короткое время они сменялись южными или западными ветрами, небо прояснялось, и перед этим ртуть в барометре подымалась.

3 марта, пятница. В полдень были на 45°8' ю.ш. и 30°50' в.д. Ночь была бурной: юго-западный ветер дул с большой силой, причем короткие шквалы сменялись не менее короткими периодами мертвого штиля. Наши снасти и паруса с трудом выдерживали ярость бури. Некоторые паруса сильно пострадали.

4 марта, суббота. Утром ветер и волнение стихли, и мм кое-как исправили повреждения.

8 марта, среда. Находились на 41°30' ю.ш. и 26°51' в.д. Ртуть в термометре поднялась до 16°,5 С, и мы сменили зимнюю одежду на летнюю. Так как ветра все время удерживались в северо-западном и западном румбах, нам не удавалось сколько-нибудь заметно **[445]** продвинуться на запад. Днем мы видела альбатросов, буревестников и других морских птиц, но не заметили иных признаков земли.

11 марта, суббота. Были на 40°40' ю.ш. и 23°47' в.д. В полдень ветер отошел от северо-запада к юго-западу, температура упала с 16°,5 С до 11° С — таково влияние южных ветров.

12 марта, воскресенье. Воспользовавшись штилем, спустили на воду шлюпку и подстрелили несколько альбатросов и буревестников. Мы были в тех местах, где по карте Галлея должны находиться острова Дения и Марсевен, но не встретили никаких признаков земли.

13 марта, понедельник. Штиль продолжался до 5 часов утра, а затем подул ветер с юга, и мы приняли курс на северо-северо-запад.

В полдень находились на 38°51' ю.ш. Определение это свидетельствовало о том, что данные исчисления широты для этого пункта по лагу значительно расходились с астрономическими данными. Фактически мы оказались на 30 миль севернее, чем предполагали. По показаниям хронометра ясно было, что нас относит также и к востоку. Вероятно, мы вступили в сильное течение, которое наблюдается у африканского берега, между мысом Доброй Надежды и Мадагаскаром. Но я никогда еще не слышал, чтобы влияние этого течения ощущалось на столь значительном расстоянии от берега.

Возможно, что мы попали в полосу других течений, менее регулярных и еще плохо изученных. Однако у нас не было времени для исследования этого явления, и я предоставляю будущим мореплавателям разрешить вопрос, который встал перед нами.

Мы находились в 2 градусах севернее широты, указанной для островов Дения и Марсевен. Ничто не возбуждало в нас желания продолжать поиски этих островов. Затрата времени на поиски или на сбор доказательств, подтверждающих, что острова эти вообще не существуют, несомненно была бы в нашем положении совершенно неоправданной. Все стремились, и по весьма уважительным причинам, скорее попасть в порт: уже долгое время в нашем рационе была только одна солонина. Уступая общему желанию, я направился к мысу

Доброй Надежды. В это время мы находились на 38°38' ю.ш. и 23°37' в.д. **[446]**

14 марта, вторник. Расхождение между показаниями секстана и лага уменьшилось до 17 миль, что свидетельствовало о том, что мы либо вышли из течения, либо сила его заметно уменьшилась.

15 марта, среда. В полдень отметили, что корабль попал в другое течение — юго-западное, т.е. противоположного направления.

16 марта, четверг. На рассвете увидели на северо-западе два паруса, удалявшиеся к западу. На одном из кораблей был голландский флаг.

В полдень повернули к западу, будучи на 39°9' ю.ш. и 22°38' в.д. Следуя инструкциям, я потребовал, чтобы все офицеры и унтер-офицеры сдали мне свои дневники и журналы. Все полученное от них я опечатал для последующей передачи в Адмиралтейство.

Всему экипажу я приказал не разглашать, вплоть до получения на то разрешения от первого лорда Адмиралтейства, никаких сведений, относящихся к маршруту нашего плавания. После полудня ветер отклонился к западу и весьма усилился.

17 марта, пятница. В полдень были на 34°49' ю.ш. и 22° в.д. Глубина моря была 56 фатомов. Вечером увидели землю на востоке-северо-востоке, на расстоянии 6 лиг. Ночью в этом направлении заметно было яркое пламя.

18 марта, суббота. Вновь увидели землю на севере-северо-западе на расстоянии 6 или 7 лиг. Глубина моря была 48 фатомов. В 9 часов, когда ветер стих, спустили на воду шлюпку и направили ее к одному из кораблей, о которых я ранее упоминал. Этот корабль был теперь на дистанции 2 лиг от нас. Мы были настолько охвачены желанием услышать новости, что расстояние это казалось всем чрезвычайно большим.

Вскоре подул западный ветер, и мы направились к югу. На горизонте показались еще три корабля, один из. них под британским флагом.

В час дня шлюпка вернулась. Она посетила корабль Голландской Ост-Индской компании, который шел из Бенгалии. Голландский капитан охотно поделился с нами запасами сахара и рисовой водкой. Английские матросы, что были на борту этого корабля, сообщили, что «Адвенчур» 12 месяцев назад прибыл на мыс Доброй Надежды. Они рассказали нам, что экипаж одной из шлюпок **[447]** «Адвенчура» был истреблен и съеден туземцами на берегах Новой Зеландии. Таким образом развеялся покров тайны, который окружал историю, поведанную нам в проливе Королевы Шарлотты.

19 марта, воскресенье. Встретились с британским кораблем, который шел из Китая. Капитану этого корабля я передал письмо в Адмиралтейство, так как он шел прямо в Англию без остановки в Кейптауне.

Рассказ о случившемся на «Адвенчуре» подтвердили и британские моряки. Мы получили пачку старых газет, которые оказались новыми для нас. С предупредительностью, свойственной командирам кораблей Ост-Индской компании, капитан снабдил нас чаем и другими весьма свежими продуктами.

20 марта, понедельник. В 6 часов вечера мы находились в 5 или 6 лигах к востоку от Игольного мыса. До полуночи шли вдали от берега, а затем при южном ветре повернули к западу. Ветер все время усиливался и вскоре превратился в ураган, приняв восточно-юго-восточнее направление.

21 марта, вторник. Буря к утру стихла, и мы направились к берегу. В полдень Столовая гора над Кейптауном была на северо-востоке, в 10 лигах от нас.

Сопоставление отметок долготы, исчисленной по пеленгу на Столовую гору и по хронометру, показало, что ошибка в определении хронометром была лишь 18 минут (к востоку).

Должен отметить, что на пути из Новой Зеландии расхождение между данными лунных наблюдений и данными хронометра расходились не более как на 1/2 градуса.

22 марта, среда. В среду 28 марта или по счету, принятому здесь, во вторник 21 марта мы бросили якорь в Столовой бухте, где застали несколько голландских и французских кораблей и одно судно британской Ост-Индской компании, которое из Китая шло в Англию. Я вручил капитану этого судна копию своего корабельного журнала и несколько карт для передачи Адмиралтейству.

Перед тем, как стать на якорь, я направил к губернатору офицера, чтобы известить его о нашем прибытии и испросить у него содействия в снабжении корабля всем необходимым. Губернатор охотно согласился оказать нам в этом помощь. По возвращении офицера я **[448]** приказал салютовать гарнизону залпом из 13 пушек и получил ответное приветствие таким же числом выстрелов.

Я получил письмо от капитана Фюрно, из которого узнал, что в проливе Королевы Шарлотты он потерял шлюпку и 10 своих лучших людей. Уже в Англии капитан Фюрно передал мне подробный отчет о событиях, которые произошли во время плавания «Адвенчура» с момента нашей вторичной разлуки. Отчет этот я привожу в следующей главе.

Глава восьмая

Рассказ капитана Фюрно о событиях, которые произошли во время плавания на «Адвенчуре» со времени разлучения с «Резолюшн» до прибытия корабля в Англию. — Рапорт второго помощника Барни об истреблении экипажа шлюпки туземцами с берегов пролива Королевы Шарлотты

За 14 дней мы прошли путь от острова Амстердам до берегов Новой Зеландии, которых мы достигли в виду Столового мыса в октябре месяце 1773 г. Далее мы пошли вдоль берега вплоть до мыса Торнагейн. В этом пункте сильный западный ветер отнес «Адвенчур» в открытое море, и я потерял из вида «Резолюшн» и больше уже не встречал на своем пути этот корабль.

4 ноября, четверг. 4 ноября мы подошли к берегу у мыса Пеллизер. Нас посетили туземцы, которые охотно меняли рыбу на гвозди и таитянские ткани. Сильный западный ветер отнес нас от берега и вынудил в течение двух дней пролежать в дрейфе. Все время дул сильный, порывистый ветер с дождем. Палубы протекали, и вода, проникая во внутренние помещения, вызывала постоянную сырость. Умножались случаи простудных заболеваний, все матросы жаловались на холод. Я лишился надежды не только встретиться с «Резолюшн», но и дойти до пролива Королевы Шарлотты.

6 ноября. Отсутствие дров и пресной воды, особенно последней (у нас оставался запас ее на 6—7 дней, и приходилось выдавать воду лишь по кварте на человека), заставило меня предпринять попытку найти удобную якорную стоянку. **[450]**

9 ноября. Стали на якорь в бухте Толага на 38°21' ю.ш. и 178°37' в.д. Бухта эта защищена только от западных ветров. На берегах ее удобно пополнять запасы топлива и воды. Глубина бухты от 5 до 11 фатомов, дно илистое.

Туземцы здесь были такие же, как на берегах пролива Королевы Шарлотты, но более многочисленные и, по-видимому, ведущие оседлый образ жизни. У них были плантация сладкого картофеля и других клубнеплодов, возделанные довольно хорошо. Рыбы туземцы имели вдоволь, и выменивали ее на гвозди, бусы и безделушки по очень низкой цене. В одном из каное мы видели отрубленную и уже совершенно иссохшую женскую голову, украшенную перьями. Черты лица сохранились настолько хорошо, что издали казалось будто голова эта принадлежит живому человеку.

12 ноября, пятница. Запасшись водой (мы наполнили здесь 10 бочек) и дровами, я отправился к проливу Королевы Шарлотты.

13 ноября, суббота. Однако сильный противный ветер принудил нас вернуться в бухту и снова стать в ней на якорь. Я стал опасаться, что с «Резолюшн» мне встретиться уже не придется, так как своевременно поспеть к берегам пролива Шарлотты мы не могли, а «Резолюшн», вероятно, уже готовился к отплытию в открытое мэре.

Во время вторичной стоянки в бухте мы исправили снасти и починили паруса, сильно поврежденные за время нашего плавания у новозеландских берегов. К 16 ноября корабль был подготовлен к выходу в море. Выйдя 16-го из бухты, мы до 30 ноября лавировали у входа в пролив. Противные ветра препятствовали кораблю войти в проход, соединяющий пролив с морем.

30 ноября, вторник. Пользуясь попутным ветром, вошли в пролив Королевы Шарлотты и бросили якорь в бухте, которая была назначена для встречи с «Резолюшн». Сперва не обнаружили никаких следов пребывания «Резолюшн» в бухте, но затем, высадившись на берег, я обнаружил места, где стояли палатки. На одном из деревьев я увидел надпись — «смотрите внизу».

Декабрь. Мы выкопали под деревом яму и нашли запечатанную бутылку, в которой было письмо капитана Кука. В письме он извещал меня, что прибыл в бухту 3 ноября и отправился из нее 24 ноября, и что он намерен **[451]** затратить несколько дней на поиски «Адвенчура» у входа в пролив.

Мы немедленно приступили к работам по приведению судна в состояние готовности к дальнейшему плаванию. На берегу были разбиты палатки, бондари принялись чинить бочки. Было приступлено к сортировке сухарей. При вскрытии ящиков, где они хранились, оказалось, что большая часть их пришла в негодность. Те же, что еще были не совсем испорчены, основательно подмокли и нуждались в длительной сушке. Я велел перенести на берег медную печь, чтобы ускорить просушивание сухарей.

Туземцы часто посещали нас и меняли рыбу на гвозди и безделушки. Их отношение к нам было по всем признакам дружественным. Правда, дважды они пытались в ночное время обокрасть наши палатки, но каждый раз часовые своевременно предупреждали намерения туземцев.

17 декабря, пятница. 17-го, закончив подготовку к отплытию и пополнив запасы воды и дров, я решил послать за зеленью большую шлюпку под командой мидшипмена Рау. Я приказал

ему к вечеру возвратиться на корабль, так как на завтрашнее утро был намечен выход в море.

18 декабря, суббота. Но шлюпка не возвратилась ни к вечеру, ни на следующее утро, и я направил на поиски ее второго помощника Барни с десятью матросами.

Я дал указание Барни сперва осмотреть Восточную бухту, а затем отправиться в Травяную бухту, куда был послан Рау. Если же и там не удалось бы ничего узнать о судьбе шлюпки, Барни надлежало обследовать западный берег пролива.

Рау покинул корабль за час до назначенного ему срока отплытия и собирался с величайшей поспешностью. Поэтому я предполагал, что он имел намерение осмотреть Восточную бухту, где наши люди еще не были. Там или в другом месте с шлюпкой могло что-либо случиться или по неосторожности Рау, или вследствие столкновения шлюпки с подводными камнями. Таково было общее мнение всего экипажа, и поэтому Барни захватил с собой запасную мачту и несколько листов слова.

Я и в мыслях не имел, что мои люди могут сказаться жертвой туземцев: ведь шлюпки, гораздо хуже снаряженные, часто заходили очень далеко и никогда у моряков **[452]** не было столкновений с островитянами. Однако вскоре выяснилось, насколько ошибочным было мое убеждение: в 8 часов вечера Барни вернулся на борт и доложил мне о чудовищном происшествии, которое не может быть описано лучше, чем словами его собственного рапорта.

«18-го мы покинули корабль и на легком попутном ветре обошли Долгий остров и оставили за собой Длинный мыс. Я осматривал по пути каждую бухту с правой стороны шлюпки, внимательно обозревал в подзорную трубу берега. В половине второго дня мы пристали к песчаному берегу, что лежит при входе в Восточную бухту с левой стороны. Там мы пообедали, сварив суп, так как ничего, кроме сырого мяса, не захватили с собой. Во время варки пищи я заметил на противоположном берегу бухты туземца, который стремглав бежал по направлению к ее внутренней части. Пообедав, мы сели в

шлюпку и поплыли к внутренней излучине бухты, где нашли туземное селение.

В то время, когда мы приблизились к берегу, несколько туземцев, стоящих на скалах, делали нам знаки, приглашая нас в селение. Но они изменили свое поведение, убедившись, что мы не обращаем внимания на их жесты. Высадившись на берег, мы обнаружили на песчаном пляже 6 больших каное (большинство из них было двойными) и много туземцев. Впрочем, можно было, судя по числу хижин и размерам каное, ожидать, что их будет здесь гораздо больше.

Оставив в шлюпке охрану, я с капралом и пятью солдатами морской пехоты отправился в глубь берега и обыскал большую часть хижин. Однако мне не удалось обнаружить ничего, вызывающего подозрения.

Три или четыре хорошо утоптанных тропинки вели от селения в лес, где виднелось много туземных хижин. Туземцы приняли меня дружелюбно, и я решил прекратить наши поиски в этом месте. На берегу я увидел, что один из туземцев принес связку «хепату» (длинных копий). Заметив мои настороженные и недоверчивые взгляды, он положил эту связку на землю и удалился с независимым, но не вызывающим видом. Я роздал большие гвозди и увеличительные стекла некоторым туземцам.

От этого места берег бухты поворачивал к северо-северо-западу, и на протяжении мили шел в отмеченном направлении; вдали виднелся длинный песчаный пляж. **[453]**

В подзорную трубу я не обнаружил на этом берегу ни каное, ни хижин, ни туземцев. Отчаливая от берега, я дал несколько выстрелов; такие сигналы я подавал в каждой бухте, куда заходил в поисках пропавшей шлюпки. . Мы плыли, держась близ берега и вскоре обнаружили еще одно селение, обитатели которого встретили нас любезно и продали немного рыбы. Об исчезнувшей шлюпке они ничего не знали. Спустя час мы покинули это место и, продолжая поиски, обнаружили на узкой песчаной косе, соединяющейся с берегом Травяной бухты, только что прибывшее каное. В нем мы заметили человека с собакой. При виде нас туземец бросился бежать и скрылся в

лесу. Его поведение возбудило у меня некоторые подозрения, и я решил, что именно здесь мне удастся кое-что узнать о шлюпке. Мы высадились на берег, обыскали каное и нашли башмаки. Один из них принадлежал Вудхаузу, одному из наших мидшипменов. Кроме того, мы нашли кусок мяса, который сперва я принял за солонину. Однако при внимательном осмотре оказалось, что это мясо свежее. Штурман Фаннин, бывший со мной, предположил, что это собачье мясо, и я согласился с ним, так как все еще сомневался в том, что здешние туземцы каннибалы. Но скоро нас в этом убедила неопровержимая и ужасная улика.

На берегу мы нашли два десятка закрытых и перевязанных бечевками корзинок. Открыв их, мы увидели, что они наполнены жареным мясом и корнями папоротника, которые употребляются туземцами как хлеб. Продолжая рыться в содержимом корзинок, мы нашли башмаки и руку. По вытатуированным на руке буквам Т. X. мы сразу установили, что это была рука матроса Томаса Хилла.

Я углубился с маленьким вооруженным отрядом в лес, но там мы ничего не обнаружили. Вернувшись на берег, я нашел круглую насыпь диаметром около 4 фут. Судя по тому, что земля здесь была совсем еще свежая, я решил, что это недавно засыпанная яма. У нас не было лопат, и матросы начали раскапывать яму тесаками. В то же время я распорядился вытащить каное на берег и уничтожить его. Однако внезапно из-за соседнего холма показался клуб дыма, и я, посадив людей в шлюпку, отправился дальше, чтобы до захода солнца добраться до места, откуда подымался этот дым. Войдя в ближайший залив, который [454] и был Травяной бухтой, я увидел 4 каное — одно одинарное и три двойных, и множество туземцев на берегу. При нашем приближении они отошли к небольшому холму, расположенному на расстоянии корабельного корпуса от берега и принялись о чем-то оживленно беседовать, беспрестанно указывая на нас. На вершине горы за лесом горел большой костер. И в лесу, и на склонах холма народ теснился, как на ярмарке.

Когда мы подошли к берегу, я велел разрядить мушкет по одному из каное, подозревая, что на дне его прячутся люди. Многие спрыгнули из каное в воду, и на лодках не осталось ни одного человека.

Дикари, что стояли на холме, страшно вопили и знаками приглашали нас высадиться. Но мы не решались выйти на берег, пока они толпились на нем. Я решил разогнать их выстрелами. Первый залп не произвел на них должного впечатления, но при втором залпе они быстро начали карабкаться вверх по склону холма. Некоторые при этом дико завывали.

Мы продолжали стрелять до тех пор, пока не удостоверились, что в кустах близ берега не осталось ни одного человека. Среди туземцев мы заметили двух рослых мужчин, которые не сходили с места до тех пор, пока не увидели, что все соплеменники покинули их. Но и тогда они ретировались, сохраняя достоинство, ступая медленным шагом. Гордость не позволяла им обратиться в бегство. Один из них, впрочем, упал и пополз дальше на четвереньках.

Когда мы очистили берег от туземцев, я пристал к нему и высадился с отрядом солдат морской пехоты, поручив Фаннину охрану шлюпки. На берегу я увидел две связки лука, собранного матросами Рау, и сломанное весло, воткнутое в землю. К нему туземцы привязали свои каное. Все это свидетельствовало о том, что нападение было сделано на наших моряков именно здесь.

Мы не нашли шлюпки, но восстановили весь ход событий. Перед нами ясно предстала ужасающая сцена резни, о которой никто из нас не может вспомнить без содрогания. На берегу везде были разбросаны головы, сердца, легкие наших людей. Неподалеку собаки с урчанием рылись в окровавленных внутренностях.

Мы в совершенном оцепенении смотрели на эти страшные останки. Из этого состояния нас вывел голос **[455]** Фаннина. Из шлюпки он увидел, что кучки туземцев, скрываясь за деревьями, ползут к берегу.

Я вернулся к шлюпке и приказал уничтожить три каное. В это время костер на горе погас, и туземцы огласили лес громкими криками. Вероятно, они спорили, стоит ли для спасения каное атаковать нас. Темнело, и мне не удалось продолжить поиски, чтобы найти шлюпку. Напасть на туземцев я не мог, так как располагал небольшим числом людей. Кроме того, половину своего экипажа я должен был бы в случае вооруженной атаки на их стоянку оставить для охраны шлюпки.

Когда мы проходили, возвращаясь к кораблю, вдоль берегов пролива, я увидел в трех-четырех милях от входа в него огни костров, которые горели у подножья холма близ берега. Эти костры были расположены таким образом, что их пламя очерчивало в темноте правильный овал. Я посоветовался с Фанниным, и мы решили не предпринимать никаких действий против туземцев, так как убийство нескольких дикарей не могло нам дать должного удовлетворения.

Покидая Травяную бухту, мы дали залп по укрывающимся в лесу туземцам. Но порох отсырел, и четыре мушкета дали осечку. Что еще хуже — начался дождь, и боеприпасы у нас иссякли, а в одном месте мы увидели неподалеку от нас 6 больших каное. При таких обстоятельствах о возмездии нечего было и думать.

Когда мы проходили мимо двух круглых островов, расположенных южнее Восточной бухты, нам почудилось что кто-то призывает нас. Подняв весла, мы некоторое время прислушивались, но не услышали больше ничего. Убитые не говорят, а я думаю, что все, кто был на шлюпке, пали на песчаном берегу в Травяной бухте».

Таков рапорт Барни. И чтобы дополнить его сообщение об этом трагическом происшествии, я должен сообщить имена тех, кто погиб вместе с мидшипменом Рау: мидшипмен Вудхауз, рулевой Френсис Мерфи, матросы Уильям Феей, Томас Хилл, Майкл Велл, Эдвард Джонс; солдаты Джон Кавено и Томас Милтон и слуга капитана «Адвенчура» Джемс Севилли. Всего погибло 10 человек. Большинство из них были наши лучшие моряки, самые здоровые и рослые во всем экипаже.

Барни привез две руки — одна принадлежала Томасу Хиллу, другая Рау и голову моего слуги. Эти останки **[456]** были зашиты в парусину и по морскому обычаю с надлежащим балластом опушены за борт.

Ни оружие, ни одежда убитых не были найдены, за исключением пары брюк, куртки и шести разрозненных башмаков.

Я не думаю, чтобы дикари имели предварительно разработанный план атаки. В то утро, когда Рау покинул корабль, два каное прибыли в Корабельную бухту и стояли здесь до полудня.

Вероятно, стычка с туземцами произошла из-за ссоры, которая завязалась на берегу Травяной бухты. Воспользовавшись случаем, туземцы напали на наших людей и застигли их врасплох, что не удивительно, так как моряки, чувствуя себя в безопасности, часто вели себя крайне неосторожно.

Кроме того, решимость новозеландцев укреплялась тем, что они видели недостатки наших ружей. Они знали, что для перезарядки мушкета требуется затратить много времени, и что кроме того ружья наши часто дают осечку или промахи.

Я полагаю, что после одержанной над нами победы туземцы собрались на генеральную сходку на восточном берегу пролива. Туземцы из бухты Бакланов были там тоже.

Противные ветра задержали нас в бухте на четыре дня и в течение этого времени мы не видели туземцев.

Достойно удивления, что когда я ездил на берег бухты с капитаном Куком, мы не нашли там жителей и видели лишь следы давно покинутых стоянок. Ныне же, по словам Барни, на берегах бухты обитало не менее 1 500—2 000 человек.

Я не сомневаюсь, что если бы туземцы заранее знали час прибытия Барни, они напали бы на него. Поэтому я счел, что было бы большой неосторожностью снова посылать к месту

происшествия шлюпку, тем более, что мы были уверены, что никто из спутников Рау не остался в живых [108].

23 декабря, четверг. 23-го мы снялись с якоря и пошли к востоку, чтобы уйти из пролива, но в течение нескольких дней не могли выйти в открытое море вследствие безветрия.

Затем мы взяли курс на юго-юго-восток и дошли До 56-й широты, не встретив по пути ничего, достойного упоминания. Волнение все время отмечалось на юг. Ветер **[457]** дул почти все время с юго-запада, погода была очень холодная. Так как судно сидело низко, будучи сильно перегруженным, волны перекатывались через него, и во внутренних помещениях было очень сыро. От воды не было спасения ни на палубе, ни в каютах, и люди не могли обсушиться и найти место, где бы их не донимала пронизывающая сырость.

Птицы были нашими единственными спутниками в этом необозримом океане. Время от времени встречались киты, морские свиньи и одиночные тюлени. Пингвинов попадалось немного.

На 58° ю.ш. и 147° з.д. мы увидели плавающие льды и, пока шли к востоку, все время встречали ледяные острова.

Мы открыли сильное восточное течение и узнали об этом, когда оказались, следуя вдоль 61-й параллели, на траверзе мыса Горн, так как истинная долгота в этом пункте была на 8 градусов восточнее определенной по счислению курса.

Мы потратили месяц с лишним на переход от мыса Пеллизер в Новой Зеландии до мыса Горн, и за это время прошли расстояние, равное 121 градусу при постоянных юго-западных и северо-западных ветрах и волнении под теми же румбами.

У нас испортились мука и горох, и недостаток продовольствия вынуждал меня как можно скорее добраться до мыса Доброй Надежды на широте мыса Сирконсинсьон. После того, как мы обошли мыс Горн и отправились на восток, ветра отошли от западных румбов к северу и неизменно сопровождались густыми туманами. Иногда в течение многих дней солнце ни

разу не показывалось, и астрономические наблюдения были невозможны.

Часто встречались ледяные острова, и мы старались обходить их, чтобы не подвергать корабль опасности столкновения с ними. Так как «Адвенчур» был одинок, следовало соблюдать особую осторожность.

Наши люди жаловались на холод и на ломоту в суставах, что заставило меня отойти к северу. Впрочем, погода и на более низких широтах была не лучше, и мы по-прежнему лишены были возможности производить наблюдения, необходимые для исчисления долготы. Дойдя до 54° широты, я пошел на восток с тем, чтобы отыскать открытую Бувэ землю, если это окажется возможным. По мере **[458]** продвижения к востоку число ледяных островов возрастало, и опасности множились. Появилось много мелких глыб, с трудом различимых на близком расстоянии; ночи стали темнее.

1774 г., март. 3 марта были на 54°41 ю.ш. и 13° в.д., т.е. на широте, где должен находиться мыс, открытый Бувэ, и в 1/2 градуса к востоку от него, но не обнаружили никаких признаков близости земли. Я прошел и дальше вдоль 54-й параллели и снова не встретил земли. При нашем плавании к югу мы обследовали пространство в три-четыре градуса по широте близ параллели, указанной Бувэ, близ отмеченных им же долгот и не обнаружили земли.

Либо Бувэ открыл незначительный островок, либо, и это вероятнее всего, он встретил ледяной остров. Нам тоже часто казалось, что вблизи видны берега, но каждый раз мы убеждались, что то была не земля, а высокие ледяные острова, за поясом больших ледяных же полей. Нет ничего удивительного, если в густом тумане Бувэ ошибочно принял такой остров за землю.

7 марта были на 48°30' ю.ш. и 14°26' в.д. и видели два ледяных острова.

17 марта показались берега мыса Доброй Надежды, а 19-го числа мы бросили якорь в Столовой бухте.

16 апреля, 14 июля. В этой бухте оставался до 16 апреля, ремонтируя корабль. 16-го числа я вышел из Кейптауна и 14 июля бросил якорь в Спитхеде.

Глава девятая

Пребывание на мысе Доброй Надежды. — Сообщение об открытиях, сделанных французами. — Отплытие «Резолюшн» к острову Св. Елены

На следующий день после прибытия на мыс Доброй Надежды меня и ставших офицеров весьма любезно принял губернатор, барон Плеттенберг. Губернатор сделал все возможное, чтобы наше пребывание здесь было приятным. Мы получили в изобилии все, в чем испытывали нужду, а наши люди имели возможность превосходно отдохнуть здесь после трудов и лишений долгого плавания.

На мысе Доброй Надежды существует гостеприимный обычай, который заключается в том, что все офицеры переселяются с кораблей на берег. Не нарушая этот обычай, я с обоими Форстерами и Спаррманом переехал к Брандту, джентльмену, чья готовность оказать поддержку англичанам хорошо известна.

Первым делом я позаботился о том, чтобы снабдить экипаж хлебом свежей выпечки, мясом, зеленью и вином. Матросы, получая свежую пищу, быстро стали набирать силы. Только троих человек я должен был отправить на берег для того, чтобы они могли там быстрее восстановить пошатнувшееся здоровье. Я снял для них квартиры и распорядился, чтобы им доставляли туда съестные припасы и напитки.

Мы приступили к исправлению повреждений на корабле. Для этого, получив разрешение, мы разбили палатку **[460]** на берегу и направили туда бочки и паруса, которые требовали ремонта и починки. Затем мы спустили нижние реи и стеньги, чтобы сменить такелаж. Пришлось купить много новых снастей и заплатить за это невероятно дорого. На всех морских припасах голландцы как здесь, так и в Батавии бесстыдно наживаются, используя бедственное положение иностранцев.

Мы не были удивлены, когда увидели в какое состояние пришли наши снасти и паруса: ведь во время кругосветного плавания с того момента, когда мы покинули мыс Доброй Надежды в 1772 г., мы прошли не менее 20 000 лиг, т.е. расстояние, равное тройной длине экватора. Я думаю, что ни один корабль не совершал столь длинного плавания за такой короткий промежуток времени. И при этом, посетив все широты от 9-й до 71-й, мы сохранили все мачты, не потеряли ни одной стеньги, ни разу не имели обрыва вант. Все это должно приписать усердию и великой заботливости моих офицеров и превосходным качествам нашего корабля.

В бухте стоял корабль Французской Ост-Индской компании «Аякс», который шел под командой капитана Крозе в Пондишерра. Капитан Крозе командовал одним из кораблей экспедиции капитана Мариона, которая, как я уже упоминал, вышла из Кейптауна в марте 1772 года.

По пути в Америку корабли Мариона остановились у берегов Новой Зеландии, в Островной бухте. Там Марион и некоторые его спутники были убиты туземцами. Капитан Крозе принял под свою команду оба корабля и через Филиппинские острова вернулся к острову Св. Маврикия, где эта экспедиция была снаряжена.

Из бесед с капитаном Крозе я вынес убеждение, что им владел подлинный дух открытий, и что он был человеком с большими способностями. Он любезнейшим образом предоставил в мое распоряжение карту, на которую были нанесены не только результаты его собственных открытий, но и открытий капитана Кергелена. На этой карте было точно указано положение земли, что открыл Кергелен. Она находилась в тех местах, которые мы весьма тщательно обследовали. Удивительно, как могли мы оба, я и капитан Фюрно, пройти мимо этой земли. По словам Крозе, — это длинный и узкий остров, вытянутый с запада на восток. **[461]**

Кроме того, Крозе сообщил мне, что капитан Марион открыл на 48° широты между 16 и 30-м градусами восточной долготы (исчисленной от меридиана мыса Доброй Надежды) шесть

высоких и пустынных островов. Эти острова и еще несколько островков, лежащих между экватором и тропиком Козерога в Тихом океане, были главными открытиями французской экспедиции. Описание этого путешествия было уже подготовлено к публикации.

На карте капитана Крозе была нанесена также трасса плавания через южную часть Тихого океана капитана Сюрвиля, который получил в 1769 г. разрешение организовать торговую экспедицию к берегам Перу. При этом ему было поставлено условие — предпринять все возможное для открытия новых земель в Тихом океане. Он захватил груз в Ост-Индии, взял курс на Филиппинские острова, прошел мимо Новой Британии и открыл землю на 10° ю.ш. и 158° в.д., которой присвоил свое собственное имя. Оттуда он повернул на юг, проследовал несколькими градусами западнее Новой Каледонии, достиг северной оконечности Новой Зеландии и остановился в бухте Сомнительной, где, как кажется, он был, когда я плавал у берегов Новой Зеландии на «Индеворе» От новой Зеландии капитан Сюрвиль отправился на восток и, следуя в интервале между 35 и 41° ю.ш., дошел до берегов Америки. При попытке высадиться в порту Кальяо, он утонул.

Эти путешествия французов, хотя и совершенные частными мореплавателями-предпринимателями, способствовали расширению наших сведений о Южном океане. В частности плавание капитана Сюрвиля позволило мне установить, что я ошибался, когда предполагал, что отмели вдоль западного берега Новой Каледонии простираются до самой Новой Голландии. Капитан Сюрвиль доказал, что между Новой Каледонией и Новой Голландией имеется открытый проход: он видел северо-западную оконечность Новой Каледонии.

От капитана Крозе я узнал, что судно, которое заходило на Таити, незадолго до моего первого посещения этого острова, было снаряжено в Новой Испании [109]. На обратном пути испанцы открыли несколько островов на 32° ю.ш. и 130° з.д. Некоторые острова, которые, по слухам, открыли испанские мореплаватели, также были нанесены на карту Крозе. Однако он сомневался в достоверности **[462]** этих открытий, так как

сведения о них были получены из источников, не внушающих доверия.

Он сообщил мне о результатах последнего путешествия, предпринятого французами под командой Кергелена. Это плавание окончилось не к чести руководителя экспедиции.

В период нашего пребывания в Столовой бухте туда заходили на пути в Индию и Европу различные иностранные корабли: английские, французские, датские и шведские. Я видел здесь три испанских фрегата — два из них шли в Манилу, один оттуда возвращался. Испанские суда стали останавливаться у мыса Доброй Надежды лишь в последнее время. А эти фрегаты были первыми испанскими кораблями, которые получили те же привилегии, что и суда дружественных Голландии европейских держав.

При осмотре руля выяснилось, что он нуждается в основательном ремонте. Пришлось его отцепить и отвезти для ремонта на берег.

Необходимо было проконопатить корабль перед выходом в море, но у нас конопатчиков не хватало. Я нанял на голландском корабле двух матросов, сведущих в этом ремесле. Кроме того, двух конопатчиков уступил мне капитан одного судна Британской Ост-Индской компании [110].

26 апреля. 26 апреля эти работы были закончены. Мы привезли на борт свежие припасы и воду и отдали прощальные визиты губернатору и старшим чиновникам.

27 апреля. При попутном ветре мы снялись с якоря и вышли в море вместе с британским кораблем «Дьюттон», обменявшись салютами с городской крепостью. Мы взяли курс прямо к острову Св. Елены. В течение первых шести дней мы следовали этим курсом при южных и юго-восточных ветрах и дошли до 27° ю.ш. и 11 1/2° з.д. (от мыса Доброй Надежды). Затем мы попали в полосу двухдневного штиля и маловетрия, и остаток пути до острова Св. Елены прошли при юго-восточных ветрах.

15 мая, понедельник. На рассвете увидели берега острова Св. Елены на расстоянии 14 лиг, а в полночь бросили якорь на рейде перед городом на северо-западной стороне острова.

16 мая, вторник. Губернатор принял меня весьма любезно и оказывал нам во время нашего пребывания на острове всевозможное содействие. **[463]**

Тот, кто ознакомится внимательно с современным состоянием острова, навряд ли обвинит его обитателей в недостатке предприимчивости. Быть может жители Св. Елены обращают чересчур большое внимание на пастбища в ущерб зерновым культурам, огородам и садам. Но в этом не их вина, а Ост-Индской компании. Компания и ее служащие владеют большей частью земель на острове, а без трудолюбивых земледельцев остров никогда не будет цветущим и не будет в состоянии снабжать корабли необходимыми припасами.

За три года, что истекли с момента моего последнего посещения острова, здесь было построено много зданий и проведены работы по оборудованию гавани.

На острове Св. Елены мы приобрели отличную говядину — единственный вид провианта, который могут здесь в должном количестве получить корабли; запаслись свежей водой и закончили ремонтные работы, которые не успели завершить на мысе Доброй Надежды.

Глава десятая

Переход от острова Св. Елены к Западным (Азорским) островам. — Описание острова Вознесения и Фернандо Норонья

Двадцать первого мая, в воскресенье вечером, я попрощался с губернатором и вышел из гавани. Капитан «Дьюттона» решил взять курс на северо-запад и не заходить по пути на остров Вознесения. Он сообщил мне, что на берегах этого острова суда Ост-Индской компании ведут незаконную торговлю с северо-американскими кораблями. Американские корабли в последние годы стали часто посещать остров, якобы для ловли

черепах и китобойного промысла. В действительности же они выжидают здесь прихода судов из Индии.

Чтобы избежать обвинения в контрабандной торговле, капитан «Дьюттона» намерен был следовать в Англию в обход острова Вознесения. До 24 мая мы шли вместе, а затем расстались. Я передал на «Дьюттон» пакет, который необходимо было доставить в Адмиралтейство, и направился к острову Вознесения.

28 мая, воскресенье. Вечером 28 мая я бросил якорь в Крестовой бухте на северо-западном берегу острова, на глубине 10 фатомов, в полумиле от берега.

31 мая, среда. Мы простояли здесь до 31 мая, и каждую ночь я посылал людей на ловлю черепах. Удалось поймать всего лишь 24 черепахи: очевидно сезон, благоприятный для ловли, еще не наступил. Однако мы не остались **[465]** в убытке — каждая черепаха весила от 400 до 500 фунтов. Рыбой здесь запастись можно было вдоволь. Но охота на чередах — занятие куда более выгодное, чем рыбная ловля.

На острове много диких коз и морских птиц: фрегатов, глупышей и др.

Остров Вознесения вытянут с северо-запада на юго-восток и имеет в длину около 10 миль и в ширину 5—6 миль. Поверхность его холмистая, склоны холмов обнажены и бесплодны. Можно пройти несколько миль и не встретить ни одной травинки и ни одного кустика. Лишь камни и песок или, точнее говоря, лава и пепел в изобилии встречаются на пути. И то и другое — несомненные признаки, свидетельствующие о том, что в давние времена остров был разрушен деятельностью вулкана, который извергал не только глыбы камня, но целые скалы. Между этими глыбами мы обнаружили впадины, заполненные песком и пеплом. Ходить по такому грунту не трудно, но зато прогулка по усеянным камнями холмам столь же приятна, как хождение по дороге, вымощенной осколками бутылочного стекла. Каждый неверный шаг грозил здесь либо переломом ноги, либо глубокими порезами, и этой участи не избежали многие мои спутники.

Вероятно лишь высокая гора на юго-восточной оконечности острова сохранилась в своем первозданном виде и не подверглась всеобщему разрушению. Почва на ее склонах — род белого мергеля — не стала еще совершенно бесплодной. Мы обнаружили один вид портулака, молочай и один или два вида трав. Именно в этой части острова пасутся козы.

Мне говорили, что эта земля настолько плодородна, что может быть возделана под различные культуры, и в частности, под огороды. Слышал я также, что в одной из долин острова имеется источник. Кроме того, человек, который рассказал мне о достопримечательностях острова, сообщил, что в трещинах и выемках в скалах долгое время задерживается дождевая вода. Но подобные количества воды достаточны лишь, чтобы утолить жажду путника или людей, которые будут иметь несчастье попасть на этот остров вследствие кораблекрушения.

Вероятно такая участь постигла экипаж какого-то судна некоторое время назад, и обломки корабля мы видели на северо-восточном берегу острова. Судя по некоторым **[466]** признакам, у берегов острова разбилось судно водоизмещением в 100 или 150 т.

Во время нашей стоянки в бухту вошел 60-тонный шлюп. Он вышел из Нью-Йорка в феврале и направлялся с различными товарами к берегам Гвинеи. Сюда он зашел, по словам шкипера Гревса, чтобы наловить черепах и отвезти их на остров Барбадос. Быть может в этом была известная доля истины, но я думаю, что главное намерение шкипера было иное: у острова он поджидал суда, идущие из Индии [111].

Шлюп с Бермудских островов за несколько дней до нашего прихода вывез с острова 105 черепах. Больше он не мог взять с собой, и поэтому бермудские моряки выпотрошили массу остальных, пойманных ими черепах, забрали с собой их яйца и оставили мясо гнить на берегу: поступок в равной мере бесчеловечный и вредный для тех, кто явился на остров после них.

Сведения о внутренней части острова я частично получил от Гревса, который произвел на меня впечатление весьма

смышленого человека. Он вышел из бухты в тот же день, что и я.

Черепахи водятся здесь в изобилии с января по июнь. Способ их ловли очень прост: несколько человек выходят с вечера на песчаный берег и, соблюдая тишину, выжидают появления черепах, которые откладывают в песке яйца только в ночное время. Черепах очень быстро переворачивают на спину и в таком положении оставляют до утра, а затем перевозят на корабль.

Когда черепах много, нужно высылать на ловлю большие партии людей. Но если черепах мало, достаточно трех-четырех человек, чтобы с успехом организовать ловлю на большом участке берега. Желательно только, чтобы охотники стерегли черепах у самой воды. Именно этот способ применяют американцы, и мы следовали их примеру.

Несомненно черепахи ночью выходят на берег только для того, чтобы откладывать яйца, — недаром все пойманные черепахи оказались самками.

Любопытно, что у большинства черепах желудки были пусты — верный признак длительного поста. Быть может поэтому и мясо их было не так вкусно, как у тех черепах, которых я ел в свое время на берегах Нового Южного Уэльса. **[467]**

31 мая мы покинули остров Вознесения и пошли на северо-запад при свежем юго-восточном ветре. Я имел намерение посетить остров Св. Матвея, чтобы уточнить его координаты, но ветер препятствовал мне в этом, и я решил взять курс к острову Фернандо Noронья, что лежит у берегов Бразилии. Долгота этого острова, насколько мне известно, до сих пор еще точно не установлена, и я намерен был определить ее. Быть может в интересах навигации было бы лучше, если бы я предпринял попытку отыскать остров Св. Павла и окружающие его отмели. Этот остров лежит близ экватора, примерно на 20° з.д. Ни существование его, ни географическое положение доподлинно неизвестны. Но, по правде говоря, я не очень стремился к дальнейшей задержке в плавании, особенно ради поисков сомнительной земли. Но я готов был отсрочить

возвращение на родину на неделю или две, если с этим было бы связано обследование любого объекта, изучение которого могло пополнить и расширить навигационные и географические знания. Не часто для подобного рода исследований представляются благоприятные возможности, и поэтому, когда они имеются, не следует ими пренебрегать.

Во все время перехода к острову Фернандо Норонья дули свежие ветры юго-западного и юго-юго-западного направлений. Погода была ясная, благоприятная для астрономических наблюдений.

9 июня, пятница. В полдень на юго-западе показался остров Фернандо Норонья — группа острых холмов с резкими очертаниями. Один из них был похож на соборную башню. Мы приблизились к юго-восточной оконечности острова, у берегов которой тянулась цепь подводных камней. Об эти камни с шумом разбивались морские волны. Мы проследовали мимо гряды подводных камней, подняли флаги и направились к северу, обогнув группу островков у северной оконечности острова. Португальская крепость воздвигнута на островке близ берега, но несколько фортов расположены и на главном острове, и места для них избраны таким образом, что укрепления эти, используя все природные преимущества, занимают командные позиции над рейдом и якорными стоянками.

Мы обогнули северную оконечность острова и приблизились к песчаному берегу, расположенному к востоку **[468]** от крепости. В это время выстрелила одна из крепостных пушек, в воздух взвился португальский флаг и вслед за этим все форты салютовали нам. Так как цель, ради которой я направился к острову, была уже достигнута, я не имел намерения становиться здесь на якорь и, выстрелив из пушки, направился к северу при свежем восточно-юго-восточном ветре.

Пик, подобный башне, возвышался в этот момент в 4—5 милях от нас; в центре острова. Длина последнего не превышает 2 лиг, его неровная поверхность покрыта лесом и травой. Ульоа [112] так описывает островные гавани:

«На острове имеются две гавани, доступные для кораблей большого тоннажа — одна на северном и другая на северо-западном берегу. Гавань, расположенная на северном берегу, во всех отношениях превосходит ту, что лежит на северо-западной стороне. Она лучше защищена от ветров, обширнее и имеет превосходное дно. Но обе гавани открыты северным и западным ветрам. Впрочем, эти ветры, особенно северные, не опасны и дуют недолго, через определенные промежутки времени».

Один из моих матросов посетил остров на борту корабля Голландской Ост-Индской компании в 1770 г. Судно находилось в бедственном положении, так как все припасы и пресная вода иссякли в пути. Португальцы снабдили корабль мясом и птицей, а вода была взята из небольшого пруда, расположенного на песчаном берегу.

Широта холма в центральной части острова 3°53' ю.ш., долгота по хронометру 32°34', а по лунным и солнечным обсервациям, проведенным мною у острова, — 32°44'30"; по данным же Уолса, долгота равна 32°23'.

Среднее значение приближается к величине, исчисленной по хронометру и, вероятно, близка к истине. Зная долготу этого острова, не трудно определить и долготу восточного берега Бразилии, который согласно новейшим точным картам, лежит на расстоянии 60 или 70 лиг к западу от Фернандо Норонья.

11 июня, воскресенье. 11-го в 3 часа дня пересекли под 32°14' з.д. экватор. Все время дул свежий восточно-юго-восточный ветер, порой достигавший силы шквала.

13 июня, вторник. В полдень были на 3°49' с.ш. и 31°47' з.д. Дули переменные ветра северо-восточных, восточных и южных румбов, шквалы сменялись периодами полного затишья, шел дождь, и порой сгущался туман. **[469]**

15 июня, четверг. На 5°47' с.ш. и 31° з.д. нас на три дня задержал штиль.

За это время удалось продвинуться на север лишь на 10—12 лиг. Ясная погода чередовалась с дождливой, небо было подернуто тучами, порой дождь переходил в ливень.

18 июня, воскресенье. В 7 часов вечера подул восточный ветер, который затем отклонился к северо-востоку. Мы взяли курс на северо-запад. Я не сомневался, что мы вступили в полосу северо-восточного пассата, так как этот ветер принес ясную погоду. Сила его нарастала по мере нашего продвижения на север.

21 июня, среда. С утра я приказал приступить к перегонке воды. Через 14 часов мы получили из 64 галлонов соленой морской воды 23 галлона пресной, израсходовав 1 1/2 бушеля угля, т.е. на 3/4 бушеля больше, чем сжигается при варке обеда команде судна. Впрочем избыточный расход топлива не внушал мне опасений.

Термометр в полдень показывал 28°C. Такая высокая температура редко наблюдается в открытом море. Если бы температура была ниже, мы получили бы при перегонке больше пресной воды: в холодном воздухе не так нагреваются стенки перегонного куба, и конденсация пара идет значительно быстрее.

Вообще этот способ получения воды может оказаться полезным, но я никому не советую возлагать на перегонный куб большие надежды. Даже если запасы топлива будут велики и печи исправны, за счет перегонки нельзя будет получить то количество пресной воды, которое необходимо для поддержания сил экипажа в жарком климате, когда потребность в воде значительно возрастает. А я считаю, что ничто так не способствует сохранению здоровья моряков, как обилие пресной воды.

По-прежнему удерживались северо-восточный и восточно-северо-восточный ветра, которые сопровождались дождем и дули с силой шквала при облачном небе.

25 июня, воскресенье. На 16°12' с.ш. и 37°20' в.д. увидели на ветре идущее в нашу сторону судно. Мы убавили паруса, желая

сблизиться с ним для переговоров, но вскоре заметили, что корабль этот идет под голландским флагом, и, поставив паруса, оставили голландское судно далеко позади. Вероятно, этот корабль направлялся в голландские поселения Вест-Индии. **[470]**

28 июня, среда. До 28 июня шли на северо-запад и северо-северо-запад при восточных и северо-восточных ветрах и неустойчивой погоде. В полдень 28-го были на 21°21' с.ш. и 40°6' з.д. Ветер усилился, погода стала ясной.

30 июня, пятница. В 2 часа утра на 24°20' с.ш. и 40°47' з.д. встретили идущий на запад корабль. С борта его нам ответили по-английски, но слов мы не разобрали и скоро потеряли судно из вида.

На 29°30' с.ш. и 41°30' з.д. ветер отошел к юго-востоку. Показались морские растения, так называемые «водоросли залива». Своим названием они обязаны предположению, что в открытое море эти водоросли поступают из Флоридского залива. Быть может такое предположение и справедливо, но оно отнюдь не необходимо, если допустить, что эти водоросли могут расти и развиваться в открытом море. Мы видели их обычно в небольших пучках, вплоть до 36° с.ш. Севернее водоросли более не встречались.

5 июля, среда. Были на 32°21'30" с.ш. и 40°29' з.д. Ветер дул с востока, но на следующий день стих. Вплоть до 9-го переменные слабые ветра чередовались с периодами полного затишья. 10-го подул сильный юго-юго-западный ветер, и мы взяли курс на северо-восток к Азорским, или Западным островам.

11, 12 июля. 11 и 12 июля видели несколько кораблей, шедших на запад.

Глава одиннадцатая

Прибытие на остров Файял. — Описание Азорских островов. — Возвращение «Резолюшн» в Англию

В четверг, 13 июля, в 5 часов вечера увидели берега Файяла, одного из островов Азорской группы, а вскоре показались очертания острова Пику, близ которого мы лавировали всю ночь.

14 июля, пятница. На рассвете вошли в бухту Орта, на острове Файял приняли на борт лоцмана и бросили якорь на глубине 20 фатомов, на песчаном дне, в 1 1/2 милях от берега.

Мы застали в бухте большой французский фрегат «Пурвуайер», американский шлюп и португальский бриг. Последний вышел из устья Амазонки и должен был следовать с различными товарами к островам Зеленого мыса. Однако, не будучи в состоянии найти эти острова, бриг зашел на остров Файял.

Единственным моим намерением, которым я руководствовался направляясь к Азорским островам, было — дать возможность Уолсу определить с наивозможно большей точностью географическое положение архипелага. Поэтому я немедленно направил офицера к английскому консулу. Я просил его поставить в известность о нашем прибытии губернатора и испросить разрешение для проведения необходимых наблюдений на территории острова. Дент, который замещал консула, ввиду отъезда последнего, не **[472]** только добился необходимого разрешения, но и отвел Уоллису в своем саду место для установки приборов.

Во время нашей стоянки экипаж регулярно получал свежую говядину. Местные шлюпки доставили нам воду по цене 3 шиллинга за бочку. Мы могли бы пополнить запасы воды, пользуясь собственными шлюпками, но неудобства, сопряженные с этим, настолько велики, что расход на оплату торговцев водой представляется мне вполне оправданным, тем более, что пользование местными водоналивными шлюпками — укоренившийся обычай на Азорских островах.

Здесь можно по умеренным ценам приобрести быков, свиней, овец, птицу, фрукты и вино. Свиньи и быки на Файяле очень хорошие, овцы же мелкие и тощие.

На Файяле сеется пшеница и маис, и остров этот является житницей Азорского архипелага. Отсюда хлеб вывозится на Пику и соседние острова. Главный город Файяла — Орта — расположен в глубине одноименной бухты, у самого моря и защищен двумя фортами и каменной стеной, которая тянется вдоль берега. Однако все эти укрепления грозны лишь по виду и находятся в крайне запущенном состоянии.

Они украшают город, вид на который со стороны рейда радует глаз. Но кроме зданий иезуитской коллегии, монастырей и церквей в городе нет построек, достойных упоминания. Стекла имеются лишь в церквях и в доме английского консула; во всех остальных домах окна забраны решетками, и поэтому англичанам кажется, что люди здесь живут в тюрьмах.

Как и во всех португальских городах, в этом маленьком городке множество религиозных зданий: три мужских монастыря, два женских, восемь церквей и иезуитская коллегия. Здание коллегии, очень изящнее, расположено на возвышенности в лучшей части города. Но со времени изгнания иезуитов [113], оно запущено и, вероятно, скоро превратится в груду развалин.

Хотя здешние вина славятся, но производится вина здесь так мало, что его не хватает для удовлетворения местных нужд. Вино сюда доставляется с острова Пику и вывозится под названием Файяльского главным образом в Америку.

Бухта Орта расположена на восточной оконечности острова, против западного берега острова Пику. Ширина **[473]** ее две мили, длина 3/4 мили, форма полукруглая. Глубина бухты колеблется в пределах от 6 до 20 фатомов, дно ее песчаное. Только у самого берега особенно в юго-западной части бухты, а также у входа в нее встречаются подводные камни. Как гавань бухта небезопасна — она открыта юго-юго-западным и юго-западным ветрам. Особенно неприятны юго-западные ветра, препятствующие выходу в открытое море.

Имеется за юго-западной оконечностью острова еще одна бухта меньших размеров — Порту-Педру, в которой одновременно могут стать на якорь два корабля.

Один португальский капитан говорил мне, что в полулиге от рейда к юго-востоку от него, на полдороге к южной оконечности острова Пику лежит большой подводный камень на глубине 22 фатомов. В этом месте море всегда неспокойно и наблюдается волнение под южным румбом. Он уверял, что на наших морских картах мели у Азорских островов нанесены неправильно, за исключением лишь одной, расположенной между островами Сан-Мигел и Санта-Мария. Эта мель носит название Орминганской. Я склонен думать, что сообщение капитана не лишено оснований. По его словам, Файял лежит в 45 лигах от острова Флории. Данные о расстоянии между островами Файял и Флории подтвердил французский морской офицер Рефьер.

Высота прилива на острове Файял 4—5 фут. По лунным и солнечным наблюдениям Уолса наша якорная стоянка была расположена на 38°31'55" с.ш. и 28°28'56" з.д.

19 июля, среда. В 4 часа утра мы вышли из бухты Орта и мимо западной оконечности острова Сан-Жоржи направились к острову Терсейра. Я намеревался определить протяженность этого острова, но мне помешала в том дурная погода. От Терсейры я взял курс к берегам Англии.

29 июля, суббота. 29-го увидели землю близ Плимута и 30 июля утром бросили якорь в Спитхеде. В тот же день я выехал в Портсмут, а оттуда в сопровождении Форстеров, Уолса и Ходжса отправился в Лондон.

Три года и 18 дней плавал я вдали от Англии, и за это время, несмотря на частую перемену климата, потерял только четырех человек, и из них только один умер от болезни [114]. Поэтому я не могу не упомянуть в заключительной части своего журнала о мерах, которые способствовали **[474]** тому, что по воле провидения я добился столь необычного успеха в сохранении здоровья моих людей.

Я не собираюсь утомлять читателя перечислением всех принятых для этой цели мер, но лишь упомяну о тех из них, которые считаю наиболее полезными.

Мы были снабжены солодом, из которого изготовляли сладкое сусло. Каждому, у кого появлялись признаки цинги, или которому грозило это заболевание, выдавалось ежедневно от двух до трех пинт этого напитка. По указаниям судового лекаря эта порция могла быть доведена до трех кварт. Это сусло вне всякого сомнения лучшее из всех когда-либо открытых противоцинготных средств. Своевременнее употребление его в том случае, если соблюдается определенный режим, безусловно может приостановить дальнейшее течение болезни. Но я все же не склонен думать, что это сусло может излечить цингу во время пребывания в море.

Кислая капуста, которую мы имели в избытке, не только превосходный вид растительной пищи, но и прекрасное противоцинготное средство. Кроме того, этот продукт не подвергается порче. Фунт капусты получал каждый дважды в неделю, а иногда, в случае необходимости, и чаще.

Сухой бульон — важнейший вид наших съестных припасов — мы также имели в изобилии. Три раза в неделю сухой бульон добавлялся в гороховый суп, а когда мы были в местах, где могли собирать свежую зелень, суп на сухом бульоне варился с зеленью, пшеницей, овсяной мукой на завтрак и с горохом на обед.

Лимонный и апельсинный соки с успехом применялись нашим лекарем для излечения цинги.

Кроме того, мы обладали запасом сахара, жиров, овсяной муки и пшеницы. Сахар, как мне кажется, хорошее противоцинготное средство, чего нельзя сказать о жирах.

Но употребление самых целебных лекарств и наилучшей пищи бесполезно, если при этом не соблюдаются некоторые правила. Мой собственный многолетний опыт, советы Хью Пеллизера, капитанов Кемпбелла и Уоллиса и других знающих офицеров способствовали неукоснительному проведению в жизнь ряда обязательных для своего экипажа правил распорядка на корабле.

Команда несла вахту в три смены (от этого правила отступления допускались лишь в исключительных [475] случаях). Таким образом, люди не были подвержены все время воздействию дурной погоды и всегда имели возможность высушить и сменить свою одежду. Я заботился также о том, чтобы во время дождей матросы проводили меньше времени на открытом воздухе.

Особенное внимание я обращал на сушку и проветривание гамаков, постелей и одежды, требуя, чтобы постельные принадлежности, белье и верхнее платье всегда содержались чистыми и сухими. Эти же требования предъявлялись и ко всем межпалубным помещениям. Один или два раза в неделю, во внутренних помещениях жгли факелы или мелкий порох, смоченный уксусом и водой. В трюм время от времени я приказывал ставить чугунный котел с раскаленными углями. Всем этим мерам надлежит уделять большое внимание. В противном случае появляется на корабле гнилостный, отвратительный запах, избавиться от которого можно лишь только огнем. Судовые печи содержались постоянно в полном порядке и регулярно прочищались.

Жирную накипь при варке солонины я выбрасывал, так как уверен, что она вызывает цингу.

Немалую заботу я проявлял о свежей воде. На корабле всегда необходимо иметь ее в количестве, достаточном для удовлетворения всех неотложных нужд. В этом отношении мореплаватели могут мне позавидовать. Нередко цель, которую я ставил перед собой, заставляла меня заходить в моря высоких широт. Но опасности и трудности плавания в холодных водах, в известной мере возмещались единственной радостью — свежей водой, которую мы получали в огромном количестве, перетапливая лед.

Мы заходили в места, где щедрость природы или предприимчивость человека могли нам дать возможность пополнить запасы продовольствия растительной и животной пищей. И я делал все, что было в моей власти, чтобы снабдить экипаж любым видом этой пищи. При этом я личным

примером и силой своего авторитета заставлял людей есть полезные плоды и коренья. Впрочем, польза от этого стала вскоре настолько очевидна, что мне предоставлялось немного возможностей, чтобы рекомендовать или запрещать тот или иной вид пищи.

Я не стану больше говорить о результатах моего плавания. Во время моего путешествия случилось немного достопримечательных происшествий и не разнообразили **[476]** его внезапные повороты судьбы и счастья. И мой рассказ является не воспоминанием о наших приключениях на берегу, а отчетом о плавании, который необходим для воспроизведения курса корабля.

Тем не менее внимательный читатель прийдет к выводу, что задачи, ради которых мы были посланы в южнее полушарие, выполнены старательной достойным образом. Если бы мы открыли материк, мы безусловно в большей степени смогли удовлетворить любопытство многих. Но мы надеемся, что уже одно соображение о том, что после столь обстоятельных исследований материк этот не был обнаружен, сузит поле деятельности для будущих умозрений о неизведанных и неизученных землях.

Каково бы ни было мнение публики о моем плавании, я должен с чувством истинного удовлетворения, не требуя никакой иной награды, кроме признания, что я выполнил свой долг, закончить этот отчет следующим образом: факты подтверждают, что мы доказали возможность сохранить здоровье многочисленного экипажа в долгом плавании, в различных климатических условиях, при неустанных трудах; и для благосклонных людей уже одного этого будет достаточно, чтобы считать замечательным это путешествие; к тому же отныне споры о южном материке не будут больше привлекать внимания ученых и вызывать разногласия в их среде.

Конец

Комментарии

105. Кук, мастерски используя данные своих наблюдений в антарктических морях, приходит на основании анализа косвенных признаков и данных к совершенно правильным выводам относительно Индийского и Тихого океанов, подтвержденным открытиями XIX—XX вв. Действительно, антарктический материк заходит гораздо дальше на север в Индийском океане, — приблизительно до южного полярного круга, чем в Тихом океане, где суша только на одном сравнительно небольшом участке выступает севернее 70°, а в основном располагается гораздо южнее: море Росса (часть Тихого океана) свободно от сплошного льда в среднем до 78° ю.ш. Но в Атлантическом океане только связанная с антарктическим материком Земля Грехэма вдается в Атлантику (против Огненной земли) гораздо севернее южного полярного круга. Далее к востоку граница материка круто поворачивает к югу, и море Уэдделя (часть Атлантического океана), хоть и покрытое сплошным льдом, простирается далеко за 70-ю параллель, достигая против Южно-Оркнейских островов по крайней мере 80-й параллели. Следовательно, в отношении Атлантических берегов Южного материка выводы Кука не подтверждены позднейшими открытиями.

106. Г. Форстер под 1 марта 1775 г. отмечает в своем дневнике, что в течение 27 месяцев, которые прошли со дня выхода «Резолюшн» из Кейптауна, только 180 дней, или полгода, моряки провели не в открытом море, а на якорных стоянках. Основным видом довольствия почти все время была солонина, при четырехмесячном переходе от Новой Зеландии к данному пункту, матросы всего лишь пять раз получали свежую пищу. По мере приближения к мысу Доброй Надежды беспокойство на корабле возрастало все больше и больше. Все с нетерпением ждали попутного ветра, и когда небо покрывалось тучами — признак, возвещавший о противном северном ветре, настроение у людей ухудшалось.

107. Острова эти не существуют. На карте Галлея, вероятно, были показаны расположенные южнее острова Мариона и Принца Эдуарда, точное местоположение которых было установлено позже. Берега этих островов, быть может, посещались в XVII и первой половине XVIII в., поскольку они

лежат близ трассы, идущей от мыса Доброй Надежды к Австралии и Индии.

108. Кук во время третьего путешествия посетил берега пролива Королевы Шарлотты и установил, при каких обстоятельствах туземцы напали на мидшипмена Рау и его спутников:

«...Мы посетили Травяную бухту, где разыгралась памятная сцена истребления людей из экипажа капитана Фюрно. Нас охватило желание узнать подробности событий, которые имели место тогда, в ноябре 1773 г. и мы спросили об этом местных жителей. Они рассказали, что когда моряки расположились на обед, один из присутствующих на берегу туземцев похитил у них немного сухарей и рыбы и был за это избит. На этой почве возникла ссора и два новозеландца были убиты мушкетными выстрелами. Прежде, чем наши люди смогли перезарядить ружья, туземцы накинулись па них и, имея большое численное превосходство, одолели их и умертвили всех до одного».

109. Речь идет об экспедиции Гонсалеса.

110. Г.Форстер дополняет рассказ Кука о пребывании «Резолюшн» у мыса Доброй Надежды подробностями, не лишенными интереса. Он отмечает, что в Кейптауне путешественники получили сообщения о событиях, которые произошли в мире за годы их плавания в далеких морях. С опозданием на 2—3 года они узнали о разделе Польши, великих победах, одержанных русскими в войне с турками, перевороте в Швеции и т.д.

Любопытно замечание Форстера об испанских моряках, с которыми встречались спутники Кука на мысе Доброй Надежды. Форстер и офицеры «Резолюшн» были изумлены глубокими познаниями испанских моряков и отличным состоянием их кораблей. Но инструменты и приборы на испанских судах были отвратительные, и это объяснялось тем, что лондонские комиссионеры снабжали испанский флот устаревшими низкокачественными хронометрами, секстантами, компасами и зрительными трубами.

Форстер сообщает, что доктор Спаррман остался на мысе Доброй Надежды. В 1776 г. он вернулся в Швецию, а затем совершил путешествие во внутренние области Африки.

111. Американская революция, завершившаяся созданием Соединенных Штатов и окончательным отпадением 13 североамериканских колоний от Англии, началась спустя несколько месяцев после возвращения Кука из второго путешествия. Американские корабли, о которых упоминает Кук, принадлежали бостонским и нью-йоркским купцам, лишенным возможности вести легальную торговлю с Индией, где монопольно господствовала Ост-Индская компания. Для торговой буржуазии английских колоний в Америке система запретительных мероприятий, проводимая британским правительством, была чрезвычайно обременительна, и американцы любыми способами стремились пробить бреши в этой системе, которая ни в какой степени не соответствовала их жизненным интересам. Как известно, одним из поводов открытого возмущения английским колониальным режимом были высокие пошлины на чай, против которых выступило бостонское купечество.

Нелегальная торговля с Индией процветала накануне американской революции и приносила баснословные барыши американским контрабандистам. Любопытно, что во время революции значительная часть контрабандистов поддерживала предательскую политику роялистов — сторонников примирения с Англией, так как военные действия на море вредили контрабандному промыслу, а перспективы окончательного разрыва с Англией внушали им опасения и тревогу.

112. *Ульоа Антонио де (1716—1795)* — выдающийся испанский общественный деятель, натуралист и путешественник. В 1735—1744 гг. участвовал во французской экспедиции Кондамина в Южную Америку и опубликовал исключительно ценные путевые заметки (на которые ссылается Кук). Был одним из авторов мемориала о положении в испанских колониях, замечательной книге, содержащей резкую критику испанской колониальной системы в Америке (книга эта была

издана под названием «Секретные записки» лишь в 1826 г. в Лондоне).

Ульоа был крупным исследователем-химиком, автором первого опубликованного труда по металлургии платины. Он много занимался горным делом, механикой, геодезией, математической географией и по своим дарованиям, широте кругозора и глубине творческой мысли превосходил всех современных ему испанских ученых.

113. Иезуиты были изгнаны из Португалии в 1757 г.

114. Исключительно низкая заболеваемость экипажа «Резолюшн» — явление беспримерное в условиях дальних плаваний эпохи Кука. Этот успех Кука вызвал оживленные отклики в Англии и Франции, в Голландии и России и в немалой степени способствовал установлению рационального режима питания судовых команд.

В русском флоте в последней четверти XVIII в. больших успехов добился адмирал Ушаков, заботы которого о сохранении здоровья корабельных команд в немалой степени способствовали успеху его замечательных морских походов. Но в Англии консервативное морское ведомство не учло надлежащим образом опыта Кука. В войне 1776—1783 гг. и в наполеоновских войнах цинга была бичом британского флота, и в дальних плаваниях команды военных кораблей несли большие потери в людях от болезней, чем от пуль и ядер врага.

ПОЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

Апсель — косой парус между грот- и бизань-мачтами.

Бак — передняя часть судна до фок-мачты.

Бакштаг — курс относительно ветра, дующего попутно и составляющего с диаметральной плоскостью судна угол в пределах от 90 до 180°.

Барк — коммерческое парусное судно, имеющее две мачты с прямыми парусами и одну мачту (бизань) с косыми парусами.

Бейдевинд — курс корабля, самый близкий к линии ветра, т.е. составляющий с направлением ветра острый угол. Идти бейдевинд — следовать курсом, который составляет с направлением ветра угол не более 90°.

Бизань (мачта) — последняя мачта (считая с носа) судна, имеющего более двух мачт.

Бизань (парус) — парус, прикрепляемый к нижнему рею бизань-мачты.

Брамсель — парус, поднимаемый над марселем.

Бриг — двухмачтовое судно с прямыми парусами на прямых мачтах.

Буй — деревянный, железный или медный поплавок, служащий для указания какого-нибудь места на воде.

Буксировка — продвижение судна с помощью шлюпок.

Бушприт — горизонтальное или наклонное рангоутное дерево, выдающееся с носа судна.

Ванты — пеньковые или проволочные снасти стоячего такелажа, которыми мачты укрепляются с боков и сзади.

Верп — небольшой якорь, употребляемый в тех случаях, когда необходимо подтянуть судно без помощи парусов и весел.

Верповаться — переводить судно из одного места в другое посредством верпа, который забрасывается на шлюпке в направлении, куда следует передвинуть судно.

Галс — курс корабля относительно ветра. Если ветер дует с левой стороны, то говорят, что судно идет левым галсом, если с правой — то правым галсом. Делать галсы — лавировать.

Грот-мачта — средняя на трехмачтовых кораблях или вторая от носа мачта.

Грот — нижний парус грот-мачты.

Задние паруса — паруса грот- и бизань-мачт. [514]

Кливер — косой треугольный парус, ставящийся впереди фок-мачты.

Косые паруса — паруса, которые ставятся вдоль судна, в его диаметральной плоскости, в отличие от прямых парусов, ставящихся на реях поперек судна.

Крюйсель — парус на бизань-мачте.

Курс корабля — путь, по которому плывет судно. Относительно ветра курс бывает бейдевинд, когда угол с направлением ветра менее 90°, галфинд — когда этот угол равен 90°, бакштаг — при угле 90 — 180° и фордевинд — если ветер дует прямо по направлению движения судна.

Лавировать — идти по ломаной линии, ложась то на правый, то на левый галс бейдевинда.

Лаг — инструмент, которым измеряется расстояние, пройденное судном.

Латинские паруса — треугольные паруса, которыми обычно оснащаются гребные суда.

Лежать в дрейфе — расположить относительно ветра паруса таким образом, чтобы судно не имело хода вперед и оставалось почти на месте.

Лечь по курсу (на курс) — пойти по назначенному курсу.

Линь — тонкая, трехпрядная веревка. Лот-линь — линь, размеренный на фатомы, к которому прикреплена свинцовая тря-лот. Служит для замера глубин.

Марсель — прямой парус, который ставится между нижним реем и вышерасположенным марса-реем. Принимает названия в зависимости от того, к какой мачте принадлежит.

Марс — деревянная площадка на мачте.

Нижние паруса — фок и грот на судах с прямыми парусами, т.е. парусами, которые ставятся поперек судна.

Передние паруса — паруса фок-мачты и бушприта.

Повернуть на другой галс — сделать поворот, т.е. поставить судно относительно ветра в такое положение, чтобы он дул в правую сторону корабля, если до поворота ветру была открыта левая сторона, и обратно.

Повернуть через фордевинд — перейти линию ветра таким образом, чтобы в один из моментов поворота ветер был фордевинд (по направлению движения судна).

Подветренная сторона — если судно идет правым галсом, то левая его сторона называется подветренной, и обратно.

Райна — см. рей.

Рангоут — мачты, стеньги, реи, рики, бушприт и прочие деревянные части оснастки, которые ставятся на корабле.

Рей — рангоутное дерево, подвешенное за середину и служащее для привязывания паруса.

Риф — леер (тупо вытянутая веревка), посредством которого уменьшается площадь паруса. **[515]**

Взять рифы — уменьшить посредством рифов площадь парусов.

Рулевые петли — петли, на которых вращается руль.

Румпель — деревянный или металлический брус, который надевается на голову руля и служит для поворота рулевого механизма.

Стаксель — треугольный парус.

Стеньга — рангоутное дерево, служащее продолжением мачты.

Такелаж — общее название всех снастей, служащих для удержания рангоута в надлежащем положении и для подъема, спуска и поворота отдельных его частей и для уборки парусов и

подъема тяжестей. Такелаж подразделяется на стоячий — удерживающий в должном положении рангоут, и бегучий — с наглухо незакрепленным концом, имеющим свободное движение.

Фертоинг — стоянка на двух якорях, положенных таким образом, что нос судна при всех переменах ветра остается всегда между якорями.

фок — самый нижний парус на передней мачте (фок-мачта)

Фок-мачта — передняя мачта (первая от носа судна).

Фордевинд — ветер, дующий прямо по курсу судна, в его корму.

Фрегат — военный трехмачтовый корабль.

Шкануп — часть верхней палубы от грот-мачты до бизань-мачты.

Шкот — спасть, которой растягивается парус.

Шхуна — судно, имеющее две или три наклонные мачты В косые парусу.

Ют — кормовая часть верхней палубы (позади бизань-мачты).

Таблица перевода английских мер в метрические

Меры длины

1 лига (англ.)	— 4,83 км
1 миля морская	6 080 фута — 1 852 м
1 ярд	3 фута — 91,44 см
1 фут	12 дюймов — 30,48 см
1 дюйм	— 2,54 см
1 кабельтов	200 ярдов — 182,8 м

1 фатом	2 ярда — 1,828 м

Меры площадей

1 кв. миля	640 акров — 258,99 га
1 акр	4 840 кв. ярдов (43560 кв. футов) — 4 047 кв. м
1 кв. ярд	9 кв. футов — 0,84 кв. м
1 кв. фут	144 кв.дюймов — 0,09 кв. м
1 кв. дюйм	— 6,45 кв. см

Меры жидких тел

1 галлон (англ.)	4 кварты (8 пинт) — 4,55 литра
1 кварта	2 пинты — 1,14 литра
1 пинта	— 0,57 литра

Меры веса

1 длинная тонна	2 240 фунтов — 0,016 м. тонн
1 короткая тонна	2 000 фунтов — 0,907 м.тонн
1 центнер	112 »
1 фунт (англ.) коммерческий	16 унций — 453,6 г
1 унция (коммерческая)	16 драхм — 28,35 г
1 драхма	— 1,77 г.

Меры сыпучих тел

1 бушель	1,28 куб. футов 32 кварты — 36,37 л
1 кварта	2 пинты — 1,14 л
1 пинта	— 0,57 л

Текст воспроизведен по изданию: Джемс Кук. Путешествие к Южному полюсу и вокруг света. М. ОГИЗ. 1948